

И (Ларин)

Г17

ЖЕНУАЛЬ
БЛУВАН

ЭРИКЛАВО

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

И (латинч)

МАНУЭЛЬ ГАЛЬВАН П17

ЭНРИКИЛЬО

РОМАН

Перевод с испанского
И. ЛЕЙТНЕР и Р. ЛИНЦЕР

182821

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

Предисловие и комментарии
Я. СВЕТА

Художник
В. ГРИШИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

12 октября 1492 года Христофор Колумб открыл первую американскую землю — остров Гуанахань в Багамском архипелаге. Через соавоздия мелких островков и рифов великий мореплаватель провел свои корабли к Кубе, а в начале декабря того же года «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта» отдали якорь у берегов цветущего острова Гаити. Этот остров Колумб окрестил Эспаньолой (Малой Испанией).

С величайшим радушием встретили его здесь бронзовокожие люди. То были исконные обитатели острова (Колумб назвал их индейцами) — земледельцы и рыболовы, — и они с незапамятных времен жили в мире, не зная ни железа, ни пороха, не имея ни малейшего представления об «очистительных» кострах святой инквизиции, столетних войнах, крепостном праве и прочих прелестях европейской цивилизации.

Не без удивления писал Колумб, что Эспаньола — это чудо, край истинно желанный, что благодатны ее широкие долины, тучны ее земли, просторны гавани на ее берегах. В бухтах стояли бесчисленные канов, поля были отлично возделаны, и заморские гости пришли к выводу, что остров этот густо населен. Действительно, в дни первого знакомства с европейцами на Эспаньоле было не менее трехсот тысяч жителей. Прошло сорок лет, и на этом острове осталось две тысячи индейцев. Народ, «готовый отдать свое сердце», исчез с лица земли в ту пору, когда над Новым Светом только еще занималась утренняя заря ары колониализма. На Эспаньолу Колумб привел банды алчных рыцарей наживы; остров этот стал первым опытным полем и первой опорной базой колониальной экспансии в Новом Свете,

здесь в кровавой страде конкисты (завоевательных войн) сложились те социальные и политические институты испанской колониальной системы, которым суждено было на долгие века утвердиться на необъятных пространствах Центральной и Южной Америки.

Почти четыре столетия спустя уроженец Эспаньолы, Мануэль де Хесус Гальван создал повесть об истребленном народе. Повесть эта называлась «Энрикильо», по имени одного из индейских вождей, замечательного воителя, выстоявшего в неравной борьбе с иноземными захватчиками. Роман Гальвана вошел в золотой фонд латиноамериканской прогрессивной литературы, которая и столетие назад и в наши дни вела и ведет бой против апологетов расизма, растлевающих души баснями о неполноценности людей с красной, черной и желтой кожей.

Мануэль де Хесус Гальван (1834—1910) родился и вырос в Санто-Доминго, городе, основанном во времена Колумба. Санто-Доминго до открытия Мексики и Перу был столицей Индии, а Индиями испанцы, с легкой руки Колумба, называли все новооткрытые земли Нового Света. В этом городе каждый камень дышал жестокими поверьями эпохи конкисты.

В городском архиве, в густой «хронологической пыли» петлевали связки дописок предводителей карательных отрядов; капитаны конкисты рапортовали о расправах над мирными жителями, о кострах, виселицах, пытках. В этом архиве летописцы XVI века пачили «биографию» Бесерильо — собаки, которая загрызла десятку индейцев и считалась на Эспаньоле такой же достопримечательностью, как «святые» реликвии в церквах Санто-Доминго. Из поколения в поколение передавались изуверские предания о зверствах первых конкистадоров, о грозных восставших, которые не раз поднимали доведенные до отчаяния индейцы, и о тайных убежищах в горах Сибао и Баоруко, где скрывались повстанцы.

Гальван много лет изучал старинные легенды и древние источники. Он не раз перечитывал «Историю Индии» — книгу истинного борца за свободу индейцев, участника трагических событий века конкисты, Бартоломе Лас Касаса. Именно у Лас Касаса нашел он подробное описание героического бунта Энрикильо, индейского вождя (касика), который четырнадцать лет сражался с испанцами и отвоевал свободу для горсти своих соратников — последних могикиан Эспаньолы.

И в 1879—1882 годах Гальван выпустил в свет роман «Энрикильо». В 1878 году, за год до появления первой части «Энри-

илью», великий кубинский революционер Хосе Марти писал, что героиня многовековой борьбы индейцев за свободу должна стать ведущей темой прогрессивной латиноамериканской литературы. «Легендарные завоеватели, упорно сопротивляющиеся аборигены, индейцы из золота, индейцы из железа, ненависть расы, могучие тела, сожженные в долинах» — таковы, по мысли Хосе Марти, должны были быть мотивы драматургии и поэзии Латинской Америки. В «Эприкильо» эти мотивы получили свое полное выражение.

По силе эмоционального воздействия «Эприкильо» смело можно сравнить с «Хижинкой дяди Тома». Гальван, так же как и Гарриет Бачер-Стоу, горячо любит своих героев; поэтому так поднокровны и кипилены образы соплеменников Эприкильо и так глубоко врезаются в память картины Эспаньола — райской земли, обращенной в крошечный ад. Эприкильо и его соратник Тамайо олицетворяют совесть и честь распятого народа, читатель, затаив дыхание, следит за их действиями, он радуется трудным победам этих рыцарей надежды и с болью в сердце переживает их невзгоды и беды.

«Эприкильо» — роман исторический. Рамки этого произведения чрезвычайно широки, и в основу его положена многослойная канва фактов и событий. Фактов вполне достоверных, событий совершенно реальных. Историю кровавого сорокалетия Гальван знал превосходно. На эту канву напесены сюжетные узоры — плод творческой фантазии автора. Само по себе такое сочетание исторической достоверности и авторского вымысла по вызывает никаких упреков в адрес Гальвана. Однако в канву романа автор вплетает, и при этом весьма густо, такие нити, которые порой искажают исторические перспективы. Мы имеем в виду суждения Гальвана о различных событиях эпохи открытия и завоевания первых американских земель и о роли, которую в этих событиях играли лица, положившие начало испанской колониальной системе.

В XIX веке мировоззрение даже наиболее прогрессивных кругов латиноамериканской интеллигенции складывалось и развивалось под перекрестным влиянием противоречивых идей и традиций. Более трехсот лет половина Нового Света находилась во владении иррепейских держав. От этой эпохи Латинская Америка унаследовала монастыри и тюрьмы, бесправие и нищету. Но Испания была не только страной конкистадоров и монахов. За море из Кастилии, Галисии, Каталонии уходили сотни тысяч обездоленных людей, которые своими руками корчевали тропические леса, строили города и дороги. Эти насынки Испании жили бок

о бок с индейцами и неграми и наравне с ними создавали новую Америку. И для них родина Сервантеса и Гойи всегда была не мечтой, а матерью.

Однако во процессе диффузии испанской культуры огромное значение оказывала сила реакции, и прежде всего католическая церковь, которая сохраняла в Латинской Америке свои позиции и после крушения испанского господства. Со никольной кафедры с церковного амвона, со страниц черных и желтых газет и журналов народам Нового Света внушалось, что конкиста приобщила американских «диких» к великой христианской цивилизации, что носителями этой цивилизации были добрые испанские короли, добрые пастыри — князья испанской церкви и добрые правители — губернаторы и заместники монархов Испании.

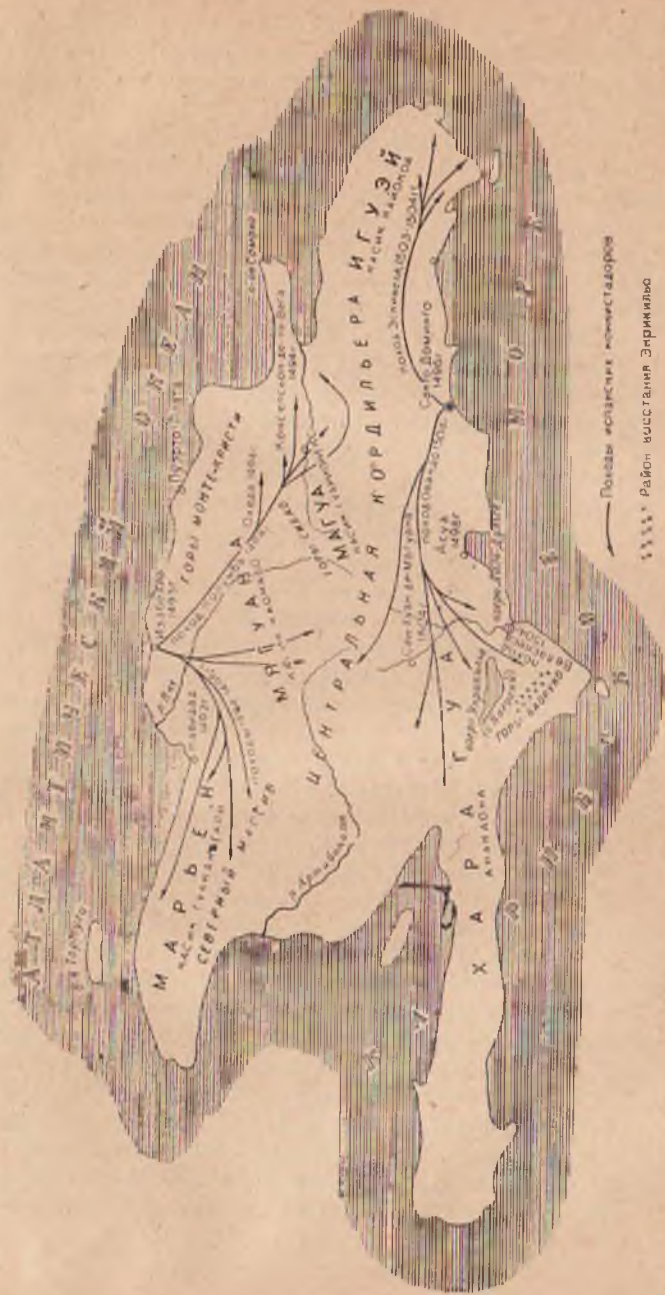
Гальван учился в католической коллегии, где подвизались красноречивые фальсификаторы истории Америки, он жил в среде, где широкое хождение имели легенды о цивилизаторской миссии «добрых» королей и «добрых» пастырей. Отчасти этим объясняются и те элементы идеализации великих и малых деятелей конквисты, которые явственно ощутимы в романе «Энрикильо».

Однако в некоторых своих оценках Гальван исходит из положений, которые, вероятно, казались весьма «еретическими» идеологам католического лагеря. В том же «Энрикильо» Гальван писал: «В те времена народы восприняли идею королевской власти, как ныне, в результате успехов нравственных и политических наук, они воспринимает идею демократии в разумной форме республики». В основе своей мысль эта верна. Бесспорно, и начале XVI века борьба королевского абсолютизма против сил феодальной реакции имела большое прогрессивное значение, то есть, говоря языком Гальвана, была «разумна». Гальван прав также, утверждая, что, «считая естественное отвращение к пережиткам феодализма, люди среднего уровня превращали служение королю в культ».

Но, к сожалению, далеко не всегда Гальвану удается преодолеть некоторые тенденции этого культа, тенденции, которые на много столетий пережили эпоху «католических королей».

Далее следует отметить, что автор «Энрикильо» был учеником и последователем Вальтера Скотта, отца исторического романа XIX века. В образе Энрикильо, человека, стоящего на грани двух эпох, на рубеже двух миров, есть очень многое от сэкса Айвенго, сына народа, покоренного завоевателями-норманнами. Однако самым жгучим вальтер-скоттовским коллизиям свойственны элементы компромисса, тенденции к «зачистке» острых углов. Эти тональности, идущие от великого шотландца, ощутимы и

ЭСПАҢЬОЛА НАЧАЛА XVI ВЕКА

в «Ирикилью», они особенно заметны в тех местах романа, где на сцену выносятся главные действующие персонажи.

В силу всех этих причин Гальван в своем романе порой упрощает, порой идеализирует историческую действительность.

«Сельвиния Эспаньола» протекает в более сложной и более беспредельной для ее веревных жителей обстановке. Мы остановимся на некоторых, наиболее характерных, особенностях этого мучительного процесса, и при этом дадим краткую историко-географическую справку об острове Эспаньола. Такое отступление позволяет нам должным образом оценить некоторые ошибочные суждения автора «Ирикилью».

* * *

Эспаньола, или Гаити — второй по величине остров Антильского архипелага — по площади (77 тысяч квадратных километров) втрое больше Крыма. В самой широкой своей части остров не достигает и 250 километров, но в длину (с востока на запад) вытянут на 450—550 километров. Если нанести контуры Эспаньолы на карту Советского Союза, то «длинная» ось Эспаньолы едва уложится на отрезке Москва — Курск или Ленинград — Вологда. Эспаньолу омывают теплые воды Атлантического океана и Карибского моря, и лежит она в тропическом поясе на широте Хартума, Манилы и Бомбея. Четыре горных гряды из конца в конец пересекают остров. Между этими горами зажаты плодородные долины, а на восточной оконечности Эспаньолы болотистые равнины образуют на карте почти сплошное зеленое поле. Выше Карнат вздымаются Центральные Кордильеры — становой хребет Эспаньолы. Эта часть острова дика и сурова. На гребни могучих хребтов вползают угрюмые хвойные леса, порой ребра гор облажены, кое-где осыни и каменные кручи покрыты редкими кустарниками, и только ближе к подножию эту таежную флору сменяют шлейфы лиственных лесов. Куда богаче растительный мир прибрежных гор. Здесь на десятки километров тянется джунгли с гигантскими деревьями, густо перевитыми лианами, и у самого моря мангры купают свои узловатые воздушные корни в соленой тине береговых болот. В межгорных долинах, особенно в широкой Вега-Реаль, лежащей на северо-востоке острова между Сьеррой Монте-Кристи и Центральной Кордильерой, пейзажи поистине райские. Это край саванн с высокой и сочной травой и веселыми пальмовыми рощами. Прохладный ветер, дующий с гор, умеряет тропический зной, северо-восточные пассаты приносят влагу, многоводные реки щедро питают землю тучным илом.

В первом своем плаваньи Колумб встретился на Эспаньоле с различными индейскими племенами, в частности с обитателями области Марьел и их касиком Гуаканагари. С согласия Гуаканагари он заложил порт Навидад, где оставил, отправляясь в Испанию, тридцать девять своих спутников.

Все эти тридцать девять человек погибли при набегах на соседнюю область Магуану, где касиком был энергичный правитель Коанабо. На границе Магуаны и Марьел Колумб обосновался в 1493 году, когда вторично явился на Эспаньолу с многочисленными спутниками; здесь он заложил город Изабеллу. Спустя несколько лет центр колонии переместился на южный берег острова. Герои романа «Эприкильо», действие которого происходит в 1504—1530 годах, жили на юге Эспаньолы, и события, описанные в этом романе, разыгрывались в области Харагуа и столице Эспаньолы Санто-Доминго — городе, основанном в 1496 году на рубеже двух южных областей — Харагуа и Игуая.

* * *

Итак, 1504 год — исходная дата событий, развертывающихся в романе. С 1492 года прошло всего лишь двенадцать лет. Но за двенадцать предшествующих столетий народ Эспаньолы не испытал столько бедствий, как за этот короткий период времени.

Колумб, открыв Эспаньолу, убедился, что живут на этом острове люди, у которых нет «никого оружия, кроме сделанного из тростников». И, подводя итоги своим наблюдениям, он на обратном пути, в марте 1493 года, впервые набросал программу эксплуатации новооткрытых земель, населенных беззащитными индейцами. «Таким образом, — писал он, — на одного лишь того, что было выполнено во время этого столь недолгого путешествия, их высочества (королева Изабелла и король Фердинанд) могут убедиться, что я дам им столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, приностей и хлопка — сколько соизволят их высочества полететь, равно как и благовонную смолу, сколько они прикажут отправить... Я дам также алмаз и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников».

Эти «конструктивные предложения» отвечали тем целям, ради которых королева Изабелла и король Фердинанд послали Колумба за океан. Весь ход исторического развития Испании второй половины XV века обусловил необходимость поисков новых зе-

мень и обретения новых источников жизни. В этом была прежде всего заинтересована испанская корона.

Незадолго до открытия Нового Света, в конце 70-х и в 80-х годах XV века, благодаря брачному союзу королевы кастильской Изабеллы и короля арагонского Фердинанда, завершилось объединение Испании. Королевская чета с помощью горожан обуздала своевольную знать, заложила основы единой державы и создала действенный государственный аппарат — мозг и когти юной абсолютистской монархии.

В не меньшей степени испытывало в них нужду мелкопоместное и вовсе беспоместное дворянство — идалгия. Восемь некоей идалгии кормила «реконкиста» — война, которая велась за отвоевание у мавров земель, некогда захваченных ими на Пиренейском полуострове. Но в январе 1492 года, за восемь месяцев до того как Колумб отправился в свое первое плавание, пала Гранада — последний оплот мавров в Испании. Одновременно Изабелла и Фердинанд покончили со всевозможными внутренними усобицами, в которых очень активно и с большой выгодой для себя участвовали кастильские и арагонские идалги. Таким образом это сословие оказалось под угрозой полного обнищания.

В новых источниках дохода нуждалась и католическая церковь — корпорация могущественная и алчная. Для нее открывались за океаном заманчивые перспективы: спасти души язычников безвозмездно церковь, разумеется, не собиралась. И по существу такие видные деятели, как будущий великий инквизитор Диего де Деса, обеспечили Колумбу успех в ту пору, когда он добивался у Изабеллы и Фердинанда утверждения его проекта плавания в заатлантические земли...

И когда Колумб в марте 1493 года возвратился в Испанию, вести о его открытиях вызвали весьма бурную реакцию и при королевском дворе, и в оскудевших рыцарских гвездах, и в палатах князей церкви.

Изабелла и Фердинанд немедленно распорядились снарядить в алморские земли новую экспедицию. В Севилье для этой цели создано было особое ведомство, во главе которого был поставлен архидиакон (последствием епископ) Хуан де Фонсека, человек без десяти преданный королевской чете (см. прим. к стр. 182).

Король, королева и Фонсека полагали, что непооткрытые земли легко будет превратить в коронные вотчины: стоит только туда направить толкового наместника и сотню-другую чиновников. Чиновников — казначеев, ревизоров, сборщиков податей, писцов — подобрали очень быстро. Наместника искать не надо

было — ведь лучший Колумба пикто не знал, чем богаты недавно обретенные острова по ту сторону Атлантики. И Колумб назначен был вице-королем и адмиралом земель «в море-океане». Он должен был управлять этими землями в точном соответствии с инструкциями, которые разработал Фойсека.

Ни в Севилье, ни при кочующем королевском дворе (до 1561 года у королей Испании не было постоянной резиденции) не приняты, однако, в расчет одного весьма существенного обстоятельства. Слухи о новых открытиях окрылили испанских идалго, и множество предприимчивых рыцарей очертя голову ринулось за океан. Люди эти презирали труд, они не желали и не умели пахать, сеять, добывать своими руками золото. Зато они отлично владели холодным и огнестрельным оружием и были твердо убеждены, что длинная пшига и аркебуз легко проложат им путь к богатству Эспаньолы.

Но вскоре выяснилось, что золота на острове очень мало. Колумб впопыхался приукрасил действительную картину, когда посулил королевской чете золотые горы. Благородные идалго не могли унизить свое достоинство заботами о хлебе насущном, а между тем припасы, взятые в Испании, быстро истощились. В городе Изабелле начались серьезные волнения, и группа смутьянов, желая поскорее отправиться восвояси, чуть было не захватила стоящие на рейде корабли. Большинство спутников Колумба поманилало, однако, не о возвращении в Испанию, а о походах в глубь страны, и когда Колумб в апреле 1494 года отплыл на трех кораблях к берегам Кубы, оставшиеся в Изабелле колонисты предались грабежам и разбоям.

Спутники адмирала ясно осознали, что им отныне все дозволено. Конкистадор Охеда попал на касика Каонабо, пленил его и доставил в Изабеллу. Каонабо был отправлен в Испанию и по дороге умерщвлен. После похищения Каонабо разграблению подверглись вся Магуна и земли Марьена, а благодатная долина Вого-Реаль была опустошена.

Возвратившись спустя пять месяцев из плавания к берегам Кубы (в этой экспедиции открыт был остров Ямайка), Колумб, по словам Лас Касаса, сразу же убедился, что «весь остров находится в великом возбуждении, страхе и ужасе, и индейцы, прельщенные ненависти к христианам, взялись за оружие, ибо не стерпели они насилий и грабежей, чинимых христианами».

Грабежами и насилиями испанцы поддерживали свое существование, но испанская корона от этих операций никаких выгод не получала. При дворе были недовольны Колумбом, у него требовали обещанного золота, жалобы на адмирала поступали

королеве и королю и от соратников Колумба, которые полагали, что всех еще не истребленных индейцев следует обратить в рабство, а рабов раздать испанским колонистам.

А между тем слухи о разбойничьих походах первых завоевателей Эспаньолы, доходя до Испании, возбуждали аппетиты италийцы. Корона не могла воспрепятствовать притоку колонистов в новооткрытые земли. Она разрешила выезд на Эспаньолу всем желающим, обязав новых колонистов отдавать в казну две трети добытого ими золота и десятую часть всех прочих доходов.

Колумб очутился между двух огней. Он не мог удовлетворить требований короны, и в то же время его действия вызвали все большее и большее раздражение у колонистов. Колумб опасался королевского гнева. Чтобы хоть как-то выйти из положения, он переправил в Испанию несколько сот рабов-индейцев. Индейцев Фолсека продал, но сделка оказалась не очень прибыльной. Кроме того, индейцев истребляли так быстро, что на работорговлю, как на постоянный промысел рассчитывать было трудно. Тогда, в 1495 году, Колумб обложил индейцев ряда областей Эспаньолы податью в золотом весе. Раз в три месяца каждый индеец старше четырнадцати лет обязан был приносить полный каскавель (небольшой колокольчик-погремушку) золота. Индейцы, жившие в местах, где золота не было, в те же сроки должны были приносить не менее одной арробы (11,5 кг) хлопка. Колумб, однако, снова сильно просчитался. «Золотая повинность» принесла в сто раз меньше драгоценного металла, чем первоначально предполагалось. И весной 1496 года Колумб решил заменить подати в золоте и хлопке принудительной трудовой повинностью. Все индейцы острова были розданы колонистам, причем раздавались индейские селения вместе с их полями — касиками. Процедура эта называлась «ренартимьенто». Русское значение этого слова — долеж, раздача, распределение.

Индейцы, отданные в ренартимьенто, обязаны были работать на полях колонистов и безотлучно паходиться в своих селениях. Бегство каралось смертью или обращением в рабство. А доля рабов (рабами считались все пленники, захваченные в карательных экспедициях) была еще тяжелее. В 1496 году часть колонистов осознала, что остров уже полностью разорен и грабежи в дальнейшем много дать не смогут. Сколько-нибудь осозаемых выгод следовало ожидать лишь от плантационного хозяйства. Хозяйство же это требовало даровых рабочих рук. Плодородными землями Эспаньолы заинтересовались испанские феодальные магнаты, высшие чиновники дворцовых канцелярий и высшее духовенство.

С марта 1496 по сентябрь 1498 года, пока Колумб осуществлял свою третью экспедицию на северное побережье Южной Америки, вместо него на Эспаньоле оставался его брат Бартоломе, при котором положение на острове не изменилось. Бартоломе Колумб в июле 1496 года перенес свою резиденцию из Изабеллы на южный берег Эспаньолы и основал там город Санто-Доминго. Теперь гроза надвинулась на индейцев области Харагуа, самой богатой и населенной части Эспаньолы.

Возвратившись на Эспаньолу, Колумб застал там смуту, зачинщиком которой был главный судья острова Франсиско Ролдан. Для удовлетворения претензий Ролдана и его сторонников Колумб провел новое «репартименто». Кроме того, мятежникам розданы были рабы: пятнадцать участников смуты возвратились в начале 1500 года в Испанию и привезли с собой рабов-индейцев.

Хотя в 1495—1496 годах королева Изабелла (именно она, и не ее супруг Фердинанд, ведала долами заморских земель) высочайше одобрила операции по торговле рабами-индейцами, в 1500 году, узнав, что друзья Ролдана прибыли в Испанию с рабами, она велела освободить этих рабов и немедленно отправить их на Эспаньолу. При этом королева заявила: «Кто дал право Колумбу раздавать моих вассалов кому бы то ни было!»

Но венцом фарисейства был указ, который королева-хатха подписала 20 декабря 1503 года. Вот его текст:

«Мы желаем, чтобы упомянутые индейцы были обращены в нашу святую католическую веру и были наставляемы в ней, а для этого необходимо установить более тесные связи между индейцами и христианами, которые живут на этом острове, чтобы они могли общаться друг с другом и друг другу оказывать помощь, чтобы остров этот возделывался и заселялся и было на нем всего в изобилии и собиралось бы золото, каковое имеется на нем к выгоде моих кастильских королевств и их обитателей.

И повелеваю я... чтобы принуждали упомянутых индейцев общаться с христианами и работать в их домах и трудиться для возделывания полей и для прокормления острова».

Смысл этого указа был таков — индейцы остаются «свободными» подданными короны, но их за определенную мзду передают на правах краткого- или долгосрочного пожалования колонистам якобы для того, чтобы последние наставляли их в вере и спасали их души. Эта форма пожалования названа была «энкомьендой» (буквально «патронатом», «вверением»).

В Испании термин «энкомьенда» был известен задолго до Изабеллы. Так назывались особого рода пожалования, в силу

которых феодальный сеньор получал право сбора определенных податей в пределах того или иного города и селения. При этом лицу, получившему энкомьенду, вверялась забота об охране жителей, с которых он взимал налоги.

Но на Эспаньоле и во всех прочих американских землях за этой старой формой скрывалось новое содержание. Энкомьенда в Новом Свете стала тяжелейшей разновидностью крепостной зависимости. Это был лицемерный патронат волков над овцами, который давал владельцу энкомьенды — «энкомьендеро» — право на жизнь, труд и совесть индейцев. При этом институт энкомьенды приносил реальные выгоды королю, оставляя ей широкие возможности мажорирования — ведь право на «репартименто», то есть на раздачу индейцев, сохранялось за королевской властью и ее представителями.

Год спустя королева умерла. На смертном одре, не отменяя прежних своих распоряжений, королева с присущим ей лицемерием просила Фердинанда сделать все возможное, чтобы индейцам не причиняли зла. Но в свое время именно она установила, какова должна быть доля доходов казны от эксплуатации энкомьенд. «Гуманная» королева указала, что энкомьендеро обязаны отдавать казне четвертую часть своих барышей.

Нельзя поэтому согласиться с автором «Эврикилло», который придает Изабелле облик бескорыстной и великодушной защитницы индейцев. Гальван все беды, которые обрушились на индейцев после смерти Изабеллы, объясняет тем, что ее завещание было вероломно нарушено. Но завещание это не отменило систему энкомьенды, созданную королевой; корень всех зол как раз и заключался в этой системе. Бесспорно, провозглашение индейцев собственностью короны в известной степени ущемляло интересы колонистов, ставило их в зависимость от королевской власти. Но Изабелла трижды ввела возможные последствия своих указов и приняла меры, благодаря которым Испанская корона приобрела за счет индейцев новые и при этом весьма осязаемые выгоды. Она отлично представляла себе обстановку, сложившуюся на Эспаньоле.

Дело в том, что к 1500 году, в ходе новых открытий Колумба и других мореплавателей, в сфере заморской экспансии оказались обширные территории на побережье Венесуэлы, Малые Антильские острова, Ямайка, Пуэрто-Рико, а спустя некоторое время Панамский перешеек (Дарьен). Туда ринулись наиболее активные рыцари конкисты, и этим пионерам колониального разбоя королева и Фоясека до поры до времени предоставили широкую инициативу.

182821

Таким образом, передовая волна конквисты откатилась от Эспаньолы и обрушилась на вновь открытые страны Карибского бассейна. «Обмелевшую» Эспаньолу легко было теперь взять в ежовые рукавицы, тем более что оставшиеся на острове колонисты пелытывали немалую затруднения. Индейское население очень поредело, нужда в рабочих руках возросла, и колонисты охотно соглашались поступиться частью своих доходов, в случае если им даны будут даровые рабочие руки. Совершенно ясно было, что на «жирные» энкомьенды могли прежде всего рассчитывать законопослушные поселенцы. И если в 1495 году на Эспаньоле никто всерьез с короной не считался, то в 1502 году в былых вольностях колонисты уже не помышляли.

Еще в 1500—1504 годах королева предприняла шаги, которые обеспечили ей непосредственный надзор за далекой колонией. В те годы проведена была реорганизация всей системы управления Индиями. Прежде всего королева и ее присные избавились от Колумба.

В свое время Колумб в качестве заместителя вполне устраивал королю. Ему были пожалованы важные привилегии, и юридически он был признан в 1492 году пожизненным правителем как уже открытых им земель, так и тех земель, которые будут им впредь открыты. Эта должность дана была ему «в течение жизни... и от наследника к наследнику навсегда и вечно».

Но после того как во втором и в третьем путешествиях Колумб открыл множество новых островов и огромный материк, королева сочла, что права его явно чрезмерны и что пришло время замонить «вечного» правителя Индии заурядным чиновником.

В 1500 году на Эспаньолу был послан в качестве ревизора Франсеско Бобадилья, который сместил Колумба и его братьев, арестовал их и в кандалах отправил в Испанию. Вид великого мореплавателя, закованного в цепи, возбудил всеобщее негодование, и Изабелла приказала освободить Колумба и выдать ему две тысячи дукатов. Но должность правителя она ему по версусу и охотно послала его и четвертое плавание, которое завершилось открытием Центральной Америки.

Бобадилью в 1502 году сменил на Эспаньоле Николас де Овандо (около 1460—1518) — командор духовно-рыцарского ордена Алькантары, полумонах-полусолдат. Он правил на Эспаньоле до 1509 года и действовал там как слепой исполнитель королевских указаний. Любопытно, что в указе о назначении Овандо было особо оговорено, что он посылается в Индию на «срок, какой паша воля и милость сочтет нужным».

В 1491—1501 годах на Эспаньоле прибыло много служителей церкви различного ранга. В Санто-Доминго основан был первый в Америке монастырь (францисканского ордена), которому отпущены были в инкомьенду индейцы. Духовенство таким образом активно включилось в эксплуатацию новооткрытых земель, к вышей выгоде короля, который в 1501 году пожаловал право руководства эвокейскими церквями и право на церковную десятину.

После введения инкомьенд положение индейцев отнюдь не улучшилось. Овандо занялся на «освоенные» южных и восточных областей острова, которые пострадали от испанских набегов и меньшей мере, чем Магуана и Марьен.

В 1503—1504 годах Хуан де Эскивель (о нем не раз упоминает автор «Эрикильо») разорил область Игуэй на крайнем востоке острова. Сам Овандо расправился с индейцами Харагуа. В Харагуа правила вдова Каонабо Анакаона. Анакаона пользовалась у индейцев Харагуа огромным авторитетом. Ей подчинялось свыше трехсот родовых старейшин-касигов, и испанцы вынуждены были считаться с этой правительницей; впрочем, от грабежей Харагуа страдала начиная с 1496 года.

Овандо должен был обеспечить прибывших с ним людей инкомьендами, и поэтому он в 1504 году решил разделаться с Анакаоной и «снестить в оборот» ее подданных. С вооруженным отрядом он направился в Харагуа. Анакаона созвала на совет всех касигов, и совет этот решил вступить в переговоры с Овандо. Наместника пригласили в ставку Анакаоны. Он явился туда со своим войском и был принят с величайшим радушием.

В разгар праздника солдаты Овандо окружили индейцев и захватили восемьдесят касигов. Пленников сожгли живьем; Анакаону повесили. Ошеломленные этой расправой индейцы не оказали сопротивления захватчикам, и вся область была мгновенно завоевана испанцами. В горах Каоруко племянник Анакаоны Гуароа собирал индейцев и некоторое время отбивался от конкистадоров. Но Гуароа был разбит, схвачен и повешен.

* * *

Первые главы «Эрикильо» вводят читателя в ту накаленную атмосферу, которая создалась на Эспаньоле после кровавых походов Эскивеля и Овандо в Игуэй и Харагуа.

Семилетний Эрикильо был свидетелем этих событий. «Волна ужаса, — пишет Гальван, — захлестнула его детское сердце в тот памятный час, когда разбойничьи банды командора Овандо учи-

вили расправу над теми, кто с первого дня рождения касика окружал его колыбель». Клякки дозорных и лай осатавевших от человеческой крови псов — такова увертюра, которая разыгрывается в гулких ущельях Баоруко; семилетнего Эприкильо — в ту пору он послал еще давное ему при рождении индейское имя Гуарокуйя — вичагатаго племянника Апакаоны и родича касика Гуароа, Гальван помещает в лагерь этого отважного воителя. Таким образом, Эприкильо получает боевое крещение в битве с конквистадорами.

Действие этих первых глав развертывается в горах Баоруко и в столице Индий — Санто-Доминго, где командор Овандо денно и нощно трудился над планами новых карательных походов и «новых» репартиментов.

Овандо не мелодраматический злодей, не вампир, пьющий кровь индейских младенцев. Это чиповняк, пунктуальный и исполнительный. Пергаментно-желтое лицо, оловянные глаза, надменная ухмыльце, замораживающая любые эмоции близких, немалая логика обвинительного акта, ледяной фанатизм, четкость катехизиса — вот характерные черты этого правителя, и именно таким показал его Гальван.

В глазах таких деятелей, как Овандо, индейцы, оказывающие сопротивление конквистадорам, — это «пособники сатаны», достойные костра и виселицы. Не мудрено, что, осуществляя свою программу, Овандо и ему подобные выбирали себе пособников, от которых вряд ли бы отказался сеньор Сатана.

Педро де Мохика, майордом Авы де Гевары, — чистопородный идалго, корыстолюбец, доносчик и питриган, — фигура характерная для окружения Овандо, и только случайными обстоятельствами можно объяснить, что «таланты» его не были признаны заместителем. Люди, подобные Педро де Мохике — типичные деятели конквисты. И Гальван дает им уничтожающую характеристику. При этом, однако, Гальван, отдавая дань традициям романтизма, порой явно преувеличивает доблесть и рыцарственные качества некоторых наиболее видных деятелей конквисты.

Битву касика Гуароа с Диего Веласкесом он описывает как честный поединок, в котором и Веласкес и его противник ведут себя как на придворном турнире. Гальвановский Веласкес порой жесток, но он по-рыцарски относится к побежденным и осуждает Овандо за излишнее рвение.

В действительности же Веласкес ничем не походил на вальтерскоттовского Айвенго. И в горах Баоруко в 1504 году, и спустя десять лет в лесах Кубы он зверски истреблял индейцев и вел

себя ничуть не лучше, чем Охеда, Овандо или Эскивель. Лас Касас, который сопровождал Веласкеса в его походе на Кубу, сурово осуждал этого вождя конквисты за жестокое обращение с индейцами. Кстати о Лас Касасе.

Лас Касас в «Эрикильо» играет весьма видную роль, и в этом большое достоинство романа. Со страниц «Эрикильо» доносятся гневные речи этого великого гуманиста, в романе запечатлены многие эпизоды его неутомимой деятельности.

Однако и в первой и во второй частях «Эрикильо» Лас Касас выступает скорее как «посвященный отец» на помолвках и свадьбах героев романа. Объясняется это отчасти тем, что до 1514 года он сколько-нибудь активного участия в событиях, которые тогда происходили на Эспаньоле, не принимал, а между тем только к концу второй части романа Гальван доводит своих героев до середины десятых годов XVI века. Лас Касас первых двух частей романа — это непремешный утешитель, добрый или даже скорее добренький, самаритянин, который соединяет сердца влюбленных, призывает милость к сирям и вдовицам, читает проповеди двуногим тиграм и повреми развязывает запутанные сюжетные узлы. В действительности же Лас Касас был великим бунтарем, неутомимым и страстным. Он умел любить, но он умел и ненавидеть, и в борьбе (а с того момента, когда он отдался делу освобождения индейцев, вся его жизнь была борьбой) он не щадил ни себя, ни своих противников...

В 1504 году Овандо, Эскивель и Веласкес подавили все очаги сопротивления захватчикам. Харагуа и Нуэви были обезкровлены, и началась новая массовая раздача энкомьенд. Овандо держал в уде колонистов, а их в то время было на Эспаньоле около десяти — двенадцати тысяч. Как раз на эту «тихую» эпоху приходится годы отрочества Эрикильо, который сперва отдан был на воспитание монахам-францисканцам, а затем вручен в энкомьенду колонисту Валенсуэле.

Что касается «благодеяний», оказанных монахами-воспитателями, то в этой связи напрашивается одна историческая параллель. Разорив и выжигая польские и литовские земли, теutonские рыцари охотно брали на воспитание осиротевших сыновей «язычников». Перечитайте поэму Мицкевича «Конрад Валленродт», и вам станет ясно, каковы были судьбы этих литовских Эрикильо.

«Тихим» было и время правления сына Христофора Колумба дона Диего, а он правил Эспаньолой с 1509 по 1514 год. Мы не будем останавливаться на обстоятельствах, связанных с назначением Диего Колумба на Эспаньолу, и на его спорах с королем

Фердинандом (см. прим. к стр. 99), отметим только, что положение на острове при всем отнюдь не улучшилось. По существу, всеми индейскими (и не только индейскими) делами ведали прямые агенты и осведомители короля — казначей Мигель Пасамонте и секретарь наместника Хуане Кончилибос, и при их непосредственном участии проведено было еще одно репартименто 1509—1510 годов, когда новым колонистам роздано было несколько тысяч индейцев. Пасамонте и Кончилибос не позабыли при этом и себя и подарили его души королю.

Индейцы во-прежнему умирали. Колонист Агилон в 1505 году завез на Эспаньолу с Канарских островов культуру сахарного тростника, и сахарные плантации стали pestilной каторгой для индейцев. Одним словом, все шло как и во времена Оваидо, и только осенью 1511 года в Санто-Доминго произошли важные события. Мы имеем в виду проповеди Антонио Монтесино; монаха-доминиканца, эффект которых так ярко описан в романе.

Монтесино начал свою первую проповедь словами: «Я глас вопиющего в пустыне». Это горькое призывание было как нельзя более справедливым не только потому, что он обращался к «жестокосердым» колонистам. Монтесино звал, что «глас» его не поддерживает корпорация, к которой он принадлежал, — католическая церковь, освятившая систему энкомьенды. И Монтесино и настоятель доминиканского монастыря в Санто-Доминго Педро де Кордова были людьми честными и гуманными, и именно поэтому они оказались «белыми воронами» в черной стае попов и монахов, которая слетелась на Эспаньолу в чашах легкой наживы.

А для владельцев энкомьенд, души которых пытался покорить Монтесино, по словам Лас Касаса, «горек стал хлеб насущный... и они готовы были отравить (Монтесино) в ад, ибо индейцы трудились на них в рудниках и на других работах... и полагали они, что цель этой проповеди состоит в том, чтобы отнять у них доходы». Перспектива утраты доходов так испугала колонистов, что они через Пасамонте и Кончилибоса обратились к королю с просьбой наказать злравившегося монаха и оставить на острове все по-старому. В Испанию послан был французиспанец Алонсо де Эспиналь, который действовал по указке Пасамонте. Прибыл он туда весной 1512 года. Одновременно к королю поступили от Монтесино и Кордовы жалобы на бесчинства колонистов.

В 1511 году в Испании создано было единое ведомство по управлению новооткрытыми землями — Совет во делах Индий во главе с ФONSEКОЙ.

Король, получив противоречивые вести из Испании, создал особую комиссию под председательством Фонсеки. В эту комиссию вошли коронные юристы, ови же и богословы, в частности, великий крючкотвор Паласиос Рубиос, которого Гальван наипрасно считает защитником индейцев.

К индейцам никто из них ни малейшего интереса не испытывал, и все они разделяли мнение короля, который в том же 1512 году в одном указе частного характера заявил, что индейцы — «создания, которых ни в коем случае нельзя считать существами вполне разумными». Но речь шла не только об индейцах. Надо было решить вопрос о дальнейших взаимоотношениях короны с конкистадорами и колонистами, взаимоотношениях весьма сложных, особенно на только что открытых землях.

Казуисты, которые по приказу короля собрались в городе Бургосе, сочли за благо признать, что индейцы надолены разумом, но управлять собой не могут, и что их должно приобщить к святой католической вере и понуждать к труду. На этой основе разработаны были «Бургосские законы», утвержденные королем в январе 1513 года. В тридцати пяти статьях этого кодекса сохранилось очень много указаний о том, как надо крестить и хоронить индейцев, рекомендовалось не быть их налками и сгоряча не называть собаками; однако энкомьенды отнюдь не отменялись; более того, учитывая, что индейцы «от природы склонны к праздности и дурным порокам», колонпальным властям вменялось и обязанность расселять индейцев поближе к тем местам, где жили владельцы энкомьенд.

Педро де Кордова, который пользовался большим влиянием при дворе, настоял на частичном пересмотре «Бургосских законов». Новая комиссия, собравшаяся в Вальядолиде в июле 1513 года, разработала так называемые «Вальядолидские ординансы» — дополнительные статьи к бургосским установлениям.

Авторы этих статей отмечали, что теперь, когда новые ординансы утверждены, «королевская совесть полностью облегчена». И в самом деле, «Вальядолидские ординансы» даровали индейцам право работать на землевладельца всего лишь девять месяцев в году (остальные три месяца им милостиво разрешалось отдыхать и в часы досуга обрабатывать свои земли); эти же ординансы требовали, чтобы дети до четырнадцати лет принуждались к работам, но не слишком тяжелым.

«Бургосские законы» и «Вальядолидские ординансы» были уступкой колонистам, и этими юридическими актами вновь утверждалась система энкомьенды.

Педро де Кордове и Монтесино разъяснили, что королю и рада была бы урезать права конкистадоров, но, учитывая обстановку, не считает подобные шаги своевременными.

А в 1514 году на Эспаньоле был послан ревизор Родриго де Альбукерке, который провел там повое и последнее (в дальнейшем уже раздавать было некого) репартименто. История этого репартименто изложена в начале третьей части романа, и совершенно справедливо Гальван отмечает, что в «яростной схватке между двумя партиями (владельцев энкомьенд) злосчастные индейцы на острове Эспаньола неизменно терпели горькую участь побежденных». Но как раз в том же 1514 году в борьбу за освобождение индейцев вступил Лас Касас, и события на Эспаньоле приняли несколько неожиданный оборот.

Лас Касас, подобно Антонио Монтесино и Педро де Кордове, был монахом-доминиканцем. В Испании и в испанских владениях в ту пору насчитывалось не менее ста тысяч монахов и священников; многие из них вносили свои имена в кровавую историю конквисты, но только пять или шесть имен заняли достойное место в истории человечества. Среди этих имен имя Лас Касаса самое достойное. Об этом можно судить хотя бы по тому, что церковь до сих пор не может примириться с его деятельностью и что имя его считается одиозным у франкистских идеологов.

Бартоломе Лас Касас (1474 или 1475—1566) был сыном одного из участников второго плавания Колумба. Он переселился из Испании в Санто-Доминго в 1502 году, вступил на Эспаньоле в доминиканский орден и двенадцать лет прожил, ничем не выделяясь в кругу своих коллег. Когда Веласкес был послан на Кубу, он взял с собой Лас Касаса и дал ему на этом острове небольшую энкомьенду. Лас Касас сопровождал Веласкеса во всех его походах и первое время вел себя как все прочие участники конквисты, принадлежащие к духовному званию. Однажды, после особенно зверской расправы с индейцами, учиненной Веласкесом, он подверг суду своей совести «цивилизаторскую» деятельность конкистадоров и пришел к заключению, что индейцы имеют такое же право на свободу и счастье, как и его соотечественники. Троицын день 1514 года, когда он пришел к этому заключению, был первым днем новой жизни Лас Касаса. С этого дня пятьдесят два года он вел неустанную борьбу за свободу индейцев. Ареной этой борьбы были и дворцовые канцелярии, и университетские аудитории, и церковные кафедры, и площади Санто-Доминго, и глухие селения в далекой мексиканской провинции Чианап. Тринадцать раз пересекал он океан, тринадцать раз выдерживал в Испании жестокие битвы с вадменными

паредворами, черствыми канцеляристами, елейными князьми царями, а последние годы жизни отдал своей «Истории Индии», книге, которая впервые увидела свет спустя 309 лет после смерти ее автора. Но еще при жизни он успел издать свой памфлет «Кратчайшая история разрушения Индии», который принес ему всемирную славу.

В этой книге Лас Касас предвизвал счет колонизаторам. Счет убытков, утраченных собаками, сожженных жилищем, умерших от голода, мора, непосильной работы в золотых рудниках. «Кратчайшая история» — это пролог к трагической летописи колониальной арии, и подарком ее называли «Вингой Стришного суда».

Антонио Монтесино был разбит в первой же битве, потому что он не был воителем. Лас Касас стоял целой армии, и разгромить его не удалось ни Фонсеке, ни коронным юристам, ни церковным авторитетам, угрожавшим ему земными и небесными карами.

В сентябре 1515 года он прибыл в Испанию с твердым намерением добиться у короля отмены «Бургосских законов» и освобождения индейцев. Но в январе 1516 года Фердинанд умер. Лас Касас обратился к регенту Изабеллы кардиналу Хименесу де Сиснеросу и рассказал ему, что творится в Индии. Сиснерос был крупнейшим государственным деятелем Испании того времени. Ярый сторонник абсолютизма, он укрепил централизованную испанскую монархию, прибегая к любым средствам; нормы морали, этики, права для него существовали лишь в той мере, в какой они были ему выгодны. В основном им в городе Алькальде-Энаресе университете читали лекции виднейшие гуманисты Европы, но он сидел на кострах мавров и евреев, полагая, что сильным может быть только то государство, все подданные которого исполняют религию своего государя.

Сиснерос понимал, что в Индии корона будет сильна только в том случае, если испанские колонисты окажутся от нее в полной зависимости, и он очень внимательно отнесся к проектам Лас Касаса. По распоряжению Сиснероса была создана комиссия (он был ее главой), в состав которой вошли папский легат Адриан, Пальмаос Рубиос и несколько докторов богословия. Лас Касасу и Монтесино велено было представить свои соображения. Лас Касас разработал проект устройства Эспаньолы и предусмотрел при этом полную отмену энкомьенд и немедленное освобождение всех индейцев. Лас Касас предлагал послать для этой цели в Эспаньолу Рехинальдо Монтесино, брата знаменитого проповедника, наделив его чрезвычайными полномочиями. Подразумевалось, что сам он будет правой рукой этого реформатора.

Ни проект Лас Касаеса, ни кандидатуры исполнителей не устраивали Сиснероса. Он вовсе не намерен был освобождать индейцев, хотя и не возражал бы, если бы их удалось отнять у владельцев энкомьенд и приписать к казне. Поэтому Сиснерос и в его комиссиях вынесли положительное решение: послать в Испанию людей «нейтральных» — трех монахов ордена перолIMITов, поручив им разобраться во всем на месте и принять там необходимые меры. Лас Касаесу разрешено было вернуться на Испанию с этой троицей, но никакого официального назначения он не получил. ПеролIMITы, Луис де Фигероа, Бернардино де Мансанаedo и Алонсо де Санто-Доминго были людьми крайне осторожными и законопослушными и более всего опасались решительных действий и смелых реформ. Именно такими деятелями и пуганы были Сиснеросу, но Лас Касаес с этими чиновниками и естаканами не мог найти общий язык. ПеролIMITы и Лас Касаес отбыли на Испанию. В декабре 1516 года троица приступила к работе. Прежде всего решено было опросить всех опытных колонистов и собрать их мнения, против чего Лас Касаес резко возражал. Как и следовало ожидать, колонисты высказались против реформ. Пасамонте, который долгое время был агентом Фердинанда на Испании, заявил, что нельзя давать индейцам свободу, иначе они быстро соговорятся с неграми, которых на острове много.

Пасамонте понимал, что перекрестка всеобщего восстания рабов и крепостных на Испании настолько запугает Сиснероса, что о проектах Лас Касаеса в метрополии мгновенно забудут. ПеролIMITы привезли с собой эти проекты, основательно, впрочем, исправленные Сиснеросом. Предлагалось изъять индейцев у их владельцев и разместить в небольших поселениях, управлять которыми должны были местный казначей, священник и администратор, назначаемый колониальными властями. Казна подлежала обеспечить такие индейские поселения едой, а индейцы обязаны были два месяца в год работать на королевских рудниках и получать две трети добытого ими золота. Но даже эти весьма умеренные планы потерпели полное фиаско. Ни один владелец энкомьенды не собирался отказываться от «своих» индейцев.

Лас Касаес, убедившись, что перолIMITы на Испании ничего не добьются, отправился в мае 1517 года в Испанию. Сиснерос умер в ноябре того же года. Вук Фердинанда и Изабеллы, семнадцатилетний Карл Габсбург, с 1516 года был королем Испании, но жил он во Фландрии, во владениях, унаследованных от отца. Не добившись толку в Совете по делам Индии, Лас Касаес решил было ехать во Фландрию, но в начале 1518 года Карл со своими фламандскими советниками прибыл в Испанию.

Фламанцы не имели ни малейшего представления ни об испанских, ни тем более о американских делах, и Лас Касае, действуя со свойственной ему энергией, добился известного успеха у нового вассалера, фламандца Шьевра.

Первоначальное отвращение, и ни в их место назначен был некто Гедриго де Фигероа. Ему было предписано освободить индейцев, находившихся в вассаленде у короля, Диего Колумба и его супруги и у всех лиц, которые на проживали на острове. Фигероа явился на Эспаньола в 1510 году, с большим трудом основал три названных индейских селения; большого он не добился.

Лас Касае продолжал борьбу в Испании, и хотя он пырвал у короля несколько новых указов, положение на острове к лучшему не изменилось. Да и к этому времени на Эспаньоле осталось лишь тысяч десять индейцев.

1510 год в истории Нового Света — дата знаменательная. В 1510 году Эрнандо Кортес открывает Мексикку, и сфера колонизации сразу же несомненно расширялась. Спустя пять-шесть лет город Мехико, основанный на развалинах ацтекской столицы Теночтитлана, стал главным центром Индии, а к 1540 году испанские владения в Новом Свете охватывали всю северную и западную части Южной Америки, центрально-американские и мексиканские земли и Флориду.

По площади эта территория была в полтора-два раза больше Эспаньолы, и по самым скромным подсчетам населяло ее пятнадцать миллионов индейцев. Эспаньола стала захолустной колонией, и индейцев здесь сменяли негры.

Но пока Кортес завоевывал Мексикку, пока Писарро подбирался к перуанским землям, в горах Баоруко снова, как в 1504 году, разгорелась жестокая битва. Эрикильо восстал против испанских захватчиков. Автор романа указывает истинные причины разрыва Эрикильо с его холмином — молодым колонистом Валенсуэлой; вполне достоверны описания тех мытарств, которые претерпел Эрикильо, пытаясь «законным» путем найти управу на Валенсуэлу. Лас Касае, который действительно знал Эрикильо, хотя и не столь близко, как об этом повествует Гальвал, с горьким сарказмом пишет, что у правителя города Сан-Хуана Педро Бадильо «вашел как раз ту поддержку, которую всякий раз оказывали индейцам власти, поставленные в Индии, и сановники короля — ничьи словами, Эрикильо встретили угрозами и ему сказали, что, будо он снова пожалуется на Валенсуэлу, его забьют в колодки и бросят в темницу». Когда же с «грамотой благоприветствования», выданной ему в Санто-Доминго, Эрикильо снова явился к Бадильо, тот велел его висеть.

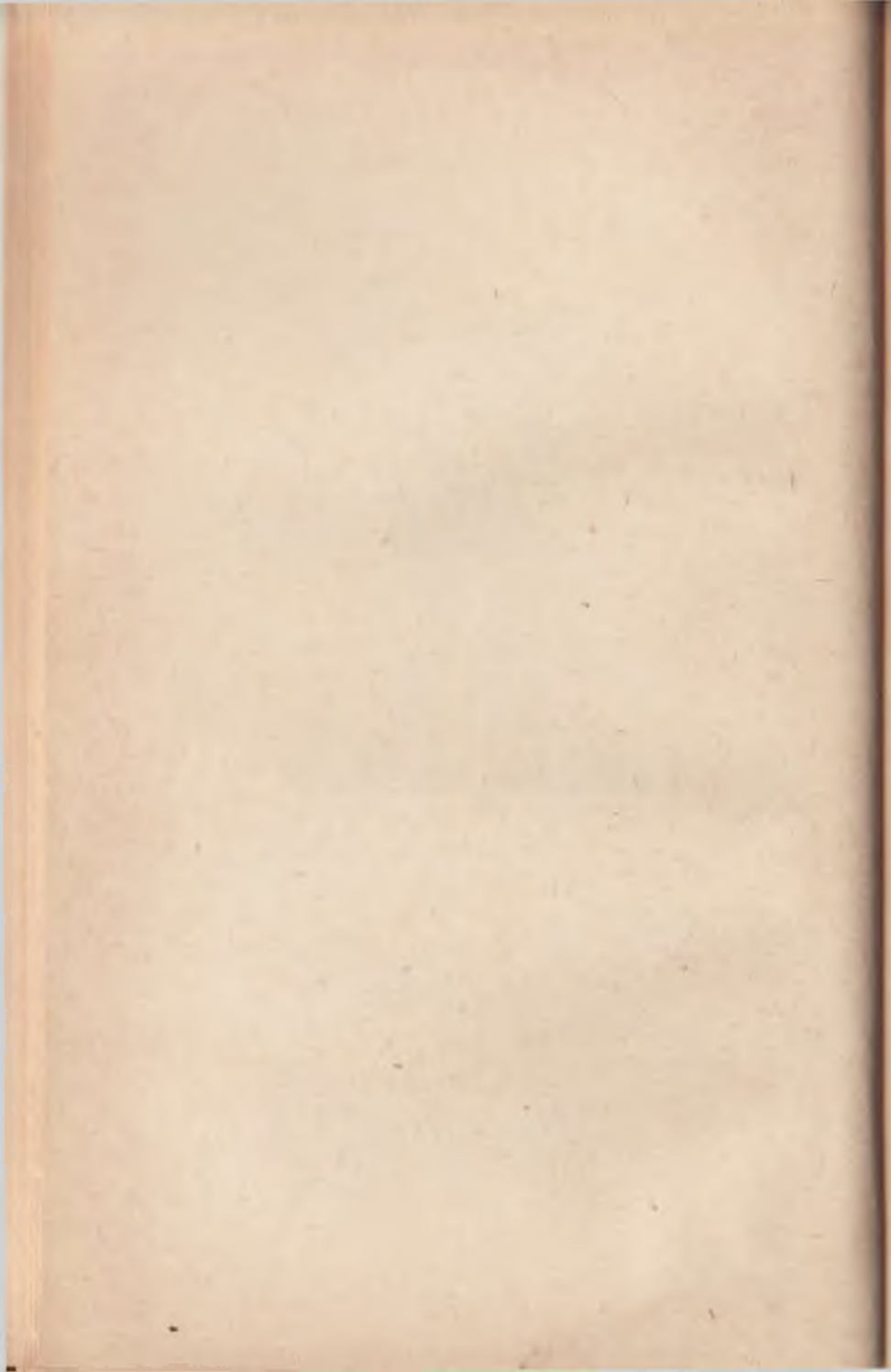
Эрикильо ушел в горы Баоруко и поднял там восстание. Он действительно пощадил Валенсуэлу, когда бывший хозяин попал в плен к индейским воинам, но, как указывает Лас Касас, Валенсуэла после этого «не избавился от гордыни». Тамайо первоначально не был связан с Эрикильо и действовал не на юге, а на севере острова. Образ Тамайо чрезвычайно интересен. Тамайо — человек, для которого любое соглашение с захватчиками, любая уступка им равноценна измене делу борьбы за свободу индейцев. Тамайо непримирим, порой жесток, но жестокость его оправдана логикой борьбы, она вызвана зверствами испанских захватчиков, их вероломством, их беспредельной алчностью. Вместе с Эрикильо сражался племянник Тамайо Ромеро, через которого установилась связь между обоими вождями. Кроме того, в Вега-Реаль поднял восстание касик Спгайо, по словам Лас Касаса, воитель отважный, как Гектор. Спгайо был убит в бою с испанцами. Эрикильо удалось выстоять в четырнадцатилетней борьбе, и в начале 30-х годов он был «прощен» испанскими властями и ему и его воинам разрешено было жить в мире. Думается, что и короля и местные власти предпочли такой исход отнюдь не из соображений гуманности и рыцарской чести. Ведь Пасамонте еще в 1517 году высказывал опасение, что негры поддержат индейцев. А к 1535 году на острове было уже несколько десятков тысяч негров и, по всей вероятности, немало беглых рабов-африканцев сражались под знаменами Эрикильо. Дальнейшая затяжка в борьбе с Эрикильо чревата была поэтому последствиями, весьма неприятными для колонизаторов.

В историю освободительной борьбы народов Америки восстание Эрикильо вошло как один из ее ярчайших эпизодов. Именно поэтому роман Мануэля де Хесус Гальвана, в котором запечатлены события огромного исторического значения, будет с большим удовлетворением встречен советскими читателями, которые разделяют пламенные надежды народов Латинской Америки на окончательное избавление от колониализма.

И. С В Е Т

ЭНРИКИЛЬО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Харагуа... Блеск этого имени озаряет историю Америки таким же лучистым светом, каким сняют в мифологических преданиях древности невинная Аркадия, золотые сады Гесперид, чудесная Темпейская долина и другие чарующие уголки Земли, самой природой предназначенные будить и пленять воображение человека. Именно таким счастливым, сказочно богатым краем предстало перед современными аргонавтами-завоевателями индейское государство Харагуа. Жители этой благословенной страны, управляемой прекрасной и доброй правительницей, отличались кротостью, чистотой нравов, живым умом и привлекательной внешностью. Пришельцев поразила благородная простота их уборов, величавая прелесть праздничных обрядов и необыкновенно сердечное, радушное гостеприимство. Царивший здесь первобытный уклад жизни составлял резкий контраст с той цивилизацией, которую несли на остриях своих коней закованные в железо пенаксские всадники, окруженные сворой оцетинившихся свирепых псов и попиравшие землю копытами своих коней.

Позорную память на вечные времена оставили по себе завоеватели, потонувшие в огне и крови этот чудесный край и создавшие вокруг его имени зловеющий гимн, подыхающий багряными отблесками пожарами. Разверните свиток кровавых преступлений, и вы узнаете, как погибла счастливая мирная страна, вонзисту земной рай,

исчезнувшей чистоты и кротости, с его патриархальным укладом жизни и мудрой правительницей, прослывшей владыкою всех добродетелей и сумевшей заслужить любовь своих подданных. Более восьмидесяти касиков, благородных индейских вождей, которых Анакаона — правительница Харагуа — собирала на торжественных празднествах вокруг своего трона, погибли разом в незабываемый роковой день, одни — пропавшие неумолимой сталью, другие — брошенные беспощадной рукой в костер. Вслед за ними не без труда скорбной участи и кроткая принцесса, приговоренная несправедливым судом к позорной смерти на виселице. Такой трагической развязкой завершила свои деяния фанатизм, прикрывавшийся государственною необходимостью.

События, которым посвящены страницы нашего повествования, уходят корнями в мрачную драму, разыгравшуюся в Харагуа. Вот почему нам волей-неволей придется сосредоточить внимание на непритягательном образе жестокого командора Николаса де Овандо, виновника этих потрясающих бедствий. Назначенный губернатором острова Санто-Доминго и облеченный безграничным доверием католических королей, всевластный правитель Овандо действовал с беспощадной суровостью в стране, открытой плодотворным гением Колумба; тем не менее зарождение цивилизации Нового Света тесно связано с его именем, и Санто-Доминго, первая европейская колония, основанная в Америке, на время приобретает под его управлением характер метрополии по отношению к областям, завоеванным испанцами позднее.

Обратимся же к этому железному человеку, свершившему свое кровавое злодеяние против безоружных и доверчивых касиков страны. Прошло двадцать дней после послышанной расправы, а кровожадный командор, словно стремясь восстановить иссякшие в чудовищном преступлении силы, все еще пребывал в бездействии, чуждом его деятельному, крутому праву, и колебался, не зная, на что решиться. Казалось, его терзали тайные угрызения совести. Впрочем, он пытался иначе объяснить свою необычную бездельность. По словам командора выходило, будто мрачное молчание, в которое он надолго замыкался, и бессонница, лихорадочно гнавшая его ночью из опочивальни на берег океана, были вызваны всего лишь размышлениями над выбором наиболее удачного

места на прекрасном побережье для закладки нового города, которому суждено было утвердить в веках имя правителя, оказавшего потомству незабываемые услуги в первой испанской колонии. Кроме того, командор высказывал глубокую озабоченность судьбой дочери Апакаоны, юной и прелестной Игемоты, известной к тому времени под христианским именем доньи Аны, которая, выйдя замуж за отважного, но незадачливого Эрнандо де Гевару, осталась после его гибели вдовой с малолетней дочерью. Командор, с первого дня пребывания в Харагуа относившийся с изысканной учтивостью к прекрасной индианке, удесятерил свое внимание к ней после того, как он отправил в Санто-Доминго ее мать с кратким перечнем обвинений, которые неминуемо должны были привести несчастную женщину на виселицу.

То ли из подлинного сострадания к юной Игемоте, так рано познавшей горе, то ли из уважения к родственникам ее покойного мужа, которые нарочито подчеркивали свое почтительное отношение к вдове и участие в судьбе Менсии, прелестного ребенка Игемоты, — быть может, лелея при этом честолюбивые планы, — Овандо, проявивший ничем не оправданную суровость к Апакаоне, оказывал ее дочери сугубое внимание. Будь кто другой на месте командора, его можно было бы заподозрить в сердечной склонности к донье Ане, но Овандо неизменно соблюдал безупречную строгость нравов, никогда не нарушая данного им обета. Однако за беспощадное подавление благородных и чистых порывов сердца в угоду ложным условностям, природа зачастую карает человека тем, что уродует его душу.

И пожалуй, именно в этом моральном уродстве и крылась причина крайней жестокости командора.

Итак, Игемота, или донья Ана де Гевара, как мы станем впредь именовать ее, была не только оставлена на свободе, но, как индейская принцесса и христианка, нашла у завоевателей признание своих прав. Резиденция доньи Аны находилась неподалеку от бывшего дворца ее родителей, где расположились лагерь испанцы в ожидании того дня, когда Овандо укажет наконец место для закладки нового города.

В услужении у молодой вдовы был целый штат индейцев — мужчины и женщины, — нанятых по ее выбору; но будучи их повелевающей госпожой, она по своей

необязательности не извлекала никакой пользы из такого положения и служила скорее зажитой гонимым беднякам. Один из родственников ее покойного мужа, испросив милостивое разрешение губернатора, стал управителем в доме вдова и взял на себя заботы о ее имуществе. С той поры, благодаря его энергии и предприимчивости, земли были размежеваны и возделывались от имени доньи Аны де Гевара руками индейцев; этим обстоятельством широко пользовалась родня ее покойного мужа, повторяя далеко не редкий пример, знакомый в нашем мире во все времена.

Потрясенная выпавшими на ее долю горестями, бедная женщина находила весьма мало утешения в почестях, воздаваемых ей учтивыми испанцами. Впрочем, она этих почестей не отвергала, ибо тайный голос подсказывал ей, что долг матери велит целиком посвятить свою жизнь благополучию Менсии, плоду короткого и несчастливого супружеского союза. Трехлетний ребенок был живым портретом своего красавца отца, мужественного молодого испанца, нашедшего в расцвете лет жертвой коварного де Ролдана, низкого, завистливого соперника. К этим скорбным воспоминаниям присоединилось вскоре тяжелое потрясение: на глазах бедной Игемоты погибла почти все ее родичи, умерщвленные кастильскими воинами, и, наконец, ее разлучили с матерью, которая своей нежной любовью согревала больное, истерзанное сердце молодой женщины. На все робкие вопросы о судьбе, уготованной знатной пленнице в Санто-Доминго, Игемота получала от губернатора уклончивые ответы, и, хотя ей не приходило в голову, что над матерью нависла смертельная угроза, мучительная тревога не покидала ее ни на миг.

В доме доньи Аны жил племянник, семилетний ребенок, продолжавший по-прежнему носить индейское имя Гуарокуйя. Он еще не был крещен, ибо его отец, Магикатеке, касик из Баоруко, приходившийся племянником Анакаоне, не спускался с гор в долину с той поры, как островом завладел чужеземец; только уступая настойчивым просьбам Анакаоны, желавшей, чтобы все ее родные пришли торжественную присягу верности командору Овапдо, гордый касик появился наконец с малолетним сыном в Харагуа, где и нашел смерть вместе с остальными индейскими вождями, покорными своей правительнице, Благодетельная рука незнакомого испанца

снасла ребенка, уводя его и потрясенную Игемоту с места кровавой расправы; сын погибшего касика остался с того дня на попечении тетки, деля с ней почести, которыми она была окружена. Молодая женщина не выходила из дому одна, без детей, особенно под вечер, когда последние лучи заходящего солнца осеняли все вокруг неясной печалью. В этот час донья Апа, взяв маленькую дочь за руку, отправлялась обычно к ближайшей роце я, дойдя до опушки в трехстах шагах от своего дома, усаживалась у подножья высокого ветвистого красного дерева; следя взглядом за играми детей на расстилавшейся зеленым ковром лужайке, она забывала свое горе. То был заповедник: приказом сурового губернатора доступ к нему запрещался всем посторонним, будь то индейцы или испанцы.

Сам губернатор лишь дважды посетил донью Апу: в первый раз наутро после кровавой расправы, чтобы утешить осиротевшую женщину в ее горе, предложить свое покровительство и обеспечить ей все необходимые в жизни блага; второй и последний раз он появился после того, как отправил ее мать пленницей в Санто-Доминго. При этой встрече донья Апа, обливаясь слезами, засыпала его тревожными вопросами о судьбе своей несчастной матери; смущенный и растерянный, не зная, что ответить и как успокоить мрачные предчувствия взволнованной дочери, командор раз и навсегда отказался от своих посещений и только велел доверенным слугам не щадя сил неустанно печься о молодой женщине, окружая ее вниманием и неустанной заботой.

Шли дни, не принося никаких существенных изменений ни для Овандо, который по-прежнему пребывал в явной нерешительности, ни для доньи Апы и двух малышек, которые скрашивали ее жизнь. Но вот однажды под вечер, примерно месяц спустя после жестокой трагедии, разыгравшейся в Харагуа, когда дети, по обыкновению, резвились на лужайке у опушки леса, а молодая женщина, печальная и беззащитная, словно сорванная с дерева ветка, сквозь слезы наблюдала за ребяческими играми, находя умиротворение в этой простодушной и трогательной картине, столь противоречившей ее смутным чувствам, невдалеке, из глубины зарослей неожиданно раздался тихий спокойный голос:

— Игемота, не пугайся и выслушай меня.

Быстро поднявшись, молодая женщина устремила взгляд туда, откуда доносился голос, и твердо спросила:

— Кто говорит со мной? Где ты? Что тебе надо?

— Это я, твой брат Гуароа, — послышалось в ответ. — Я пришел спасти тебя.

В тот же миг из дупла узловатой сейбы показался индеец и застыл на месте, продолжая из осторожности укрываться за деревьями. На вид лет около двадцати пяти, высокий, сильный, с кротким выражением больших глаз, со свежим рубцом недавней раны на лбу, он был одет в яркий плащ из грубой ткани, доходивший ему до колен и перехваченный кожаным кушаком; другой, темный плащ, вернее, одеяло с прорехой для головы, закрывал его торс, оставляя обнаженными руки и ноги; на нем были мокасины из кожи гуаны; подвешенный к поясу охотничий нож в кожаных ножнах и крепкая дубинка из дерева аканы, не уступавшего по крепости железу, составляли все его оружие. Индеец почтительно спил перед доной Аной побуревшую соломенную шляпу, обнажив голову с густыми, черными, гладкими волосами, виспадавшими до плеч.

II

РАЗЛУКА

При виде юности у Игемоты вырвался крик ужаса.

Разделив общее суеверие, мирно уживавшееся с религиозным чувством, она naïвно полагала, будто души умерших способны принимать прежнюю телесную оболочку, чтобы предстать перед живыми. Своего двоюродного брата Гуароа она считала погибшим вместе с остальными касиками в тот день, когда была схвачена Анакаона, и приняла его за привидение с того света; вот почему ее первым порывом было обратиться в бегство.

Объятая трепетом, Игемота бросилась было к дому, но материнское чувство одержало верх над страхом; обернувшись в поисках дочери, она увидела, что вниманье малытки поглощено яркокрылой бабочкой, которую для нее поймал Гуарокуйя, а сам мальчик с любопытством поглядывает на дружелюбного незнакомца, вышедшего из леса на опушку навстречу детям. Это успокоило оро-

беснующую женщину; взглядевшись в пришельца и сравнившись с первым испугом, она подумала, что перед ней, пожалуй, и в самом деле стоит живой человек; прежняя привязанность к брату заставила ее подойти к нему и доверчиво протянуть руку:

— Гуароа, а я ведь думала, что ты погиб, и оплакивала тебя.

— Нет, Игемота, — ответил индеец, — меня только ранили в голову; я устал без сознания в самом начале схватки, а когда пришел в себя, увидел вокруг одних мертвецов; среди них я узнал отца и брата Магшкатекса; голова брата лежала у меня на коленях.

Уже стемнело, никого вокруг не было, и пополз как ямея в горы; там я прятался в хижине родича, пока не зажила рана. Моей первой заботой было послать друзей разведать, что случилось с тобой, с Аникаоной и другими близкими. Тамайю удалось вскоре бежать, он нашел меня в горах и обо всем рассказал. Если тебе худо, если с тобой дурно обращаются, если ты в опасности, ступай со мной в горы, я укрою тебя в надежном месте. И присмотрю верное убежище для всех наших братьев. Решай же. Два друга ждут меня недалеко отсюда.

— Спасибо, Гуароа, мой брат, — сказала Игемота, — спасибо за твою преданную заботу; благодарю небо, что ты жив и невредим. Это утешает меня в моем горе; оно велико, оно безмерно, дорогой брат, но бегство в горы не сможет облегчить его. Меня мучает только боль в сердце; а в остальном, право, не на что пожаловаться. Как вдовы Гевары мне оказывают должное уважение, это звание обязывает меня продолжать жить ради моей дочери Менени, она носит имя своего отца, окружена испанской родней, все очень любит ее. И не думаю, что ты подвергся бы преследованиям, но все же тебе лучше по-прежнему скрываться и ждать, пока я не сообщу, что опасность миновала.

При последних словах сестры Гуароа нахмурился.

— Уж не думаешь ли ты, — сказал он, — что я пришел искать милости или прощенья у этих злодеев? Нет, никогда! Оставайся среди них; ты перестала быть индианкой с тех пор, как приняла крещение и отдала руку дона Эрнандо; кроме него, я знал лишь двух добрых испанцев: дона Диего и дона Бартоломе, они всегда хорошо обращались с индейцами. Все остальные настоящие злодеи. Они хотят силой обратить нас в христианство, и

только те двое стояли за то, чтобы нас сперва обучили письму и христианской вере. А когда все мы готовы были принять христианство и думали, что праздники закончатся крещением, нас привалили бить, как зайцев: одних закололи пиками и шпагами, других изжарили живьем. Я потерял веру в наших богов — у них ведь недостало силы защитить нас, но испанцам и также не верю...

— Не продолжай, Гуароа, — прервала его молодая женщина, — мне слишком больно. Ты прав, беги в горы, а мне предоставь исполнить мой долг, и да свершится моя судьба. Так посоветовал мне один добрый испанец, его тоже зовут дон Бартоломе. Я христианка и не смею ненавидеть тех, что причиняют нам зло.

— Я не христианин, Игемота, хотя и не по своей вине, — с горечью сказал Гуароа, — но я тоже не умею ненавидеть; и я не понимаю, как люди, называющие себя христианами, могут так жестоко обращаться с нами, индейцами, меж тем как их бог кроток и благ. Я бегу в горы от смерти, а пуще всего от рабства, — оно страшнее смерти. Оставайся с миром, но отпусти в горы моего племянника Гуарокуйю, пускай он растет свободным и счастливым. Отпусти его, ведь он еще не крещен, он сирота, у него нет среди белых ни родичей, ни покровителей, и завтра его может постигнуть такая злая судьба, что лучше бы ему умереть сегодня. Что ты на это скажешь?

Игемота, с поникшей головой слушавшая молодого индейца, устремила на него полный отчаяния взгляд; ее лицо было орошено слезами.

— Отдать Гуарокуйю! — воскликнула она с тоской. — Никогда! Он товарищ детских игр моей дочурки, он для меня самое дорогое существо после моей матери и Менсии. Что случилось бы с нами, не живи он в нашем доме?

— Так пусть же мальчик сам решит свою судьбу, — торжественно произнес Гуароа. — Ни ты, ни я не вправе решать за него. Отец небесный ответит нам устами этого ребенка.

Взяв мальчика за руку и поставив его между собой и рыдающей доньей Аной, Гуароа спросил:

— Скажи, Гуарокуйя, хочешь ли ты остаться здесь или согласиен уйти со мной в горы?

Мальчик поглядел на Гуароа, на донью Ану, потом устремил взгляд на Менсию, которая продолжала педдалеке играть с полевыми цветами, и твердо сказал:

— Я не хочу уходить отсюда!

Гуароа не смог скрыть своей досады, между тем как Игемота улыбнулась сквозь слезы, — так порой засверкает на небе радуга среди дождя. Наступило короткое молчание; огорченный идеец, не зная, что сказать, поглядел вокруг себя, словно в поисках поддержки, потом резко повернулся к мальчику и, протягивая вперед руку, показал на полуголого, едва прикрытого лохмотьями человека в долине, согнувшегося под непосильным бременем огромной вязанки дров.

— Скажи, Гуарокуйя, — в бешенстве крикнул Гуароа, — хочешь ли ты жить в горах на свободе и быть вождем индейского племени или согласиен, став мужицной, таскать на спине дрова и воду, подобно этому жалкому рабу там в долине?

Словно темное облако пробежало по лицу ребенка; он еще раз пристально посмотрел на Менсию, на Игемоту и твердо ответил:

— Хочу быть свободным!

— В тебе моя кровь, — с гордостью сказал индейский вождь. — Что ты можешь возразить на это, Игемота?

Донья Ана молчала. Казалось, она погрузилась в глубокую думу, провозжая взглядом несчастного индейца с вязанкой дров, который так вовремя появился, чтобы помочь молодому индейцу одержать победу. Потом, словно очнувшись от сна, она судорожно охватила руками голову Гуарокуйи, прильнула долгим и нежным поцелуем к его лбу и с просветлевшим лицом подтолкнула ребенка в сторону Гуароа.

— Ты прав, так лучше, — сказала она.

Мальчик вырвался из рук Гуароа, стремительно подбежал к Менсии, обхватил девочку своими маленькими ручонками и покрыл поцелуями ее лицо. Потом, отерев заплаканные глаза, он твердым шагом вернулся к Гуароа и повторил слова Игемоты:

— Так лучше.

Гуароа, прощаясь с сестрой, преданно и почтительно прижал ее руку к своей груди. То ли по забывчивости, то ли по другой причине, идеец не обратился к Менсии с одним ласковым словом; взяв мальчика за руку, он повернул к лесу. И вскоре скрылся из глаз среди мощных вековых деревьев, где его поджидали два друга, такие же молодые и сильные, как он.

Управляющего, или майордома, донья Аны, человека лет сорока, звали Педро де Мохика; он в самом деле приходился родственником покойному Геваре, а следовательно, и его дочери Меени.

Природа поскупилась наделить Мохика своими дарами: при уродливой внешности он обладал к тому же низкой, порочной душой. Его лицо было искажено насмешливой гримасой, которую он пытался использовать, чтобы шутовскими ужимками, вызывавшими обильный смех, смягчить отталкивающее впечатление, производимое густыми шпательными бровями, крючковатым носом, топь-в-точь как клюв у хищной птицы, и широким от уха до уха ртом. Под стать лицу была и фигура. Одевался он щегольски, по бархатный камзол, короткие атласные штаны, пышные перья на шляпе и сверкающее оружие никак не вязались с мясистой горбатой спиной и кривыми ногами. Неизменная глумливая ухмылка, которой майордом напрасно силился сообщить приятность, завершала портрет этого человека, придавая ему некоторую забавность в глазах всякого, кому удавалось победить в себе отвращение, невольно вызываемое уродливым лицом почтенного идалго.

Дон Педро де Мохика был смышлен и вел дела весьма толково; ум этого алчного торговца неизменно приводил его на путь удач и преуспевания. Пока его друзья и соотечественники, убаюканные сказками о богатейших полотых россынях в колонии, теряли благополучие, здоровье и жизнь в погоне за ослепительным, но пустым призраком, порожденным лихорадочным воображением, как герой пробирается вперед более спокойной и верной тропинкой: одним взглядом оценив выгоду, которую можно извлечь из плодородной земли и поработещных индейцев, он, как ястреб, наметивший свою жертву, цепко ухватился за вдову донью Ану де Гевара, чей сан и особое положение давали ему безграничную возможность осуществить свои корыстные замыслы. Ведь в качестве родственника он как бы самой судьбой предназначен был стать покровителем малютки Меени.

Итак, дон Педро задумал стать опекуном неопытной доньи Аны, неспособной, по его словам, печется о своих интересах; но хотя ловкий идалго сумел приятным обхождением и разумными речами снискать расположение Овандо, тот все же отказался исполнить его просьбу, опасаясь, как бы дон Педро, облеченный званием опекуна, не превратился в полновластного деспота, еще более обременив и без того нечистую совесть ко-мандора.

Не предполагая, что надменный идалго согласится на должность мажордома, Овандо ответил, что донья Ана, подобно любой кастильской даме, имеет право распоряжаться собой и своим домом по собственному усмотрению, а посему нуждается лишь в хорошем управляющем, и был крайне удивлен, когда дон Педро, ссылаясь на интересы своей малолетней племянницы, изъявил желание взять на себя эту скромную обязанность.

Губернатор охотно пошел навстречу столь честным и смиренным домогательствам, и вскоре дон Педро ревностно принялся за дело и во всю мощь развернул свои предвзятые дарования управляющего.

Впрочем, больше всего дон Педро жаждал покорить сердце доньи Аны; с этой целью он изустил в ход любовные чары, проявив искусство и смелость, достойные лучших результатов, чем те, которых ему удалось добиться: на галантные притязания незадачливого ухажера молодая женщина ответила таким откровенным ледяным презрением, что дон Педро быстро убедился в бесплодности своих целеных попыток.

Тогда он решил было просить своего покровителя Овандо отдать за него замуж молодую вдову; но, вспоминая почтительное уважение, с которым губернатор неизменно отзывался о донье Ане, он отказался от своего намерения, опасаясь, как бы не потерпеть полного краха, в случае если Овандо догадается о тайной причине его честолюбивых замыслов и хитрых маневров.

Итак, Мохика примирился со своей ролью управляющего и, надо сказать, справлялся с ней на редкость толково. Он ревностно защищал права и привилегии доньи Аны, как индейской принцессы и христианской сеньоры; расточал похвалы и ласки «своей обожаемой племяннице» Менсии, обещал дать ей блестящее образование и умножить ее наследство; а когда придет пора, увести

ее в Кастилию и выдать замуж за одного из знатных сеньоров. Словом, дон Педро так распинался в своей преданности, что в конце концов завоевал признательность доньи Аны, поверившей, что этот родственник ей послан самим небом и что никто не станет столь искренне печется о судьбе ее дочери; проникнувшись таким убеждением, прекрасная Игемота охотно предала забвению все любовные притязания, которыми ей докучал мажордом первые три-четыре дня; к тому же ничего нового для нее в этом не было, она давно привыкла принимать восторженное поклонение своей красоте.

Однако сеньор Мохика питал далеко не такие добрые чувства, как он старался показать. Полученный отпор нанес жестокий удар его самолюбию; и если на какой-то миг очарование молодой женщины произвело на него сильное впечатление и зажгло в его сердце искру любви, досада от понесенного поражения раздула эту искру в пламя ненависти, и ничто не доставило бы ему большей радости, чем возможность погубить это беззащитное существо, которое в силу обстоятельств и низменных расчетов он с отеческой нежностью опекал, неусынно заботясь о нем, как о рудной жиле, сулящей изрядные барыши.

А потому, пока он занимался межеванием полей, составлял списки поработанных соотечественников доньи Аны, строил тут и там хижины и амбары, в душе его зрел зловецкий план, воображение лихорадочно работало, ум был занят лишь одной мыслью, как погубить донью Ану и полностью завладеть тем имуществом, которое ныне находилось в его временном управлении.

IV

ДОПРОС

Спустившись с гор, ночные тень уже окутали прозрачным покровом почти всю равнину, когда Игемота, взяв дочь за руку, направилась к дому, грустная и задумчивая, чувствуя, как ее быстро покидает мужество, на короткий миг появившееся в сердце при прощании с маленьким племянником.

Навстречу к ней поспешно вышел на порог дома дон Педро и с обычной угодливостью произнес: «Добрый вечер, кузина»; любезно ослабившись и расточая ласковые слова, он сильными руками поднял малютку Менсю. Потом, бросив вокруг пытливый взгляд, неожиданно прошептал, словно обращаясь к самому себе:

— Странно! Куда же девался этот мальчишка Гуарокуйя?

Услыхав имя племянника, донья Ана вздрогнула и очнулась от глубокого раздумья, из которого ее до сих пор не могли вывести все льстивые и преувеличенные похвалы, лившиеся из уст управляющего.

Искусство лжи было чуждо чистосердечной Игемоте; вот почему она даже не попыталась скрыть смущение, вызванное вопросом Мохики. Только теперь она поняла всю опасность происшедшего. Не отличаясь предусмотрительностью, она при прощании с мальчиком не подумала о том, что его исчезновение будет замечено испанскими властями и может отразиться на ее положении. Она привыкла свободно распоряжаться у себя в доме всеми, кто ее окружал; вмешательство Мохики в ее жизнь, выражавшееся в любезной и сдержанной форме, едва давало себя чувствовать, и молодой женщине не приходило в голову, что кто-то имеет право требовать отчета в ее поступках.

Однако природная смысленность подсказала ей, что вопрос о мальчике задан неспроста и что исчезновение ребенка может дать повод к нежелательным толкам. Она несколько замаялась, рассеянно повторила вслед за Мохикой имя своего племянника и наконец с полной неприкрытостью произнесла:

— Его взял с собой один человек.

— Взял с собой? Куда же? — удивленно спросил дон Педро.

— В горы, повидаться с родичами, — спокойно ответила донья Ана.

— С родичами?.. А кто он, этот человек? — настойчиво продолжал расспросы Мохика, почуя в неожиданном событии серьезный повод для тревоги.

Игемота проронила несколько невнятных слов, затем, потеряв деланное или естественное спокойствие, которое ей до сих пор удавалось сохранять, с явной досадой умолкла.

Дон Педро также умолк и за ужином, который был вскоре подаи, сидел нахохлившись. После ужина он прервал тягостное молчание, царившее за столом, и, едва скрывая раздражение, снова обратился к донье Ане со следующими словами:

— Необходимо, дорогая кузина, чтобы вы со всей откровенностью сообщили мне, с кем и куда отправился Гуарокуйя.

— Я ведь уже сказала, что его взял с собой в горы один человек, — решительным тоном ответила молодая женщина, — и полагаю, что этого вполне достаточно, ибо я не обязана давать вам отчет в моих поступках.

— Это верно, — с трудом сдерживаясь, промолвил дон Педро, — но для достойного выполнения моих обязанностей мне надлежит знать обо всех ваших знакомствах.

— Выходит, я ваша пленница, а вы мой страж, не так ли, сеньор? Ответьте без уверток.

— Нет, сеньора, но я должен обо всем докладывать губернатору, а данный случай настолько серьезен, что о нем требуется рассказать со всеми подробностями.

Донья Ана задумалась: слова Мохикки неожиданно открыли нечто новое; несмотря на оказываемые ей почести и видимость полной свободы, власти установили наблюдение за ее поступками, и, вспомнив пример своей несчастной матери, она поняла, что нет ничего проще, как усмотреть в ее поведении злой умысел, нарушающий порядок и спокойствие в колонии. Но Гуароа не успел еще далеко уйти, ведь он распрощался с ней всего два часа назад; четверо всадников на добрых лошадях могли, размышляла донья Ана, без труда догнать его и захватить в плен, а то и убить, что также вполне возможно.

Все эти соображения подсказали донье Ане ответ, который следовало дать дону Педро, не спуская никому мрачного взгляда с молодой женщины и, казалось, прощавшему в ее самые сокровенные мысли.

— Сеньор кузен, — начала она, — право, я не вижу тут ничего дурного, что могло бы задеть губернатора или кого бы то ни было. Завтра я сообщу вам, кто взял с собой мальчика и где вы можете его найти.

Дону Педро не оставалось иного выхода, как согласиться на подобную отсрочку, которая к тому же была ему на пользу: ведь прежде чем предпринять какие-либо шаги, необходимо все тщательно взвесить и составить за

почи план действий. Отвратительная гримаса исказила лицо Мохика, которому он тщетно пытается придать любовное выражение, и он отклапывает, сказав на прощание:

— Отлично. Покойной ночи, завтра утром вы мне все расскажете.

У

ИСПОВЕДЬ

На другое утро после описанных нами событий и разговора, едва лишь первые лучи солнца осветили землю, как дьявольский план доня Педро де Мохика был готов.

Мстительный майордом решил, независимо от объяснения, которое даст случившемуся донья Ана, не упустить случая погубить молодую женщину в глазах губернатора и одновременно потребовать себе опеки над малюткой Менсией в качестве ее ближайшего родственника, что даст ему возможность свободнее распоряжаться доверенным имуществом; а там уж нетрудно будет попросту убрать с дороги эту слабую помеху к достижению возжеланной цели, если почему-либо не удастся достичь своего, пользуясь детской наивностью Менсии, отданной ему на милость, как жаворолок, схваченный ястребом.

Поспешно одевшись, Мохика отправился на половину доньи Аны. Гонимая горестными мыслями, она имела обыкновение рано покидать свою опочивальню, чтобы в сопровождении старой индианки выходить на лужайку навстречу утешительному свету зари.

Без удивления встретила она Мохику, ожидавшего ее возвращения, и не мешкая приступила к разговору, словно желая поскорее покончить с неприятным делом.

— Никогда мне еще не приходилось видеть вас в столь ранний час, дорогой кузен; вы, верно, пришли спросить о Гуарокуйе?

— Как мы договорились, дорогая кузина, я жду, что вы мне обо всем расскажете.

— Все очень просто, — сказала Игемота, — вчера после полудня ко мне во время прогулки подошел мой двоюродный брат Гуароа; он предложил взять с собой мальчишку в горы. Я не нашаа в этом ничего предосудительного. Вот и все.

— Как, сеньора, — с удивлением возразил Мохика, — разве ваш брат Гуароа не погиб вместе с другими касиками?

— Я сама так думала, — ответила Игемота, — и при виде его перепугалась; но оказывается, он жив, чему я весьма рада.

Разговор продолжался в том же духе: с деланным добродушием со стороны дона Педро, с искренней непринужденностью со стороны Игемоты, которая, как мы уже заметили, не умела лгать и, полагая, что Гуароа в безопасности, не считала нужным скрывать правду.

Выведав все необходимые ему сведения, Мохика отнес холодный поклон и поспешил в дом губернатора.

VI

БЕГСТВО

Сопровождаемый двумя верными друзьями, которые по очереди вели мальчика за руку, а на крутых подъемах несли его на плече, Гуароа с первых же шагов направил путь к высокой горной цепи, начав восхождение именно с той стороны, где склоны поднимались круче.

Индийцы пробирались в темноте среди лесных дебрей с такой уверенностью и легкостью, словно путь их лежал через залитую солнцем долину. Тот, кто увидел бы, как они бесшумными тенями скользят вдалеке от дороги, посмеялся бы над доньей Аной, опасавшейся погони за этими проворными беглецами.

В полночь на помощь индейцам вышла луна. Огняенный лесными ароматами, маленький Гуарокуйя безмятежно уснул на могучем плече своего проводника. А тот шел затравив дышанце, чтобы не разбудить ребенка. Всю ночь продолжали индейцы свой путь на юго-восток, и чуть забрезжил рассвет нового дня, они достигли селения, прилепившегося у подножья двух крутых гор. Багряная заря согнала почные тли с горных вершин вниз в ложбину; в окутанных предрассветным сумраком хижинах не было заметно никакого движения. Казалось, все погружено в глубокий сон. Между тем индейцы уже

давно проснулись и, пританцываясь, настороженно ждали условного сигнала.

Едва услышав пронзительный свист, извещавший о возвращении вождя, они толпой высыпали из своих нор. Гуароа пассивно рассказал обо всем соплеменникам и показал рукой на мальчика, который тем временем проснулся от шума, поднятого вокруг путников. Велка была радость индейцев при виде сына вождя; все бросилось к нему, напереперыв приветствуя как наследника своего погибшего касика и с почтительной любовью передавая его из рук в руки. Гуароа с видимым удовлетворением наблюдал за этой картиной.

Путники провели здесь все утро, отдохнули и подкрепились обильной, хотя и непритязательной пищей горцев. Ее составляли бататы, овощи, маис, хлеб из маниоки, бананы, птичьи яйца, которые обычно съедались без соли вареными, а то и сырыми, и мясо агути.

После короткого сна Гуароа созвал старейшин, признавших его своим вождем. Он сказал, что положение их братьев после «кровавого дня» — именно так прозвали индейцы роковой день в Харагуа — стало еще ужаснее; ждать пощады от чужеземца не приходится; и потому, чтобы спастись от гибели или рабства — а рабство горше смерти, — надо бежать, в случае же если завоеватели их достигнут, биться до последнего. Гуароа потребовал от индейцев повиновения; он будет управлять ими, пока Гуарокуйи не достигнет возраста мужчины; по и теперь уже ребенку следует оказывать почести, как настоящему касику; и чтобы подкрепить свою речь примером, Гуароа усадил мальчика под гигантский ветвистый дуб, надел ему на голову убор из ярких перьев фламинго и почтительно поцеловал его ноги; тот же обряд, с торжественной сосредоточенностью, повторили один за другим все присутствующие.

Окончив это своего рода провозглашение верховной власти, Гуароа начертав вместе с друзьями план дальнейших действий и с мудрой предусмотрительностью обсудив все меры, которые помогут свободолюбивым индейцам усилить бдительность и предотвратить нападение врага. Была разработана целая система выслеживавшая противника, с тем чтобы весть о любом продвижении индейцев в любом направлении немедленно передавалась в отдаленнейшие уголки горной местности. Лежащее на

северо-востоке озеро Лаго-Дульсе, сказал Гуароа, назначается местом общего сбора в случае, если враг вторгнется в горы; сам он вместе с племянником будет держаться по другую сторону озера. Не медля долее, Гуа-

роа снова пустился в путь, выбрав в провожатые надежных индейцев и поручив им нести Гуарокуйю на носилках, сплетенных из гибкого ивняка и выложенных изнутри мягким вьюнком.

Мальчик молча следил за приготовлениями и охотно всему подчинялся. В свои семь лет он уже понимал всю тяжесть ожесточенной борьбы за жизнь и готов был делить со своими братьями любые невзгоды. Волна ужаса захлестнула его детское сердце в тот памятный час, когда разбойничьи банды командора Овандо учинили расправу над теми, кто с первого дня рождения касика окружал его колыбель; и теперь он всякий раз вздрагивал, услышав резкий крик индейца-караульного или далекий лай охотничьих псов, заглушаемый тревожными звуками боевого рога, извещавшего об опасности, которую войны, готовые к отступу или к смерти, встречали злобным кличем.

Какие тягостные переживания выпали на долю ребенка на заре его жизни! Неизгладимый след оставили они

в мягком благородном сердце, готовом раскрыться для любви и всех чистых, возвышенных побуждений, но слишком рано предназначенном для борьбы и горестных испытаний.

VII ДОНОС

Проворный дон Педро де Мохика в мгновение ока очутился в губернаторском доме. Одеваясь, губернатор в то же время рассматривал планы, лежавшие перед ним на столе. Его главной и неизменной заботой, как мы уже ранее упоминали, было основание «своего города». Желая угодить командору, чиновники и приближенные из его свиты что ни день делали новые наброски местности на взморье, сопровождая их обстоятельными пояснениями и описаниями; командор, желавший наиболее успешно разрешить столь важный вопрос, изучал чертежи с неустанным вниманием.

Итак, Овапдо был поглощен своим излюбленным занятием, когда ему доложили о приходе дона Педро.

Пользуясь дружеским доверием губернатора, дон Педро имел обыкновение входить в кабинет без доклада. Однако на сей раз он умышленно отказался от давнишней привилегии, дабы придать своему посещению особую торжественность. Услыхав от камердинера о приходе дона Педро, командор было выпрямился, но затем вновь склонился над планами и погрузился в их тщательное изучение.

Пять минут спустя камердинер снова вошел со словами:

— Дон Педро Мохика ожидает приказаний вашей милости, желая сделать сообщение о крайне важном деле.

— Так пусть войдет, черт возьми! — ответил командор. — Что означают эти церемонии?

Полагая, что необходимый церемониал соблюден, дон Педро наконец вошел и учтиво приветствовал командора.

— Чем объяснить вашу кислую мину, сеньор идадьго? — ядовито спросил губернатор. — Не обнаружили ли вы нового ущемления прав вашей прекрасной кузины и не пришли ли вы требовать их восстановления?

— Отнюдь нет, сеньор, — ответил Мохика, — я пришел сообщить вам преприятнейшую новость. Эта донья Ана, которую вы столь высоко цените, недостойна вашего покровительства: следуя по стопам своей вероломной родительницы, она платит предательством за поче-

сти, которые мы ей воздаем, и поддерживает связь с укрывшимися в горах мятежниками.

Закончив вступление, дон Педро перешел к рассказу о вчерашнем событии, сознательно искажая ответы доньи Аны и живописуя мрачную картину с целью посеять недоверие и тревогу в душе командора.

Овандо сосредоточенно слушал клеветника; брови его басунились, искаженное гримасой лицо не предвещало ничего хорошего для доньи Аны, и злорадный мажордом уже предвкушал полный успех своего низкого замысла.

Выслушав Мохлику до конца, губернатор сурово спросил:

— Вам больше нечего добавить?

— В заключение могу только сказать, сеньор, что донья Ана виновна, а посему подлежит каре, предусмотренной законом за измену; имущество изменника переходит в казну; но поскольку от брака с испанским кабальеро у нее имеется дочь, непричастная к преступлению матери, и долг кровного родства велит мне бдительно охранять интересы ребенка, прошу вашу милость, наказав мать, передать ее имущество дочери, меня же назначить полномочным опекуном, как того требует справедливость.

— Ваше желание исполнится, — ответил Овандо, поднимаясь, — если подтвердится все рассказанное вами; в противном случае, — тут голос командора повысился и звучал угрожающе, — приготовьтесь понести наказание за обман и лишиться всего, даже жизни.

Проговорив эти слова, командор вызвал своих чиновников и дал им краткие и точные указания. Первым делом он велел заключить в тюрьму дон Педро де Мохлику; ошеломленный, не зная, чем объяснить такую неожиданную папашу, клеветник без возражений последовал к месту своего заключения. Далее командор распорядился послать за доньей Анной гонца, наказав ему соблюдать величайшую деликатность и учтивость по отношению к сеньоре; и, наконец, дон Диего Веласкес, военачальник, пользовавшийся полным доверием губернатора, получил приказ подготовить все необходимое, чтобы в тот же день, не мешкая, выступить в горы во главе сорока пеших и десяти конных воинов.

Не прошло и получаса, как в доме губернатора появилась краткая Нгемота в сопровождении посланного за

ней гонца, а также старой индианки, которая вела за руку малютку Менсину. Овандо весьма милостиво принял мать, а дочь удостоил высокой чести, запечатлев на ее гладком, чистом лбу поцелуем, встреченный ясной и безмятежной улыбкой ребенка. После столь благосклонного приема тревога матери улеглась, и, когда губернатор обратился к своей гостье с вопросом, она уже вновь обрела обычное спокойствие.

— Скажите мне, донья Ана де Гевара, — начал Овандо несколько напыщенно, но вполне любезно, — с какой целью вы, вступив вчера в тайные переговоры с мятежным Гуароа, поручили ему вашего племянника?

— Сеньор, — отвечала Игемота, — Гуароа появился передо мной неожиданно; я даже не знала, что он жив, и не могла считать его мятежником, — ведь он бежал, чтобы спастись от смерти; а моего милого племянника Гуарокуйо я отдала ему из опасения, что, когда он вырастет, его ожидает рабство.

— Веря вашей искренности, донья Ана, я все же удивляюсь, почему вы тревожитесь за судьбу племянника, — ответил командор. — Ведь находясь в вашем доме, он делит почести, которые вам по справедливости воздаются.

— У меня были добрые намерения, сеньор, — сказала с чарующей непосредственностью молодая жепцина. — Возможно, я по неведению совершила ошибку, не желая, однако, доставить вам ни малейшего огорчения; взяв меня под свою защиту и требуя почтительного ко мне отношения, вы, я уверена, завершите ваши милости и вернете свободу моей обожаемой матери, а мне спокойствие и радость.

При последних словах командор что-то невнятно пробормotal, потом, овладев с волнением, произнес дрогнувшим голосом:

— Не стоит пока говорить об этом... Мой долг велит предупредить вас, донья Ана, чтобы впредь вы не поддерживали никакой связи с мятежниками. Не желая досаждать вам проверками и тягостными лишениями, я решил перенести вашу резиденцию в Санто-Доминго, где жизнь во всех отношениях приятнее, чем здесь. Итак, вы можете удалиться и заняться необходимыми приготовлениями к отъезду. беру на себя все заботы о вас и вашей дочери.

С этими словами командор любезным поклоном распрощался с дощей Анной, и она вышла в сопровождении того же чиновника, не зная, радоваться ли предстоящей перемене или огорчаться. Надежда, что в столице колонии она увидится со своей матерью, взяла верх над другими помыслами, и с этой минуты ей не терпелось подогнать лишнее время и поскорее распрощаться с прекрасным побережьем, свидетелем ее первых девичьих грез, любви и краткого счастья, сменившегося вскоре глубокой скорбью вдовства и завершившегося тяжким испытанием в тот роковой час, когда бесчисленные бедствия обрушились на всех родных и близких, которые еще недавно украшали цветами ее младенческую колыбель и наполняли радостью дни ее детства. Могла ли молодая женщина предвидеть, что ей больше никогда не придется склонить усталую голову на материнскую грудь, что вместо этого ей суждено перенести самый жестокий и горький удар, какой только может постигнуть любящую дочь, удар, подготовленный неумолимым роком.

VIII

РАССЛЕДОВАНИЕ

Дон Педро де Мохика был освобожден из-под ареста в тот же день; внешне ему была возвращена милость командора, взявшего с него клятвенное обещание с безупречной честностью управлять имуществом дощи Анны де Гевара. Хитрый плут рассыпался в уверениях преданности и выбежал рысдой, как пес, которому посчастливилось спастись из капкана, куда он печально угодил. В мыслях его царило смятение. Безуспешно стараясь логически объяснить ход событий, он был подобен рулевому без компаса, который тщетно пытается вести корабль, отданный во власть разбушевавшейся стихии. Правда, из-под ареста его освободили; по дощья Анна также осталась на свободе; он продолжает управлять имуществом своей кузины, по кузина по-прежнему пользуется свободой и уважением; между тем разгневанный губернатор обещал повесить одного из них — или дощью

Апу, если обвинение дона Педро подтвердится, или доня Педро, если донья Ана окажется певичной.

«Одержал ли я победу или понес поражение? — с тревогой спрашивал себя злобный урод. — Если все осталось по-старому, за что же губернатор велел арестовать меня? И почему я выпущен на свободу? Почему так невозмутима донья Ана? Почему я остался ее управляющим? Почему?.. К черту! Раз она не сердится на меня, спросим ее, что произошло, и получим ключ к разгадке».

Сказано — сделано. Продолжая разговор с самим собой, Мохика, запылавшись, предстал перед Игемотой, машинально уселся и, настороженно глядя на нее, спросил кротким елеинным голосом:

- Как вас принял губернатор, сеньора кузина?
- С отеческой добротой, — просто ответила Игемота.
- А что вы рассказали ему?
- Все.
- Что же он вам ответил?
- Ничего.

Дон Педро опешил.

Несомненно, донья Ана разгадала его вероломство и теперь мстит, насмехаясь над ним. Вот какая мысль мелькнула в голове управляющего; однако он ошибался: по своему простодушью и наивности молодая женщина полагала, что вопросы Мохики выражают его беспокойство, не проявил ли губернатор при свидании с ней некоторой суровости; соответственно этому донья Ана и отвечала своему рачительному управляющему, уверенная, что ему уже известен приказ о перемещении ее резиденции в Санто-Доминго; к тому же она ничего не слыхала о заключении доня Педро в тюрьму и о последующей холодности губернатора.

Донья Ана привыкла к тому, что дон Педро вмешивается во все ее дела, и предполагала, что только ее беседа с командором осталась ему неизвестной.

Идальго совсем растерялся от неожиданного поворота дела. Охваченный сомнениями, он уже собирался откланяться, когда Игемота, также погруженная в размышления, подняла на него глаза и добавила:

— Я полагаю, вы будете сопровождать нас в Санто-Доминго.

— В Санто-Доминго? — воскликнул Мохика, вздрогнув от неожиданности.

— А разве вы ничего не знаете?

— Нет, сеньора, то есть... я сомневался... Кос-что мне об этом известно... — процедил сквозь зубы Мохика, боясь, с одной стороны, павлечь на себя недовольство губернатора, а с другой — потерять престиж в глазах доньи Аны из-за своей неосведомленности в этом вопросе.

Он на мгновение задумался, в голове у него зародилась дьявольская мысль, и все вдруг стало ясно. Его козли не прошли бесследно, донья Апа отирается в Сан-

то-Доминго в качестве пленницы, ничего о том не подозревая, а он, как опекун Менсии, остается распорядителем всего имущества, — в этом нет никакого сомнения.

— Да, сеньора, — сказал он, на этот раз уверенным тоном, — вы отбываете в Санто-Доминго, — но я не могу сопровождать вас, ибо на мне лежит забота о вашей дочери...

— О моей дочери?.. Что вы! — с живостью перебила его донья Ана. — Моя дочь останется при мне, без нее я и шагу не сделаю.

Мохика промолчал; любое его слово могло оказаться роковым, он был подобен человеку, ступившему на гладкий и скользкий склон, ведущий к пропасти.

Успокоенный, он распрощался; вскоре его вызвали к губернатору. Он поспешил явиться и услышал сухой повелительный приказ:

— Распорядитесь всем необходимым для отъезда доньи Аны завтра к вечеру.

— Она отиравляется в качестве пленницы?

— Она отиравляется свободной! — прогремед губернатор. — Побеспокойтесь же о том, чтобы она с дочерью ни в чем не терпела недостатка; с ней поедет неограниченное число слуг, все, кого она выберет; ей надлежит оказывать такие почести и знаки внимания, как если б она была моей дочерью, понятно?

Дон Педро поклонил голову и отправился выносить приказания губернатора.

Между тем Диего Веласкес во главе своего небольшого отряда в тот же день под вечер выступил в поход и, проведя ночь у подножья гигантских отрогов Ла Сильи, проник на другое утро в узкое и обрывистое горное ущелье. Гуароа и его соплеменники рассматривались как мятежники, которых надлежало покорить и силой привести под ярмо цивилизации.

IX ПОГОНЯ

Для выслеживания испанцев индейцам не требовалось ни особых приказов, ни тщательно обдуманного плана. Они действовали по доброй воле, подчиняясь вполне

политному побуждению; иные даже утверждают, будто склонность к выслеживанию лежит в природе индейской расы. Но это одно из многих клеветнических измышлений, которые существовали и существуют поныне, для оправдания несправедливости: с незапамятных времен тираны видят в последствиях своих беззаконий новый повод усилить гнет в подвластном им крае.

Простодушные и доверчивые от природы индейцы острова Гаити стали после знакомства с европейцами и подозрительными и скрытными: сличком уж беспощадно обращались с ними завоеватели, жестоко каравшие победивших за малейшие проступки против ненавистной им тиранической власти.

Изнуренные непосильным трудом индейцы, добывавшие для европейцев золото с речного дна, ревниво оберегали тайну других известных им золотых россыпей и проявляли при этом удивительную изобретательность из страха, как бы алчные палачи не проникли о новых месторождениях; голодные, они жуекали на всяческие уловки, чтобы украсть кусок хлеба и убежать карающего бича, который обрушивался на спину дерзкого обжоры. Вскоре несчастный народ, о котором Колумб писал, что «на свете нет лучших людей», развратился и превратил лицемерие, лживость и вероломство в свой закон. Когда под бременем усталости и жестокого обращения сдает тело, душа становится добычей низких пороков. Вот к чему привела беспощадная, не знающая пределов алчность завоевателей.

События, недавно разыгравшиеся в Харагуа и заставившие Гуароа бежать в горы, еще сильнее обострили склонность индейцев к подозрительности. Ни один шаг испанцев, ни одно событие, как бы ничтожно оно ни было, не ускользали от бдительного ока местных жителей. Из глухого горного утолка, где скрывался беззащитный с племянником касик, до самых берегов океана, где завоеватели воздвигали свои форты и крепости, раскинулась густая сеть разведчиков: от индейца-слуги, который, туго уставившись в пол, прибирал дом испанца-хозяйина, вести передавались из уст в уста по беспощадной цепи — от водоноза к дровосеку, от дровосека к старому калеке-индейцу, копящемуся на жалком клочке земли у подножья гор, от старого индейца во все концы округи.

Вот почему задача, возложенная командором на Диего Веласкеса, оказалась на самом деле значительно труднее, чем это могло показаться с первого взгляда. Испанский военачальник получил приказ взять Гуароа живым или мертвым; отряду предстояло прочесать все горы, для виду прикрываясь необходимостью наладить уплату дани, сбор которой был нарушен трагической гибелью индейских вождей. Едва испанцы сделали первый привал близ ущелья Ла Силы, как весть об их появлении распространилась в горах с быстротой молнии и уже на другое утро достигла слуха осторожного и предусмотрительного Гуароа. Индейский вождь, обосновавшийся на берегу озера вдали от главной дороги, немедленно приготовился принять и разместить поблизости беглецов, которые должны были покинуть насиженные места и к концу дня сплотиться вокруг него. Итак, план индейцев заключался главным образом в бегстве от противника; да иначе и быть не могло, — ведь безоружные туземцы жили в постоянной тревоге, насмерть запуганные крутыми расправами пришельцев. Десятилетний опыт показал обитателям Эспаальды, что при всем их природном мужестве нельзя вести борьбу как прежде, когда они не имели еще ни малейшего представления о силах могущественного противника. В первые годы после вторжения завоевателей индейцы с громкими криками беспорядочной лавиной устремлялись в неравный бой против заковавшей в латы испанской кавалерии, под смертоносный огонь аркебузов. Память о горестных днях поражения научила индейского вождя всячески уклоняться от встреч с испанцами, прибегнув к многотрудному способу — бегству, переходу с одного места на другое; его собратьям предстояло превратиться в бродячее, кочующее племя и терпеливо выжидать, когда противник наконец устанет.

Это не значит, однако, что война совсем не входила в планы Гуароа; напротив, он готов был биться до последнего вздоха, и его решимость разделяли все или почти все индейцы; но к рукопашной схватке они прибегнут лишь в крайности, когда не останется другого выхода, или в том случае, если оплошность утомленных испанцев даст возможность пасть на них враглов. Словом, индейцы, встретившиеся с превосходными силами противника, решили, как искусные стратеги, держаться

подальше от врага, пока не представится благоприятный случай померяться с ним силами. Крайности сходятся, и весьма возможно, что военная наука, достигнув своей высшей ступени, вернется к первобытному инстинкту самосохранения.

Предположения Гуароа оправдались: едва отряд Веласкеса вступил в горное ущелье, как к озеру Лаго-Дульсе стали стекаться во главе со своими родоначальниками наиболее выносливые горцы, способные выдержать все превратности бродячей жизни, которая их ожидала: многие из них прибывали вместе с жепами и детьми. Гуароа указал им на обширную пальмовую рощу близ озера, где беглецы без особого труда соорудили себе просторные жилища среди пальмовых деревьев, возвышавшихся подобно стройным колоннам, нашедшим такое удачное применение в арабской архитектуре. Как не восхищаться предусмотрительностью вождя, выбравшего это место для объединения племени? Берега чудесного голубого озера изобиловали разнообразной и богатой рыбой, а спокойные воды, не отличавшиеся, впрочем, особой прозрачностью и вкусом, были на редкость богаты рыбой; множество ключей и родников предлагали путнику, истомленному жаждой, свои студёные воды, струившиеся среди буйного цветения лесных вьюнков, прихотливо обвивавших пышные кусты и радовавших взор всевозможными оттенками и переливами свежих красок; ветер здесь был насыщен дыханием благоуханных трав.

Вступив в горы, Диего Веласкес с удивлением заметил, что все вокруг странным образом опустело; лишь изредка навстречу ему попадались немощные старики да жалкие старухи из горного племени. Испанский военачальник не впервые очутился в горах — ему и ранее доводилось бывать здесь с важными поручениями: то требовалось собрать дань, то надобно было убедить индейцев создавать поселки и отказаться от дикой жизни. Тут Веласкес добился немалых результатов, делавших честь его умению обращаться с местными жителями. В таких случаях ему удавалось даже найти путь к сердцу индейцев и установить с ними дружеские связи. Однако на этот раз он тщетно пытался что-либо выведать у своих тезок, как он, бывало, в шутку называл тех, кто из любви к нему принимал его имя, но обычаям этой местности. Люди скрывались, избегали показываться на глаза

испанцу; и пока тот дожимал бесполезными расспросами старика, безмятежно курившего табак на пороге своей хижины, случалось, что индеец, о котором шла речь, поглядывал на испанского военачальника, притчась за ближайшими деревьями.

Так в бесплодной разведке прошел целый месяц; редкие обитатели, попадавшиеся на глаза Веласкесу, точно сговорившись, прикидывались дураками, что-то бессвязно бормотали, невпопад отвечали на вопросы. Если же иной раз, в виде исключения, и встречался на пути более или менее разговорчивый и разумный индеец, его ответы окончательно сбивали испанцев с толку: люди, говорил он, «работают» далеко, очень далеко отсюда, а впрочем, скоро вернутся, к вечеру непременно будут здесь; когда же наступал вечер и никто из жителей не возвращался, индеец выражал искреннее удивление, вызывался проводить испанцев к месту «работы», но, дойдя до первой ложбины или опушки леса, внезапно исчезал, таял в воздухе, подобно бесплотному духу, и заблудившимся испанцам оставалось лишь заняться в потемках поисками кукурузных початков или съедобных корешков на заброшенных прогалинах среди глухомани.

Бывало, захватив и связав индейца, они грозили ему побоями, а то и смертью в случае, если он попытается их обмануть и скрыться; и все же, когда с огромными трудностями отряд добирался до какого-нибудь глухого угла, такого же пустынного, как и остальная местность, проводник останавливался со словами: «Вот тут я их оставил и думал, что они по-прежнему здесь», или что-нибудь в этом роде. Нельзя было добиться толку ни добром, ни злом; удары так и сыпались на спину проводника, и нередко стойкий индеец, стиснув зубы, без стопа молча умирал под палками. Веласкеса приводила в отчаяние безуспешность его экспедиции; странное поведение горцев он объяснял лишь тем, что расправа в Харагуа вселила ужас в их сердца. Было совершенно очевидно, что перепуганные насмерть люди убегают и прячутся, покидая насиженные места, лишь бы сохранить жизнь.

То ли из милосердия, то ли из других соображений, Диего Веласкес попытался прибегнуть к более разумной и человеческой тактике. Со всеми встречавшимися на пути индейцами он обращался неизменно мягко, стараясь лас-

кой внушить им доверие к испанцам; тому, кто соглашался служить им проводником, предоставлялась полная свобода и не возбранялось в любой момент бежать — никто не страдал и не преследовал беглеца. И, наконец, в распоряжении Веласкеса имелось еще одно средство — бочки андалусского вина, которым он не скупился угощать жалких стариков: под магическим действием пьянящего напитка старики прониклись такой безграничной благодарностью к испанцу, что тот вскоре овладел всеми заповедными тайнами беглецов.

Один из горцев, который вначале прикидывался круглым идиотом, до такой степени пристрастился к вину, что однажды совсем размяк; его обычно молчаливый язык развязался, и Веласкес, не упустив случая, выведал у захмелевшего болтуна все необходимые сведения. Когда мертвецки пьяный старик погрузился в сон, Веласкес уже знал, где скрывается Гуароа вместе со всем племенем. Той же ночью отряд выступил в поход.

Но уже к вечеру старик пришел в себя, и когда в памяти бедняги возникла его предательская болтовня, он немешкая кликнул сына, мальчугана, привычного выполнять всякие поручения, и велел ему бежать под покровом ночи напрямик через лес и передать Гуароа весть о том, что испанцы готовятся напасть на него.

Беглецы поспешили покинуть гостеприимные берега Лаго-Дульсе, слишком отлогие, а потому вполне доступные для кавалерии, наводившей ужас на индейцев. Для новой стоянки Гуароа избрал высокую, почти отвесную гору, уходившую вершиной в облака. Эта естественная крепость, доступная только с юго-западной стороны, соединялась глубоким ущельем с подножием соседней, такой же обрывистой, скалистой вершины, призванной служить вторым бивуаком для беглецов.

Добравшись до Лаго-Дульсе, Веласкес нашел лишь следы недавнего пребывания индейцев и не мог не подивиться живописности берегов и удачному расположению местности, укрывавшей Гуароа с его племенем. Невольно поддавшись доброму движению сердца, он даже пожалел, что пришлось нарушить их мирное уединение. Злосчастные беглецы, как видно, не таили никаких коварных планов, и эта мысль убаюкивала дремавшую в душе испанцев жажду истребления, которая с неумолимой силой пробуждалась при малейшем подозрении, что против них

замышляют недоброе. На этот раз испанцы гиались по пятам за Гуароа отчасти по долгу службы, отчасти из чувства задора, движимые скорее страстью к приключениям, чем желанием пролить кровь тех, которых разве что в пасмешку можно было назвать мятежниками. Итак, добравшись до пальмовой рощи на берегу озера и удобно расположившись, Веласкес решил дать людям отдых на несколько дней в этой прекрасной местности и ограничиться лишь небольшой ежедневной разведкой в горах поблизости.

Вершина, куда бежал Гуароа со своими соплеменниками, была отличным военным редутом, не больше; только таким преимуществом и ограничила природа свои милости на этой недоступной скале. Водоемы в расщелинах гранитного плоскогорья попадались редко и хранили мало влаги. Не было здесь ни посевов, ни каких-либо съедобных растений; в два-три дня беглецы поковчили со скудными запасами, прихваченными с берегов Лаго-Дульсе, и съели все дикие плоды, которые удалось найти на негостеприимной горе. Потом начался голод. Женщины и дети, за исключением Гуарокуйи, были отосланы назад домой; на поиски пищи отрядили несколько человек, они двинулись на юг, в направлении, противоположном вражескому лагерю, и вскоре достигли долины реки Педерналес. До беглецов еще не успела дойти весть, что близ устья реки расположился испанский отряд, посланный для наблюдения и охраны местности. От нечего делать солдаты охотились в окрестностях. И вот, когда по семь посланцев Гуароа, добравшись до маисового поля, принялись собирать золотистые початки, их внезапно окружили испанские солдаты; только трех индейцев удалось захватить в плен, остальные спаслись бегством. Начальник отряда, старый испанец, обласкал пленников, выпустил им доверие к себе и ловко выведal у них, где Гуароа разбил новый лагерь и какие там заведены порядки. Узнав, что число беглецов велико, испанский офицер вселовишился и, взяв пленников себе в проводники, отправился с частью своих солдат к Диего Веласкесу на совещание.

Веласкес тотчас выступил в поход, задавшись целью покорить или уничтожить повстанцев. Разделенные на три отряда, испанцы с трех сторон проникли в глубь гор и бросились на приступ отвесной вершины, давшей приют

беглецам. Но индейский вождь не дремал и с поразительным проворством смог организовать оборону лагеря. Едва испанские солдаты стали карабкаться на скалистую вершину, как на них обрушился, сев смерть, град увесистых камней. Трижды шли на штурм смельчаки, и трижды скатывались они вниз, сбитые огромными глыбами с этого почти отвесного склона.

Сперва оборона проходила в полном молчании — так приказал вождь; по весте, что враг неожиданно показался еще с другой стороны, вызвала смятение и жалобные вопли среди осажденных.

На помощь к малодушным бросился Гуароа, он поспевал решительно всюду, подбадривал, успокаивал, вселял надежду, указывал им подготовленный на крайний случай, втайне от врага, путь к отступлению. Так вождю удалось поднять упавший было дух своих воинов и бросить их снова в бой, чтобы отразить натиск испанцев, которые карабкались вверх со всех сторон.

Ночной сумрак положил конец отчаянной схватке; под покровом темноты индейцы начали отступление и, прокрапившись по дну ущелья, углубились в горы по соседству. На рассвете следующего дня Диего Веласкес отдал приказ идти на новый штурм; на этот раз отряд не встретил никаких препятствий, кроме естественных преград отвесного склона; достигнув вершины, испанцы застыли, ошеломленные безлюдием, царившим на горном плато.

Х

КОНТРАСТЫ

Пришлось немало потрудиться, чтобы обнаружить новое местопребывание индейцев; еще три приступа выдерживал Гуароа с неизменным успехом; вотом, как и в первый раз, ему удалось бежать от противника вместе со всеми своими людьми.

Но не так просто спастись от голода, который все чаще донимал их. Среди густых зарослей трудно раздобыть пищу: диких плодов мамея, гуанабано, хагуа и качо становилось все меньше и меньше; грызунов и игуан не хватало для пропитания племени, — надо было либо

найти другое, более гостеприимное становище, либо умереть.

Вождь не колебался: пять индейцев, которым недавно удалось бежать от испанцев, напавших на них врасплох близ реки Педерналес, получили приказ разведать местность и выяснить расположение и численность испанского отряда на речном берегу.

Лазутчики точно выполнили все наставления осторожного вождя и к концу трех дней благополучно возвратились с вестью, что испанский отряд близ устья реки состоит из двух десятков солдат; ежедневно патруль из восьми человек проверял с утра все окрестности и к вечеру возвращался, чтобы ночь провести вместе с остальными в казарме.

В тот же день беглецы всем лагерем отправились в путь за мясом и около полуночи были на месте. В мгновение ока расправился он с урожаем, не оставив в поле ни одного початка; нагруженные запасом пищи на несколько дней, индейцы повернули па восток от реки Педерналес, хотя накануне ночной экспедиции их лагерь находился значительно ближе к посевам.

Испанский патруль обнаружил произведенное опустошение. Окрестные мирные индейцы сами не знали, как исчез maize, но со страху, желая отвести от себя подозрения, привялись так усердно помогать солдатам в их розысках, что вскоре следы почтовых пришельцев были обнаружены.

Офицер, под командой которого стоял пост у Педерналеса, немедленно послал гонца к Диего Веласкесу с сообщением о случившемся; однако гонец, местный житель, не торопился, и прошло немало дней, прежде чем он пересек горы и добрался до Лаго-Дульсе, где стояли лагерь испанцы.

Диего Веласкес решил вернуться обратно в плодородную возделанную местность, потому что его отряд понес немалые потери, изголодался и устал от тяжелых переходов в суровых горах. О положении он сообщил в Харагуа командору Овандо, который к тому времени нашел наконец удачное место и наметил план для основания города Вера-Пас, на склоне Ла Силья, близ Рио-Гранде. Благочестивый командор в надежде умиловить бога и снять с души бремя преступления, совершенного в Харагуа, заложил — одновременно с первым камнем город-

ского муниципалитета — фундаменты для церкви и францисканского монастыря, а на отвесной горе, вздымавшейся в северо-восточной части, велел возвести крепость. Среди этих забот его и застали вести от Диего Веласкеса; дерзость индейцев привела командора в ярость. Он приказал немедленно направить в подкрепление испанскому отряду еще пятьдесят человек, а других двадцать пять посадить на судно и послать морем к устью Педерпалеса, чтобы, объединив их с имеющимися там силами, предпринять новую кампанию под командованием Веласкеса и вторгнуться в глубь гор с севера. Превосходно вооруженные испанцы были обеспечены таким провиантом; часть его предназначалась для южного берега и шла в трюме каравеллы; остальное продовольствие несли на плечах индейцы, сопровождавшие сухопутный отряд.

Когда все было готово и каравелла приняла груз, к Овадо явился испанец, человек еще молодой, державшийся с величавым и вместе с тем скромным достоинством. При виде его губернатор выразил приятное удивление и воскликнул доброжелательно и ласково:

— Слава богу, наконец-то после длительного перерыва я снова вижу вас, лицензиат. Я был бы весьма рад узнать, что с вашими печальями и унылым настроением покончено.

Человек, встреченный такими ласковыми упреками, ответил:

— Сеньор, оставим лучше в стороне мои печали: от этого зла меня избавит лишь уверенность в том, что я могу оказать помощь моим близким. И раз уж вы, слава богу, согласились со мной, что нам следует как из высланных, так и из обычных практических соображений добром и лаской привлекать к себе несчастных индейцев Харагуа, — которые и поныне, исполненные ужаса, прячутся в недоступных горах, — меж тем как мы, в нарушение всех божеских и человеческих законов, охотимся за ними, как за диким зверем...

— Опять вы за свое, сеньор Бартоломе! — перебил его Овадо. — Разве вам не известно, что индейцы замыслили уничтожить нас? Что их зловредная и вероломная правительница, пытаясь лживым гостеприимством усыпить нашу бдительность, подстрекала своих подданных перерезать всех испанцев? Так что ж, по-вашему, нам следовало, подобно кротким ягням, подставить шею под нож?

— Поговорим серьезно, сеньор. Ведь только в шутку можно утверждать подобные вещи. Но взгляните, еще дымятся костры в Харагуа, и эта шутка, пожалуй, еще более жестока, чем ваша кощунственная игра с диском. Игра, послужившая сигналом к цеслыхапной бойне в тот злощастный день.

— Хватит, сеньор Лас Касас, — прервал его губернатор, хмури брови. — Вы слишком многословны. Я вам и раньше уже говорил, что не менее вашего скорблю при воспоминании о пролитой крови и суровой каре, к которой я вынужден был прибегнуть; окажись вы на моем месте, лиценциат, клянусь, вы постушили бы точно так же.

Бартоломе Лас Касас лишь сухо усмехнулся при этом предположении; заметив его усмешку, губернатор нетерпеливо воскликнул:

— В конце концов, чего вы добиваетесь? Чем вызвано ваше посещение?

— Я желаю сопровождать экспедицию к реке Педерналес: необходимо предотвратить готовящиеся преступления и утереть слезы несчастных; я надеюсь, что мои советы помогут избежать поздних сожалений.

— Вам следует пойти в монахи, сеньор Бартоломе.

— Могу снова повторить вам, сеньор, что с божьей помощью я надеюсь им вскоре стать; ныне я прохожу послушание.

Взглянув на своего собеседника, Овадо заметил нечто необычное в его лице, озаренном светом милосердия, и сказал с оттенком уважения:

— Ступайте с богом, сеньор Бартоломе, и не думайте, будто у меня злое сердце.

Замечательный человек, которому суждено было в дальнейшем удивить властелинов земли своей героической защитой угнетенных индейцев, ответил легким поклоном на эту беспомощную попытку оправдаться и торжественно произнес:

— Да просветит вас господь, и да ниспошлет он вам свою благодать!

С этими словами Лас Касас поспешно вышел. Два часа спустя он плыл с попутным ветром на каравелле к южному берегу.

XI СОВЕЩАНИЕ

Получив ожидаемое подкрепление, Диего Веласкес немедленно снялся с берегов Лаго-Дульсе и двинулся в глубь гор, согласуя все свои действия с начальником отряда, охранявшего Педерналес, и руководствуясь указаниями Овандо, который велел подниматься вверх по течению реки, соблюдая осторожность и захватывая по пути в этой местности, славившейся своим плодородием, все продовольствие, чтобы, с одной стороны, пополнить собственные запасы, с другой — лишить индейцев необходимой пищи. Веласкес рассчитывал, что, держа курс от озера на юг вплоть до берегов реки и следуя затем вниз по течению, он через два-три дня неизбежно встретится с береговой охраной; соединившись, они проникнут в горы и оттеснят индейцев к более отлогим склонам, ближе к устью реки, где противника легче разбить.

Первая часть этого плана была выполнена в полном согласии с расчетами испанского военачальника: уже на третий день он соединился с отрядом, расположившимся в излучине реки, у подножья горы, как раз там, где она круто, почти отвесно поднимается вверх от самого берега, а чистые воды реки обрамляют прекрасную зеленую равнину, расстилающуюся к западу. Но не так просто было встретиться с противником; когда после непродолжительного отдыха испанцы начали облаву, оказалось, что индейцы покинули свое становище близ Педерналеса и снова бежали в глубь недоступных гор.

А произошло это вот отчего: когда солдаты услыли, индейцы с навьюченными на спины съестными припасами скрылись, чтобы присоединиться к своим собратьям и оказать им двойную услугу: снабдить обильным провиантом и предупредить о приближении врага.

Отчаяние Диего Веласкеса достигло предела, когда он понял, что после всех трудностей погоди индейцы снова ускользнули из его рук; и все же с неукротимым упорством, свойственным тем железным людям, которые предприняли завоевание Нового Света, открытого гением Колумба, испанский военачальник дал приказ идти вперед, чтобы достигнуть цели, которую он уже около трех месяцев безуспешно преследовал.

Итак, испанцы готовились сняться с лагеря, когда Бартоломе Лас Касас, — он шел с береговым отрядом, выдвигаясь среди воинов своим черным камзолом и коротким плащом, вооруженный лишь простой узловой палкой, помогавшей ему преодолевать горные перевалы и переходы вброд через реки, — решительно приблизился к Веласкесу и сказал:

— Сеньор Диего, поверьте, напрасно вы трудитесь, все усилия вашей милости пойдут прахом, индейцы будут и впредь благополучно ускользать из ваших рук; в этой кампании против невидимого врага, который не только не нападает на нас, но всячески ловчится избежать с нами встречи и спасти свою жизнь, пострадает честь нашего оружия.

— Что вы хотите этим сказать, сеньор Бартоломе?

— А вот что: ежели ваша милость вместо дальнейшей охоты на жалких и безвредных людей попытается их убедить в том, что им не грозит смерть или другая кара, они сдадутся к вашей вышней славе и спасению вашей души.

Диего Веласкес по природе своей не был жестоким; впечатлительный, как и все люди его расы, начиненный религиозными и политическими предрассудками своего времени, он следовал роковому примеру всех завоевателей, жаждавших предать огню и мечу тела и души несчастных индейцев; но всякий раз, что ему удавалось вовремя поразмыслить, природное великодушие брало верх, а воинственный пыл уступал место рассудку. Слова Лас Касаса, проникнутые чувством сострадания, рассеяли кровавые замыслы испанского воеводы, как солнечный луч рассеивает осенний туман в горах.

— Но кто убедит индейцев в том, что никто из нас не посягнет на их жизнь? — спросил Веласкес Лас Касаса.

— Я, — ответил тот просто, — я пойду с проводниками-индейцами, повидаясь с Гуароа и несколько не сомневаюсь, что мне удастся убедить его.

Испанский военачальник был поражен таким решением, которое свидетельствовало о неведомом ему долге бесстрашия — о бесстрашии милосердия; как известно, вера заразительна, и Веласкес невольно поддался

той силе, которая вдохновляла великодушное сердце Лас Касаса; он внял доброму совету, и с той минуты перед ним забрезжила надежда успешно сладить с порученным ему делом.

ХИ

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

Посмотрим тем временем, что же происходило в лагере Гуароа. Его собратья, обеспеченные провиантом на несколько дней, благодаря помощи индейцев, сбегавших из испанского отряда с берегов Педерналесы, начинали привыкать к своей бродячей и тревожной жизни. По примеру вождя сыны сельвы быстро научились мастерить из веток шалаши, укрывавшие их от непогоды; каждый беглец не только искусно владел тугим луком из манглю с тетивой из пшты и стрелами из гуако, но и ловко управлялся с тяжелой палицей или дубишкой из дерева аваны, такого же крепкого, как железо; смельчаки уже поговаривали о том, что хватит, мол, обороняться, не пора ли перейти в наступление, ударить по врагу.

Однако осторожный Гуароа и не помышлял об этом; его план, как мы видели, состоял в том, чтобы вместе со всем племенем скрываться от преследователей, кочуя с места на место, и до последней возможности оттягивать схватку с врагом. В глухих дебрях недоступных гор он пытался найти такой надежный приют, который заставит испанцев навсегда забыть о существовании непокорных.

Этот план встречал немало трудностей, и главной из них была скудость водоемов на горных вершинах. Всякий раз, перед тем как сняться с лагеря, предусмотрительный вождь приказывал рыть глубокие рвы в ложбинах и ущельях, разделявших вершины в хаотичном нагромождении скал; с одной стороны, такие рвы укрепляли линию обороны, а с другой — частые дожди в горной местности помогали создавать обильные запасы воды.

Гуарокуйя по-прежнему оставался предметом неусыпных забот и кумиром своих кочевых соплеменников; его детская непосредственность, всегда ровный и кроткий нрав, невинные забавы — все вызывало восторг несчастных беглецов, возлагавших суеверные надежды на этого

ребенка. Он бегал и прыгал с удивительным проворством; без жалоб, не зная усталости, следовал за своим могучим родичем по крутым тропинкам, пока Гуароа, дивясь необычайной выносливостью индейника, не поручал какому-нибудь индейцу посылнее взять его на плечо; послушный ребенок не спорил, но и не выражал никакой радости, когда его несли.

Молодой, двадцатичетырехлетний харагуанец, ранее находившийся в услужении у Ролдана, главного алькальда, поднявшего в свое время мятеж против Колумба, чаще других брал на руки юного касика. Прежний хозяин окрестил индейца испанским именем Тамайо, находя в чертах его лица сходство со старым слугой, носившим это имя, мавром по происхождению, умершим вскоре после прибытия вместе с господином в Новый Свет. Бывший слуга Ролдана, казалось, унаследовал неукротимый дух своего хозяина, первого мятежника, известного в истории Санто-Доминго. Тамайо отлично владел испанским оружием и не расставался со шпагой и кинжалом, которые ему удалось похитить перед побегом в горы; он ревностно обучал искусству фехтования своего юного питомца; исполнял все его детские желания и прихоти и заслужил горячую любовь мальчика.

Отмеченный среди всех индейцев особым предпочтением юного касика, Тамайо, возможно именно по этой причине, держался с неукротимой дерзостью и отвагой. Спустившись как-то вместе с маленьким Гуарокуейей с вершины и удалившись на значительное расстояние от лагеря, он бродил наугад в поисках пищи — игуаны, птичьего гнезда или диких плодов; внезапно в нескольких шагах от него, словно из-под земли выросли два индейца; делали ему знаки, они подошли ближе вместе с белым человеком, одним из тех, кто внушал такой ужас обитателям острова. Впрочем, на этот раз облик испанца не возбуждал никакого страха. Одетый во все черное, он вместо оружия держал в руке посох, придававший ему сходство с пастухом или пилигримом.

Тамайо с крайним удивлением глянул на путников, но не струсил, а тут же обнажил шпагу и, заняв позицию, спросил, что надобно пришельцам.

Ответ, а больше всего знакомое ласковое лицо Лас Касаса, который и был спутником двух индейцев, успокоили Тамайо. Индейцы говорили на родном языке

Тамайю и объяснили ему, что испанец пришел для переговоров с вождем непокорных.

Но успели они умолкнуть, как Гуарокуя, узнав Лас Касаса, бросился к нему с распростертыми объятиями и выражаемом искренней радости; испанец ответил мальчику доброй улыбкой, нагнулся и сказал, ласково целуя его в щеку:

— Горный воздух пошел тебе впрок, малыш.

Тамайю вложил в ножны свою славную шпагу, снял шляпу, которую он носил, следуя испанскому обычаю, и, подойдя к Лас Касасу, поцеловал у него руку.

Лас Касас пристально поглядел на него, сиюсь что-то припомнить.

— Кто ты? Мне кажется, я тебя знаю, — сказал он наконец.

— Как же, сеньор, — ответил молодой индеец, — ваша милость видели меня год тому назад в Санто-Доминго в доме моего господина сеньора Ролдана, когда его отпразднили в Испании. Мой новый хозяин так дурно обращался со мной, что я вернулся на родину и служил Анакаоне до того часа, как стряслась беда.

— Да, да, совершенно верно, — подтвердил Лас Касас. — Проводи меня к вождю.

По дороге Тамайю объяснил Лас Касасу причину своего почтительного к нему отношения: ведь Лас Касас всегда так приветливо улыбается несчастным индейцам и стремится утешить их; а в Харагуа он не побоялся открыто выразить свою скорбь и негодование при виде умерщвления каспков.

Ребенок тоже искренне обрадовался испанцу с ласковыми глазами на кротком лице. Прибыв вместе с командором в Харагуа незадолго до кровавой бойни, он был неизменно добр к мальчику и часто баловал его небольшими подарками. Случилось так, что он очутился на площади, когда разыгралась жестокая трагедия, и именно он, доброжелательный Лас Касас, схватил ребенка на руки и силой увлек за собой помертвевшую от ужаса Игемоту; приведя молодую женщину вместе с племянником в надежное убежище, он взял на себя все заботы о них до той поры, пока Овандо, быть может терзаемый угрызениями совести, не оказал им помощи и своего покровительства. Любовью и лаской ребенок бессознательно

старался отплатить доброму испанцу за все его благодеяния.

Индийский вождь встретил Лас Касаса знаками глубокой почитательности. Испанец долго беседовал с Гуароа, живыми красками рисуя жалкое положение беглецов и окаянную их по вине вождя скорую и неминуемую гибель; между тем Веласкес великодушно предлагает индейцам вернуться под власть законов и обещает им свою защиту, а также полное прощение со стороны Овандо для вожди вместе с его соплеменниками. Услыхав ненавистное имя губернатора, Гуароа не выдержал: *«Но я не желаю прощать губернатора! — воскликнул он. — Для меня лучше смерть, чем жизнь под его властью!»* В этих замечательных словах сказались благородство и несокрушимая твердость духа индийского вождя. Героическим мужеством обладали все племена захваченной испанцами Кюкейи, но с особенной силой оно проявлялось у соплеменников Гуароа, как о том свидетельствуют вместе с Колумбом первые историки эпохи завоевания и как это в свое время доказали Каонабó, Гуариопекс, Майобанекс, Атуей и другие герои, чьи имена навеки запечатлела взыскательная Клио.

Лас Касасе твердил, что Гуароа ведет своих собратьев к гибели и отвечает за все бедствия своего племени; этот упрёк глубоко зацал в душу вождя. Мучимый угрызениями совести, он собрал своих людей, поведал им все, о чем он беседовал с Лас Касасом, и призвал их довериться доброте и милосердию завоевателей. Все или, вернее, большинство индейцев, поддались убеждениям вождя и, понурив голову, ждали лишь знака, чтобы спуститься вниз.

— А как решил ты? — раздался вдруг чей-то голос.

— Я останусь один в горах, — просто сказал вождь.

В ответ послышались рыдания и ропот тысячи голосов. Тамайо первым крикнул, что не покинет вождя; его поддерживали сотни других индейцев, и никакие убеждения Лас Касаса и самого Гуароа не смогли поколебать безграничной преданности повстанцев своему достойному вождю, научившему их любить свободу.

Тогда испанец твердо сказал:

— Что ж, ваше право остаться жить в лесах, как звери, за которыми охотятся и днем и ночью. Но вы не вправе подвергать опасности жизнь ребенка и приносить

его в жертву своей прихоти — ведь он еще мал и ничего в этих делах не смыслит. Я беру его с собой, чтобы дать ему счастливую жизнь; настанет день, когда он защитит и приютит своих братьев, оставшихся в живых в дерзкой борьбе против тех, кто несет вам истинную веру.

Эти слова вызвали смятение в рядах индейцев. Тамайю, а вслед за ним и другие поклялись, что не отпустят своего касика, и Лас Касас уже омакивал неудачу своей миссии, когда вмешался Гуароа.

— Испанец прав, — сказал он, — мы не смеем приносить ребенка в жертву, пускай Гуарокуйя идет с испанцем, и пускай следом за ним идут остальные. Так лучше, меня одного они оставят в покое, если же нас будет много, нам не дадут мирно жить в горах.

Вот на какую уловку решился самоотверженный Гуароа, лишь бы убедить своих братьев покинуть его и сохранить жизнь. Он достиг своей цели: Лас Касас пустился в обратный путь в сопровождении Тамайю, который передал свое оружие вождю, а сам взял на руки ребенка; за ним последовало большинство беглецов; лишь немногие остались с вождем, пообещав явиться на другой день, чего они, однако, не выполнили, то ли не доверяя испанцам, то ли по другим, только им ведомым причинам.

При виде сотен сдавшихся Веласкес, в порыве восторга крепко обнял Лас Касаса, поздравляя его с успехом, потом поцеловал Гуарокуйю, обещая стать крестным отцом и покровителем мальчика; испанские воины доброжелательно встретили повстанцев, явившихся с повинной, и в течение трех дней мир и спокойствие царили в счастливой плодородной долине, орошаемой рекой Педерналес с ее шумными притоками. Казалось, щедрая мать-природа торжествует победу разума и человечности над жаждой крови и разрушения в этом прекрасном благодатном тропическом крае.

XIII

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Несмотря на то что испанский военачальник испытывал глубокую радость, взяв на себя миссию мира и всепрощения, и творил добро вместо зла, его снедало тайное беспокойство. Приказ командора, который снова вернул

испанцев к берегам Лаго-Дульсе, звучал сурово и бесповоротно. Не знавший пощады губернатор предвидел лишь одно решение вопроса: преследование индейцев, нападение на их лагерь и примерное наказание непокорных. Он никак не ожидал, что враг сдастся на милость победителя, а его посланец выступит в роли миротворца. Поступок Веласкеса в глазах Овандо был просто-напросто чудовищным. Некогда жителей острова много, испанцев — ничтожно мало, и хотя завоеватели превосходно вооружены, они держатся лишь силой престижа; всякий акт неслепого милосердия грозит поколебать этот престиж. Таково было твердое убеждение завоевателей, и Диего Веласкес, воспитанный на идее «спасительной жестокости», не мог избавиться от мысли, что, пойдя на соглашение с индейцами, он совершил в глазах губернатора непростительную ошибку.

Лас Касас, с которым Веласкес поделился своими сомнениями, успокоил его красноречивыми доводами, шедшими из глубины благородного сердца; лицензиат настолько был уверен, что Овандо не преминет порадоваться успешному завершению поветанцев, что взялся лично передать командору весть, которую Веласкес медлил ему сообщить. Мысль пришла по душе военачальнику, и он тут же настрочил краткое донесение, предоставляя Лас Касасу сделать устно подробный доклад о событиях. Итак, наш добрый лицензиат пустился в путь, удовлетворенный сознанием, что вместо ужасов беспощадной войны оставляет позади себя мир и согласие.

С благословения Веласкеса он взял с собой Тамайо и Гуарокуйю, дабы по откладывая окрестить ребенка; Веласкес подтвердил свое обещание служить опорой юному касику и выразил сожаление, что долг службы мешает ему присутствовать при обряде крещения.

Погода стояла тихая, и морское путешествие совершилось быстро. Сойдя на берег Ягуаны, лицензиат, не мешкая, отправился выполнять поручение. Командор, высоко ценивший Лас Касаса, вполне учтиво принял его, однако по некоторой сдержанности и хмурому виду хозяина гость догадался, что выбрал не слишком удачный день для визита. Действительно, Овандо был в отвратительном настроении, ибо за два дня перед этим в Харагуа с острова Ямайки прибыл Диего Мендес, самоотверженный и преданный друг адмирала дона Христофора Колумба, с

просьбой оказать помощь Великому мореплавателю, потерпевшему кораблекрушение и находившемуся на острове в крайне бедственном положении. Путешествие Мендеса и его четырех спутников в утлом челне с одного Антильского острова до другого внесло блестящую страницу в золотую книгу морских подвигов, явив пример редкого мужества и энергии.

Решив отказать в просимой помощи, Овандо испытывал, однако, тягостное чувство, обычно сопутствующее дурным поступкам и злым замыслам. Его грызло мучительное сознание, что, покладая на произвол судьбы великого человека вместе с его спутниками на берегу дикого острова, он своим низким поступком заслужит презрение потомков. Само присутствие Мендеса, живого олицетворения благородной самоотверженности, верного друга, совершившего столь героический поступок, служило в глазах Овандо немым укором его низкой зависти, его постыдной и беспричинной враждебности к великому Колумбу, давшему ему ту землю, по которой он ступал, и ту власть, которую он употреблял во зло. В таких нравственных терзаниях и жестоких сомнениях и застал его Лас Касас, прибывший с вестью о замнении провинции Баоруко. Заранее настроенный против мира и добра, Овандо в благодетельном вмешательстве лиценциата и в милосердии Диего Веласкеса усмотрел ядовитую насмешку над собой и беспощадное осуждение своих дурных порывов. Не владея собой, он дал волю бушевавшему в груди гневу.

— Так вот для чего вы направили свои стопы в Баоруко, сеньор ритор? — с яростью бросил он в лицо Лас Касасу. — Вот каковы ваши суждения о власти и о службе на благо их королевским высочествам! Уж не в ваших ли книжках вы почерпнули мысль униженно молить о мире мятежников, этих дикарей, не понимающих иного обращения, кроме суровости? Отныне индейцы вправе похваляться презренным малодушием испанцев. Вот что значит полагаться на ученых мужей. Смело вас уверить, что такая ошибка никогда больше не повторится, и Веласкеса я научу, как надлежит выполнять приказы своих повелителей.

— Сеньор губернатор, — твердым голосом произнес Лас Касас, — Диего Веласкес тут ни при чем; он доверился моим советам и той рекомендации, которой вы

созвонили меня удостоить. Так или иначе, независимо от мнения военных мужей о моей учености, я убежден, что поступил правильно; и только дьявол способен внушить вам эту злобу, которая душит вас с досады, что удалось избежать кровопролития.

— Ступайте вон, лиценциат, — с раздраженным оборвал его губернатор, — и приготовьтесь завтра же отплыть в Санто-Доминго. Здесь вы не нужны!

Слегка поклонившись, Лас Касас вышел неторопливым шагом со спокойной непринужденностью.

Оставшись один, Овандо принялся за письмо к Диего Веласкесу, гневно упрекая его за невыполнение полученного распоряжения и приказывая немедленно выступить в поход, дабы уничтожить непокорных беглецов. В горы был срочно отправлен гонец с поручением доставить письмо на берег Педерналес.

В тот же день Лас Касас отвел маленького Гуарокуйю к францисканским монахам, нашедшим пристанище в обширном деревянном сарае с соломенной крышей, наспех сооруженном по приказу Овандо в Вера-Пас, в ожидании постройки каменного здания для монастыря. Отцы францисканцы встретили Лас Касаса приветливо и охотно приняли на свое попечение ребенка. Они немедленно окрестили его и дали ему по выбору Лас Касаса имя Энрикильо, имя, которому суждено было прославиться в войти в анналы Испании.

Тамайо также был оставлен при монастыре в услужении у юного касика, которого он полюбил всем сердцем.

Устроив эти важные дела, лиценциат Лас Касас быстро справился с дорожными приготовлениями и на рассвете следующего дня уже ступил на палубу судна; подгоняемый попутным ветром, корабль покинул прекрасный волшебный край, изнемогавший под преступной и кровавой тиранией командора Николаса де Овандо.

XIV ГЕРОЙ

Зловещий приказ губернатора застиг Диего Веласкеса врасплох. Он пришел в отчаяние, узнав, что навлек на себя гнев Овандо; стараясь загладить свою вину, он

поднял солдат и при луне, задолго до рассвета, снова углубился в горы, в погоне за Гуароа и его соплеменниками, еще не успевшими явиться с повинной.

Веласкес взял с собой опытных проводников-индейцев и пообещал им щедрую награду в случае, если удастся захватить повстанцев; он объяснил, что обойдется с ними так же милостиво, как и с теми, кто сдался добровольно.

Индейцы-проводники поверили в этот обман, — разве они не убедились на собственном опыте в доброте и великодушии Веласкеса и его солдат? Спустя три часа они привели испанцев к подножию той горы, где скрывались повстанцы.

Уже совсем рассвело: над шалапами из веток, служившими приютом для беспечных беглецов, поднимался голубоватый дымок — свидетельство первых забот проснувшихся обитателей о насущном хлебе: люди бродили без дела вокруг шалапей, носасывая самодельную сигару. Издалека бросалась в глаза статная фигура вождя: в глубоком печальном раздумье он стоял, прислонясь к могучему стволу высокого корвано; на вершине дерева, среди трещиной листьев, освещенной перлыми лучами солнца, заливался соловей, и трели его эхом отдавались в мирной тишине гор; легкий шелест ветвей мелодично вторил далекому морскому прибою; внизу чудесным обрамлением величественной горной панорамы влекался, отливая серебром, лазурный океан.

С этой волшебной картиной некая полностью гармонировала ленивая беспечность индейцев: узнав от лазутчиков, что их братьям, ушедшим вместе с Лас Касасом, не причинили никакого вреда, они уже подумывали, не последовать ли их примеру и не сдаться ли на милость испанцам; вот чем объяснялась их простодушная беззаботность.

Внезапно на краю плоскогорья раздался пронзительный звук горна, и не успел замереть его последний тревожный отголосок, как с двух противоположных сторон ему ответили два других горна, и на индейцев со слепой яростью ринулись испанские солдаты; воздух огласился грохотом аркебузов, злобным лаем охотничьих псов и воинственным кличем «Сьерра Эспанья!». В свое время этот клич прославил испанских воинов в Гравате, в их борьбе против мавров; но как неуместно и кощунственно

звучал он здесь, в мирном горном убежище ли в чем неповинных безоружных дикарей.

Ошеломленные, застигнутые врасплох, оцепеневшие от страха, несчастные беглецы ответили жалобными воплями на неожиданное нападение и сделали попытку спастись бегством; но со всех сторон им преграждала путь смертоносная сталь испанских мечей, и земля обагрилась кровью невинных жертв. Вспыхнул огонь. Легкие шамаши превратились в пылающие костры, и скованные ужасом люди, нашедшие приют под их ненадежным кровом, беспомощно гибли в языках пламени; иные, наполовину обгоревшие, вырывались из огненного кольца, но, настигнутые человеческой яростью, тут же падали, найдя мгновенную смерть от острого копыя. Кругом царило жестокое, беспощадное истребление. Лишь у одного индейского воина хватило мужества дать отпор неистовому врагу и сверкающей кастильской шпагой отражать удары, повергая в изумление солдат, никак не ожидавших встретить столь сильного и дерзкого противника, истинное разъяренное льва в стаде смятенных робких ягнят.

Трое убитых и пять раненых упали под сокрушительными ударами стойкого индейца, и солдаты, решив покончить с ним, уже приготовились снова броситься на храбреца, когда раздался повелительный окрик:

— Стойте! Не убивайте его!

То был Диего Веласкес, спешивший с обнаженной шпагой к месту схватки. Он издали увидел бесстрашного воина, героически зацввавшего свою жизнь; природное благородство одержало верх в сердце испанца и внушило ему желание спасти смельчака.

— Сдайся, — крикнул он ему, — я стану твоим другом, никто не посмеет причинить тебе зло.

— Нет веры твоим словам! — с презрением бросил Гуароа (ибо он и был этим отважным воином). — Ты обещал нам мир, и мы поверили, а нынче ты вероломно пал на нас. Все вы лжецы и убийцы!

— Сдайся! — повторил Веласкес, делая стремительный выпад и направляя острие шпаги в грудь индейца.

Гуароа отпрянул, потом нанес быстрый сокрушительный удар, который был с редким мастерством отражен рукой испанца. Завязался поединок, и Веласкес со свойственным ему рыцарством отказался от помощи своих солдат. Удары индейца градом сыпались на Веласкеса, во

тог с незамедленным успехом хладнокровно и невозмутимо отражал их; он уже сотни раз мог пронзить своей шпагой сердце отважного индейца, но желал лишь одного — обезоружить противника, чего он в конце концов и достиг, ловким ударом выбив оружие из его рук.

Гуароа нагнулся, чтобы подобрать с земли шпагу; в этот миг один из испанцев, бросившись вперед, преградил ему путь; тогда, выхватив кинжал из ножен, индеец попытался было убрать солдата с дороги, но, увидев, что испанцы окружают его со всех сторон, влезанно вонзил клинок в собственную грудь.

— Я умираю свободным! — произнес он и, упав на землю, испустил последний вздох.

Так, не склонив гордой головы перед властью чужеземцев, погиб благородный и смелый Гуароа, завещая своим потомкам пример неукротимой отваги и любви к свободе, героический пример, вскоре нашедший достойных подражателей. Испанский военачальник, глубоко взволнованный гибелью героя, пролил искренние слезы над телом индейского вождя и велел с почетом похоронить его на месте поединка. Доброе зерно, заросшее благородным лиценциатом в сердце Диего Веласкеса, не заглохло, напротив, оно дало ростки, ибо по природе своей молодой вождь был великодушен, хотя порошное время и жестокие обычаи сурового военного ремесла сбили его с пути добра и милосердия.

XV

УТЕШИТЕЛЬ

Покинув Харагуа, лиценциат Лас Касас спустя одиннадцать дней благополучно прибыл в столицу острова. Его выдающиеся достоинства, приятное обхождение и добрый нрав привлекли к нему сердца всех обитателей зарождающегося города Осама; вот почему, высадившись в порту, он был встречен всеобщей радостью. Жилище Лас Касаса быстро наполнилось друзьями, снискавшими из его уст услышать вести о губернаторе Овадо и подробностях о событиях в Харагуа, очевидцем которых стал лиценциат. Несчастные индейцы, занятые на обществен-

ных работах и больше других страдавшие под гнетом завоевателей, шли к нему, привлеченные отзывчивым и великодушным сердцем лиценциата, которому предстояло совершить сотни и сотни доблестных поступков и заслужить право называться «защитником индейцев».

В своих разговорах лиценциат несколько не скрывал тягостных впечатлений, вынесенных из Харагуа, и вскоре пылкость, с которой он поднимал голос против творимых в этом крае беззаконий, вызвала ненависть и враждебность со стороны тех, кто привык считать Новый Свет своей добычей и обращаться с коренными жителями хуже, чем со скотом. Многие из индейцев, пришедших в первый день повидаться с Лас Касасом, вскоре отвернулись от него, раздраженные его громкими порицаниями, которые наносили ущерб их интересам и противоречили их излюбленным идеям. Лас Касас между тем открыто заявил, что не ищет дружбы с волками.

Одной из первых его забот было повидать и утешить Игемоту, которая за два месяца до Лас Касаса прибыла из Харагуа в столицу без каких-либо приключений, достойных упоминания. Узнав в Санто-Доминго, что Анамаона погибла позорной смертью, несчастная дочь едва не умерла от горя. Угасла последняя слабая надежда найти мать и слова соединиться с нею. Прославленный художник, не найдя в себе силы изобразить горе отца, созерцающего гибель любимой дочери на жертвенном огне, закрыл его лицо на картине флером. Вслед за ним и мы отказываемся описать горе бедной Игемоты при известии о том, что несчастная правительница Харагуа окончила свои дни на виселице.

Увидев Игемоту, Лас Касас едва узнал ее, — настолько изменились ее когда-то прекрасные черты. При познании Лас Касаса она несколько оживилась, и бледная улыбка, более скорбная, чем слезы, словно прощальным лучом на миг озарила ее грустное лицо.

— Мужайтесь, сеньора, — взволнованно произнес Лас Касас. — Наступит день, и господь сторицей воздаст вам за горе, причиненное людьми.

— Не будь у меня дочери, смерть была бы для меня высшим благом, сеньор Бартоломе, — ответила бедная донья Ана.

— Ради нее, сеньора, вам надлежит жить и терпеливо сносить все горести. Не потеряйте из-за отчаяния и оче-

оточенности высшей награды, а падеются на нее при переходе в лучший мир вам дают право винить горести; спокойно ждите, когда всемогущий положит конец вашим земным испытаниям.

Слова Лас Касаса, проникнутое состраданьем, принесли утешение одинокой молодой женщине. Из глаз ее полились слезы, смягчившие тяжкое горе; с этой минуты к ней вернулось мужество, оно помогло ей продолжать постыдную жизнь и целиком отдаться заботам о своей дочурке.

Овандо распорядился ничем не оградивать повседневные нужды доньи Апы; но его приказы, получаемые издали, выполнялись кое-как, ибо чиновники, на которых была возложена эта обязанность, едва ли понимали, чем именно вызвана особая забота о молодой женщине, и относились к своей задаче крайне небрежно; им было недосуг вмешиваться в действия личного управляющего Мохики и проверить его, соблюдая интересы вдовы Гевары. По счастью, Лас Касас был не из тех, кто довольствуется равнодушным созерцанием беззаконных действий, не пытаясь всеми силами устранить вред и исправить зло. Погруженная в глубокую печаль, прекрасная индианка безропотно сносила отсутствие скрашивающих жизнь удобств, хотя они ей полагались по праву в силу занимаемого положения и личных достоинств. Лиценциат с присущей ему энергией и настойчивостью взял на себя заботы о несчастной женщине; он убеждал, требовал и настаивал до тех пор, пока местные власти, устыдившись своей небрежности и опасаясь гнева командора, не выказали рвения и не занялись благополучием доньи Апы, осылав ее всеми доступными в Санто-Доминго благами; одновременно они обязали Мохику дать отчет в делах по управлению имуществом.

XVI

ПОМОЩЬ

Лас Касас покинул Ягуану, так и не успев повидать Диего Мендеса, которого, попавший в беду Христофор Колумб прислал сюда с острова Ямайки за помощью. Лиценциат был очень дружен с Мендесом, но его, как

известно, свивал строгий приказ разгневанного губернатора немедленно покинуть город. Между тем посланец адмирала семь месяцев тщетно добивался у жестокого и завистливого Овандо отправки кораблей на Ямайку, чтобы спасти потерпевших кораблекрушение моряков. Под разными предлогами командор оттягивал выполнение этого священного и неотложного долга. Наконец неумолимый Мендес получил разрешение отправиться в Сапо-Доминго и там дожидаться кораблей из Испании. Продолав пешком тяжкий путь от Харагуа до Осамы, Мендес прибыл в столицу, где его дружески и радушно принял Лас Касас.

Мы слишком далеко отклонились бы от нашего повествования, если бы захотели рассказать о чувствах, какие испытали, поделившись своими бедами, наблюдениями и раздумьями, мужественные друзья, и описать негодование, вспыхнувшее в их честных сердцах при мысли о бесчеловечном истреблении несчастных жителей прекрасного острова Эспаньола и о черной неблагодарности, проявленной к великому Колумбу. Достаточно сказать, что оба они, люди предприимчивые, энергичные и подюжливного ума, не ограничились бесплодными сетованиями по поводу содеянного зла, а решили бороться с ним и исправлять его всеми доступными им средствами.

И вот имя Христофора Колумба прозвучало во всех концах Сапо-Доминго, а вслед за тем послышались горючие упреки по адресу губернатора Овандо. На всех собраниях, общественных и частных, в муниципалитете и на наперти храма, в тавернах и на морских причалах — старые и малые, мирные и духовные лица, моряки и солдаты, мужчины и женщины узнавали от Лас Касаса и Мендеса о том, что Колумб и его товарищи, которым грозит на Ямайке смертельная опасность, остались по вине Овандо без всякой помощи. Неустанная деятельность обоих друзей глубоко взволновала колонистов, и когда Овандо вернулся из области Харагуа, он увидел, что все осуждают его поведение и выражают горячее сочувствие Колумбу. Однако высокомерный и запослывый губернатор, не желая склониться перед голосом всей колонии, еще больше упорствовал в своем намерении бросить на произвол судьбы ненавистного ему великого человека.

Таково было настроение умов в столице колонии, когда пришло известие о том, что индейцы области Игуай подняли мятеж. Неукротимый индейский вождь Котуба-

нама однажды уже поднял восстание, но был покорен доблестным и мудрым Хуаном Эскивелем. Приняв в знак дружбы имя своего победителя, отважный индеец неукоснительно выполнял все пункты соглашения; теперь он снова бросил клич войны против испанцев из-за того, что Вильяман, преемник Эскивеля, вопреки принятым в договоре условиям мира, потребовал, чтобы индейцы поставили в Санто-Доминго весь урожай с полей, возделываемых ими в принудительном порядке. Кроме того, испанские солдаты вели себя крайне распухшею и отнимали у индейцев их жен. Несчетное количество раз жаловались индейцы на самоуправство Вильямана, но все было тщетно. Наконец чаша их терпения переполнилась, и они, вооружившись как могли, во главе со своим вождем Котубамайой напали на форт, выстроенный Эскивелем неподалеку от берега, сожгли его и перебили гарнизон. Спасся только один солдат, который и рассказал в Санто-Доминго все подробности происшедшей трагедии.

Овацдо счел этот случай весьма подходящим для того, чтобы отвлечь общественное внимание от бедственного положения Колумба. Но он ошибся. В то время как Хуан де Эскивель снова выступил против повстанцев Игуаля, бдительные друзья адмирала, Лас Касас и Мендес, не давали угаснуть сочувствию и интересу к его судьбе.

Прошло почти два года с тех пор, как двенадцать монахов-францисканцев, прибывшие вместе с Овацдо в Новый Свет, основали общину в молодом городе Санто-Доминго. В этом поначалу скромном монастыре получали религиозное воспитание многие каски острова, их сыновья и родичи. Таков был мудрый папаш, данный губернатору королевой Изабеллой.

Из того же религиозного питомника вышли монахи, исполнявшие, как мы уже рассказывали, миссию воспитания индейцев в Харагуа. Их поначалом и поручил Лас Касас юного Энрике, посвященного до крещения имя Гуарокуйя.

Лиценциат и Диего Мендес испросили аудиенцию у настоятеля францисканцев ладре Антонио де Эспиналя. То был человек, отличавшийся редким благочестием, и все уважали его высокие нравственные качества не меньше, чем его духовный сан. Он радушно встретил друзей. К Лас Касасу, с которым они прибыли из Испании на одном корабле, настоятель испытывал искреннюю привя-

завность. Узнав, как недостойно вел себя Овандо по отношению к Колумбу, он предложил поговорить с губернатором, в надежде пробудить в нем благородство.

Разговор состоялся в тот же день. Овандо учтиво принял настоятеля и, узнав о цели его посещения, притворился весьма оскорбленным, — неужто его могли заподозрить в недоброжелательном отношении к адмиралу.

— Меж тем как меня обвиняют во всех грехах, — сказал он, — и в равнодушии к судьбе столь почитаемого мною дона Христофора, я выполнил свой долг и послал ему единственное судно, каким располагал в Харагуа. А посланец адмирала — Мендес возбуждает всеобщее волнение своими несправедливыми жалобами.

С помощью этого лживого ответа Овандо удалось выйти из затруднительного положения. В действительности же, после отъезда Диего Мендеса из Харагуа, он отправил к берегам Ямайки на маленьком суденышке Диего Эскобара, послав с ним Колумбу всего-навсего бочонок вина и свиной окорок, — так посмеялся губернатор Дональдо над человеком, открывшим Новый Свет. Вместо помощи Эскобар привез потерпевшим кораблекрушение лишь лживые соболезнования от имени Овандо. Губернатор сообщал, что в его распоряжении не имеется в настоящий момент ни одного вместительного судна для доставки пленных с Ямайки в Саинто-Доминго, и обещал прислать за ними первый же прибывший из Испании корабль.

Выполнив это, казалось бы, невыполнимое поручение, Эскобар, который держался на изрядном расстоянии от потерпевших крушение судов, снова поднял паруса, а несчастный адмирал с людьми так и остался в беде, удрученный коварством командора. Именно на это плавание Эскобара и сослался лицемерный Овандо, сказав отцу Антонию, что он «послал судно доцу Христофору». Настоятель удалился, радуясь новости, которая ободрила также Лас Касаса и Мендеса, не подозревавших, какая жестокая издевка крылась под мнимым рвением губернатора.

Спокойно ждали они возвращения корабля, на котором надеялись увидеть всех потерпевших крушение. Но как-то было их изумление и негодование, когда через несколько дней вернулся на своем суденышке Эскобар, и от одного из матросов они узнали всю правду. Друзья с новым жаром принялись за дело, пустив в ход все свои многочисленные связи. Они сообщили о происшедшем

отцу Антонио, который был поражен и разгневан не меньше их самих.

Против злокозпленного губернатора было обращено самое грозное и могущественное для тех времен оружие. В первое же воскресенье после прибытия Эскобара с амьонов двух храмов — больше тогда в столице колонии церквей не было — прозвучало страстное обличение тех, кто, позабыв о христианском милосердии, пограл долг человеколюбия и благодарности и бессердечно покинул на берегах Ямайки адмирала и других несчастных. Виновному в преступном небрежении грозили самой страшной карой — отлучением от церкви как нечестивому братоубийце. Удар оказался сокрушительным и неотразимым. Все население было глубоко возмущено, и побежденному, опозоренному губернатору пришлось в тот же день отдать приказ о выходе в океан хорошо снаряженного и снабженного всем необходимым судна на поиски потерпевших кораблекрушение.

В то же время Овадо велел предоставить в распоряжение Диего Мендеса суммы, накопившиеся от доходов адмирала, полагая, что верный посол увезет их с собой в Испанию до приезда Колумба в колонию. Он знал, что самым горячим желанием Мендеса было, выполняя наказ дона Христофора, отправиться в столицу и доложить обо всех делах адмирала королю и королеве. Коварный губернатор рассчитывал, что, оставшись по прибытии в Санто-Доминго без средств, Колумб сократит свое пребывание в колонии, а этого только и нужно было честолюбивому Овадо, которого всегда тревожили законные права адмирала на управление колонией. Овадо знал, что сам он пользуется этими правами лишь благодаря тому, что ревниво оберегающий свою власть Фердинанд Католик несправедливо отнял их у великого человека.

Однако Диего Мендес расворядился деньгами более разумно. Меньшую часть он потратил на покупку быстреходной каравеллы и, нагрузив ее провиантом и необходимым снаряжением, немедленно отправил на Ямайку, лишь тем самым всякой силы запоздалую помощь, оказанную губернатором Овадо; остальное он вручил надре Антонио для передачи адмиралу после его прибытия в Санто-Доминго. Лишь приняв эти меры, доблестный и верный друг Колумба направился в Испанию.

XVII
ОБЕЩАНИЕ

Лас Касас, которого не удерживало больше в столице благородное желание помочь Мендесу вразумить командора, попросил у последнего разрешения отправиться в Игуэй для участия в походе против восставших индейцев. Овандо хорошо помнил, как лицензиат обратился к нему с подобной же просьбой в Харагуа, когда шла война в Баоруко; но на этот раз командор был твердо уверен, что все человеколюбивые стремления Лас Касаса останутся тщетными, а данный Эскивелью приказ не жалеть крови будет выполнен неукоснительно. Поэтому, саркастически усмехнувшись, он охотно дал разрешение, втайне радуясь горькому разочарованию, которое постигнет благородного юношу, когда тот убедится, что никто не обращает на него внимания. И правда, в этой опустожительной и истребительной войне Лас Касасу суждено было играть лишь тягостную для его сострадательного сердца роль зрителя и свидетеля. Напрасно поднимал он свой голос против кровавых расправ, пытаясь остановить или умерить беспощадную ярость Эскивеля и его солдат. Восстание было потоплено в крови и огне. Шпага и виселица уничтожали тысячи индейцев любого возраста и пола. Напрасно несчастный народ, воодушевленный доблестью и патриотизмом, совершал самоотверженные подвиги. Испанский военачальник, ведя за собой четыре сотни закованных в железную броню солдат и отряд индейских воинов, набранных в соседней покоренной области Икайагуа и столь же отважных, как воины области Игуэй, уничтожал и сметал с лица земли все на своем пути, пользуясь тем, что в этом краю почти нет неприступных вершин или хорошо защищенных мест. Мятежный вождь Котубамама, чья героическая отвага внушила ужас испанцам, увидев, что спасения нет и воины его гибнут один за другим, бежал на остров Саопу, расположенный близ побережья Игуэй. Там он скрывался несколько дней, пока, несмотря на отчаянное сопротивление, его не захватили солдаты Эскивеля. Когда отважного касика привезли в Санто-Доминго, победитель, оче-

видно движимый воспоминанием о бывшей дружбе, просил сохранить ему жизнь. Но беспощадный Овандо отдал приказ повесить Котубамаму на площади.

Лас Касас вернулся в столицу. Сердце его разрывалось от боли и ужаса при мысли о неслыханных жестокостях, свидетелем которых он стал.

— Недурные вещи увидели вы, сеньор Лас Касас, — с извительной проницательностью заметил командор, когда лицензиат явился к нему после приезда.

- О них и рассказу кому следует, — ответил Лас Касас.
 — Кому же? — высокомерно спросил Овапдо.
 — Потомству, — пристально глядя на него, сказал Лас Касас.

XVIII СПАСЕНИЕ

Почти целый год прошел в тревоге и напрасных ожиданиях, прежде чем несчастные моряки дождались прибытия на Ямайку спасительных судов. Здесь по месту для подробного рассказа о тяжелых трудах и испытаниях, выпавших за это время на долю доблестного Колумба. Вместе со своим бесстрашным братом, доном Бартоломе, он боролся против самоволия и распущенности матросов; не раз грозила им голодная смерть из-за того, что индейцы, возмущенные наглým поведением испанцев, отказывались поставлять продовольствие. Колумбу удалось подчинить себе индейцев и даже приобрести их уважение при помощи хитрости: он заранее предсказал наступающее лунное затмение и объяснил его как знак гнева божьего на то, что индейцы покинули испанцев на произвол судьбы. Сбывшееся предсказание, а возможно, в еще большей степени суровость, с какой братья наказывали бесчинства своих людей, привлекли индейцев на сторону Колумба, и они стали в изобилии снабжать его всем необходимым.

Здоровье адмирала было подорвано физическими и нравственными страданиями, перенесенными в этой злосчастной экспедиции.

Когда настало время покинуть Ямайку, все жители острова плакали, расставаясь с Колумбом, которого они приняли за посланца небес. Так действовали на души невежественных дикарей человеколюбие и справедливость.

Неудачи, неизменно сопутствовавшие адмиралу на всем протяжении четвертого плаванья, преследовали его и во время пути с Ямайки на Эспаньолу. Резкий встречный ветер, сильные течения между обоими островами, бурное море — все эти препятствия вынудили его потратить сорок шесть дней на плавание, обычно требующее не более восемнадцати. Оба корабля бросили якорь в порту Санто-Доминго 13 августа 1504 года.

XIX
ПРЕДСКАЗАНИЕ

Весть о прибытии Колумба в Санто-Доминго была встречена общим ликованием. Неустанные труды адмирала и постигшие его бедствия служили главной темой всех споров и толков на Эспаьоле, и не было человека, который не восхищался бы им. Встретить Великого мореплавателя стремились все жители столицы Индий — и представители власти и простые обитатели, и ближайшие друзья и недруги, преследовавшие адмирала в дни его правления. Овандо первый — то ли из лицемерия, присущего всем царедворцам, то ли поддавшись общему чувству, — поспешил проявить знаки высочайшего уважения и почтительности. Один из его приближенных вышел на рейд в роскошно украшенном боте, чтобы от имени губернатора пригласить Колумба войти со своими кораблями в порт Осамы. Дул свежий полуденный бриз, оба корабля неслись на всех парусах, словно стремясь поскорее удовлетворить нетерпение множества зрителей, толпившихся на правом берегу полноводной Осамы. Едва корабли, зарифив паруса, замедлили свой бег, приветственные клики во славу Великого мореплавателя огласили всю округу. Овандо, вынужденный разрешить эту торжественную встречу, снял с головы берет черного бархата с богатым шитьем, в знак преклонения перед славным именем Колумба. Адмирал появился на верхней палубе своего корабля, тяжело опираясь на плечо стройного юноши с открытым смелым лицом. То был побочный сын адмирала и будущий историк его открытий Фернандо Колумб. Несмотря на свой юный возраст, он пришел вместе с отцом через все тяжкие испытания этого несчастливого плаванья. Роскошный бот губернатора пришел на свой борт обоих братьев — адмирала и доня Бартоломе — и юного Фернандо. Восторг толпы не знал предела. Но едва адмирал вышел на берег, радостные клики сменились торжественным патетическим молчанием. Тяготы пути, лишения, душевные тревоги наложили свой страшный след на это благородное лицо, согнули могучий и стройный стан, некогда подобный античной статуе римского императора; чело, которое привыкло встречать лучи небесных светил, когда адмирал, постигая тайны приро-

ды, последовал путь звезд, теперь печально клонилось к земле, словно стремись к гробовому покою... Слезы хлынули из глаз и заструились по лицам при виде этого сломленного величия; в толпе послышались рыдания. Лас Касас первый с глубоким волнением пожал руку великого человека. Тогда и Овацдо, как всегда решительно оберегая свое первенство, поспешил навстречу адмиралу. Колумб радостной улыбкой ответил на его приветствие, и губернатор со слезами на глазах сжал его в объятиях, словно был лучшим другом этого мужественного человека, чьи страдания и беды он усугубил своим коварным бездействием. Лицемерие и честолюбие всегда неразделимы.

Колумбы расположились в доме губернатора, который никому не хотел уступить эту честь. Он окружил адмирала радушными заботами, и дни, посвященные отдыху и восстановлению сил путешественников, протекли в мире и согласии. Но затем, когда пришло время разрешить вопросы, касающиеся материальных интересов и юрисдикции обоих представителей власти, — а в наказах и распоряжениях короны крайне путано и неопределенно излагались права Колумба как адмирала Индии и Овацдо как губернатора Зеландии, — между ними немедленно возникли разногласия и взаимное недовольство. Губернатор освободил из заключения Порраса, главного зачинщика бунта на Ямайке, и собирался судить тех, кто, защищая власть Колумба, перебил сообщников этого предателя. При этом Овацдо ссылался на свои прерогативы, распространяющиеся также и на Ямайку. Колумб же напоминал о своих значительно более обоснованных правах, которые давали ему полную власть над всеми членами экспедиции на все время до возвращения их в Испанию. Твердость адмирала помешала Овацдо начать столь несправедливый судебный процесс.

Денежные дела адмирала оказались в полном беспорядке. Тех средств, которые собрал он с немалым трудом, едва хватило на снаряжение судов для отплытия в Испанию. Но величайшую горечь испытал он, когда убедился в бедственном состоянии индейского населения: большая часть его была уничтожена, а оставшиеся в живых страдали под жестоким ярмом рабства. Ни изменить, ни смягчить столь плачевное положение не могли даже усилия великодушной королевы Изабеллы Католической, направленные на защиту индейцев и Колумба, о котором ве-

уставно ходатайствовал перед ней его доверенный Антонио Санчес де Карвахаль. Возмущенный жестокостью Овандо, а особенно кровавой бойней в Харагуа и казнию несчастной Анакасны, Колумб оплакивал смерть достойной повелительницы индейцев и судьбу своего любимого острова. Бесчисленные свидетельства убеждали его в том, что завоевание роковым образом превращалось в бесчеловечную кровопролитную войну, и он готов был проклинать свою славу и, словно в тяжком преступлении против природы, обвинять себя в том, что вырвал у океана его тайну. Кошунственная дерзкая отвага мореплавателя открыла простор адскому духу разрушения и паживы.

Лицензиат Лас Касае, которого связывала с адмиралом и его братом горячая дружба, рассказал им, что Игемота находится сейчас в Санто-Доминго, и братья поехали перед отъездом последний раз увидеться с отпрыском несчастного королевского рода. Молодая индианка встретила их как любящая дочь; она с детства хранила память о ласковой приветливости аделаптадо, дона Бартоломе. Увидев его, бедняжка вновь вспомнила безоблачные дни в родном доме, где, невинная и счастливая, жила она, окруженная общей любовью, где встретила дон Бартоломе, который впервые привел в те благодатные края испанское войско. И она горько заплакала, как плакала каждый день, вспоминая свою бедную мать, свою погибшую любовь, думая о неверной судьбе, которая ждала ее малютку дочь. Славные мореплаватели попытались утешить печальную Игемоту, а Колумб, похвалив Лас Касае за его попечение о матери и дочери, обещал помогать ему в этом добром деле всеми своими силами и всей своей властью. Он сказал, что считает долгом своей семьи оказывать покровительство роду касиков, и особенно — заботиться о судьбе маленькой Менсии. Необычайная красота девочки и кроткое выражение ее прелестного лица вызвали отеческую нежность у обоих почтенных чужестранцев, а она, казалось, чувствовала, как важно для нее их покровительство.

Дон Бартоломе с обычной своей жизнерадостностью и откровенностью объявил брату:

— Если бы у меня был сын, я попросил бы ему в жены эту прелестную малютку.

— Она слишком красива, Бартоломе, она будет очень несчастна! — ответил вполголоса адмирал.

XX
УГАСАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Много дней прошло, прежде чем Колумб — истомленный душой и телом, измученный бесконечными спорами с Овандо, которые пришлось вести, чтобы отстоять свои права и восстановить расстроившиеся денежные дела, —

закончил все приготовления и отправился в путь, взяв курс на Испанию.

Последнее его плавание было не более счастливым, чем четвертое путешествие, посвященное открытию по-

вых земель. Яростные бури упорно преследовали и тропали суда, на которых плыл Колумб и его семья. Казалось, расвиropевший океан метил смельчаку, который двенадцать лет назад покориł его и победоносно сорвал завесу, скрывавшую Новый Свет.

Почти два месяца ушло на путь от Санто-Доминго до Сан-Лукара, куда искалеченные, лишенные мачт корабли прибыли 7 ноября. Колумба отвезли в Севилью, которая казалась ему тихой пристанью, и там провел он последние дни своей бурной жизни. Великий мореплаватель обратился к королевской чете с прощальными письмами, он встал на защиту индейцев, живописно поставив их жестокую участь, и требовал передачи всех своих прав и прерогатив своему сыну, королевскому пажу Диего Колумбу. Однако все попытки адмирала добиться справедливости оказались тщетны. Его покровительница, великодушная Изабелла, лежала на смертном одре, и Колумб встретил лишь неблагодарность и полное равнодушие со стороны Фердинанда Католика, который, будучи расчетливым и эгоистичным политиком, заинтересованным в укреплении королевской власти, ревниво относился к возвышению рода Колумба и охотно выслушивал злые наветы его соперников.

Изабелла умерла в ноябре 1504 года. В последних словах, обращенных к королю, она просила облегчить судьбу индейцев и немедленно сместить и сурово наказать Овандо за его жестокие бесчеловечные действия. Воля благородной повелительницы осталась невыполненной. Но страшной карой для злодея оказалось дошедшее до потомков проклятие, которым в свои последние минуты заклеймила его преступления великая, прославившая свое имя королева.

Колумб ненадолго пережил свою августейшую покровительницу. Правдивые муки терзали чистую душу адмирала, когда осаривалось и вероломно отклонялись самые законные его требования. Вместо награды за свои славные подвиги он видел лишь неблагодарность, словно в насмешку прикрытую пустыми выражениями почтительности и ласки, на которые, как писал потом Лас Касас, «никогда не скупился король Фердинанд». Горести и разочарования ускориł неизбежный конец. 20 мая 1506 года в Вальядолиде оборвалась эта славная, богатая великими деяниями жизнь. Последним утешением для

Колумба явилось то, что в час смерти рядом с ним были его сыновья, Диего и Фернандо, и верные друзья, среди которых находились отважный, преданный Диего Мендес и товарищ адмирала по героическому плаванью с Ямайки на Эспаньола, Бартоломе Фнеско.

XXI МОНАСТЫРЬ

Прошло три года после смерти Колумба. Исторические труды того времени не отмечают за эти годы ни одного события, представляющего интерес для нашего повествования. Овандо продолжал править островом Эспаньолой, стараясь успокоить свою совесть — если только она упрекала его за былую жестокость к несчастным индейцам — заботами об украшении и благосостоянии города Санто-Доминго. Он строил храмы и монастыри, закладывая новые поселения; иные из них, как, например, Пуэрто-Плата в Монте-Кристо сохранились до наших дней, другие исчезли бесследно: такая судьба постигла и город Санта-Мария де ла Вера-Пас.

В те времена в Вера-Пас процветал монастырь отцов францисканцев, которым было поручено воспитание казиков бывшего королевства Харагуа. Среди воспитанников особым попечением и любовью монахов пользовался маленький Энрикильо.

Многие причины объясняли внимание паставников к юному касяку. Энрике был хорош собой и приветлив; благодаря незаурядным способностям, он с поразительной легкостью усваивал все, чему его учили, и, жадно стремясь к знаниям, добивался необычных для его возраста успехов в литературе и науках. Кроме того, лицензиат Лас Касас, который доверил мальчишка монахам, постоянно справлялся о нем и выполнял их просьбы и поручения в столице колонии, вступая в необходимые переговоры с властями. В то же время Лас Касас под руководством монахов-францисканцев готовился принять религиозный сан, — к духовному поприщу его привели и истинное признание, и ужас перед теми злодеяниями, которые наблюдал он повседневно. И, наконец, Диего Веласкес,

паместник Овандо в Харагуа, тоже относился с любовью к юному индейцу и заботился о нем как о собственном сыне. Лас Касас, с которым он состоял в дружеской переписке, постоянно поддерживал в нем этот интерес.

Таким образом, Эрике получил лучшее воспитание, какого только можно было желать в те времена. С восьмилетнего возраста он обучался верховой езде у опытного наездника, который управлял фермой его приемного отца, расположенной в полудне от монастыря. Двумя годами позже он занялся фехтованием и проявил такие способности, что заслужил одобрение самого Веласкеса, в искусстве фехтования не знавшего себе равных. Для этих занятий были отведены два дня в неделю, и Эрике, отираясь на ферму в сопровождении верного Тамайо, пользовался полной свободой и наслаждался свежим воздухом лесов. Все же, когда, закончив физические упражнения, он возвращался вечером в монастырь и, сокращая путь, поднимался на вершину зеленого холма, глаза его наполнялись слезами и лицо омрачалось печалью. Отсюда открывался вид на домик Игемоти и на зеленые луга, где гуляли они когда-то по вечерам. И воспоминание, внезапно рапавшее воображение ребенка, обостряло в нем ощущение горького одиночества.

Напрасно спрашивал он сначала у Лас Касаса, а потом у монахов о местопребывании доньи Аны и ее маленькой дочери, надеясь увидеть их, когда лицензиат возьмет его с собой в Ягуану. Ему всегда отвечали, что обе они в Санто-Доминго и придет время, когда он с ними встретится. А Лас Касас, который все старался обернуть на благо, рассказывая об Игемоти и Менсии, побуждал мальчика учиться еще лучше, чтобы вырасти достойным человеком и в будущем стать им опорой. Эта мысль, несомненно, пустила глубокие корни в душе Эрике и немало способствовала его прилежанию и недетской серьезности его характера.

В монастыре Вера-Нас среди монахов, посвятивших себя благородной задаче воспитания детей, Эрике больше всех любил брата Ремихю. С неутомимым терпением отвечал он на бесчисленные вопросы мальчика. Падре Ремихю был родом из Пикардии во Франции. Своими глубокими познаниями и святостью жизни он заслуженно снискал уважение всех своих товарищей, — они почтита-

ли его не меньше, чем настоятеля общины, молчаливого старца, о котором говорили, что в прошлом он был человеком богатым и могущественным. В те времена часто случалось, что принцы крови и знатные вельможи стремились в монастырь, как в спасительную гавань, чтобы укрыть там разбитый и истрепанный бурями корабль своей жизни либо искупить суровым умерщвлением плоти преступление, совершенное в угоду честолюбию или другой человеческой страсти. От своего бывшего — подлинного плч воображаемого — величия отец настоятель сохранил только страстное увлечение историей; его суровое печальное лицо оживлялось лишь в те часы, когда, собравшись в трапезной, маленькие воспитанники по очереди читали о великих деяниях героев Древней Греции или Рима, перемежая это чтение отрывками из священного писания, как того требовал монастырский устав.

Когда наступала очередь юного Эрике, легко было заметить, какое глубокое впечатление производили на его душу рассказы о самоотверженности, отваге и великодушии героев. Остальные дети рассеянно и равнодушно слушали возвышенные слова Квинта Курция, Валерия Максима, Тита Ливия и других знаменитых историков, но не по летам развитой маленький касик из Баоруко с восторгом читал и перечитывал бессмертные страницы. Брат Рамихио старался использовать и этот путь, чтобы заложить в души своих учеников стремление к добродетели.

Один исторический эпизод особенно глубоко волновал Эрике. Мальчик мог без конца расспрашивать о нем своего терпеливого учителя. То было восстание лузитанца Вириата против римлян. Как мог простой пастух, во главе кучки вооруженных людей, неизменно одерживать победы над сильными, испытанными в боях римскими войсками? Кто обучил Вириата военному искусству? Почему римский военачальник не вызвал его на честный бой, а убил предательски? Вот какие вопросы задавал необыкновенный ребенок, и добрый падре Рамихио, подбадриваясь не меньше его, отвечал по всей правде и справедливости, бросая в душу своего воспитанника плодотворные семена чести и мужества.

Об успехах Эрикильо мудрый наставник с радостью сообщал своим друзьям — лиценциату Лас Касасу и Диего Веласкесу. Во всех поступках юного касика отража-

лись благородные чувства, развитые в его великодушном сердце столь блестящим воспитанием. Мягкий и почти-тельный со старшими, отзывчивый к чужому горю, он приходил в неистовый гнев, если видел, как сильный ученик обижал слабого, а особенно если при нем били какого-нибудь несчастного пидейца. Он смело и решительно вступался за пидейца, сурово порицая жестокого обидчика, а случалось, с отвагой молодого сокола бросался в бой. Все окружающие относились к Эрикильо как к приемному сыну Диего Веласкеса, который получил от Овадо почти неограниченные полномочия на управление этой обширной областью. Вот почему неистовая, а порой и неосторожная горячность отважного юноши, вместо того чтобы вызвать осуждение и неприязнь, снискала ему уважение угнетателей, которые, восхищаясь такой решимостью в столь юном возрасте, смирялись перед справедливыми упреками, продиктованными разумом и милосердием.

Педро де Мохика, о котором мы на время позабыли, каждую неделю навещал в монастыре Эрике и всячески показывал свою привязанность к мальчику, желая угодить его приемному отцу, могущественному наместнику губернатора. Однажды, вернувшись из столицы, куда он ездил с докладом об управлении именем доньи Аны, Мохика привез от нее письмо и подарки, и отныне Эрикильо почувствовал, что неприязнь, которую внушал ему медоточивый пидальго, постепенно рассеивается. Мохика был неплохим музыкантом, он отлично играл на мавританской люте. В порыве благоволения он стал обучать этому искусству своего «другка», как называл он Эрикильо. Эрике оказался способным учеником, но однажды, услышав, как оружелосец Диего Веласкеса исполнял какую-то воинственную мелодию, труби в охотничий рог, он сразу пристрастился к новому инструменту и отдал ему предпочтение перед арабской гитарой.

Все, даже незначительные на первый взгляд подробности жизни того, кто некогда звался Гуарокуйа, важны для нашего повествования, ибо, по самым авторитетным историческим свидетельствам, именно блестящее воспитание, полученное пидейским наследником, «сделало еще более невыносимым его подневольное положение». Вот почему мы сочли необходимым столь подробно описать в этой главе его детские годы.

ПРИЧИНА НЕНАВИСТИ

Однажды летом 1509 года, около двух часов дня, благочестивый покой францисканского монастыря в Вера-Пас был нарушен звонким цокотом копыт, который вскоре замер в монастырском дворе. Через мгновение отцу настоятелю доложили о паместнике губернатора. Диего Веласкес, в дорожном снаряжении, приехал, чтобы проститься с монахами и забрать с собой в столицу Эриккльо, как все ласково называли кашка из Баоруко.

Утром Веласкес получил известие о прибытии в Санто-Доминго нового губернатора — адмирала дона Диего Колумба, который сменил на этом посту командора Николаса де Овандо. Такое событие требовало непременно присутствия испанского правителя области Харагуа в столице колонии. Веласкес считал своим долгом выразить почтение новому главе острова Эспаньола, а также проститься с Овандо, который всегда дарил его своим доверием. Кроме того, он хотел в личном разговоре с губернатором определить свое собственное положение. Наконец, он собирался привезти в столицу Эрикке, и не только затем, чтобы этот приятный и достойный индейский юноша придал блеск его свите, но также и из политических соображений, не лишенных глубокого смысла. Правление Овандо было деспотичным и жестоким, индейцы быстро вымирали вследствие тяжелой работы и дурного обращения. На острове всем известна была последняя воля королевы Изабеллы, требовавшей сурового наказания для командора Овандо за его злодеяния, все знали, как настоятельно советовала умирающая королева своему супругу, своей дочери принцессе донье Хуане и ее мужу, чтобы индейцам были преподаны религиозные истины и здоровые обычаи, чтобы их заботливо оберегали и воспитывали. «Не должны индейцы, жители Индии и Материка, как открытых земель, так и тех, что еще открыты, терпеть какой бы то ни было ущерб, ни сами, ни в имуществе своем. И еще повелеваю, пусть обращаются с ними хорошо и справедливо; а ежели будет

нанесен им какой-либо урон, то подлежит тут же исправить его и возместить».

Противники Колумба первые нарушили в колонии королевскую волю. При поддержке и под защитой Овандо они сплотились и привилегированную группу, которая более семи лет пользовалась всеми благами и доходами колонизации, в ущерб тем, кто оставался верен адмиралу даже в самые тяжелые для него дни. Сторонники адмирала, борясь за справедливость, неустанно писали о бесчеловечной эксплуатации индейцев и направляли жалобы в столицу, ратуя против тирании своих удачливых противников и против несправедливости их самих немилости. Вот почему радость верных друзей не знала границ при известии, что сын великого Колумба облечен высшей властью в Новом Свете как губернатор Эспаньолы.

Все эти обстоятельства пробудили в душе Веласкеса опасения, как бы и ему не пришлось разделить тяжкую ответственность, которая легла теперь на плечи Овандо и его наместников. Чем дольше откладывалось выполнение священной воли католической королевы, тем тяжелее становилась эта ответственность. Колонизаторы, окончательно убедившись, что в своем холодном эгоизме король Фердинанд меньше всего собирается почтить память покойной супруги, решили, что их гнусная тирания навсегда останется безнаказанной, и в своей жажде наживы грабили и угнетали беззащитных индейцев, следуя примеру нечестивого Бобадильи.

Теперь, с приездом сына великого мореплавателя, чьи благородные чувства отвечали намерениям мудрой королевы, презренные угнетатели затрепетали; голос собственной совести обличал их и пугал грядущим возмездием. А те немногие, кто сохранил еще какие-то остатки чести и человеколюбия, спешили засвидетельствовать свою невинность в глазах нового губернатора. Вот почему Диего Веласкес пожелал привезти с собой в Санто-Доминго юного каска. Отеческое попечение о сироте было красноречивым доказательством человеколюбивых чувств знатного сеньора. Высокие достоинства, украшавшие его питомца, вдвойне радовали Веласкеса и подтверждали народную мудрость, гласящую: доброе дело никогда не пропадает даром.

В полчаса все было подготовлено к путешествию, и

Эрике, надев дорожный костюм, в присутствии Диего Веласкеса и его свиты распрощался с монастырской общиной, горячо пожав руки всем добрым монахам. Настоятель и надре Ремпхио вышли на порог монастыря, чтобы проводить своего питомца и оказать почет командору Веласкесу. Они прижали к груди и расцеловали взволнованного юношу, пожелав ему счастья и благополучия. Со слезами на глазах поблагодарил их Эрике.

Он вскочил на резвого андалусского коня в великоденной сбруе. Верный Тамайо, ведя в поводу мула, нагруженного имуществом Эрикильо, присоединился к слугам Диего Веласкеса, и нестрая кавалькада крушной рысью выехала на дорогу в Санто-Доминго.

Через некоторое время к печальному задумчивому Эрикильо подекакал какой-то всадник и, фамильярно хлопнув его по плечу, сказал:

— Не унывай, молокосос! Скоро увидишь свою тещу Фигемоту.

Эрике придерживал коня и, пахмурившись, оглянулся на обидчика.

— Раз уж вам угодно искушать дьявола, коверкая имя моей тетки, берегите свой горб, дон Педро, не то я обломаю об него палку.

Дон Педро де Мохика — он-то и был этот шутник — в ответ на угрозу только расхохотался, а вслед за ним и все остальные, не исключая Веласкеса. Как ни странно, сам Эрике кончил тем, что присоединился к общему веселью, перестав сердиться на Мохика. Объяснить внезапную перемену настроения было нетрудно: добродушный Эрике был вешельчив, но отходчив, а главное, насмешник идалго сообщил ему, что «он скоро увидит свою тетю Фигемоту». И гнев, вызванный непочтительностью Мохики, не мог омрачить огромную радость, переполнившую сердце юноши.

Мохика же был жестоко уязвлен намеком на его уродство и молча поклялся в вечной ненависти к юному пищейцу. Однако хитрец умел скрывать свои метительные чувства, когда того требовало его благополучие. Вот почему он заглушил притворным смехом крик ярости, едва не сорвавшийся с его уст, когда взбешенный Эрикильо бросил ему в лицо оскорбительную угрозу.

XXIII
ЗАКОННЫЕ ПРАВА

Вернемся теперь назад и расскажем, какие события привели к тому, что молодой адмирал дон Диего Колумб был возведен в сан вице-короля и губернатора острова Эспаньола и прочих заокеанских земель, открытых к тому времени в западных Индиях. Выясним также, каким образом добился он признания остальных прав и привилегий, унаследованных им от своего прославленного отца.

На пути юного Колумба стояли бесчисленные преграды, воздвигнутые алчностью и неблагодарностью, которые вместе с завистью и клеветой с незапамятных времен вьют свое гнездо во дворцах власть имущих. Дон Диего воспитывался во дворце католических королей. Честный прямой характер уберег его от развращающего влияния придворной жизни. Редкие нравственные качества и выдающиеся способности в сочетании с необычайной прелестью лица и осанки сделали дона Диего достойным его великого назначения. Однако ему, так же как и его отцу, уготована была долгая борьба с несправедливостью и клеветой — роковым последствием, которое получил он вместе со своим родовым достоянием.

После смерти прославленного адмирала сын взял на себя борьбу за восстановление прав рода Колумба. Его встречали те же препоны и позорные отговорки, что отравили в свое время последние дни великого человека. Два или три года, изо дня в день, с неутомимой настойчивостью оснаривал обездоленный наследник перед королем и Советом Индий принадлежавшие ему права и звания, но все было тщетно.

История сохранила знаменитую фразу, брошенную молодым претендентом своему повелителю. Дело было в 1508 году, король только что вернулся из Неаполя, и дон Диего с новым пылом принялся за свои хлопоты. Он зывал к справедливости монарха, говоря ему, что «не покидает, по какой причине его высочество отказывает ему в том, что является его правом, хотя он просит этого права, как милости; а также почему король сомневается в верности человека, который вырос в его доме».

Король ответил, что медлит удовлетворить просьбу дон Диего не потому, что сомневается в нем, а потому, что боится сделать ошибку, оставив такое великое наследие его сыновьям и потомкам. На это Диего Колумб находчиво ответил: «Несправедливо, сеньор, наказывать меня за грехи моих еще не родившихся сыновей».

Бессердечный Фердинанд настаивал на своем необоснованном отказе. Единственной его уступкой было то, что он позволил смелому юноше подать жалобу на королю в Совет по делам Индии, дабы Совет подтвердил законность его прав. Для коварного монарха это было прекрасным средством задержать на неопределенный срок или вовсе отвергнуть справедливые притязания дон Диего.

Началась долгая запутанная тяжба, стоившая дону Диего немалых денег и многих огорчений. Не было ни одной ничтожной зацепки, какую не использовали бы лукавство и зависть или рабешное желание угодить повелителю за счет дерзкого подданного. Притязания Диего на титул вице-короля отвергались под тем предлогом, что пожалование этого титула адмиралу дону Христофору навечно противоречит интересам короны и закону 1480 года, который запрещал передачу по наследству какого-либо звания, связанного с отправлением правосудия. Иные враги Колумба шли еще дальше, объявляя, что Великий мореплаватель лишен звания вице-короля в наказании за «дурное исполнение своих обязанностей».

Диего Колумб, как хороший сын, горячо встал на защиту доброго имени своего отца и решительно опроверг обвинение, оскорбительные для памяти адмирала. Он заявил, что наглый судья Бобадилья совершил преступление, отправив в 1500 году адмирала в Испанию как пленника после несправедливого судебного процесса, устроенного на Эспальоле; указал, что все судопроизводство и предъявленные на процессе обвинения были в 1502 году сурово осуждены обоими монархами, которые в письмах к преследуемому Колумбу выразили возмущение его арестом и обещали ему полное удовлетворение. Не менее успешно разоблачил дон Диего и лживые утверждения, будто его отец не был первооткрывателем земель в Новых

Индиях. Свидетельства, которые он привел, отстаивая славу этого открытия, были настолько неопровержимы, что он всех убедил в своей правоте. Совет по делам Индии, вопреки злорадным надеждам короля Фердинанда, с достоинством и независимостью, присущими в то времена испанским учреждениям, единогласно вынес решение в пользу доня Диего и восстановил во всем блеске доброе имя Колумба.

Однако с этой славной победой права над властью еще далеко не кончились испытания молодого адмирала. Некоторое время он ждал, что монарх, из уважения к правосудию, сам пожалует ему его титулы и права. Но когда, тщетно прождав много дней, он обратился наконец к королю с просьбой выполнить решение Совета, то с горестным изумлением услышал новые пустые отговорки и ссылки на его крайнюю молодость, на сугубую важность должности вице-короля и на необходимость обдумать и изучить вопрос. Все это убеждало доня Диего в том, что он никогда не добьется от короля Фердинанда действительного и подлинного восстановления своих наследственных прав, как бы неопровержимы они ни были.

XXIV

ВСТРЕЧА

Обманутый в своих надеждах, Диего Колумб был близок к отчаянию; много дней он не появлялся при дворе. Заметив его отсутствие, Фердинанд стал спрашивать о нем; вопреки интересам своей самовластной политики, король не мог не оценить выдающихся достоинств молодого Колумба. По личному приказу короля один из нажей был послан домой к дону Диего и вскоре вернулся с ответом, что тот болен и лежит в сильном жару.

Это известие встревожило монарха: возможно, он понял, что его несправедливость и оказалась причиной болезни. Видя, какой интерес уделяет больному король, придворные, которые везде и всегда одинаковы, наперебой стали проявлять заботу о молодом адмирале. Всеобщее волнение достигло высшей степени, когда повели-

тель обратился к дону Фернандо де Толедо, командору королевства Леон и брату герцога Альбы:

— Кузен, навестите Диего Колумба и скажите ему от моего имени, что я отношусь к нему с величайшим уважением и крайне встревожен его болезнью.

Отвесив почтительный поклон, командор хотел немедленно отправиться выполнять монаршее повеление, но король остановил его и тихо произнес еще несколько слов.

В доме дон Диего посланца короля встретил Фернандо Колумб и, желая избавить брата от посещения, сказал, что тот не спал всю ночь и сейчас только задремал. Но командор настаивал, уверяя, что в его власти сразу исцелить больного.

Дон Диего действительно лежал в постели, но, показав ему руку, командор не обнаружил ни сильного жара, да и вообще никаких признаков болезни, кроме тени глубокой печали, омрачавшей лицо юноши.

— Что с вами, дон Диего? — спросил он дружески. — Чем вы больны?

— Болен не я, сеньор, болит мое сердце, раненное несправедливостью короля.

— Не говорите так о вашем и моем повелителе, — слегка нахмурившись, возразил Фернандо де Толедо. — Поверьте, что серьезные причины, продиктованные благом государства, побудили его противиться вашим желаниям.

— Однако, сеньор, — ответил дон Диего, — я не могу допустить, чтобы ради государственных интересов попирались мои законные права, и не вижу, какой вред может произойти для короля и государства, если будет оказана справедливость такому верному вассалу, как я.

— В таком случае, дон Диего, не изменяйте своей верности, проявляя нетерпение; вы можете многое потерять при этом. Король, мой кузен и сеньор, вас любит и уважает. Он сам велел мне навестить вас и передать его благоволение.

— Приношу благодарность его высочеству, а также вам, сеньор командор, за заботу.

— Больше того, сеньор дон Диего, — продолжал Фернандо де Толедо, — и уполномочен королем сообщить вам, что, окончательно убедившись в вашей верности, он

предлагает нам титул герцога и значительную долю в доходах короны, с тем чтобы взамен вы отказались от ваших прав и от наследственных титулов дон Христофора, вашего прославленного отца, ибо эти права и титулы нанесут ущерб прерогативам короля.

При этих словах дон Диего гордо выпрямился и, пристально глядя на посланца короля, звучным голосом произнес:

— Благоволите передать королю, что я, верный его подданный, охотнее соглашусь, чтобы он лишил меня всего имущества, всех званий и привилегий, и стану служить ему как простой солдат или самый ничтожный вассал, чем из низкой корысти добровольно поступлюсь хоть одним из прав, завещанных мне моим бессмертным отцом, как свидетельство его славы.

Глубоко взволнованный дон Фернандо до Толедо протянул руку благородному юноше и сказал:

— Вы правы, дон Диего, слишком правы. Прощайте.

Едва командор удался, Диего Колумб с лихорадочной поспешностью вскочил с постели, внезапно решив отправиться вместе со своим братом доном Фернандо на верховую прогулку. Брат заметил, что неудобно появляться на людях после того, как во дворце было сообщено о болезни Диего. Ведь именно поэтому и посетил его от имени короля командор. Но юный адмирал пресек возражения брата, заявив, что он не умеет притворяться, что дову Фернандо он сказал чистую правду и теперь принял твердое решение примириться со своей участью. И, как всегда бывает, когда человек мужественно и безропотно принимает удары судьбы, печаль и уныние сразу покинули душу дон Диего.

Фернандо Колумб обладал умом, познаниями в философии и отличался благородными и великодушными чувствами; он оценил мужественное решение дон Диего и красноречиво выразил ему свое одобрение. Увлеченные беседой, братья совершили приятную прогулку, затянувшуюся до самого вечера. Возвращаясь домой со спокойной душой и чистой совестью, оба всадника продолжали оживленно беседовать, а послушные кони резво бежали ровной рысью, словно стараясь не мешать их откровенному и душевному разговору. Так ехали они по широкой аллее, ведущей к главным воротам Вальядолида, ко-

гда увидели нескольких оруженосцев, ехавших впереди молодой дамы, которую сопровождали три или четыре сеньора.

Поравнявшись с блестящей кавалькадой, Колумбы почтительно поклонились. Один из всадников, оказавшийся командором доном Фернандо де Толедо, придержал лошадь, отвечая на приветствие братьев, и сказал:

— Остановитесь, сеньоры. Я вижу, дон Диего, вы полны сил и здоровья, а я-то полагал, что вы лежите дома в жару.

Оба брата натянули поводья коней, и дон Диего ответил командору:

— Сеньор, ваше посещение оказалось столь благотворно, что словно волшебством убило терзавшую меня печаль, и я почувствовал желание действовать.

— Знаете ли, дон Диего, что король вами очень доволен? Я слово в слово передал ему ваш ответ. Но я мешаю вам приветствовать прекрасную амазонку, которая никогда не простит мне подобную неучтивость.

И благородный кабальеро жестом пригласил собеседников приблизиться к молодой даме, которая остановила своего коня в нескольких шагах от них.

Все трое подъехали к ней, и, пока братья, склонившись, приветствовали даму, командор сказал:

— Мария, милая дочь моя, поздравь адмирала дона Диего с проявлением достоинства и прямоты. Сегодня он хорошо показал себя. Сам король был восхищен, и не только не сердится на вас, дон Диего, но хочет снова видеть вас и надеется, что вы наконец будете удовлетворены его решением.

Сказав это, дон Фернандо сердечно попрощался с братьями, а молодая дама наклонила голову с ласковой улыбкой, выразившей непритворную симпатию.

Обе группы разъехались в разные стороны. Командор подробно рассказал дочери об утреннем разговоре; а дон Диего тем временем повторял, словно думая вслух: «Как она хороша!»

Фернандо Колумб лукаво покачал головой, но, желая нарушать задумчивость брата, ничего не сказал.

XXV
ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Прошло три дня после вечерней прогулки и встречи братьев с командором Леона и его юной дочерью. Дочь Мария, единственная дочь знатного сеньора, действительно была прелестна, а ее отец был близким родственником короля Фердинанда и младшим братом могущественного герцога Альбы. Она получила утонченное воспитание во дворце герцога под присмотром доброй герцогини, чьим заботам был вынужден поручить ее рано овдовевший дон Фернандо. Всего три месяца назад Мария вернулась в отчий дом, и командор представил ее ко двору, где прелесть этого свежего розового бутона вызвала восхищение и симпатии новой королевы, дольи Жермены де Фуа, и всех придворных. Дон Диего Колумб до сих пор не имел случая видеть Марию. Повинуясь своему долгу, он ежедневно бывал в приемной короля, но, поглощенный непрестанными хлопотами, втайне недовольный тем, что трон его благодетельницы, великой Изабеллы, занят другой принцессой, и все больше убеждаясь, что никогда не добьется справедливости, молодой адмирал в мрачном отчаянии уклонялся от торжественных дворцовых приемов и бежал веселых празднеств и развлечений.

Он увидел очаровательную девушку в тот миг, когда все чувства внезапно проснулись в его душе, долго томившейся в плену у гнева и нетерпения, — и ослепительная красота не могла не поразить эту чуткую юную натуру. Сердце человеческое не терпит пустоты, и, пока ледяное дыхание старости не охладило его пыл, оно ищет, куда направить свою лихорадочную деятельность: вслед за одной разбитой иллюзией возникает другая и новое счастье вознаграждает нас за счастье утраченное, ибо покорность судьбе открывает двери надежде.

Подвинуясь этому извечному закону, дон Диего, сказав просто блестящей судьбе наследника великого адмирала, открыл свое искреннее и великодушное сердце сладостному, но пылкому чувству, пришедшему на смену надеждам, от которых, оскорбленный человеческой несправедливостью в своем законном честолюбии, он отказался скорей с презрением, чем с сожалением. Ему

нужно было отвлечься, спасти от отчаяния свою бескорытную покорность судьбе. И любовь, вдохновляющая все благородные порывы души, в счастливый час указала ему девушку, достойную преклопенца, к чьим ногам он мог сложить все восторги своего сердца, посвятив ей все свои высокие помыслы, все золотые сны, все чистые желания своей пылкой фантазии.

Диего Колумб, ослепленный красотой и очаровательным доньи Марии де Толедо, подпал под тираническую власть любви. После трех бессонных ночей, глубоких раздумий и неожиданных причуд юный кабальеро, обуздав наконец свое безудержное воображение, начал за завтраком следующий разговор со своим братом, доном Фернандо.

— Знаешь ли, о чем я думаю, Фернандо?

— Догадываюсь, — с обычной своей добродушной и тонкой усмешкой ответил Фернандо.

— Ты не можешь догадаться, — возразил дон Диего.

— Смею тебе заверить, что могу, — настаивал дон Фернандо.

— Тогда скажи о чем, наверняка ты только рассмешишь меня.

— Ты думаешь, — медленно и торжественно произнес дон Фернандо, — о женитьбе на донье Марии де Толедо.

Бедный дон Диего побледнел и пролепетал прерывающимся голосом:

— Друг мой, не то чтобы... может быть, и так... впрочем, не совсем. Ладно, Фернандо, скажу по совести: ты угадал.

— Не нужно быть волшебником, чтобы разгадать эту загадку, Диего, — ответил дон Фернандо, смеясь над его удивлением. — Эта мысль преследует тебя как мигрень со дня встречи, я-то понял все с первого взгляда.

— И что же ты на это скажешь? Одобряешь мой выбор? Должен тебе признаться, дорогой Фернандо, я или женюсь на донье Марии, или откажусь от света и уйду в монахи.

— Ты хочешь знать мое мнение, Диего? Сегодня вечером мы пойдем к командору Леона, и ты попросишь руки его дочери.

Дон Диего был совершенно ошеломлен. Решенье брата показалось ему невероятной дерзостью.

— В своем ли ты уме, Фернандо? Как могу я, *ho-pite insalutato*¹, обратиться к командору с подобными притязаниями?

— Послушай, Диего, браки — это дело или бога, или дьявола. Те, что одобрены богом, идут по широкой дороге при свете дня. Браки, задуманные сатаной, ищут тайных троп и почтой тьмы... Не пожимай плечами и не сердись, выслушай меня: я много думал в эти три дни о твоей любви к донье Марии и ее возможных последствиях. Скрытые намерения короля, визит командора, случайная встреча — все говорит о том, что твоя внезапная любовь вдохновлена богом. И ты не должен ни скрывать ее, ни бояться отказа, ни медлить, ежели хочешь вступить в союз со славным родом Альба. Если же, вместо того чтобы идти прямо к цели, ты станешь подражать влюбленным, нарушающим нравственные законы, будешь пацунывать почву и искать обходных путей, ты погубишь себя, Диего, погубишь! Быть не может, чтобы руки доньи Марии не добивалось множество претендентов. Горе тебе, если ты дашь опередить себя другому, который тоже достоин ее!

— Ты прав, Фернандо. Сегодня же посетим командора, но речь о предложении поведешь ты. Я чувствую, что у меня не хватит смелости.

— Там видно будет, Диего. Если в решительный момент мужество тебе изменит, я не оставляю тебя в беде.

Диего Колумб обнял брата и все утро был весел и оживлен. Они послали слугу предупредить командора о своем визите в три часа дня. Вскоре слуга командора прибыл с сообщением, что сеньор будет рад принять их в назначенное время.

Братья принялись обсуждать план действий; юный дон Фернандо проявил присущие ему проициательность и красноречие, и робеющий дон Диего наконец поверил, что отец его кумира охотно примет предложение, одинаково выгодное для обоих семейств.

Настал час визита. Но даже тогда, когда обоих братьев ввели в роскошный приемный зал командора, влюбленный юноша все еще не мог найти подходящие слова для своей речи. Однако прием, оказанный им благородным сеньором, сразу рассеял все его страхи.

¹ Незванный гость (*lit.*).

Увидев гостей, дон Фернандо де Толедо вышел им навстречу и, протянув обе руки, сказал:

— Очепь рад, достойные кабальеро, вашему посещению, мой дом гордится этой честью.

— Благодарю вас, сеньор дон Фернандо, — ответил дон Диего, меж тем как Фернандо замер в почтительном поклоне. — Ваша благосклонность привела нас сюда и дала нам смелость, не испытывая головокружения, поднять глаза на высоту, на которой вы стоите.

— Можете держаться со мной совершенно свободно, друзья мои, — прервал его командор, без сомнения опасаясь, как бы модная в те времена вычурная манера речи не увлекла молодого человека слишком далеко.

— Если так, сеньор, — заметил тут с обычной своей усмешкой дон Фернандо, — боюсь, что наш визит покажется вам слишком смелым.

— Почему? — просто осведомился командор.

— Потому что, помимо приятного долга приветствовать вас, сеньор, нас привело сюда желание обсудить одно семейное дело.

— Ничто не может быть для меня приятнее, друзья мои, чем ваше доверие, — продолжал командор. — Знайте, все, что может интересовать вас, интересуется и меня.

Фернандо Колумб бросил на брата выразительный взгляд, и тот заговорил, освободившись от страха и смущения,

— Ну что ж, сеньор дон Фернандо, я буду говорить так откровенно, как говорил бы с отцом. Я расскажу вам о своих намерениях: ежели они не заслужат вашего одобрения, вы мне ответите прямо и ясно, не приводя никаких объяснений. Я безропотно приму любое ваше решение, и навсегда сохраню признательность за вашу благосклонную дружбу.

Это скромное вступление произвело самое благоприятное впечатление на добрую душу дон Фернандо де Толедо и всецело расположило его в пользу Диего Колумба.

— Говорите, сын мой, — мягко произнес он.

— Я стремлюсь заслужить это имя, — горячо откликнулся дон Диего. — Я люблю вашу дочь и мечтаю о том, чтобы породниться с вашим прославленным родом. Это стремление могут назвать непомерно дерзким. Но я сын Христофора Колумба, и пусть мой герб еще слишком нов,

за ним стоит целый свет — тоже новый, — открытый моим героическим отцом.

— Да хранит меня небо, сеньор адмирал, — возразил дон Фернандо, — от того, чтобы не признавать великие и чрезвычайные заслуги вашего отца. Вы знаете, как высоко ценю и в ваши личные достоинства. Вот почему мне не кажутся неуместными ваши притязания, и моя воля никогда не станет им помехой. Но я должен выполнить другие обязательства, завесить все другие соображения и выслушать все советы, прежде чем дать вам окончательный ответ.

— Понимаю, сеньор, и готов терпеливо ждать, предоставив вам время, необходимое для переговоров. Я глубоко благодарен уже за то, что вы решили обдумать мое предложение, а не сразу отвергли его.

— Через три дня, дон Диего, — сказал в заключение командор, поднимаясь с кресла, — вы узнаете мое решение.

Колумбы распрощались с доном Фернандо де Толедо, снова выразившим свое дружеское к ним расположение.

Выйдя на улицу, дон Диего с удрученным видом сказал брату:

— Я в отчаянии, Фернандо; нет никакой надежды!

— Раньше чем через три дня, — возразил дон Фернандо, — ты взовешь Марию де Толедо своей нареченной.

Диего Колумб вздрогнул и закрыл глаза, словно не веря даже мысли о таком счастье.

XXVI

УСПЕХ

Затем... Нет пужды, с единственной целью придать романтический колорит вашему рассказу, измышлять перипетии, которые, удалив нас от истины, усложнили бы простую повесть о любви молодого адмирала. История гласит, что предложение его не встретило препятствий, и мы должны уважать историю — хотя бы и пострадал от этого наш правдивый рассказ, — а не утяжелять основное действие вымышленными происшествиями и драма-

готическими эффектами, которые способны лишь будоражить наше бедное воображение и испытывать терпению благосклонного читателя.

Все же мы позволим себе посвятить несколько строк прозаическому и спокойному описанию счастливой жемчужины дона Диего Колумба.

Прошли три дня, назначенные командором Леона доном Фернандо де Толедо, и в том же роскошно убранном сводчатом зале, в котором знатный вельможа принимал обоих братьев, собрались ближайшие родственники и друзья семьи де Толедо. Главной звездой в этом блистательном созвездии был дон Фадрике, глава рода, знаменитый и могущественный герцог Альба, кузеп и любимец короля Фердинанда, благодарного ему за недавнее, весьма важное свидетельство его преданности. Вместе с ним приехала герцогиня, его супруга, прекрасная и еще молодая женщина в богатой парче и сверкающих драгоценностях. Ее сопровождал рой нарядных изящных дам — блеск и украшение кастильского двора. Но среди всех красавиц выделялась своей небесной чистотой, прелестью и несравненной красотой дочь хозяйна дома, очаровательная Мария де Толедо.

Наступил вечер, однако тьма была пограблена и изгнана. В залах и широких коридорах готического дворца вспыхнули восковые свечи в бронзовых канделябрах, их свет мог соперничать со светом дня. В дворцовых садах, скрывавших в своей тени прекрасные статуи, и на улицах города царил волшебное сияние луны, глядевшей вниз с усеянного звездами неба. Увенчанная розами весна радовалась дыханию петерка, несущего ей аромат цветов, словно хвалу со красе.

Доложили о прибытии Диего и Фернандо Колумбов. Братья появились в сопровождении дон Гарсиа, сына герцога Альбы, и других знатных юношей, встречавших их у главного входа. При виде молодых людей легкий шепот пробежал среди собравшихся и все лица осветились приветливой улыбкой.

Дон Фернандо де Толедо представил Колумбов герцогу и другим приглашенным. После того как дон Диего и его брат произнесли положенные припетствия герцогине и дамам, командор взял слово и среди наступившей тишины громким голосом обратился к герцогу Альба:

— Брат мой, прошу вас, как главу нашего рода, благоволите сообщить о нашем согласии сеньору дону Диего Колумбу и всем присутствующим здесь сеньорам и дамам.

Дон Фадрике встал с кресла, легким поклоном приветствовал дона Диего и всех собравшихся и, снова усевшись на место, повел такую речь:

— Сеньор дон Диего Колумб, после того как любезный брат мой, здесь присутствующий дон Фернандо, представил ваше брачное предложение на обсуждение мне и всей семье, мы порешили признать его достойным и приемлемым. Однако мы не хотели ни в малейшей степени насиловать волю любимой моей племянницы доньи Марии и посему почли своим долгом выслушать ее, предложив ей высказать свое отношение к вашей особе с полной свободой и независимостью. Мы получили от нее ответ, вполне для вас благоприятный... Затем поспешили мы, как то велит нам долг, испросить соизволения нашего почитаемого кузена и повелителя, и рады сообщить вам, что его высочество милостиво даровал свое королевское согласие. Посему вы можете считать донью Марию де Толедо своей невестой.

Вам, сеньор дон Диего Колумб, предстоит войти в нашу семью; соединить свою кровь с почти королевской кровью Толедского дома. Мы не считаем этот союз неравным, напротив, по всем статьям он кажется нам достойным и почетным. Но вы молоды; ваш личный жизненный путь только еще начинается: до сих пор вы могли лишь проявить свой характер, благородный и щепетильный в вопросах чести. Со своей стороны, мы никогда не питали неразумной уверенности, будто доблести наших предков и наследственного блеска нашего рода достаточно, чтобы поддержать славу и гордость нового поколения грандов Кастилии. Напротив, мы считаем, что преимущества, доставшиеся нам по воле случая, независимо от наших усилий или выбора, могут лишь побуждать нас служить родиче и вере так, чтобы не оказаться недостойными наших прославленных предков. Эти руки, так же как руки моего брата, командора королевства Леон, разили копьем неверных и французов; а награды, украсившие, благодаря отваге и верности, эту грудь, поддержали и обновили славу и блеск гербов нашего дома.

Вы — сын великого Христофора Колумба и, следовательно, знаете, к чему облызывает это имя. Мы надеемся, что доблестью и делами вы покажете себя достойным нашего славного отца и что небо дарует вам то счастье, которого все мы, здесь присутствующие, вам желаем.

Если речь благородного герцога покажется нашему скромному читателю слишком напыщенной и пространной, да благоволит он вспомнить, что в те времена пережитки еще недалекого ушедшего средневековья сочетались с первыми проблесками современной цивилизации; что прославленный Мигель де Сервантес еще не родился, и ни один человек не знал его гениального произведения, которое положило конец возвышенным рыцарским фантазиям, а заодно и выпреним литературным формам, облекавшим все эти героические рассказы и романтические нелепости.

Командор жестом подтвердил все сказанное его братом, допом Фадрике. Взволнованный адмирал в простых словах поблагодарил обоих и принял восторженные поздравления присутствующих. Затем командор торжественным размеренным шагом подошел к дому Диего и, взяв его за руку, подвел к зардевшейся смущенной невесте. Скромная речь дона Диего понемногу успокоила ее, и через полчаса счастливые парочки с восторгом смотрели друг другу в глаза и, тихо беседуя, делились своими чистыми чувствами и блистательными надеждами. Гости, делая вид, что не замечают этого чарующего зрелища, разбились на группы и вели оживленную беседу. Веселье, танцы и изысканный ужин затянулись до полупочти. Торжественная помолвка закончилась, и свадьба была назначена через двадцать дней.

Эти двадцать дней, без сомнения, были самыми счастливыми в жизни дона Диего; он мог свободно посещать свою невесту и целые часы, летевшие для него незаметно, проводил, беседуя со своей ненаглядной Марией в герцогском дворце. Колумбы добились полного успеха. Весь двор воздавал им почести, узнав, что ледяная холодность короля не устояла перед тем горячим покровительством, какое оказал дому Диего герцог. Отныне повелитель осыпал милостями сыновей Колумба и был доволен тем, что *в конце концов* он оказался справедливым. Такова обычно справедливость королей.

Излишне говорить, что свадьба Диего Колумба и Марии де Толедо была отпразднована с величайшей пышностью, равно как незачем пытаться описать все подробности этого знаменательного события. Здравый смысл наших читателей подскажет им, что, поскольку дело касалось столь высоких особ, свадебные торжества были отмечены всем блеском и роскошью, которых требовал испанский этикет и церемонный стиль того времени. Кроме того, описание празднеств нам кажется заплетом слишком пыточным, чтобы отвлекать ради него внимание тех же читателей — в которых, помимо обычного здравого смысла, мы предполагаем интересы более высокого порядка — от событий, имеющих непосредственное отношение к самым увлекательным эпизодам нашей правдивой истории. Вот почему мы позволим себе посвятить еще несколько страниц разъяснениям, без которых трудно или даже невозможно понять подлинное значение и характеры наших героев, а также нравственную основу их поступков и поведения.

Итак, сократим, насколько возможно, обзор совершившихся событий и бегло опишем перипетии, все еще отделяющие нас от основного действия и главной темы этого не всегда стройного повествования.

Двадцать дней, прошедшие со времени помолвки до того торжественного момента, когда супруги дали обет принадлежать друг другу вечно, прошли не бесплодно для интересов недавно возникшего знатного рода Колумбов. Герцог Альба пользовался безграничным доверием короля и всегда доводил до конца начатое дело. Приняв участие в судьбе своего нового племянника, он добился, чтобы решение Совета по делам Индии в пользу Диего Колумба — до того времени остававшееся мертвой буквой — получило от короля санкцию «*exequatur*»¹ или, как говорилось тогда, королевское соизволение. Единственное, от чего уклонялся король Фердинанд, это от дарования Диего Колумбу титула вице-короля. Впрочем, при дальнейшем рассмотрении оказалось, что монарх уклонялся

¹ К исполнению (*лат.*).

но от того, чтобы пожаловать адмиралу титул, на это он в конце концов согласился *pro forma*¹ или *in nomine*², что на неудобоваримом языке законников того времени говорило о чисто условном характере пожалованного звания. Король не соглашался, а вернее, решительно отказывался доверить вице-королю действительное выполнение его обязанностей. Несмотря на свою королевскую подпись и слово, данное Христофору Колумбу, король Фердинанд всегда считал чрезмерным требования, которые предъявлял законный наследник прав Великого мореплавателя.

Фердинанд Католик охотно соглашался считать адмирала Диего Колумба первым лицом в Новом Свете. Но в вопросах управления глубокий политик, сумевший подавить королевской властью притязания мятежных испанских грандов, никогда не мог полностью признать наследственные прерогативы сына Колумба. Одно дело — давать обещание, когда земли, на существовании которых настаивал никому не известный мореплаватель, казались плодом его разгоряченной фантазии, а другое дело — выполнять данные обещания и попираť тем самым незыблемые принципы своей системы правления, когда земли эти, во всем блеске торжествующей действительности, возникли из глубин океана.

Вот почему король Фердинанд, назначая Диего Колумба губернатором острова Эспаньола вместо командора Овандо, — чьи злодеяния вызвали наконец в королевской памяти предсмертные советы королевы Изабеллы, — в то же время старался скрытно умалить его власть и подумывал об учреждении апелляционного суда в Санто-Доминго, действительно введенного годом позже. По тем же причинам не раз случалось впоследствии, что злобная клевета соперников и завистников Диего Колумба встречала благосклонный прием со стороны несправедливого и подозрительного монарха... Но не будем предвосхищать события, ибо в дальнейшем ходе повествования нам придется еще не раз упомянуть об этих жалких интригах.

Все было подготовлено и предусмотрено для отплытия адмирала Диего Колумба и его прекрасной супруги в Новый Свет сразу же после свадьбы. В Севилье, где

¹ Ряди формы (лат.).

² Во имя (лат.).

вице-король с супругой проводили последние дни перед отъездом, собралось блестящее избранное общество дам и кабальеро, принадлежавших ко двору или к знатнейшим родам Андалусии. Дядья адмирала — дон Диего и дон Бартоломе, которые должны были своим опытом в дело управления Индиями помочь племяннику при установлении его власти, — присутствовали вместе с ним на последней аудиенции у монарха и получили королевский наказ, с которым должны были согласоваться как их советы, так и действия молодого губернатора.

Что же касается Фернандо Колумба, то его скромные вкусы и пристрастие к наукам не могли внушить ему желание второй раз пересечь Атлантический океан, который оставил у него печальную память об опасностях и лишениях, пережитых им во время четвертого, и последнего, путешествия его отца. Однако сам король Фердинанд, высоко ценивший характер и выдающиеся способности Фернандо Колумба, настоял на том, чтобы он сопровождал брата на Эспаньолу и выбрал себе любой пост, отвечающий его склонностям. Бескорыстный юноша не пожелал ничего и согласился на путешествие, лишь когда услышал из уст Диего Колумба, что «без брата счастье его будет неполным, ибо счастьем этим он обязан только его проницательности и уму».

9 июня 1509 года в порту Сан-Лукар наши герои в сопровождении блестящей свиты взобрали на суда поджидавшей их эскадры и под двадцатью двумя парусами отправились в путь. Через полтора месяца счастливого плавания они с невыразимой радостью приветствовали зеленые берега острова Эспаньолы и в конце июля прибыли в Санто-Доминго.

XXVIII ПЕРЕМНЫ

В это время губернатора Овандо не было в столице колонии. Он находился в городе Сантьяго, расположенном в живописной здоровой местности, на берегу многоводной реки Яке, откуда ему легко было следить за всем происходящим в горах Сибао. Овандо и не помышлял о том, что он может быть смещен с должности губернатора

острова. С той же беззаботностью наслаждались жизнью все чиновники и остальные колонисты. А племянник губернатора, Диего Лопес, которого губернатор назначил комендантом крепости Санто-Доминго, дошел до того, что, пренебрегая своими обязанностями, покинул крепость и спокойно жил в своем поместье, неподалеку от города.

Едва на горизонте показалась мощная эскадра Диего Колумба, толпы любопытных высыпали на морскую берег и, как всегда, несколько шлюпок, нагруженных разной снедью, помчались далеко в открытое море. Вскоре одна из лодок, сбыв свои продукты на паруснике, опередившем другие суда эскадры, вернулась на берег, и тут все любопытствующие узнали поразительную новость, которая с быстротой молнии облетела остров: на Эспаньолу прибыл новый губернатор. Коронные чиновники и представители муниципальных властей, ополоумленные этой вестью, облеклись в парадную форму и, поспешив в гавань, вышли в роскошно убранном баркасе на рейд, чтобы засвидетельствовать свое почтение высоким гостям. Но как они ни торопились, а к тому времени, когда гребцы, выбиваясь из сил, вывели летящий словно птица баркас из бухты, эскадра уже отдала якоря, и корабли, стоя на рейде в ожидании положенной по этикету церемонии, нетерпеливо покачивались на могучих волнах.

Рехидоры и коронные чиновники поднялись на борт флагманского судна и выразили оказавшему им радушиный прием дону Диего Колумбу горячее желание как можно скорее принять на берегу знатных гостей.

Адмирал спросил о губернаторе и коменданте крепости и узнал, что оба они отсутствуют. Час спустя был отдан приказ поднять якоря, и флагманское судно, а за ним и вся остальная эскадра вошли с попутным ветром в устье реки. Высадка происходила при огромном стечении народа. Под гром корабельных пушек все население громкими криками приветствовало Колумбов. Неистовый восторг так легко увлекает по любому поводу слепую и впечатлительную толпу.

Рехидоры предложили адмиралу с семьей самое удобное помещение, какое могли найти без соответствующей подготовки в условиях колонии. Однако дон Диего ответил, что вынужден поблагодарить их и отказаться от предложенного ему гостеприимства по политическим мотивам. Воздав в соборе столицы благодарение богу за

счастливого прибытия, адмирал направился в крепость и без долгих слов и церемоний вступил в свои права.

В это время гонцы уже мчались по всем направлениям, сообщая великую новость жителям острова. Овандо немедленно направился в столицу. Гнев и досада охватили его при известии о проступке племянника, ко-

меидапта крепости Санто-Доминго, которого не оказалось на месте в час прибытия нового губернатора. Этим по крайней мере он объяснял свое дурное пастроение. Адмирал с супругой оказали командору самый любезный прием, но разгневавший Овандо продолжал сурово осуждать своего племянника и грозил ему жестокими карами за нарушение порядка. Дон Диего учтиво вступился за провинившегося юношу, после чего Овандо пришлось сменить гнев на милость и, скрыв свое недовольство,

обратить все силы на выполнение предписанного долгом придворного этикета.

Бесконечной чередой последовали празднества, приемы, балы, прогулки верхом по окрестностям города и другие развлечения, которыми стремились почтить гостей богатые колонисты. Придворная жизнь в колонии

отличалась всей утонченной изысканностью того времени. За шесть лет правления Николаса де Овандо остров Эспаньола достиг вершины величия: ловкие руки индейцев, работавших под руководством опытных архитекторов, превратили скромное поселение Осаму в прекрасный город, с великолепными дворцами, ровными улицами, величественными и богато обставленными особняками. Роскошь в колонии дошла до таких пределов, что суровый король Фердинанд, чей пронизательный взор видел

все происходящее в обширных пределах его империи, но раз вынужден был издавать строгие указы, призванные ограничить непомерную пышность, к которой стремились сказочно богатые поселенцы острова Эспаньола.

Вице-король с супругой, молодые, счастливые, наделенные всеми жизненными благами, устраивали роскошные празднества, желая обставить свое появление в изобилующей богатством колонии великолепием, соответствующим их рангу. Дамы из свиты вице-королевы, хотя и «блистающие более красотой, нежели богатством», по выражению, принятому у историков того времени, одевались с изысканностью и изяществом, каких требовали их честолюбивые намерения и прославленные родовые имена: а кабалеро, не отставая от них, щеголял в богатых камзолах, сшитых в Италии, перед возвращением в Испанию вместе с Великим капитаном доном Гонсало де Кордова, когда тот, покрытый славой, покидал Неаполитанское вице-королевство.

Итак, блеск и пышность общественных церемоний и празднеств в столице Эспаньола оправдывали название «малого двора», которое, вслед за многими известными писателями, дали мы великолепной резиденции вице-короля. Овандо вскоре решил положить конец унижению, какое, несомненно, должен был испытывать, участвуя в празднествах, которые не только отметили его падение, но и затмили собой лучшие дни его бывшего владычества. Он уже заканчивал подготовку к отъезду, когда ужасный ураган обрушил всю свою ярость на остров, причинив жестокий урон великолепной эскадре Диего Колумба, которая должна была принять на борт командора. Прекрасное флагманское судно пошло ко дну вместе со всем продовольствием и другими ценностями. На следующий день солнце осветило мрачную картину разрушений и на берегу и на море: плавающие по волнам обломки кораблей, вырванные с корнем деревья, деревянные дома без дверей, без кровли... По счастью, в городе Осама было уже поведено немало каменных домов и строений. Волей-неволей Овандо пришлось отложить свой отъезд, пока не отремонтируют корабли, необходимые для возвращения в Испанию.

Эта задержка привела к тому, что гордому командору суждено было пережить еще горшее унижение — присутствовать при подготовке и открытии суда, которому над-

должало рассмотреть все действия бывшего губернатора и его главных помощников. Под звуки труб глашатаи призывали на суд всех истцов и жалобщиков; в наиболее людных и посещаемых местах были вывешены воззвания и указы, объявляющие, что в течение тридцати дней все недовольные могут подавать жалобы на того, кто еще недавно, как всемогущий владыка, правил всей колонией и Новым Светом. Поистине, как говорил историк Эррера, «не подобает предаваться гордыне в дни благополучия».

XXIX

ЧАСТНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Все старания Диего Веласкеса и его свиты добраться поскорее из Вера-Пас до Санто-Доминго оказались тщетными. Ураган, разрушив дороги и подняв уровень воды в реках, задержал их надолго, и только на исходе двенадцати мучительных дней истомленные и голодные путники прибыли в столицу, растеряв в пути весь лоск и элегантность, отличавшие их при отъезде из Харагуа.

Веласкес и его люди остановились в одном из прекрасных домов, выстроенных по приказу командора Овандо в дни его правления. В тот же день Веласкес послал повому губернатору почтительное уведомление о своем прибытии и попросил аудиенции на утро следующего дня, принеся извинения в том, что из-за плохого состояния его спутников не может засвидетельствовать свое почтение немедленно. Вице-король ответил согласием и уволил Веласкеса от строгого выполнения правил этикета.

Вечером во всех гостиных крепости, которая превратилась в резиденцию дона Диего Колумба и его семьи, много говорили о вновь прибывших путешественниках. Еще в Испании молодой адмирал был наслышан о выдающейся роли Диего Веласкеса в управлении колонией; он знал, что оба наместника Овандо — Веласкес и Хуан де Эскивель — искусно и успешно подавили мятежный дух оставших на острове индейцев, хотя действовали разными способами: Веласкес, как более проникательный и мудрый политик, осуществляя замирение на Западе, сде-

дал все возможное для сохранения индейской расы и в своих походах на Баоруко и Авигуаягуа не допускал той бесчеловечной жестокости, которую проявил знаменитый капитан Эскивель в войне против индейцев области Игуэй.

Адмирал с живейшим интересом слушал сообщения об этих известных в Испании мужах. Рассказ о них вел преклонных лет сеньор с приветливым лицом и длинной седой бородой. Это был дон Франсиско Валенсуэла, один из первых колонистов, прибывших на остров вместе с Христофором Колумбом во второе его путешествие. Он обосновался в Сан-Хуане де ла Магуана, где владел огромными стадами рогатого скота и конскими табунами. Дон Франсиско оставался верным и неизменным другом семьи Колумбов и в хорошие и в тяжелые времена. Случайно он оказался в столице в те дни, когда прибыл новый губернатор. Отозвавшись с высокой похвалой о Диего Веласкесе, Валенсуэла перешел к тем, кто сопровождал победителя вождей Гуароа и Атуея, перемежая свой рассказ интересными замечаниями о состоянии острова и о минувших событиях.

— Вместе с капитаном доном Диего, — рассказывал он, — прибыл Вальденебро, один из кабальеро, наиболее отличившихся в войне с индейцами области Игуэй, во время первого восстания Котубанамы. Ни он, ни его товарищ Понтеведра с тех пор не появлялись в столице: Вальденебро поселился в Магуане, а Понтеведра отплыл в Испанию, спасаясь от насмешек своих товарищей по оружию. Вообразите себе, ваши милости, что произошло с двумя этими пидальго, отважными из отважных, искуснейшими во владении любым оружием. В начале войны с мятежниками увидели они как-то в открытом поле индейца, который стоял, глядя на них с недоверием и презрением. Оба были верхом. «Предоставьте мне убить его», — сказал Вальденебро другу и поскакал к индейцу, который выпустил в Вальденебро стрелу в тот самый миг, когда кастилец пронзил его своим копьём. Раненый индеец, ничем не показав свою боль, бросился вперед и вырвал рукоять копья из рук Вальденебро. Вальденебро схватился за шпагу и проколол ею индейца, но тот отнял у него и шпагу, тоже оставив ее в своем теле; тогда кабальеро воцарил в грудь индейцу книжал, но тот завладел и книжалом, лишив Вальденебро последнего оружия.

Увидев это, Поитеведра подскакал к сражавшимся и нанес индейцу удар копьём; и тут израненный индеец повторил свой геройский подвиг, отпав и у второго воина копьё, плагу и кинжал, и оставил обоих безоружными и растерянными на виду у всего кастильского лагеря: затем героический индеец, словно не утомившая врагов своей мести, ушел, унося в своем теле отважно отвоеванное оружие, и пал, обессивев, среди соплеменников, приветствовавших его восторженными кликами. Через несколько минут он испустил дух, гордый своей победой.

— Поразительный случай, — сказал дон Диего Колумб, — мужество, достойное лучших дней Спарты. Но скажите, удалось узнать имя этого необыкновенного индейца?

— Напрасны были все попытки. Я слышал об этом случае из уст самого капитана Эскивеля, он сетовал на упрямство или тупость дикарей, от которых так и не удалось вырвать имя человека, достойного вечной памяти.

Что же касается Вальдепедро, то он, позорно потеряв все оружие на глазах у двух враждующих лагерей, не мог найти утешения и решил никогда не покидать Магуану, куда бежал от стыда. Но теперь дону Диего Веласкесу удалось уговорить Вальденебро отказаться от своей щепетильности и прехать в Санто-Доминго, чтобы приветствовать вице-королевскую чету.

Кроме того, капитан Веласкес привез с собой юпопу, замечательного своим умом и сметливостью, по имени Эрнан Кортес. Он присоединился к отряду в Компостела де Асуа, где более пяти лет ведал канцелярией области. Это человек выдающихся способностей, который принесет еще немало пользы, хотя он расточителен, драчлив и весьма дерзок с жепцинами. Он пользуется большим влиянием на всех окружающих, словно от рождения отмечен печатью превосходства и привык всю жизнь командовать другими людьми.

Еще вы увидите существо в высшей степени неприятное и лицом и фигурой, такого урода пельзя не заметить. Это некнй идальго, который разбогател, управляя имением индейской сеньоры, вдовы Эрнандо де Гевара.

— Я знаю вдову и ее историю, — прервал тут Валенсуэлу Диего Колумб. — Мой добрый отец перед смертью завещал мне заботу об Ане де Гевара и ее дочери. Дон Бартоломе Лас Касас сообщил мне весьма интересные по-

дробности этого дела, и я знаю, на какую ногу хромает Мохьяка, ведь так, если не ошибаюсь, зовут управляющего.

— Совершенно верно. Итак, мне только остается рассказать вам об индейском юноше по имени Эприкильо — крестнике Веласкеса, который нежно любит мальчика.

— И о юном касике я тоже слышал и с удовольствием увижу его, — заметил дон Диего. — Мне говорил, что он родственник сеньоры де Гевара и что оба они принадлежат к роду правителей Харагуа. Я хотел бы поближе узнать этот край и его жителей, как мне кажется, самых красивых и достойных из всех индейцев острова. Дон Бартоломе рассказывал, что, по словам францисканцев, воспитателей Эприкильо, ум и необыкновенные способности мальчика делают честь индейской расе. Вскоре и сам смогу в этом убедиться и охотно разделю с Веласкесом его отцовские заботы.

— Меня радует расположение вашей милости к Эприкильо. Юноша, наряду с индейцем, разоружившим Вальденебро и Повтоведру, Котубанамой и многими другими, убедительно доказывает, что жители области Харагуа по своему уму и сердцу не уступят самым цивилизованным народам Европы или Азии.

— Я совершенно с вами согласен, сеньор Валенсуэла, — серьезно ответил дон Диего, — и намерен действовать и править в соответствии с этим справедливым и обоснованным суждением.

XXX

НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В то время как дон Франсиско Валенсуэла подробно рассказывал обитателям крепости о жизни и подвигах Диего Веласкеса и его спутников, последние припимали у себя дона Бартоломе Лас Касаса.

Веласкес с интересом расспрашивал об изменениях в составе правящих кругов колония и был рад узнать, что новый губернатор весьма расположен в его пользу. Лас Касас из скромности уверил, что адмирал проникся добрыми чувствами к Веласкесу еще в Испании. Но капитан тем не менее горячо благодарил лиценциата, справедливо приписывая влияние Лас Касаса благосклонный прием,

который, очевидно, ждал его у нового вершителя судеб западного мира.

Трудно описать волнение Эрикильо при встрече с Лас Касасом. Веласкес представил мальчика своему мудрому советчику:

— Смотрите — вот ваше и мое творение!

И Лас Касас, устремив свой орлиный взор на лицо юного индейца, воскликнул:

— Эрикильо! Благословен господь! Как ты вырос, мой мальчик, как возмужал! Обними меня, сын мой! Доволен ли, счастлив ли ты?

— Мой крестный очень добр ко мне, сеньор лиценциат, — отвечал Эрикильо. — Ах, как я рад видеть вас, дорогой мой покровитель! Я надеюсь, вы поможете мне встретиться с моими родными.

— Немедля, мой мальчик, если позволит твой крестный. А каким утешением будет встреча с тобой для твоей тетки! Она, бедняжка, больна, она очень переменялась; но не показывай вида, не отравляй ей радость свидания.

— Не опасайтесь слабости с моей стороны, — твердо и сурово возразил юноша. — Вы не раз писали мне, что я должен стать опорой моей тетке и моей сестре Менсии, и мысль эту я храню в своем сердце, — закончил он, поднеся руку к груди.

Диего Веласкес охотно согласился отпустить Эрике с лиценциатом, и оба быстрыми шагами направились к жилищу Игемоты.

Игемота полулежала в покойном мягком кресле. Крыло смерти уже осенило злобещей тенью ее бледное, осунувшееся лицо. Дочь — прелестная и свежая, словно утренняя заря, — не отрывая взгляда от угасающих глаз матери, сидела у ее ног на скамеечке, слегка опершись локтями о колени и подпирав рукой свое ангельское личико.

Эрике, переступивший порог вслед за Лас Касасом, несколько мгновений наблюдал эту печальную поэтическую картину; затем оба вышли на середину комнаты. Заметив их, дочь Ана де Гевара с трудом приподнялась.

— Это вы, добрый мой сеньор лиценциат? — раздался ее голос, по-прежнему приятный, хотя и приглушенный спавшим ее недугом. — Вы вовремя пришли, мне уж казалось, что целая вечность пропала с тех пор, как я вас видела.

— Дело в том, сеньора, что я всегда стараюсь привести с собой кого-нибудь, кто хоть немного рассеял бы

вашу грусть. Пройший раз я надеялся доставить вам развлечение беседой с сеньором вице-королем и его доброй супругой; а сегодня привел вам гостя, который, пожалуй, порадует вас еще больше.

— Трудно, сеньор Лас Касас, обрадовать меня больше, чем обрадовало милостивое посещение вице-короля и вице-королевы, заверивших меня и мою любимую дочь в своей дружбе и покровительстве.

— Ну что ж, ваш новый гость вызовет у вас такие же чувства, ибо его связывает с вами и чувство долга, и... довольно близкое родство.

С этими словами лицензиат взял за руку Эприкильо и представил его донье Апе. Ююша преклонил колени и произнес дрожащим голосом:

— Моя добрая тетя Игемота, благословите меня.

— Гуарокуйя! — в радостном волнении воскликнула донья Ана. — О, боже мой! Как мне благодарить вас, сеньор Лас Касас! Мне кажется, я вновь обрела силы... Подойди ко мне, мой сын, дитя моего сердца, дай поцеловать тебя.

Склонившись к тетке, Эприкильо почувствовал прикосновение ее бледных холодных губ, и его охватило благоговение, какое он, бывало, испытывал, прячась святых даров в монастыре Вера-Лас.

— А теперь, Гуарокуйя, — продолжала больная в лихорадочном возбуждении, — поцелуй свою кузину, которая, если услышит бог мои молитвы, станет со временем твоей супругой.

Пронесся эти слова, донья Ана откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и погрузилась в глубокое молчание. Сначала Лас Касас и Эприке подумали, что она впадала в забытие. Девочка ласково прикоснулась к ее руке и несколько раз нежно окликнула: «Мамочка!» Напрасно... Молчание и сон длились слишком долго. Лас Касас взял больную за руку и с ужасом убедился, что это было молчание смерти и сон могилы. Донья Ана де Гевара, или Игемота, отошла в иной мир. Ее сердце, истерзанное горем, сломленное несчастьями, не могло выдержать неожиданного бурного порыва радости и надежды; ее чистая душа, подавленная унынием и скорбью, воспряла и вознеслась на небо.

XXXI

РАЗНООБРАЗНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

На следующий день в девять часов утра Диего Веласкесу был оказан достойный и сердечный прием во временной резиденции вице-короля. Адмирал, вместе со своими дядьями, принял наместника области Харагуа как старого друга. Он представил командора вице-королеву и пригласил его позавтракать в крепости.

Веласкес, в свою очередь, представил своих спутников, и губернатор для каждого нашел доброе слово. Но он тут же заметил отсутствие Эприкильо.

— А много говорили, сеньор доп Диего, что с вами приехал молодой индеец, отпрыск рода касков из Харагуа.

— Совершенно верно, сеньор, — ответил Веласкес, — я привез сюда Эприкильо — так все его называют, — которого люблю как родного сына. Но печальное событие так взволновало юношу, что он лежит сейчас в сильном жару.

И Веласкес рассказал о смерти Игемоты, о которой узнал со слов Лас Касааса.

— Я глубоко сожалею о ее смерти, — произнес адмирал доп Диего, — настало время исполнить долг, завещанный мне моим добрым отцом, допом Христофором... Супруга моя, вы позаботитесь о бедной сиротке, которая, помпите, так поразила вас своей красотой. А я возьму на себя попечение о здоровье Эприкильо: ведь вам, сеньор доп Диего, трудно ухаживать за больным, вы сами еще не отдохнули с дороги.

— Этим сразу же занялся наш бесценный друг Лас Касаас. Почтительно опередив вашу милость, он той же ночью перевез Эприкильо в монастырь к францисканцам, где живет в настоящее время сам и где моего названного сына ждет прекрасный уход.

— Все же, — возразил Диего Колумб, — я пришлю ему своего врача и позабочусь, чтобы он ни в чем не нуждался.

И адмирал тут же отдал необходимые распоряжения.

Вице-королева, охваченная тем милосердным рвением, что превращает женщин в ангелов, увела к себе сиротку, рыдавшую над телом матери. Нежное сочувствие чужому горю помогло успокоить прелестную девочку, не поранив ее душу. Посоветовавшись с Лас Касаасом, донья Мария дала наказ, чтобы Игемоту похоронили со всей торжественной пышностью, подобающей ее положению. Вечером того же дня Игемоту опустили в могилу.

Завтрак был подад, но печаль омрачала все души, взволнованные этой неожиданной смертью. Единственным человеком, которого заботили и огорчали совсем другие соображения, был наш старый знакомый Педро де Мохика. Он боялся, как бы дело не обернулось для него плохо и как бы не потребовали от него отчета в управлении имуществом покойной сеньоры. Участие, при-

явленное вице-королем и вице-королевой к судьбе маленькой наследницы, казалось корыстному и дальню дурным предзнаменованием.

Однако мало-помалу, несмотря на печальное начало трапезы, приятное общество и доброе вино оказали свое действие. Языки развязались, и веселье водарилось за богато сервированным и обильным столом вице-короля. Диего Веласкес, поддавшись невольному очарованию окружавшей его молодости, красоты и утонченной роскоши, испытывал ощущение спокойствия и счастья, которых не знал уже много лет. Он вспоминал о садах Гранады, где среди утех и наслаждений, словно прихотливый ручеек среди цветущего луга, протекали дни его счастливой юности.

Эти сладостные воспоминания и блистающие огнем черные глаза сидевшей напротив него молодой сеньоры внезапно зажгли в груди взволнованного командора пламя любви. Мария де Куэльяр, подруга и наперсница вице-королевы, единственная дочь коронного контадора Кристобалья де Куэльяра, обладала не только необычайной красотой, но и тем непобедимым очарованием, которое всегда вызывает восхищение и чистые помыслы о счастье и любви. Позабыв обо всех окружающих, она то и дело устремляла восторженный взор на сидевшего в стороне юношу с прекрасным смугло-румяным лицом, чьи алые, словно лепестки мака, губы оттенял едва заметный темный пушок. Юная красавица удовлетворила свое женское любопытство, взглянув на суровое лицо и богатый, но строгий наряд Диего Веласкеса, и снова повернулась к юноше, послав ему нежную улыбку.

Веласкес заметно опечалился. Он видел выразительный взгляд девушки и убедился, что два эти как бы созданные друг для друга существа связаны взаимной любовью.

После завтрака гости, разделившись на группы, повели оживленную беседу. Командор воспользовался случаем и, взяв под руку Эрнана Кортеса, спросил:

— Скажите, ведь вы всех знаете, кто этот юноша с жемчужным лицом, который сейчас пожал нам руку?

— Вот этот? — спросил Кортес, указав на известного нам молодого человека.

— Он самый, — ответил Веласкес.

— Это Хуан де Грихальва, родом из Куальера, — сказал, улыбаясь, Кортес. — Я действительно давно его знаю... целых четыре часа.

— Когда и как вы с ним познакомились?

— Сегодня утром, когда вы еще спали, я вышел побродить по городу и направился к гавани. По дороге я встретил дона Франсиско Валесеуалу, который пригласил меня взглянуть на конюшни вице-короля. Я, разумеется, охотно согласился. И тут нам повезло, мы пришли как раз вовремя, чтобы увидеть, как этот юноша, показавшийся вам женственным, объезжал дикого кордонского жеребца, черного, как ночь, и горячего, как огонь... Мне тоже захотелось оседлать неистового коня, и Грихальва был так любезен, что немедленно уступил его мне. Потом он осыпал меня похвалами за мою, как он выразился, ловкость. В общем, мы расстались друзьями, как вы могли заметить: мне не нужно много времени, чтобы понять, достоин ли человек моей дружбы, а этот молодой идалго, если не ошибаюсь, и благороден и отважен.

Веласкес выслушал оживленный рассказ Кортеса и глубоко задумался.

В это время появился врач вице-короля. Его засыпали вопросами о здоровье Эприкильо, и важный доктор приступил к отчету о выполненном поручении со всей торжественностью, какой требовал в те времена престиж науки.

— Я прибыл в монастырь, — начал он, — и с соизволения отца настоятеля, к коему я обратился от имени вашей милости, меня проводили в келью, где лежал больной. Это оказался великолепно сложенный молодой человек, с сильным и благородным характером. Лихорадка, *febris acuta*, нашла для себя богатую добычу — *abundantia sanguinis*, а бред указывал на опасный прилив крови к голове, *congestio imminens*. Следуя указаниям Авиценны в подобных случаях, я применил два обильных кровопускания из обеих рук, а также горячую, *fervidus*, парную ванну, *pediluvium*. Оставался там для наблюдения в течение часа, я увидел, что на пациента снизошел покой, *restauratio causa requietionis*. Я покинул его, когда он крепко спал, а ноги его были обернуты тканью, пропитанной теплым маслом, *oleum calfactum*. Смелю заверить,

что если молахи, которые ходят за больным, заставят его соблюдать предписанный мной режим, а именно: диета и настой ревеня, то не позже как через месяц здоровье его будет восстановлено, *praescripabit*. Но должен заявить вамей милости, что в последнем и сомпеваюсь: дело в том, что среди отцов монахов живет один непочтительный мирянин, который имел дерзость противоречить мне и в лицо назвать меня невеждой... *stultus*.

Последние слова доктор произнес с уморительно трагическим видом.

— Кто же осмелился на такую дерзость, доктор? — воскликнул адмирал, с трудом сдерживая смех.

— Некий, *quidam*, — ответил врач, — который нередко посещал вас и которого, как я слышал, монахи зовут лиценциат Касас. Во всяком случае, если он действительно лиценциат, то должен бы с большей почтительностью относиться к науке.

— Уверяю вас, — возразил дон Диего Колумб, — человек этот пользуется заслуженным уважением, и меня крайне удивляет, что он оскорбил вас без вельной причины.

— Он утверждал, что ананасный сок, — продолжал обиженный педагог, — в данном случае гораздо полезнее, нежели пастой ревеня, и дошел до того, что заявил, будто Авценна при лихорадке рекомендует не ревеня, а листья тамариндового дерева... И назвал дерзкие утверждения этого самозванца ересью, а он, процитировав латинские тексты никому не ведомых авторов, под конец бесстыдно заявил, что я невежда и простофиля.

— Не беспокойтесь, досточтимый доктор, — сказал и заключение адмирал, — я приму меры, чтобы подобная непочтительность больше не повторялась.

Диего Веласкес, присутствовавший при этой беседе, проявлял живейший интерес ко всему, что касалось его питомца. Когда величественный целитель удалился, командор, за которым последовали Кортес и вся остальная свита, распрощался с гостеприимным хозяином и с дамами, объяснив, что должен выполнить свой долг и позаботиться о здоровье Эприкильо.

— Помните о нашем желании видеть его здесь немедленно после выздоровления, — повторил вице-король, дружески пожимая руку Веласкесу.

— По ком так печально звонят колокола? — спросил бывший губернатор дон Николас де Овандо у своего племянника Диего Лопеса.

— По индейской сеньоре, вдове де Гевара, сеньор. Она умерла этой ночью, — ответил Лопес.

— Господи помилуй, племянник!.. Когда же наконец будут готовы к отплытию наши суда? Право, ежели мы задержимся еще на несколько дней, пожалуй, и по мне прозвонит погребальный колокол...

Это печальное предчувствие не сбылось. Месяц спустя после смерти Игемоты Овандо, втайне терзаемый жестокой тоской, распрощался с островом, отдав все свои дома и имущество в дар монастырям колонии и госпиталю святого Николая, который был основан в Санто-Доминго самим командором. Последние годы жизни он провел в Испании в тягостных заботах, преследуемый бесчисленными жалобами на его действия в дни управления Эспаньолой. Этих жалоб было так много, что король в конце концов был вынужден вмешаться и заявить, что мрачные времена губернаторства Николаса де Овандо уже давно миновали.

Но недолго пользовался знаменитый губернатор Эспаньолы покоем, который даровал ему в своей доброте повелитель, — через два года после возвращения в Испанию Овандо умер.

И кажется нам, что последние дни безжалостного тирана Эспаньолы, — как и последние дни других деспотов, которые, злоупотребляя своей неограниченной властью, оставили потомству память о кровавых преступлениях, — прошли в тревогах глубокой внутренней борьбы. «Почему не мог я совершить больше?» — взывала униженная бессильная гордыня. «Почему совершил я так много?» — содрогаясь, стонала совесть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ

Честолюбие развращает человека, ибо питается за счет других качеств, возвышающих и украшающих человеческое сердце. Независимо от того, вызвано ли честолюбие благородными или низменными побуждениями, стремлением к возвышенной цели или гнусной расчетливостью и скаредностью, оно неизменно стремится поработить все наши чувства, рано или поздно превращаясь в основной двигатель всех наших поступков; честолюбец безжалостно подавляет все благородные порывы сердца, которые могут служить помехой его основной страсти.

Честолюбие Диего Веласкеса, человека, привыкшего с молодости к трудным задачам и важным поручениям, по природе своей не было низменного свойства. В годы правления командора Овандо Веласкес создал немало городов и селений на юго-западе Испании; будучи самым богатым из всех завоевателей в том крае, который ему удалось, благодаря рвению и опыту, замирить в несколько месяцев, он выделялся из общей среды своими организационными и административными талантами. На его глазах Хуан де Эскивель выпросил у молодого адмирала право снаряжить экспедицию на Ямайку и, завоевав остров, стал его правителем; Понсе де Леон, пользуясь покровительством губернатора Овандо, получил в управление прекрасный остров Пуэрто-Рико; Алонсо де Охеда и Диего де Никусса закапчивали в порту Санто-Доминго подготовку к наделавшей много шума, но в дальнейшем не оправдавшей себя экспедиции на континент; другие

отважные и предприимчивые мореплаватели: Васко Нуньес, Эрнан Кортес и множество им подобных — бредили величием и славой, строили несбыточные планы и деловили призрачные надежды в ожидании случая, сулившего широкое поле деятельности для всех искателей опасных приключений, которым суждено было привести их или к гибели, или к вершине счастья.

Мог ли Веласкес остаться в стороне от идей времени, удовлетворяться добытой славой и почить на лаврах, считая свою судьбу завоевателя завершённой? Этого не разрешали ему ни молодой возраст, ни его натура, жаждавшая борьбы и славы и служившая благодарной почвой для развития душевного педуга, именуемого честолюбием.

Итак, Диего Веласкес был честолюбив, хотя, как мы выше заметили, его возжеления отнюдь не носили низменного характера. Но так или иначе, эта страсть была достаточно сильна, чтобы заглушить все благотворные порывы, и любовь слишком поздно постучалась в его сердце.

Тут-то и заключалась беда: овладей любовь полностью его благородным сердцем, заглуши или изгони она все прочие стоявшие на ее дороге страсти, ей неизбежно сопутствовало бы самоотречение, убив в зародыше все помыслы, служившие помехой счастью прелестной Марии де Куэльяр. Но наряду с любовью отчетливо и внятно звучал голос беспощадного эгоизма; его пробудил к жизни неразборчивый в средствах хитрый соглядатай и проныра Педро де Мохика, охотник за милостями и наживой. Он вызвался помочь Веласкесу сочетать любовь с тщеславием. Для алчного идалъго на карту были поставлены положение и богатство: ему не терпелось обеспечить за собой право опекаль племянницу Менсню и управлять ее наследственным имуществом. Прежде всего следовало завоевать благосклонность правителя Харагуа. Мохика жаждаль любой ценой приобрести могущественного покровителя. Что ему за дело до всего прочего?

От всевидящего ока Мохики не укрылась тайная страсть Веласкеса к Марии де Куэльяр. Сообразив, какую выгоду можно извлечь для себя из этой любви, он принялся за дело с присущей ему решительностью. В несколько дней он сумел завязать тесную дружбу с доном Кристобалем, коронным контадором, отцом прелестной

девушки, и соблазнил воображение тщеславного старика перспективой весьма лестного и выгодного союза между его дочерью и человеком столь блестящего положения и многообещающего будущего, как дон Диего; хитростью и лукавством он добился благоволения отца, поручившего ему разузнать о чувствах Веласкеса и положить начало брачным переговорам.

Облеченный такими полномочиями, Мохика отправился прямо к Веласкесу, который благоволил к нему, и начал фамильярно и многоречиво:

— Сеньор дон Диего, ваша милость располагает богатством, отвагой, доброй славой и всеобщей любовью; вы хороши собой, и тем не менее вы несчастливый. Чего вам недостает для счастья? Того, чего не хватало Адаму, когда он пребывал один в раю: подруги.

— Возможно, что вы правы, дон Педро, — ответил с улыбкой Веласкес.

— Я в этом совершенно уверен, — подхватил Мохика, — но в вашей воле помочь беде. Вам предоставляется сделать выбор среди прекрасных дам, окружающих вице-королеву, и любая, на которой вы остановитесь, станет вашей.

— Да будет вам известно, сеньор Мохика, что это не так просто, как вы себе мыслите, — медленно проговорил Веласкес. — Мой выбор сделан, и, однако, моя избранница никогда не станет моей женой. Ее сердце принадлежит другому.

— О ком идет речь, сеньор? — с живостью спросил Мохика. — Я желал бы стать вашим наперником; я вам предаю всей душой и заранее ручаюсь за успешное исполнение ваших желаний.

— Что ж, друг мой, я вам поведаю все; вот уж несколько дней, как я вздыхаю по прекрасной волшебнице, божественной Марии де Куэльяр; я полюбил ее с той минуты, как впервые увидел в крепости. Но она любит другого: ее сердце принадлежит Хуану Грихальве. К моему огорчению, я твердо уверен в этом.

— Успокойтесь, сеньор, неужто молоконое без имени и будущего станет вашим соперником или посмеет мечтать о руке дочери корошного контадора, наилучшей партии во всей Эснальоле? Предоставьте мне свободу действий, и я повторяю — донья Мария де Куэльяр будет вашей супругой.

— Однако, — возразил дон Диего, — я не желал бы получить руку без сердца; а как я уже сказал вам, девушка отдала свое сердце этому беззусому юнцу, который представляется вам таким незначительным.

— Что вы говорите, сеньор дон Диего! — пылко воскликнул Мохика. — У восемнадцатилетней девушки вместо настоящей любви одни прихоти... На чем основана ваша уверенность, что Грихальва является счастливым избранником доньи Марии? Добейтесь ее руки и будьте уверены, что вместе с нею вы овладеете и сердцем девушки.

— Но я видел, какими взглядами они обменивались... как улыбались один другому, в их глазах было столько взаимного понимания, что... — продолжал дон Диего словно пехотя, колеблясь и сомневаясь, как человек, страстно желающий услышать от собеседника решительное опровержение.

— Поверьте, — возразил Мохика, — здесь требуется лишь некоторая ловкость, и все уладится; из-за пустых подозрений и догадок, основанных на обманчивой видимости, вам не след отказываться от самого прекрасного и очаровательного создания во всей колонии и от союза с семейством такого человека, как контадор, чье состояние в соединении с вашим сделает вас наиболее могущественным из всех жителей колонии, придаст блеск вашему имени, поставит его в ряд самых славных в истории...

— Хорошо, Мохика, — сдался наконец Веласкес, — не могу устоять перед вашим красноречием. Если вы считаете для меня достижимым назвать донью Марию супругой, доверяю вам мою судьбу; приложите усилия, употребите все средства, которые ваш разум вам подскажет, и в случае успеха рассчитывайте на мою благодарность.

Итак, договор состоялся. Диего Веласкес изменил себе: благородная самоотреченность влюбленно уступила место тщеславным замыслам честолюбца; они-то и толкнули Веласкеса на неверный путь, где его ожидало немало терний и жгучих укоров совести.

С этого момента любовные домогательства паместника Харагуа приняли характер сделки: были хладнокровно взвешены возможности за и против, приняты во внимание все предположительные помехи и намечены меры, которые помогут их избежать, устранить, уничтожить... Однако Мохика, по природе своей склонный к интригам,

умолчал о расположении коронного коптадора к Веласкесу. Вместо этого он тщательно разработал план кампании с целью завоевать руку красивой девушки, хотя бы и против ее воли.

II

ГОРЕСТНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Коптадор дон Кристобаль де Куэльяр по своим идеям и взглядам был истинным сыном своего века, плодотворного пятнадцатого столетия, завершившего мрачную эпоху средневековья падением Восточной империи, завоеванием Гранады и открытием Нового Света. И сумрачное, и сияющее это столетие, угасая, служило достойной прелюдией к великой эпохе Возрождения, расцвету которой способствовали прославленные ученые и писатели, бежавшие в Италию из Константинополя, ставшие мусульманским. Последние всплески феодализма, поздние отблески грубой цивилизации, основанной на деспотизме сеньоров и принижении вассалов, казались еще более бледными и зловещими при первых светозарных лучах Нового времени, пробудившего ум человека от глубокого векового сна и указавшего ему в единовластии короля путь к избавлению от тягостного гнета множества тиранов.

В те времена народы восприняли идею королевской власти, как ныне, в результате успехов нравственных и политических наук, они воспринимают идею демократии в разумной форме республики. Пытая естественное отращение к пережиткам феодализма, люди среднего уровня превращали служение королю в страстный фанатический культ. Даже в наши дни вполне достойные люди впадают в эту крайность, полагая, что возвеличенный принцип единовластия послужит для современного общества спасительным талисманом против наплыва демагогических идей; между тем это всего лишь роковое заблуждение, тщетная попытка повернуть вспять историю, остановить победное шествие цивилизации и справедливости.

Сеньор де Куэльяр принадлежал именно к этому роду людей с посредственным умом и в своем слепом преклонении перед монархией частенько повторял, что «ради

короля не побоятся сгореть в аду». В остальном человек вполне достойный и честный, он громогласно, с твердым убеждением исповедовал свои идеи и воззрения, доводя их до последней крайности. Вот почему взгляды контадора на власть вообще, и в первую очередь на власть отцовскую, привели его к отрицанию личного права на собственную волю перед высшим долгом повиновения. Теперь легко понять, какой вывод из таких предпосылок вытекал для бедной овечки, называвшей сеньора де Куальяра нежным именем отца.

Порядочная, хорошо воспитанная девушка, по обычаю того времени, выходила замуж не по своему выбору, а по воле родителей. Личная склонность, симпатия или антипатия не принимались в расчет при заключении брака. Попросту не имели никакого веса.

Вскоре настал день, когда при деятельном участии Мохики дон Диего Веласкес получил от контадора торжественное обещание отдать за него замуж юную Марию де Куальяр.

Бодяжка с ужасом выслушала весть о родительском обещании, оно было для нее равносильно смертному приговору.

— Отец! — едва слышно пролепетала она трепещущими губами, не в силах выговорить больше ни слова.

При виде смертельной бледности дочери, дрожавшей всем телом, дон Крестобаль с удивленным поглядом на нее.

— Что с тобой, дочка? — спросил он с притворным участием. — Тебе душно? Уж не позвать ли служапок?

— Нет, отец, — преодолевая себя, ответила Мария. — Я хочу поговорить с вами наедине... Эта весть... слово, данное вами... Все так неожиданно для меня... Я не хочу выходить замуж! — пылко закопчила она, оправившись от первого потрясения. — Не хочу расставаться с вами. Ах, если бы мама была жива!

И бедная Мария разразилась слезами.

Отец был взволнован, но, скрывая свое чувство, нахмурился и сказал с оттенком раздражения:

— Полно, сеньорита! Вы, кажется, не в своем уме. Чем вызвано это хныканье? Можно подумать, я собираюсь причинить тебе зло, а не выдать замуж за молодого кабальеро с блестящим положением и превосходным будущим. Считаю твой отказ от замужества неповиновением отцовской воле, ни больше, ни меньше. Что ты смелыишь

в жизни? Подчинись отцу, как тебе велит долг, и обрешь счастье... Я дал слово, говорить больше не о чем.

— Но... — начала испуганная и ошеломленная Мария, которую внезапно осенила счастливая мысль, — вице-королева и адмирал?.. Вы спросили у них совета?

— Это отнюдь не входит в мои обязанности, — сухо ответил дон Кристобаль. — Придет время, и я поставлю их в известность о принятом решении; я сумею это сделать так, что они останутся довольны.

Луч надежды смягчил отчаяние девушки, которая едва слушала слова отца. Вице-королева спасет ее. Так думала бедняжка, хватаясь за эту спасительную мысль, как утопающий за соломинку.

Так и быть, она доверит вице-королеве свою тайну, расскажет ей все. Это все было ничтожно мало, оно ограничивалось чистосердечной исповедью в чувстве, о котором уже догадывалась вице-королева, разрешавшая себе порой осторожные намеки, неизменно отвергаемые красноречивой Марией.

В тот день, едва наступил обычный час, Мария поспешила в крепость и, оставшись наедине с вице-королевой, с горькими слезами упала к ней на грудь; задыхаясь от волнения, бедняжка рассказала, что отец обещал ее руку Веласкесу.

— Вам известно, сеньора, — прибавила девушка, — что я не могу согласиться на этот союз, одна мысль о нем приводит меня в содрогание, мне легче умереть, чем изгнать из своего сердца обожаемый образ...

— Грихальвы? — поспешила договорить за нее вице-королева.

— Да, сеньора, — продолжала Мария, — я это всегда отрицала, сама не знаю почему; отрицала и вместе с тем радовалась, что вы догадываетесь... Мое доверие к вам, ваше дружеское расположение побуждали меня открыться вам во всем, но какой-то стыд удерживал меня. Сейчас я раскаиваюсь в этом, ведь будь я с вами откровеннее, вы, пожалуй, смогли бы оказать покровительство моей невинной любви, добиться у отца согласия на мой брак, избавить меня от нынешнего горя.

Донья Мария де Толедо с живым участием слушала свою подругу; она любила ее с нежностью сестры и ради ее счастья готова была пожертвовать собственным благополучием.

— Так ты говоришь, что отец официально обещал твою руку дону Диего Веласкесу? — переспросила вице-королева.

— Вот именно, сеньора. Я просто в смятении. Отлично зная отца, я понимаю, что вам и сеньору адмиралу лишь с большим трудом удастся отговорить его от принятого решения.

Вице-королева грустно и недоверчиво покачала головой:

— Так мы ничего не добьемся, дорогая моя. Мой супруг сам слишком верен взятым на себя обязательствам: он слепо исполняет данное им слово, и от него нечего ждать помощи в таком деле. И, наконец, ни он, ни я — мы не смеем без ущерба для нашего положения оскорбить дону Диего Веласкеса попыткой разрушить его планы; его любовные домогательства направлены по честному законному пути.

Мария де Куэльяр слушала разумные доводы вице-королевы, и смертельный холод сжимал ее бедное сердце. Заметив, какое впечатление произвели ее слова на девушку, вице-королева спохватилась:

— Это не значит, что все потеряно, нет, дорогая Мария. Я постараюсь найти способ, чтобы... Надо подумать... Ну, кажется, я нашла, — прибавила она после краткого раздумья.

И с решительным видом, как человек, уверенный в успехе своего замысла, вице-королева позвонила в серебряный колокольчик, стоявший рядом с ней на столике черного мрамора. В ответ на серебристый звон появился слуга и услышал следующий приказ из уст госпожи:

— Сейчас же найди Эрикильо и передай, что мне надо поговорить с ним.

Низко поклонившись, слуга торопливо поклонил поклои сеньоры.

III

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Выздоровление Эрике шло быстро, значительно быстрее, чем можно было ожидать после диагноза, поставленного доктором Хилем Пересом, как звали того врача, который по просьбе адмирала являлся больному в

монастыре францисканцев, где у него произошел бурный спор с доном Бартоломе Лас Касасом. Последний, внимательно наблюдая за больным, продолжал, по-видимому, действовать вопреки советам ученого медика; так или иначе, не прошло и трех недель, как Энрике оправился от горячки; все еще бледный и слабый, он, к своей великой радости, мог уже выходить и совершать прогулки в монастырском дворе. Вспомним, что, по мнению эскулапа, требовалось не менее месяца для полной поправки, и то при условии, если больной будет тщательно соблюдать все его мудрые предписания.

Бедный Энрике никак не мог примириться с внезапной смертью Игемоты: ведь с ней, кроме родственных уз, его связывали горячая привязанность и чувство глубокой благодарности; утешенно в своем горе он нашел у Лас Касаса, который с присущей ему задушевной мягкостью напомнил юноше о предсмертном завете несчастной страдальцы. По мысли доброго лиценциата, такой завет, сделанный при трех свидетелях скорбной сцены — Энрике, крошке Менспи и самом Лас Касасе, — обладает большей силой, нежели письменное завещание.

— Энрике, — сказал в заключение доброжелательный лиценциат, — тебе надлежит смириться и сохранить мужество, чтобы позаботиться о будущем твоей юной двоюродной сестры и выполнить священную волю умирающей.

Убедительные доводы Лас Касаса с несказанной силой отозвались в сердце Энрике. С этого дня, устыдившись своей слабости, он воспрял духом, согнал с лица выражение скорби и поклялся одержать верх над всеми испытаниями и жизненными бурями; только едва уловимая тень грусти, сохранившаяся на его лице, говорила о таинном горе.

Наблюдая за происходившими на его глазах переменами, лиценциат Лас Касас посоветовался с Веласкесом, не пора ли представить их питомца вице-королю с супругой. С этой целью для Энрике был заказан траурный костюм; черный цвет выгодно оттенял матовую бледность юного лица, а пережитое горе и болезнь усилили природную серьезность касика, наложив на его облик отпечаток утонченности. Диего Веласкес с торжествующим видом обратил на это внимание Лас Касаса. Его тщеславию требовало, чтобы юноша произвел на всех благоприятное впечатление.

Представ перед вице-королем и его супругой, Эрике встретил ласковый, сердечный прием. Ободренный добротой высокой чести и тактичной поддержкой Лас Касаца, Эрике вскоре выразил желание увидеть свою двоюродную сестру. Вице-королева сама взялась проводить его в покои девушки, а оттуда в прекрасный сад, разбитый во внутреннем дворе крепости, где Менсия, грустная и молчаливая, безразлично слушала разговоры камеристок доны Марии.

При виде Эрике она быстро вскочила, бросилась к нему лавстречу, простодушно обняла его и поцеловала в щеку. В ответ на это порывистое приветствие сдержанный юноша взял прелестную девочку за руку и, мягко улыбаясь, посмотрел на нее долгим взглядом, меж тем как слезы против воли катились по его щекам. Растроганная вице-королева, желая отвлечь детей от грустных мыслей, сказала:

— Ну же, Эрике, поцелуй свою кузину.

Юноша с непередаваемым выражением взглянул на добрую сеньору и задумчиво, словно разговаривая с самим собой, повторил:

— Поцелуй твою кузину! Так сказала мне «она», умирая, и даже не оставила мне времени выполнить ее желание...

— О ком ты говоришь, Эрике? — живо спросила его донья Мария.

— О той, которой больше нет: о моей дорогой покойной Игемоте. Умирая, она сказала мне, как вы сейчас: «Поцелуй твою кузину, — и в присутствии сеньора Бартоломе добавила, как последний прощальный завет: — которая, если услышит бог мои молитвы, станет со временем твоей супругой».

Тут Эрике взял в руки красивую головку Менсии, нежно поцеловал ее в лоб и разразился рыданиями.

Тронутая этим глубоким горем, вице-королева, удерживая слезы и преодолевая волнение, постаралась подбодрить юношу:

— Значит, Менсия будет твоей женой, когда вы оба подрастаете и сможете пожениться?

— Если б не желание выполнить последнюю волю умирающей, — ответил Эрике с глубоким чувством, — не стоило бы дольше жить. Я должен стать опорой для бедной сиротки и только ради этого хочу сохранить мою жизнь.

— Только ради этого, мальчик! — с ласковым упреком воскликнула королева. — И ты никого на свете не любишь, кроме твоей сестры?

— Ах, что вы, сеньора! — с жаром возразил Эрикке. — Я люблю молх благодетелей: дона Бартоломе Лас Касаса, моего крестного дона Диего, моего доброго наставника отца Ремихио...

— И надеюсь, — прервала его донья Мария, — что ты подлюбишь также меня и моего супруга, как нас уже полюбила Менсия. Ведь это так, дорогая моя?

— Да, сеньора, — ответила девочка, — я всем сердцем люблю вас!

Донья Мария с материнской нежностью привлекла Менсию к себе и, крепко прижав белокурую головку к своей груди, ласково поцеловала ее.

Меж тем как эти трогательные сцены происходили в саду крепости среди цветущих кустов, дон Диего Веласкес, занятый мыслью о предстоящем браке, о котором он в то утро договорился с доном Кристобалем де Куэльяром, по совету Мохпки сообщил не теряя времени адмиралу и Лас Касасу о сделанном им официальном предложении и согласии отца отдать ему руку прекрасной Марии.

— Весьма рад, дон Диего! — с искренним чувством воскликнул адмирал. — Нахожу вполне справедливым, чтобы самый достойный кабальеро получил самую красивую невесту... Я не хочу этим обидеть вас, дон Бартоломе, но вы ведь не собираетесь жениться...

— О сеньор! Я вышел из игры, — с любезной улыбкой ответил лиценциат. — И раз мы уже заговорили откровенно, сообщу вам, что день моего посвящения в сан недалек. Но пройдет и трех месяцев, как я, если поможет мне бог, стану его служителем, хотя и чувствую себя недостойным такой милости. Я надеюсь, что вы, достойный адмирал, в память моего бесценного друга, вашего прославленного отца, согласитесь стать восприемником на моей первой мессе.

— Клянусь пресвятой девой, лиценциат, — ответил Диего Колумб, — ничто не может доставить мне больше чести и удовольствия... Конечно, — прибавил он с улыбкой, — было бы куда лучше, если б вы последовали примеру Диего Веласкеса и выбрали себе супругу среди прекрасных девушек, — ведь именно ради этого бедняжки и

отправились в Новый Свет; впрочем, едва ли хоть одна из них решится приревновать вас к нашей святой матери-церкви.

— Ах, сеньор адмирал, — сказал полусерьезно-полушутя Лас Касас, — только эта супруга мне и подходит; поверьте, лишь с ней и с помощью святого духа, который ее вдохновляет, я смогу посвятить себя утешению скорбящих. Таково мое призвание.

— От всего сердца говорю аминь, дорогой лицеприят, — живо откликнулся адмирал.

Беседа между тремя друзьями продолжалась в том же благодушном тоне, пока в гостиную не выпала доля Марии.

— Где же Эприкильо? — с улыбкой спросил жену адмирала. — Я еще не передал его тебе во владение, а ты уже решила оставить юношу за собой.

— По крайней мере на сегодняшний день с разрешения сеньоров, — ответила в том же шутливом тоне вице-королева. — Эрике и Менсия так обрадовались встрече, что было бы жестокостью разлучить их раньше полудня.

— А почему бы не дать им дольше пробыть вместе? — сказал Диего Колумб. — Это утешило бы двух сироток. К чему разлучать их? Эприкильо мог бы отлично остаться нажом во дворце.

— Я так и предложила ему; но насколько сегодняшняя встреча с Менсией обрадовала его, настолько же его огорчила мысль остаться на службе в крепости. Он предпочитает жить в монастыре, чтобы не разлучаться ни с сеньором Лас Касасом, к которому он искренне привязан, ни с сеньором Диего Веласкесом и сейчас не припомню, с кем еще. У мальчика прекрасное сердце.

— Могу вас уверить, сеньора, — с чувством сказал Веласкес, — что я люблю его, как родного сына.

— Нет ничего удивительного в том, что Эрике предпочел роскошному дворцу однообразную жизнь в монастыре, — подхватил Лас Касас, желая представить своего питомца с лучшей стороны. — Он уже в раннем детстве был склонен к грусти, позднее он так пристрастился к учению, что жить не может без философских и теологических диспутов, составляющих напе единственное развлечение в часы досуга, которые мы проводим под сенью деревьев в монастырском саду.

— В таком случае, — сказала донья Мария, — примем решение, которое удовлетворит всех. Эприке останется жить у францисканцев на попечении сеньора лиценциата, а праздничные дни будет проводить у нас в доме вместе со своей невестой.

— С невестой? Кто же его невеста? — спросил адмирал.

— Кто же, как не его кузина Мепсия, наша приемная дочь. Это вопрос решенный, он освящен смертью. — И вице-королева пересказала все, что ей поведал Эприке в саду.

Лас Касас, свидетель событий в день смерти доньи Аны де Гевара, подтвердил слова юного касика и выразил непоколебимое желание помочь ему выполнить последнюю волю покойной.

Все в один голос одобрили благое решение лиценциата, и с этого дня счастливое будущее двух спрот, казалось, было обеспечено. Роковой ход дальнейших событий не оправдал столь радужных и светлых надежд; ведь человек не всегда беспрепятственно и легко достигает своей цели, ибо усилия, направленные на благо и вдохновленные добродетелью, неизбежно встречают на своем пути множество преград, преодолеть которые порой не помогают ни вера в святость цели, ни стойкое упорство в борьбе.

IV ПИСЬМО

Было три часа пополудни, когда Лас Касас и Веласкес покинули крепость. Донья Мария де Толедо, расставшись с мужем вплоть до обеденного часа, вернулась в свои покои, где и произошел памятный разговор с юной Марией де Куэльяр, который мы передали, прервав его на том месте, когда вице-королева велела послать за Эприке.

Юный касик не замедлил предстать перед дамами. Он с любопытством взглянул на молодую девушку, молча поклонился и приготовился выслушать, что ему будет сказано.

— Как ты думаешь, Эприке, — обратилась к нему вице-королева, — ты еще увидишь сегодня сеньора доня Диего Веласкеса?

— Я собирался зайти к нему по пути в монастырь; — ответил Эприке.

— В таком случае, обожди минутку.

И, подойдя быстрым шагом к письменному столу, молодая сеньора набросала несколько строк на листе бумаги, тщательно сложила его и передала Эприке.

— Вот случай сегодня же проявить твои достоинства, которые признаются всем, кто тебя знает, — сказала она. — Передай письмо дону Диего и скажи на словах, что оно от доньи Марии де Куальяр.

Услышав свое имя, девушка вздрогнула.

— Ах, сеньора! — сказала она вице-королеве. — Что подумает обо мне дон Диего?

— Ничего плохого, дорогая моя, — ответила донья Мария де Толедо. — Дон Диего истый рыцарь; то, что здесь написано, никак не может повредить женской чести; зато, явившись для разговора, на который его приглашают, Веласкес поймет, что ему следует отказаться от своих домоганий.

— Вы полагаете?.. — с сомнением спросила Мария де Куальяр.

— Повторяю, что дон Диего рыцарь, и лучше всего в данном случае положиться на его благородство, — заключила вице-королева.

— Разрешите посмотреть письмо, — сказала девушка. И, взяв его из рук юности, она прочла:

«Вам следует из моих уст услышать объяснение по поводу вашей судьбы, прежде чем продолжать предпринятые вами шаги. Сегодня в девять часов вечера жду нас в саду крепости. Калитка со стороны моря будет открыта».

— Свиданье, сеньора! — воскликнула девушка, окончив чтение. — Я положительно не узнаю вас. Вы, такая робкая и нерешительная до вашего замужества... А пычке нам кажется вполне естественным, чтобы я встретила вас наедине с мужчиной пещером в саду...

— Тебе нечего опасаться, — повторила вице-королева. — Моему мужу будет все известно, и я уверена, что он одобрит мое решение, — ведь надо же пресечь то, что ты считаешь для себя непоправимой бедой.

— Но что я скажу дону Диего? Право, от страха я потеряю дар речи, — сказала бедняжка, робея.

— Надо быть мужественной, дитя мое; только так и можно избежать несчастья. Скажи дону Диего начистоту, что ты не можешь полюбить его, что твое сердце принадлежит другому... Гордость не позволит ему настаивать на браке с тобой.

— Может быть... — прошептала девушка, побежденная горячими доводами своей подруги.

Вице-королева повернулась к Эврике, который с удивлением слушал разговор.

— На, отнеси письмо твоему крестному дону Диего, — сказала она. — Передай от имени Марии де Куэльяр, понимаешь, мальчик? От дощи Марии де Куэльяр. Обо мне ни слова.

— А если крестный спросит? Я не умею лгать, сеньора, — решительно заявила Эврикильо.

— Этого еще не хватало! Кто же заставляет тебя лгать, мальчик? Передай письмо, скажи, кто его посылает, и ступай, не дожидаясь вопросов.

Эврике поклонился и направился было к выходу.

— Послушай, Эврикильо, ты что же, уходишь не прощаясь? Поди сюда, поцелуй мне руку. — Тут вице-королева позвонила в колокольчик.

Эврике подошел, поцеловал руку у милостивой и добродетельной дамы. В это мгновение на пороге появился слуга, и вице-королева сказала ему:

— Вот что, Санта-Крус, ты проводишь Эврике сперва к его кухне Менсии, чтобы попрощаться с ней, а потом к дому его крестного донна Диего Веласкеса, к которому он войдет один. Ты знаешь, где он живет?

— Да, сеньора вице-королева, — ответил слуга.

— Подождешь, пока Эврике не выйдет из дома своего крестного, — продолжала госпожа, — и проводишь его до монастыря францисканцев. Вели отнесть сейчас же в монастырь корзину фруктов и сластей из Испании. До свидания, мой друг, — сказала она, обращаясь к Эврикильо, — исполни мое поручение, а в воскресенье приходи снова провестись с нами день.

Эврикильо вышел с озабоченным видом, слуга последовал за ним, и оба в точности исполнили распоряжения вице-королевы.

V
СОВЕТЧИК

Волико было удивленье дона Диего Веласкеса, когда Эрике передал ему пакет со словами: «Вот письмо от доньи Марии де Куэльяр, и разрешите мне откланяться, так как я тороплюсь поскорее вернуться в монастырь». Имя обожаемой девушки, властительницы его дум, рука которой именно в этот день была ему обещана отцом, прозвучало в ушах влюбленного Веласкеса подобно внезапному пушечному выстрелу. Мгновение он стоял с письмом в руке, словно оглушенный, когда же, опомнившись, захотел переспросить Эрике, уж не ошибся ли он, проворный посланец успел скрыться.

— Видно, мальчугану недосуг! — воскликнул Веласкес. — Однако прочтем письмо. — И, развернув бумагу, он два-три раза перечитал ее содержание.

— Черт возьми, что бы это значило? — удивился Веласкес. — Мы договорились с доном Кристобалем, что завтра состоится официальная встреча с моей невестой; а сегодня мне назначается свиданье вечером, и где же? — в саду крепости! Что за этим скрыто?

Тут дон Диего кликнул своего слугу.

— Фернандо, — сказал он, когда тот появился, — беги, лети, добудь хоть из-под земли дона Педро де Мохика и скажи ему, чтобы он не мешкая шел ко мне.

Слуга стремительно вышел, а дон Диего слова принялся размышлять, теряясь в догадках относительно полученного письма.

— Письмо написано женщиной, в этом нет никакого сомнения, — рассуждал он сам с собой, — и женщиной из высшего круга. Но в самом ли деле Мария де Куэльяр назначает мне свиданье или же кто-то другой прикрывается ее именем, чтобы запутать дело? Эти придворные дамы на все способны, для меня они страшнее всех отважных индейцев, с которыми мне довелось сражаться.

Он дал волю своей фантазии и вскоре пришел к выводу, что какой-то недруг из зависти пытается заманить его в ловушку и убить.

Наконец, когда Веласкес уже твердо решил не идти на свиданье, явился Мохика.

Веласкес протянул письмо своему напернику и рассказал, как он получил его от Эрикильо.

Прочитав, Мохика хитро покачал головой и сказал:

— Несомненно, сеньор дон Диего, здесь что-то кроется, однако дело обстоит не так, как полагает ваша милость. Это, безусловно, ваша невеста назначает вам свидание с целью убедить вас отказаться от брака.

— Вы так думаете? — спросил неприятно пораженный Веласкес.

— Кляпуть, я убежден в этом! — ответил Мохика. — Мало того, плутовка действует с благословения, а то и по наущению вице-короля с супругой; иначе она не решилась бы назначить местом свидания сад в крепости.

— Подобный поступок со стороны адмирала весьма огорчил бы меня, — перешипательно произнес Веласкес. — Но так или иначе, посоветуйте мне, добрый друг, как поступить.

— Ступайте на свидание, сеньор, — ответил лукавый советчик, — тут следует играть в открытую. Если это адмирал строит козни, вам надлежит процунать почву; если же козни затеяны только женщинами, посмотрим, какую выгоду вы можете извлечь из этого, прикинувшись простаком, попаршим в западню, которая не сулит вам никакой опасности. Если вам предложат принять какое-либо решение, отвечайте уклончиво, чтобы выиграть время... Не давайте согласия ни на что, прежде чем не посоветуетесь со мной... Помните, что я старый воробей, меня на мякине не проведешь.

— Будьте спокойны, мой друг, я не возьму на себя никаких обязательств, не обсудив дела предварительно с вами. Но скажите, если адмирал тут ни при чем, не будет ли он оскорблен, узнав, что я осмелился прийти на свидание в его дом да еще с девушкой из высшего круга и любимицей его супруги?

— Оставьте вашу ценетильность, сеньор дон Диего. Ведь адмирал поставлен вами в известность, что Мария де Куэльяр выходит за вас замуж. Так что же можно найти предосудительного в вашем свидании, если он даже узнает о нем? Итак, ступайте, и посмотрим, не представится ли нам случай развязаться с молокососом Грихальвой.

— Я вас не понимаю, — сказал удивленный дон Диего.

— Зато я себя понимаю, сеньор, и господь бог меня понимает, — возразил Мохика. — Грихальва одновременно узнает, что сегодня вечером у вас свидание с доньей Ма-

рией. На всякий случай захватите с собой добрую толедскую шпату; а кроме того, я с оруженосцем буду охранять вас с тыла.

— Кажется, ваш план мне ясен, — сказал Веласкес. — А что, если сети мне расставлены по уговору с Грихальвой?

— Это невозможно; они не успели договориться, — уверенно возразил Мохика. — Я не упускаю юношу из виду с той минуты, как вы отправились утром беседовать с вашим будущим тестем. К счастью, Грихальвой на весь день завладел Эрнан Кортес; он пригласил его к себе позавтракать; а после полудня они вместе поехали верхом осмотреть одну из ферм командора Опандо, которую я им всячески расхваливал, хотя, между нами говоря, я не взял бы ее и даром. Как видите, все предусмотрено: когда же они вернутся с прогулки, я позабочусь о том, чтобы до самого вечера занять молодого дурня, а там уж он получит от меня хорошую порцию спадобья, которое раз и навсегда излечит его от любовной хвори.

— Чем отплатить вам за все, мой добрый Мохика, — с жаром воскликнул Веласкес. — Теперь мне ясен ваш план: эта встреча нам на руку. Я постараюсь достойно справиться с моей ролью, ну, а если нам расставят сети...

— То угодит в них сам рыбак, — закончил лукавый наперсник, разражаясь оглушительным хохотом, прозвучавшим в ушах Веласкеса словно злое карканье вороны.

— Я желал бы сообщить моей невесте, что явлюсь на ее зов, как вы полагаете, Мохика?

— Это совершенно излишне, сеньор: если бы вы вздумали ответить отказом на любезное приглашение вашей дамы, то, конечно, пришлось бы известить ее об этом; но ведь она будет ждать вас в заранее назначенном месте; и будьте уверены, голубка не передумает. В подобных делах даже педалекая женщина умнее самого Сеиски.

Послушный ученик, удовлетворенный доводами ловкого наставника, овладевшего его доверием, покорился ему во всем, как краткий ягпенок.

— А теперь, — добавил Мохика, — пойду перекусить и стану поджидать Грихальву; ежели бес — а он всегда бодрствует — не подставит мне пожку, то мне удастся привлечь внимание юнца до самого вечера. Необходимо помещать ему увидеться с вашей невестой, прежде чем со-

стоятся назначенное в саду свидание. Приготовьтесь выйти из дому в половине девятого вечера и не забудьте на всякий случай прихватить с собой оружие. Грихальва будет извещен о вашей любовной удаче, это входит в наши планы, и кто знает, не решится ли он из ревности на какой-либо безумный шаг... На этот случай я все предусмотрел. Прощайте... Да, чуть не позабыл о весьма важном для меня вопросе: этот чертов лицензиат Лас Касас сует свой нос в дела покойной доньи Аны де Гевара. Он настаивает на том, чтобы лишить меня управления ее наследством; ни в коем случае не соглашайтесь, это было бы несправедливо и нанесло бы ущерб вашему верному другу и помощнику. Надеюсь, что при случае вы встанете на защиту моего доброго имени.

— Не беспокойтесь, Мохика, ваши интересы — мои, — ответил Веласкес. — Я поговорю с лицензиатом, чтобы он не докучал вам, и сделаю все от меня зависящее, чтобы избавить вас от неприятностей с этой стороны.

— Да сохранит вас небо на тысячу лет, сеньор! — с нескрываемой радостью проговорил алчный интриган. — Располагайте мной, как вашим верным рабом. До свиданья!

VI ТРЕВОГА

Как Мохика сообщил Веласкесу, Кортес и Грихальва, успевшие уже подружиться, отправились верхом за город. Их поездка на ферму бывшего губернатора Овандо оказалась отнюдь не занимательной: проскакав две лиги по болотистой дороге, они не увидели ничего достойного внимания. Участок был уже давно заброшен: только один раб-негр и три индейца время от времени занимались прополкой сорняков. Две пары отощавших ослов, две клячи и десяток кур — вот все, что здесь представилось взору будущих завоевателей и властелинов Мексики. Грихальва добродушно расхохотался при виде этого убожества: скромный и терпеливый по натуре, он не способен был из-за пустяков приходить в ярость. Но не таков был нрав Кортеса; услышав смех своего спутника, он воскликнул:

— Поражаюсь вашей невозмутимости, сеньор Хуан де Грихальва. Клянусь святой девой, проклятый урод и лжец посмеялся над нами!

— Это была бы слишком глупая шутка, сеньор Кортес. Я предпочитаю думать, что Мохика побывал на этой ферме много лет назад, когда командор еще проявлял к ней какой-то интерес; последнее же время он охотнее всего жил в Бонао или Саптыаго...

— Так к чему болтать о том, чего не знаешь наверняка? Можно подумать, что мошенник только вчера побывал здесь! Поднял свои цветистые брови и говорит: «Знайте, сеньор Кортес, уж ежели вы задумали переселиться из Асуа сюда поближе, ничего более подходящего, чем прекрасная усадьба командора, вы не найдете... Посезжайте осмотреть ее, я уверен, вы придете в восторг». Нашел чем восторгаться. У меня просто руки чешутся отрезать у этого обманщика его оттопыренные уши...

Грихальва хохотал до слез, слушая спутника, изливавшего свое негодование. Вскоре, однако, Кортес успокоился, и друзья повернули назад к городу, ни словом не вспоминая больше ни о Мохике, ни о прославленной усадьбе командора.

— Когда я решился покинуть Асуа, чтобы сопровождать Диего Веласкеса, — сказал Эриан Кортес, продолжая прерванную незадолго до того нить разговора, — и полагал, что пробуду в отсутствии самое большее неделю; а между тем прощел целый месяц, и вот уж речь идет о том, чтобы пустить здесь корни. Сам себе удивляюсь, с какой легкостью изменились мои планы.

— Это свойство, присущее людям с пылким воображением, сеньор Кортес, — ответил Грихальва. — Что касается меня, мной владеет лишь одна мысль; все остальные проносятся в моей голове, как вихрь: рождаются, мелькают... и уходят.

— А можно узнать, какая мысль всецело владеет вами, сеньор Грихальва?

— Моя любовь, — кратко ответил собеседник.

— Так я и думал, друг мой, ведь я тоже люблю. Все девушки, недавно прибывшие из Кастилии вместе с вице-королевской четой, просто созданы для того, чтобы свести нас с ума и напомнить нам, что иные глаза стоят дорожке всех золотых россыпей и любой энкомьенды. Что вы скажете о Каталание Хуарес?

— Замечательная, прелестная девушка, сеньор Кортес. Хотя она из скромной и бедной семьи, по достоинству стать женой человека, обладающего благороднейшими качествами.

— Я ее счастливый пленник, лелеющий приятные надежды, — сказал Кортес. — А вы, дои Хуан, вы не решитесь доверить другу тайну вашей любви?

— Моя любовь, — ответил юноша, понижая голос до шепота, словно не доверяя даже лесной чаще, — моя любовь большое и святое чувство, оно до такой степени владеет всем моим существом, настолько поглощает все стремления моей души, что я хотел бы всегда и повсюду говорить только о ней. Я ею живу; она наполняет и украшает мое существование; все мои помыслы посвящены девушке, которую я боготворю; я так привык жить ее чувствами, что вздумай она меня возненавидеть, я тоже стал бы пепавпеть себя.

— Велика ваша любовь, Грехальва, — произнес Кортес, с восхищением глядя на своего спутника.

— Так велика, дои Эрпан, что с ее исчезновением для меня исчезли бы свет и жизнь, — с жаром подхватил юноша, — все, решительно все потеряло бы для меня цену.

— Даже богатство? Даже слава? — спросил Кортес.

— Да, и богатство и слава, — подтвердил Грехальва. — Только моя любовь способна заставить меня стремиться к ним и совершать подвиги.

— Вам отвечают взаимностью?

— О да; и я горжусь этим.

— Вы не хотите выразить ваше доверие до конца, назвав имя той, которую вы любите?

— Я хотел бы крикнуть его во весь голос, но не смею: ведь я беден и не знаю, когда смогу соединиться с ней перед алтарем. Вам, дои Эрпан, только вам я решусь доверить имя моей радости, моего счастья, моего кумира... Это Марья де Куэльяр.

— Клянусь, прекраснейшая девушка! — с восторгом воскликнул Кортес. — Поздравляю вас, вы поистине счастливы, обладая сердцем этого удивительного создания.

Так беседовали между собой два всадника, пока не очутились на улицах города.

Уже смеркалось, когда, проехав по главной площади, они направились к постоялому двору, где остановился

Кортес; по дороге им неожиданно встретились трое прекрасно одетых испанцев, которые приветствовали всадников. То были Педро де Мохика и два дворянина, принадлежавшие к высшей испанской знати — Гарсиа де Агилар и Гонсало де Гусман, статные юноши с благородной осанкой.

Глядя в упор на Мохику, Кортес полусушня-полусерьезно сказал:

— Вы, кажется, решили издеваться над нами? Советую вам впредь воздержаться от подобных шуток, если вы только дорожите вашими прекрасными ушами.

— В чем дело, дон Эрнан? — с тревогой спросил Мохика. — Не думаю, что мои бедные уши причинили вам какое-либо огорчение.

— А все же повторяю, Мохика: поберегите их.

Тут разговор прервал Гарсиа де Агилар, обращаясь к Грихальве:

— Я с нетерпением поджидал тебя. Спешивайся и не мешкая приходи ко мне, если желаешь услышать интересные новости.

Загадочные слова Агилара заставили Грихальву невольно вздрогнуть. Он прищипнул коня и, повернувшись к следовавшему за ним Кортесу, сказал:

— Предчувствую, что меня ждут плохие вести. Я не рожден для счастья, дон Эрнан!

VII

ПОДОЗРЕНИЕ

Заботливый Тамайо с радостным видом поспешил к монастырским воротам навстречу Эрнике. Дон Бартоломе Лас Касас, о котором тотчас же осведомился юноша, еще не возвращался.

— Я боялся, Эрикильо, что ты уже не вернешься больше в монастырь, — воскликнул Тамайо. — Как ты провел время?

— И хорошо и плохо, — с неудовольствием ответил Эрике.

— Что это значит?

— Не надоедай мне, дорогой друг. Сперва надо выполнить долг вежливости перед отцами, еще успеем с тобой наговориться вволю. Возьми-ка эту корзинку и ступай за мной, мы преподнесем ее отцу настоятелю, он всегда так добр к нам. Я уверен, что дон Бартоломе одобрит мой поступок. Друг, — обратился Эприке к юноше-индейцу, которому слуга вице-королевы поручил отнести в монастырь корзинку с гостинцами, — к сожалению, мне печего дать тебе... А впрочем! Послушай-ка, Тамайо, у тебя лежат на хранении деньги, подарок крестного дона Дного, так дай из них половину нашему молодому другу.

— Нет, нет, сеньор Эприке, я ничего не приму от вас: ведь я родился в Баоруко, и вы мой господин. Прощайте! — И юноша поспешно выбежал.

Эприке удивленно пожал плечами и, помолчав, прошептал: «Его господин! Нет, я не желаю быть ничьим господином, но быть рабом тоже не согласен; а что такое раб?..» — прибавил он с презрительной улыбкой.

Сопровождаемый Тамайо, касик шагнул за монастырские ворота; привычный вид обители подействовал на него успокоительно и смятчил горький осадок от первого посещения крепости.

Увидев настоятеля, отдохавшего в обширном монастырском саду, Эприке подошел и почтительно поцеловал у него руку; монах ласково принял юношу, но от подарка отказался.

— Оставь гостинцы для себя и для нашего друга сеньора лиценциата; но не забудь поделиться с твоими сверстниками в монастыре, а главное, будь умерен, иначе власти повредят тебе и лихорадка может снова вернуться.

— Чем я заслужил вашу немилость, досточтимый отец? — спросил явно задетый Эприке. — Вы отказываетесь принять от меня подарок, напоминаете, чтобы я поделился с другими, и, наконец, советуете быть умеренным. Сожалею, что вы такого дурного мнения обо мне.

— Нет, сын мой, я не думаю о тебе плохо; но сегодня я убедился, что ты несколько высокомерен. Берегись высокомерия, мальчик, от него меркнут все добродетели.

— Благословите меня, отец.

— Да хранит тебя господь, сын мой.

И касик направился к себе, в ту часть монастыря, где рядом с коллежой лиценциата Лас Касаса помещались спальни его и Тамайо.

«Брат Антонио достойный, святой человек, — размышлял касик, — по он любит читать наставления, да еще в самый неподходящий момент, и всеми силами старается найти недостатки у своего ближнего. Терпение, Эприке, терпение! Помни советы сеньора Лас Касаса. Вот справедливый человек, умеющий обращаться с каждым так, как он того заслуживает. Что случилось бы со мной, не будь у меня подобного покровителя? Да сохранит его господь!»

Прийдя к себе, Эприке разговорился со своим верным Тамайо, и главной темой продолжительной и горячей беседы была Менсия. Эприке с восторгом сообщил ему, что сможет по праздничным дням навещать кузницу. Он постарается добиться разрешения для Тамайо сопровождать его и таким образом повидать девочку, которую они оба горячо любили, — ведь с ней связывались воспоминания об Апакаоше, Игемоте и Гуароа; Тамайо желал, чтобы все окружающие видели в нем члена их семьи, а следовательно, родича Эприке; возможно, что он и в самом деле приходился им родственным, — во всяком случае, Тамайо так часто твердил о своем родстве с ними, что убедил в этом всех монахов.

— А кто еще поправился тебе во дворце? — спросил Тамайо.

— Мне сперва очень понравилась вице-королева, но потом...

— А что же произошло потом?

— Ничего, право, ничего! — нетерпеливо оборвал Эприке своего собеседника. — Вот только мне было тяжело смотреть на несчастных индейцев: подалеку от крепости они перетаскивают на себе камыш, замешивают глину для новых построек, а надсмотрщики подгоняют их палками, чтобы быстрее работали.

— Ты расстраиваешься из-за пустыков, — сказал, помрачнев, Тамайо. — Тебе давно следует прыгнуть к подобному зрелищу, иначе ты потеряешь покой.

— Нет, Тамайо, к этому мне никогда не привыкнуть, — возразил Эприке, — и пока мои братья страдают, я не найду покоя.

Между тем вечерело, сгустились тени, таяли последние багряные лучи солнца; большой колокол монастырской церкви торжественным мерным звоном призывал к молитве. Эприке и Тамайо направились в крытую галерею, сообщавшуюся с их спальнями; там уже собра-

лась часть монастырской братии. Лиценциат Лас Касас тоже успел вернуться и присоединился к вечерней молитве монахов.

Закончив моление, Лас Касас взял Эрике об руку и принялся вместе с ним прохаживаться по обширной галерее.

— Ну как, ты доволен, Эрике? — спросил лиценциат (именно таким вопросом он начинал свою ежедневную беседу с юношей).

Эрике ответил лиценциату точно так же, как и Тамайо:

— И да, и нет, сеньор Лас Касас.

— С тобой недостаточно хорошо обошлись?

— Напротив, лучше, чем я ожидал, сеньор.

— Так чем же ты недоволен, дружок?

— Не смею скрыть от вас причину и с удовольствием расскажу все, как было. Встреча с Менсией доставила мне большую радость, как и ласковый прием со стороны вице-короля; а супруга его добра, как ангел. Она поистине святая женщина и о бедняжке Менсии заботится, словно о родной дочери. Но когда я почувствовал себя таким счастливым, что на миг забыл мои горести, сеньора обратилась ко мне со словами, от которых я похолодел, а сердце мое переполнилось печалью. Она спросила: «Хочешь остаться здесь, стать нашим нажом?» Не помню, что именно я ей ответил, но я отказался, и с этой минуты, сам не зная отчего, все мне постыло в этом богатом дворце.

— Почему же доброжелательный вопрос вице-королевы произвел на тебя столь тягостное впечатление? — спросил Лас Касас, пристально глядя на Эрике.

— Предложить мне стать нажом! — воскликнул юноша. — Стать слугой; почтительно носить пилейф, подавать и убирать кресла — вот обязанности нажа, я сам это видел и считаю такую службу недостойной человека, умеющего держать в руке шпагу.

Лас Касас сокрушенно качал головой, слушая своего питомца.

— Мы еще поговорим об этом, дружок, — остановил он Эрике, — а теперь скажи, как приняла вице-королева твой отказ?

— С ангельской добротой: рассмеялась и больше не возвращалась к этому разговору.

— Так на что же ты жалуешься?

— Я уже позабыл о предложении стать пажом и весело беседовал с Менсией в саду, когда за мной пришел Санта-Крус, слуга вице-королевы; я бегом поспешил на вой доброй сеньоры и не мог прийти в себя от удивления, услышав, что эта благородная дама велит мне солгать.

— Солгать? Что ты говоришь, Эрике? Твои слова мне кажутся неправдоподобными.

— Мне тоже почудилось, что я брежу; но, к моему огорчению, все происходило наяву: вице-королева дала мне письмо, собственноручное письмо к моему крестному дону Диего Веласкесу, и при этом велела сказать, что его посылает донья Мария де Куэльяр.

— Постой, мальчик! — остановил его Лас Касас, пораженный рассказом. — Говори потише и расскажи подробно все, что произошло при твоём посещении крепости.

Юноша с присущей ему откровенностью сообщил обо всех событиях, пережитых им за день. Выслушав все, Лас Касас несколько минут в молчаливой тревоге шагал взад-вперед по галерее, стараясь побороть волнение, и наконец, словно беседуя с самим собой, проговорил:

— Возможно ли? Нет, я не смею думать ничего дурного о такой благородной женщине! Завтра я разберусь в этой тайне, — и удалился в свою престолицную келью, служившую ему опочивальней.

VIII

СООБЩЕНИЕ

Распрощавшись с Кортесом, Хуан де Грихальва пришиорил горячего скакуна, спешился у ворот дома, бросил поводья слуге-индейцу, вышедшему его встречать, и стал торопливо переодеваться; минуты казались ему вечностью, — так велико было его нетерпение поскорее услышать от доня Гарсиа обещанные новости.

Оба молодых кабалеро были весьма сходны между собой по характеру и склонностям; вот почему они любили друг друга, как братья, делясь и радостями и горестями. Дон Гонсало де Гусман, несколько старше их обоих по возрасту, был наделен такой же благородной натурой и охотно проводил с ними досуг; то, что Мохике удалось

интересы в доверие к этим трем блестящим и безупречным молодым кабальеро, следует объяснить влиянием таинственного закона о единстве противоположностей, мудрого закона природы, сочетающей во всех проявлениях бытия, как духовного, так и телесного, свет с тенью, гармонию с дисгармонией. Движимый врожденным стремлением к выгоде, неизменно управляющим всеми его поступками, Мохика жаждал нанести смертельный удар любви юного Грихальвы, предательский и меткий удар.

Это и было, как мы вскоре убедимся, его главной целью; именно эту цель он преследовал, добиваясь дружбы с тремя молодыми кабальеро, рядом с которыми уродливый идалго походил на верблюда среди трех породистых боевых коней.

Уверенной рукой он мог по своей прихоти играть на струнах юного сердца, как на покорных струнах мавританской гитары. И вот, обуреваемый желанием довести до слуха влюбленного юности весть о постигшем его несчастье, Мохика поспешил на главную площадь, которая служила местом послеобеденной прогулки двух ближайших друзей Грихальвы, и после обычных приветствий сказал:

— Хочу сообщить вам интересную новость; но чур, не вздумайте ее разглашать, мне была доверена по секрету одной из сторон.

— Приподнимите же таинственную завесу, Мохика, и рассчитывайте на нашу скромность, — сказал Гусман.

— Так знайте, что заместитель губернатора Диего Веласкес сочетается браком с доньей Марией, дочерью дона Кристобала де Куэльяр.

— Что вы говорите! — воскликнул пораженный Гарсиа де Агилар.

— Это совершенно точно, — продолжал Мохика, — сегодня утром он получил официальное согласие отца доньи Марии.

— А Мария де Куэльяр? — с живостью спросил дона Гарсиа. — Согласна ли она на этот союз?

— Еще бы! — ответил наперсник Веласкеса с жестокой саркастической ухмылкой. — Уж не думаете ли вы, что найдется девушка, которая откажется от брака с заместителем губернатора, богачом, украшенным к тому же высокими достоинствами.

— И все-таки, — возразил дон Гарсна, — я не верю, что Мария согласится на эту блестящую партию.

— Ах, не верите? — с ядовитой пасмешкой переспросил Мохика. — А мне вдобавок известно, что сегодня в девять вечера состоится свидание жениха и невесты в парке крепости.

— Вы лжете, негодник! — вышел из себя дон Гарсна. — Этого не может быть!

Гонсало де Гусман удержал гневное движение, которым его друг сопровождал свои слова, и, обратившись к Мохике, проговорил, с трудом преодолевая волнение:

— То, что вы утверждаете, весьма серьезно, сеньор пдальго, и ежели вы не представите тому доказательства, я поступлю с вами как с низким обманщиком.

— Приходите к девяти вечера в сад и посмотрите издали, кто сидит на скамейке, — спокойно и медленно произнес Мохика, — уж собственным-то глазам придется поверить.

Именно в этот момент появились верхом на лошадях Кортес и Грихальва, причем Кортес окликнул Мохика, а Гарсна де Агилар, обратившись к Грихальве, сказал, что должен сообщить ему важную новость, о чем мы уже ранее поведали читателю.

Агилар тотчас распрощался со своим старшим другом и поспешил домой, в ожидании прихода Грихальвы. Юноша не заставил долго ждать, — он был слишком уверен, что весть касается его обожаемой Марии; ведь именно Агилару открыл он свое сердце без утайки, рассказав о чистом чувстве к девушке.

Дон Гарсна в кратких словах передал ему все, что услышал от Мохики относительно Веласкеса и доньи Марии. Умолкнув и взглянув на друга, он увидел перед собой смертельно бледное лицо с темными тенями вокруг глаз, выражавших нестерпимую муку. Наступило долгое молчанье.

— Не могу верить в такое страшное несчастье, — прошептал наконец юноша, с трудом шевеля губами. — Хочу убедиться сам, что это правда.

— Как ты думаешь поступить? — с живостью спросил своего друга дон Гарсна.

— Незадолго до назначенного срока я приду в сад; мне хорошо знакома его ограда: там по углам вьется гу-

стой плющ; укрывшись в его тени, можно украдкой наблюдать все происходящее в саду. Мне не по нутру подглядывать, но речь идет о моей судьбе, о счастье или несчастье всей моей жизни, — и я должен знать правду, пускай даже горькую правду, чтобы умереть от горя или покарать обманщика.

— Я пойду с тобой, Грихальва, — грустно проговорил дов Гарсна, — но боюсь, что Мохика все же сказал правду.

— Ах, Агилар, и я, видит бог, боюсь этого, но неизвестность горше самой жестокой истины. В моем положении легче умереть, чем терзаться сомнениями.

— Как же ты поступишь, если наши опасения, не ровен час, оправдаются?

— Не знаю, право, не знаю, — сказал юноша с подавленным вздохом. — Конечно, недостойному порыву я не поддамся. Но если окажется, что Марию силой принуждают к этому браку, я сумею защитить ее против целого мира.

— Вот и отлично, Грихальва, а я в любом случае буду рядом с тобой, — сказал Агилар, тропутый до глубины души горем друга. — И если тебе понадобится моя шпага, можешь рассчитывать на меня; но как и ты, я считаю, что лучше и достойнее всего одержать победу над самим собой в случае, если Марпя изменит тебе.

— Не упрекай, не вини ее ни в чем, Агилар, — с жаром возразил Грихальва. — Если весть о моем несчастье подтвердится, значит, я просто недостойн любви Марии и надо примириться с приговором судьбы: ежели она разлюбила меня, то, очевидно, она поступила правильно. Нет, друг мой! Эту девушку я ни в чем не виню, она свет и радость моей жизни; скорее мое сердце перестанет биться, чем я брошу ей упрек за то, что она разлюбила меня и полюбила другого.

— Ты бредишь, дорогой Хуан! — сказал Агилар, сурово глядя на своего друга. — Твои слова безрассудны. Полагаю, тебе не следует приходить в ярость и устраивать бурные сцены из-за непостоянства твоей дамы; но больно слышать, что ты можешь превозносить ее за подобный поступок, это недостойно тебя.

— Сожалею, что ты не понимаешь меня, Агилар, — с горечью проговорил Грихальва. — Если б ты любил, как я люблю, ты повял бы меня. А если Мохика лжет? Если все это пизкая клевета?.. Ах, не слишком ли легко мы

поверили в самое худшее! Но ежели это правда, вот лучшее доказательство того, что я не стою любви этого ангела.

— Прежде всего надо убедиться в этом, друг мой, — настойчиво повторил дон Гарсиа. — Не оставляй своего намерения проявить в любом случае сдержанность. Итак, в девять вечера в саду.

— Непременно. Но до девяти осталось еще три часа, которые покажутся мне вечностью. Между тем, я не в силах заглянуть в чудесные глаза той, которую я уже не решаюсь назвать своей любимой, и не пойду сегодня в дом вице-короля.

— Остайся поужинать со мной, Грихальва. По совести говоря, я должен был раньше подумать о том, что ты с утра еще ничего не ел, если только ты по закусил вместе с Кортесом за городом.

— По правде сказать, нет, по есть мне не хочется. Я и куска не проглочу, меня томит беспокойство. Да, дорогой Агилар, я трус, я не выдержу этого испытания.

И бедный юноша, не в силах долее сдерживаться, дал волю своим чувствам и, рыдая, бросился на грудь к своему верному другу.

IX ЛЕТНИЕ ТУЧИ

Почти в тот же час, когда Эприке беседовал с настоятелем францисканцев, а Грихальва со своим другом Агиларом, происходило еще одно объяснение между доброй, наивной Марией де Толедо и адмиралом, ее супругом.

Двигимая желанием во что бы то ни стало помочь своей бедной подружке и утереть горькие слезы, которую девушка проливала на ее груди, растроганная вице-королева незаметно для себя вступила на неверный путь и совершила оплошность в ущерб своему достоинству, забыв, к чему ее обязывает высокое звание; подобное легкомыслие заслуживает, однако, снисхождения, — ведь неопытная молодая женщина уступила благородному порыву сердца.

Диего Колумб внимательно выслушал рассказ жены о том, в каком горестном положении оказалась Мария де

Куальяр и как она, вице-королева, решила ей помочь, чтобы вызволить девушку из беды.

Вице-королева рассчитывала на полное одобрение своего поступка со стороны мужа, охотно уступавшего всем ее желаниям и исполнявшего, как непреложный закон, ее малейшие прихоти. Велико было удивление молодой женщины, когда на этот раз адмирал, дослушав жену до конца, пахмурился и, с трудом сдерживая гнев, сурово проговорил:

— Я вас не узнаю, сеньора; уж не сошли ли вы с ума, что, забыв свое достоинство, решились на такой неосмотрительный шаг и ввязались в подобную историю, взяв на себя роль покровительницы чужих любовных дел? Как свиданье в нашем доме! И вы собственноручным письмом пригласили в сад человека, который обязал беспрекословно повиноваться нам, сами предложили ему нанести оскорбление нашему дому! Неужто вы считаете меня способным одобрить подобный поступок?..

Ошеломленная потоком суровых упреков, молодая женщина растерялась; не чувствуя за собой вины, она не находила слов для оправдания в ответ на эту неожиданную отповедь. Впервые на безоблачное небо ее супружеского счастья набежали тучи. Слезы хлынули из ее прекрасных глаз, и, закрыв лицо руками, она горестно воскликнула:

— Диего, я никогда не ожидала, что ты можешь быть так жесток со мной! Пускай я совершила ошибку, но такой кары я не заслуживаю...

Весь гнев Диего Колумба мгновенно иссяк, едва он услышал милый голос, заглушенный бурными рыданиями. Подбежав к жене, он обнял ее, привлек к себе и с печальностью, внезапно переполнившей его сердце, виновато сказал:

— Прости меня, мое счастье! Прости необдуманные упреки. Мне следовало тотчас же понять, что тобой руководили самые чистые, святые побуждения, и только недостаток опыта толкнул тебя на ошибочный путь. Обвинять тебя? Да разве это возможно, счастье мое! Ты поступила чуть-чуть неосторожно, и мы постараемся исправить оплошность.

Успокоенная ласковыми словами, Мария де Толедо тут же дала себе слово полной покорностью загладить свою невольную вину перед любимым мужем и пригото-

вилась принять и без оговорок поддержать любое его решение, лишь бы вычеркнуть из памяти всякое воспоминание о пронесшейся краткой буре.

Мария не умела холодно рассуждать и чувствовать наполовину; как все страстные и впечатлительные натуры, она разом изменила свою точку зрения на события, ее великодушный порыв после полученной от мужа суровой отповеди был сломлен. Самоотверженная в дружбе, неспособная поступать расчетливо и эгоистично, вице-королева забыла о себе и, узнав о горе подруги, только и думала, как помочь чужой беде. Дон Диего Колумб, ревнуя о чести и достоинстве своего имени, напомнил супруге о высоких обязанностях, с которыми она по своей неопытности не посчиталась, и вот, убедившись в том, что ее неосторожность была осуждена по заслугам, Мария испытывала непреодолимое желание любой жертвой искупить свою вину.

— Что надо сделать, дорогой друг, чтобы исправить мою ошибку? — с ласковой настойчивостью спросила она мужа.

— Дай мне поразмыслить, — ответил адмирал. — Я не менее тебя желал бы устроить благополучие и счастье бедной Марии де Куэльяр; но поставить ради этого на карту твое доброе имя я не согласен. Ты для меня превыше всех, и да поможет бог невесте Веласкеса, раз уж мы не в силах помочь ей.

— Так ты думаешь, мы ничего не можем сделать для бедняжки? Ах, Диего, если б меня решили выдать замуж не за тебя, а за другого!..

— Кто знает, может, ты охотно пошла бы на это, Мария. Такая мысль всегда преследует мужчину, когда брак совершается с предварительного согласия родителей невесты.

— Неблагодарный! Зачем так говорить? Разве ты не вполне уверен, что мое сердце не знало другой любви?

Вместо ответа адмирал рассмеялся и поцеловал чистый и ясный лоб Марии.

— Но что станет с бедной подружкой, если мы ее предоставим своей судьбе? Подумай, Диего, — вновь повторила вице-королева.

— Мы сделаем для нее все возможное, — ответил адмирал. — Но прежде всего необходимо получить от Диего Веласкеса написанное твоей рукой письмо, это уж я беру

на себя. Потом постараемся выиграть время и предотвратить заключение брака, однако тут следует действовать осторожно, чтобы Веласкес не смог пожаловаться на пренебрежение или отказ. Я должен во что бы то ни стало сохранить его дружбу. Кто стоит у власти, тот имеет свои обязательства, на нашем пути встречаются колючие тернии, как, например, необходимость скрывать свои истинные чувства; с этим приходится мириться любому честному и искреннему человеку, облеченному властью. Удовлетворимся же на время тем, что свадьба будет отложена на год; думаю, Веласкес не станет возражать, если его невеста сама напишет ему об этом, дав понять, что других препятствий к осуществлению его желаний нет. Этим займешься ты: постарайся уговорить твою подругу написать в таком духе несколько строк жениху и принеси мне ее письмо по мешкаю. Время не ждет, близится вечер, нужно еще принять и другие меры. До скорого свиданья.

С этими словами адмирал снова поцеловал ясный лоб жены и отпустил ее; Мария де Толедо вышла, думая лишь о том, как бы лучше исполнить поручение мужа, — ей очень хотелось, чтобы он остался ею доволен.

Х

СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР

Наши герои проявили точность: едва колокол на зубчатой крепостной башне пробил девять ударов, как в сад через ворота со стороны Осамы вошли Диего Веласкес и его неразлучный папереник Педро де Мохика, оба закутанные в плащи по обычаю того времени. Без излишних предосторожностей они направились в глубь сада, где среди благоухающих кустов и глиняных вазов искусной работы с душистыми растениями и редкостными цветами, вывезенными из Европы, высился летний павильон. Две камешные скамьи, одна против другой, темнели на площадке, освещенной фонариками; свет бледными волнами разливался по тропинкам сада, тонувшего в полумраке, и создавал удивительные причудливые картины.

Выходи вместе с Диего Веласкесом из его дома, Мехика с убеждением сказал:

— Грихальва не пропустит этого свиданья.

Очувтившись в саду, наперсник зорким взглядом окинул все пространство и шепнул патрулю:

— Грихальва уже на своем посту.

— Где? — тоже шепотом спросил Веласкес.

— Там, в глубине, налево; но будьте осторожны, не смотрите в упор, иначе, клянусь богом, вы все погубите.

— Хорошо, — сказал Веласкес и спокойно опустился на скамью.

Напряженно взглядываясь в темпоту, Мехика снова шепнул:

— Грихальва не один, его сопровождает друг. Попробую подойти поближе, так легче наблюдать за ними.

И он отошел.

Едва Веласкес остался один посередине сада, как дверь, ведущая во дворец, распахнулась настежь, и на пороге показался адмирал дон Диего в сопровождении двух

назой с факелами; в тот же миг из ворот со стороны океана появился караул: восемь воинов, вооруженных сверкающими секирами, в безупречном порядке выстроились тут же перед воротами, словно преграждая путь всякому, кто попытался бы покинуть сад.

Неторопливым, уверенным шагом дон Диего Колумб направился к площадке, где сидел Веласкес. Тот почти встал и учтиво снял шляпу, пытаясь скрыть смущение, охватившее его при виде хозяина дома.

— Добрый вечер, сеньор дон Диего Веласкес, — непринужденно приветствовал его адмирал. — По вечерам воздух в цветнике опасен для здоровья.

— Сеньор, — ответил Веласкес, — я пришел сюда не столько подышать свежим воздухом, сколько исполнить долг вежливости, которым не мог пренебречь.

— Не найдете ли вы возможным сообщить мне, кто именно назначил вам свиданье в этот час? — спросил Диего Колумб с едва уловимой насмешкой.

— Охотно удовлетворю естественное любопытство вашей милости, — ответил Веласкес. — Моя невеста допья Мария де Куэльяр написала, что намерена сообщить мне важную весть; я поспешил прийти, не делая из этого никакой тайны, ибо, получив поздравление вашей милости по случаю предстоящего бракосочетания, я полагал, что несколько не нарушу должного вам уважения, исполнив волю моей будущей супруги. В противном случае я никогда не перешагнул бы ограды этого сада, принадлежащего вам, а потому священного для меня.

— Дон Диего, — начал серьезным тоном адмирал, — я высоко ценю вашу искренность. Все сказанное вами мне было заранее известно. Хочу позжать вашу руку. А теперь мне было бы желательно получить то письмо, в котором вам назначено свидание, в обмен на другое, где ваша невеста излагает свои пожелания и выражает сожаление, что не может лично поговорить с вами.

Диего Веласкес мешкал с ответом, несказанно удивленный тем, что адмирал и губернатор колонии взял на себя столь странную роль, несовместимую с его высоким рангом.

— Вы колеблетесь, дон Диего? — заметил адмирал, нахмурившись.

— Несколько, сеньор, — ответил Веласкес, — я просто смущен вашей добротой.

— Считайте ее доказательством моего глубокого уважения к вам, Веласкес. Никто, кроме вас, не смог бы безнаказанно проникнуть за ограду этого сада; конечно, вы руководились добрыми намерениями, но при этом вы, как и ваша невеста, совершили серьезную ошибку. Именно в силу случившегося, а также из дружеских чувств к вам с моей стороны и к Марии де Куэльяр — со стороны моей супруги, я чрезвычайно заинтересован в том, чтобы свадьба состоялась, хотя и с некоторой отсрочкой; о предстоящей отсрочке и сообщается в письме, которое я вручаю вам от имени вашей невесты.

Веласкес принял письмо, не зная, следует ли ему что-

либо возразить или просто поблагодарить; между тем Диего Колумб продолжал с улыбкой:

— Заметьте, что я настаиваю на обмене: верните мне письмо, полученное вами ранее.

— Сеньор, я просил бы оставить его у меня до завтра, — возразил Веласкес.

— Ни в коем случае, мой друг; сохраним добрую дружбу, как я того желаю к обоюдному благу, — сказал адмирал тоном, не допускающим возражений. — Вернете мне более раннее послание — вы останетесь в выигрыше, но ежели вы станете упорствовать, я пойду его на вашем бездыханном теле.

— Сеньор, — надменно ответил Веласкес, — угроза — единственное средство вызвать неповиновение со стороны такого человека, как я, который гордится своим подчинением вам.

— Послушайте, Веласкес, я обещал Марии де Куэльяр вернуть ей ранее написанное письмо в доказательство того, что я передал вам ее новую записку. Я не собираюсь проникать в чужие секреты, ибо мне знакомо содержание этого письма, оно гласит, если не ошибаюсь, следующее: «Вам следует услышать из моих уст объяснение по поводу дела, касающегося вашего будущего счастья...» Не так ли, дон Диего? — неожиданно спросил адмирал.

— Да, сеньор, прошу вас продолжать, — ответил Веласкес.

— Продолжаю: «касающегося предпринятого вами шага. Сегодня вечером жду вас в саду у ворот со стороны реки...» Не так ли? — снова спросил Диего Колумб.

— Да, сеньор, — с улыбкой подтвердил Веласкес, — почти дословно. У вашей милости завидная память, и в награду за нее вот просимое вами письмо. Могу ли я в чем-либо отказать вам?

Подойдя к фонарю, Диего Колумб развернул сложенный лист бумаги и, взглянув на почерк, убедился, что это и есть то письмо, которого он добивался; удовлетворенный, он протянул руку Веласкесу и сказал:

— Можете вернуться к себе с уверенностью, что у вас нет лучшего друга, чем я; в ближайшее время вы получите тому доказательство. Прощайте.

И адмирал, сопровождаемый пажками, исчез за той же дверью, через которую появился. Караульные, выстроившиеся у ворот со стороны реки, молча удалились, освобо-

ждая выход из сада; Мохика, шагнув из скрывавшей его темноты, поспешил присоединиться к Веласкесу со словами:

— Уйдем отсюда поскорее, сеньор. Ну и натерпелся же я страху! Счастье, что адмирал был так добр.

— В хорошее положенье мы попали! — вздохнул Веласкес. — Как вы полагаете, Грихальва все слышал?

— Полагаю, что да, — подтвердил Мохика, — ведь вы несколько не остерегались, и лично я слышал все, может, оттого, что у меня такие большие уши.

— Возможно, — рассеянно ответил Веласкес, направляясь к выходу.

Но прежде чем он успел выйти из цветника, перед ним впезано вырос Грихальва, отнюдь не стремившийся остаться незамеченным. Веласкес, захваченный врасплох появившем соперником, схватился за эфес шпаги.

— Выслушайте меня, дон Диего, — сказал Грихальва, удерживая его движением руки. — Я не за тем пришел. Известно ли вам, что я люблю Марпию де Куэльяр?

— Нет, юноша, — возразил Веласкес, — я просто не узнал вас, а потому и принял меры защиты: вы так неожиданно появились...

— Так вот, — продолжал Грихальва, — знайте, что я люблю эту девушку; я чистосердечно признаюсь вам в этом, чтобы вы поверили моим дальнейшим словам: если письмо, переданное вам адмиралом и пересказанное им вкратце, в самом деле гласит то, что я слышал, торжественно клянусь не только отказаться от соперничества с вами, но отдать вам шпагу и мою жизнь до последнего вдоха, как ваш преданнейший друг. Можете ли вы дать мне прочесть письмо?

Веласкес нерешительно взглянул на Мохика, а тот, видя, что у него просят совета, поспешил на помощь:

— Полагаю, сеньор дон Диего, что желание кабальеро Грихальвы законно и вполне исполнимо.

— Что ж, прочтем его вместе, дон Хуан, — сказал Веласкес.

И они вдвоем подошли к фонарю, а Мохика, привыкнув всюду совать свой нос, увязался за ними.

Веласкес принялся читать вслух, меж тем как Грихальва пожирал глазами строки письма.

«Сеньор дон Диего, — гласило письмо, — мне невозможно лично прийти в сад, как я сперва предполагала.

Я назначила вам свидание, чтобы убедительно просить нас завтра при помолвке в присутствии моего отца отложиться на год нашу свадьбу. Мне нужен этот год для выполнения данного мною обета. Буду благодарна, если вы ради любви ко мне исполните мою просьбу. С глубоким уважением ваша невеста Марья де Куэльяр».

— Да благословит ее небо! — с восторгом воскликнул Мохика, читавший письмо через плечо Грихальвы и Веласкеса.

— Вы удовлетворены, сеньор дон Хуан?

— Да, — глухо произнес несчастный Грихальва, — и я исполню данное обещание. Я ваш слуга.

Веласкес ласково протянул ему руку и в сопровождении Мохики покинул сад.

Хуан де Грихальва упал на скамью и закрыл лицо руками.

Увидев его в таком состоянии, дон Гарсиа де Агилар, который явился вместе с ним в сад, но выжидал, спрятавшись в густой зелени, подошел к нему и сказал с задушевнoй лаской:

— Мужайся, Грихальва! Разочарование было горьким, но тебе нетрудно найти утешение в любви другой девушки... Прости, я сам не знаю, что говорю, дорогой друг; но я не способен лгать и выражаю, может неловко, то, что подсказывает мне чувство преданного друга.

Грихальва не отвечал; в грустном молчании молодые люди тоже покинули сад крепости.

XI

ОБЪЯСНЕНИЕ

Возвещая рождение нового дня и наполняя все вокруг светом и жизнью, солнце уже поднялось над горизонтом, когда Лас Касас, всю ночь не сомкнувши глаз, направился со свойственной ему стремительностью к дому Диего Веласкеса. Они сблизились еще теснее, с тех пор как слабохарактерный Веласкес, попеременно склонявшийся то к добру, то к злу, признал нравственное превосходство Лас Касаса и с почтительным вниманием выслушивал все наставления, на которые не скупился доброжелательный лицензиат.

В тот день Веласкесу предстояла первая официальная встреча с невестой, после чего отец должен был разрешить молодым людям свободно встречаться на правах помолвленных.

Веласкес просил Лас Касаса оказать ему честь своим присутствием на этой церемонии, и тот охотно согласился выполнить желание друга. Впрочем, у Лас Касаса была совсем иная причина, побудившая его посетить в столь ранний час счастливого жениха: лицензиат желал выяснить некоторые вопросы, показавшиеся ему в рассказе Эврике непонятными и запутанными. По его мнению, вмешательство вице-королевы в судьбу ее придворной дамы имело важное значение; догадываясь, что здесь скрыта какая-то тайна, лицензиат с присущим ему стремлением к правде решил узнать, что означало письмо, написанное рукой вице-королевы и посланное Веласкесу от имени его невесты.

Веласкес принял его с обычной почтительностью, просто и чистосердечно ответил на прямые вопросы своего друга, без утайки рассказав о происшедших накануне событиях.

«Настойчивость, с какой адмирал требовал вернуть ему письмо с назначением свиданья, — размышлял Лас Касас, — лишний раз подтверждает, что оно было написано рукой вице-королевы. Придется пойти в крепость и разузнать, в чем тут дело. Надо проверить, прав ли Эврике, которому дворец внушает отвращение, и верно ли, будто бы ему даются там поручения, какие обычно исполняют слуги. «Oh tempora! oh mores!»¹ — добавил мысленно лицензиат, повторяя известный возглас Цицерона.

Он расширился с Веласкесом, пообещав ему зайти позже, чтобы сопровождать его, как было условлено, в дом контадора, и вскоре входил в крепость, во дворец Диего Колумба, которого застал в превосходном расположении духа. После обычных приветствий нетерпеливый лицензиат разом, без каких-либо уверток, приступил к делу, начав с приглашения, полученного им от Веласкеса, сопровождать его при официальной помолвке; но, прибавил Лас Касас, ему было бы желательно узнать, что произошло накануне вечером в саду и не могут ли вчерашние события оказать влияние на предстоящий визит,

¹ О, времена! о, нравы! (лат.).

ными словами, не придется ли ему, Лас Касасу, поступиться своим достоинством и незаслуженно краснеть. В ответ Диего Колумб правдиво пересказал все происшедшее, не скрыв того, что вызволенная им записка была начертана рукой вице-королевы, и в заключение попросил Лас Касаса сохранить все в тайне. Подобная откровенность со стороны адмирала была, весьма возможно, вызвана справедливыми опасениями, что Эприке, питавший к лиценциату глубокую привязанность и живший под его непосредственным покровительством, уже успел рассказать ему все начистоту; именно так и обстояло дело, а потому адмирал поступил вполне разумно, не утаив правды, хотя она и наносила некоторый ущерб достоинству его молодой супруги.

Лас Касас внимательно выслушал все подробности и пообещал ни словом не обмолвиться о происшедшем.

— Однако смею сказать, — прибавил он, — что ваша милость требует от меня немалой жертвы, ибо у меня не может быть тех высоких политических соображений, от которых вам нельзя отказаться, и я испытываю такое чувство, будто участвую в большой жестокости: ведь ради государственных интересов приносится в жертву покой и счастье двух молодых существ, самым небом друг для друга предназначенных.

— Что ж, помогите мне найти способ помешать этому союзу, — сказал Диего Колумб. — У нас впереди целый год, так неужто мы с вами не сумеем за это время осуществить то, что попыталась сделать моя бедняжка Мария с ее нежным, но неопытным сердцем.

— Ах, сеньор, вы сами не знаете, чего от меня требуете! — с упреком возразил Лас Касас. — То, что для вас, если и не желательно, то во всяком случае вполне допустимо, ввиду высокого положения, которое вы занимаете, то для меня является отвратительной ложью и низким вероломством. Я друг Веласкеса и друг Грихальвы, так могу ли я стать посредником в таком щепетильном деле? Ведь по совести, мне следовало бы сказать Веласкесу всю правду и заставить его отказаться от брака, вернув несчастному Грихальве его сокровище, которое у него пытаются отнять.

— Боже вас сохрани, дон Бартоломе! — с живостью возразил адмирал. — Беру свои слова обратно и прощу

вас лишь об одном — ни с единым человеком не говорить об этом.

— Можете на меня положиться, — ответил лицензиат и распрощался с адмиралом.

Вернувшись к себе в монастырь, Лас Касас мысленно подвел итоги впечатлениям дня:

«У меня как камень с души скатился, когда я узнал, что вице-королева, кладесь доброты и всех достоинств, руководилась отнюдь не какими-либо низкими и недостойными целями, но благороднейшими побуждениями сострадания и дружбы. Адмирал называет ее поступок *неразумным самопожертвованием*; так именуются в этом мире чистые, искренние порывы христианского милосердия... По счастью, Диего Колумб — достойный сын своего отца; у него прекрасная душа, и он понимает, что именно такие неразумные поступки и составляют сокровище человеческого сердца. Вот почему он так и сияет, чувствуя себя счастливым обладателем несравненной жемчужины!.. И все ж оба — он чаще, она реже — выпущены играть, участвовать в интригах и заглушать добрые порывы в угоду тому, что принято называть своим долгом. Хорош долг! Вот как страдают истина и добродетели во дворцах власть имущих! Но чему удивляться? Разве владыки нашего века не похваляются тем, что обманывают друг друга? И наш король католический дон Фердинанд, не занимает ли он первое место в этом злодеем ряду? Вот почему Европа охвачена огнем распри и междоусобиц; а завоеватели Нового Света следуют, разумеется, примеру своих европейских властелинов и хозяйничают здесь, как ненасытные, кровожадные волки. Бедные индейцы! Несчастные еврейцы!.. Но пора уже повидаться с Эврикильо».

Велев позвать касика, лицензиат заперся с ним наедине у себя в комнате.

XII ОТПОВЕДЬ

— Послушай, сын мой, — сказал человеколюбивый папский протопастырь, протягивая юноше, как обычно, руку для поцелуя. — Со вчерашнего вечера мое сердце охвачено грустью и тревогой; такое равнодушие и даже недовольство

звучали в твоём рассказе о посещении вице-королевского дворца, что мне невольно пришла в голову мысль, не способен ли ты таить в душе неблагодарность; ведь и адмирал и его супруга так обласкали тебя, проявили к тебе столько доброты, что поистине невозможно не ответить им тем же.

Потом мне показалось, что тебя обуяли гордыня и дьявольское высокомерие: ты негодуешь, что вице-королева в заботе о твоём же благе предложила тебе стать её пажом; а не был ли пажом при дворе королей католических сам дон Диего Колумб, ныне губернатор и адмирал? Ревнуя о твоём счастье, Эрикильо, я должен пресечь подобную склонность к высокомерию, которое не вяжется ни с твоим простым, кротким и добродушным нравом, ни с тем особым положением, в котором ты находишься. Тебе надобно знать, сын мой, что до нынешнего времени провидение было к тебе весьма благосклонно, с детских лет послав тебе бескорыстных покровителей, оберегающих тебя от жизненных невзгод и всячески пекущихся о твоём будущем, однако никто, — ни Диего Веласкес, ни вице-король с супругой, ни я, наиболее скромный из твоих покровителей, — никто из нас не властен над грядущим, никому не дано проникнуть в тайну тех испытаний, которым в своих неисловедимых путях тебя подвергнет всемогущее провидение. Вот почему наш долг — закалить твой дух и вооружить тебя надёжным щитом добродетели, смиренности и терпения против зла, лишений и горестей, обычных спутников человеческой жизни, а также против всех случайностей и тягостных переживаний, которых, вопреки нашим усилиям, тебе не избежать, ибо хотя ты принц и касик, но ты отпрыск злосчастной расы и тебе надлежит приготовиться ко всяческому скорбным унижениям.

Вот почему, сын мой, сердце мое рвется на части при виде слабостей твоего характера, ибо только слабостью можно назвать чрезмерную гордыню и глупую снесь. Высшей добродетелью обладает лишь тот, кто умеет черпать достоинство и силу в жесточайших горестях и унижениях. В этой добродетели кроется высшая тайна креста; вот то, чему нас учит Иисус Христос, которого мы чтим.

Обхватив руками шею Эрике, Лас Касас посмотрел на него долгим взглядом, исполненным нежности. Касик хотел было что-то сказать, но от волнения не смог про-

изнести ни слова в ответ на кроткие наставления своего старшего друга.

Это волнение сказало все: Эврике поверил, что он и в самом деле виновен, ибо не умеет сдерживать естественные порывы своего чистого сердца и честной благородной природы. Лас Касас любил Эврике, как родного сына; его рассказ о мучительных переживаниях во дворце вызвал у пропитательного паставника тревожные раздумья. Попытая, какие опасности подстерегают молодого пидейца, обладающего чрезмерной целетильностью в вопросах чести, стремясь закалить его и подготовить ко всем превратностям трудной судьбы, лиценциат с болью в сердце решил прочесть отповедь своему подопечному.

XIII КОМПРОМИСС

Позавтракав вместе с Эврике, Лас Касас оделся тщательнее обычного и снова отправился к Веласкесу. Тот поджидал его в парадном, богато отделанном камзоле, сшитом по милаиской моде того времени; при нем находился его верный наперсник, услужливый Мохика, прямая противоположность Веласкесу по внешности и лиценциату по своему нравственному облику. Лас Касас с неудовольствием взглянул на Мохика, сухо поклонился, и все трое вышли из дому, сопровождаемые двумя слугами.

Был полдень, когда двери дворца дона Кристобаля де Куальера открылись настежь, пропуская статного жениха и его спутников. Два длинных ряда черных невольников, индейцев и европейских слуг, облаченных в превосходные дворцовые ливреи, выстроились от дверей просторной прихожей до первой ступени лестницы. Роскошное убранство комнат и огромное количество слуг свидетельствовали о несметных богатствах хозяина дома, на что жадный Мохика тотчас обратил внимание Веласкеса.

Контадор принял гостей, стоя в главном зале вместе со своей прекрасной дочерью, лицо которой, покрытое смертельной бледностью, не уступало матовой белизне

ее наряда из французских кружев и дорогого фламандского бархата. Рядом с сеньором де Куальяром находились его друзья, Франсиско де Гарай, верховный алькалде острова, и Родриго де Бастидас, именитый резидент Санто-Доминго, уважаемый человек, тот самый, который на несколько лет перед тем совершил удачную экспедицию в Золотую Кастилью (Новую Гренаду) и получил затем звание «аделантадо» за услуги, оказанные короле.

После положенного обмена учтивыми приветствиями Веласкес сделал в кратких словах брачное предложение, на которое отец Марши незамедлительно ответствовал согласием. Потом, отклонившись от намеченного ловким наперсником плапа действий, по которому жепшу следовало приблизиться к невесте, неподвижно застывшей и не отрывавшей глаз от пола, словно не к ней относилось сделанное предложение, Веласкес обратился к дому Крестобалью:

— Если вы не возражаете, сеньор, можно назначить свадьбу через год от сегодняшнего числа.

Марши, казалось, очнулась от забытья при звуке слов, которых она томительно ожидала, и вперила тревожный взгляд в лицо отца, стараясь угадать его ответ.

Дон Крестобаль смутился: просьба о столь длительной отсрочке явилась неожиданностью, — ведь Мохика уверял контадора, что Веласкес жаждет возможно скорее стать его зятем. Однако, стремясь сохранить достоинство знатного человека и отца, он сделал над собой усилие и произнес:

— Как вы желаете, дон Диего, — не вижу надобности спешить...

Тогда Веласкес, сияя от радости, в учтивых выражениях обратился к своей невесте:

— Благоволите увенчать мое счастье, сеньора, и выразить ваше полное и добровольное согласие на мою просьбу, обращенную к вашему отцу.

— Примите мою благодарность, сеньор, — ответила девушка, ободренная таким, как ей казалось, благополучным началом намеченного вице-королем плана, — благодарю вас за то, о чем вы только что просили.

— Довольны ли вы отсрочкой? — настойчиво спросил Веласкес, принимая ее игру слов.

— Вполне довольна, сеньор, — ответила Марши и вновь потупила свои прекрасные глаза.

— Беру в свидетели всех присутствующих здесь ка-
бальеро в том, что сеньора Мария де Куэльяр, дочь
сеньора контадора, дала мне слово стать через год моей
женой.

Таковыми словами Веласкес заключил церемонию «смот-
рин», как в былые времена называлась официальная
встреча жениха и невесты. Ссылаясь на недомогание, Ма-
рия попросила разрешения удалиться к себе; она при-
пяла поздравления, которые были в обычае того времени
среди высшего света, и ни жива ни мертва вышла, чтобы
дать наконец волю накопившимся слезам. Жених со
своими спутниками не замедлил также откланяться; все
трое направилось в дом Веласкеса, — Мохика доволь-
ный и многоречивый, счастливый жених с торжествую-
щим видом, а лицензиат Лас Касас погурый и молча-
ливый.

XIV

СМУТНАЯ НАДЕЖДА

Едва Мария очутилась одна на своей половине, где не
было никого, кроме служанок, как долго сдерживавшие
слезы хлынули из ее глаз. Ей не терпелось поскорее от-
правиться в крепость, чтобы рассказать вице-королеве,
с каким покорным смирением она выполнила плац, начер-
танный адмиралом, желавшим исправить и загладить до-
пущенную накануне ошибку. И, наконец, она как-то
найти утешение на груди у своей любящей подруги и
услышать из ее уст, как предполагает действовать дальше
Диего Колумб, ее могущественный покровитель, которому
она слепо доверилась, невольно преувеличивая его воз-
можности и власть в своих фантастических мечтах и на-
деясь, что он исполнит обещание и поможет ей избавиться
от несправедливого брака.

Проводив гостей, контадор тотчас же отправился на
половину дочери. Во время церемонии смотрит он с тре-
вогой заметил печальную бледность, не покидавшую лицо
девушки, и всерьез опасался, как бы она не дала жениху
почувствовать свое отвращение к предстоящему браку,
отвращение, которого она не скрывала в беседе с отцом.

Дон Крестобаль остался весьма доволен проявленным послушанием.

— Тебе лучше, моя дорогая? — спросил он дочь с ирри-
творной нежностью.

— Да, отец, — ответила мужественная девушка, —
все уже прошло.

— Но ты плакала, Мария! Право, это так огорчает
меня. Видела, какого прекрасного и статного жениха и
тебе выбрал?

— Я полагаю, отец, — сказала девушка, уклоняясь от
прямого ответа, — нам следовало бы пойти в крепость
и сообщить вице-королю с супругой о сегодняшнем со-
бытии...

— Что ж, я исполнил мои обязанности главы семьи
и высшего должностного лица; выполним же теперь наш
долг по отношению к властям, выказав им должное
уважение, к этому нас обязывает дружеское распо-
ложение вице-короля и твоя должность при дворе вице-
королевы.

— Теперь, а почему не раньше? — спросила Мария.

— Раньше еще ничего не было закончено и мало ли
что могло произойти.

— И один господь знает, что еще произойдет! — с глу-
бокой грустью промолвила девушка.

Отец с дочерью, не откладывая, вместе направились
в крепость.

Когда дон Крестобаль сообщил во дворце Колумба о
помолвке дочери, вице-королевская чета выразила свое
удовольствие и принесла поздравления по случаю столь
торжественного события, «хотя, — любезно прибавил ад-
мирал, — если полководец Веласкес превосходная пар-
тия, — а это именно так и есть, — ваша дочь по своей
красоте и высоким качествам достойна была бы разде-
лить трон с самим императором».

Вице-королева обняла свою подругу и шепнула ей на
ухо:

— Мне надо сообщить тебе хорошую весть.

Эти слова наполнили радостью сокрушенное сердце
девушки. «Хорошая весть» в устах Марии де Толедо озна-
чала, что пайден наконец способ разрушить ненавистный
план свадьбы. Зародившиеся надежды начинали сбы-
ваться.

— Сеньор де Куэльяр, останьтесь с нами пообедать.

— Весьма сожалею, сеньора, но никак не смогу. — ответил дон Кристобаль, — через час я жду к себе сеньора Понсе де Леона по рекомендации казначея Пасамонто, — я обещал замолвить за него слово перед адмиралом...

— С какой целью? — прервал его дон Диего, слегка насупившись.

— С целью добиться его назначения губернатором на Сан-Хуан де Пуэрто-Рико в благодарность за заслуги по исследованию края и на основании последних королевских постановлений.

— Не понимаю, почему Понсе де Леон так упорно ищет заступничества казначея и настойчиво повторяет свои попытки, заранее обреченные на неудачу, как я это ему без уверток дал понять. Ведь Пасамонто продолжает досаждать мне всяческими неприятностями; по наущению зловредного епископа Фонсеки он делает все возможное, чтобы ущемить и свести на нет мои неотъемлемые prerogativas и права адмирала. Он не только отказывает мне в помощи против Охеды и Никуэсы, снаряжающих экспедицию в нарушение моих прав, но вдобавок убеждает меня малодушно уступить этому Охеду и назначить его правителем Ямайки. И, наконец, пропсками и обманом этот плут добился от королевского совета указа передать Понсе де Леону чудесный остров Сан-Хуан... Что останется от моей власти, ежели я соглашусь на подобный грабеж? Нет, нет, король должен признать, что я прав, должен отменить все незаконные постановления, которые у него хитростью вырвал лукавый Фонсека. А до тех пор Пасамонто не удастся посмеяться надо мной: ответьте Хуану Понсе, пускай он пошлет себе других ходатаев и найдет иные пути. Что же касается Никуэсы и Охеды, то я им дам ясно понять: если они только попробуют осуществить задуманную экспедицию, пусть навсегда забудут, что существует адмирал на острове Эспаньола, откуда можно в случае чего ждать помощи.

— Отлично, сеньор, — ответил дон Кристобаль, — я нахожу ваши жалобы вполне основательными и постараюсь образумить Хуана Понсе. А теперь с вашего разрешения я удалюсь.

— В таком случае оставьте у нас мою дорогую Ма-

рию, — сказала вице-королева, — раз уж вы лишаете нас своего общества.

— С большим удовольствием, сеньора, и поверьте, я весьма огорчен тем, что лишен возможности принять приглашение, которым ваша милость почтили меня.

И дон Кристобаль удалился.

Вице-королева увела Марию в свои покои, чтобы на свободе поговорить обо всем. Девушка была в отчаянии, что не может ни объяснить Грихальве всю сложность своего положения, ни узреть, что он о ней думает. Вице-королева настаивала на соблюдении величайшей осторожности: полученный ею накануне суровый урок внушил ей сугубую осмотрительность и даже робость.

— Если Хуан де Грихальва в самом деле достоин тебя, — сказала она подруге, — его любовь не пройдет от того, что вы на время перестанете видеться. Пока сговор с Веласкесом не расторгнут, ты не можешь встретиться с Хуаном без ущерба для твоего достоинства... Когда нам наконец удастся расторгнуть помолвку, любимый тобою человек узнает все и получит награду за свое постоянство. А этот день непременно настанет, Мария. Мой муж уже нашел способ подготовить твоё счастье: Веласкес получит важное назначение за пределами острова; время и разлука принесут свои плоды. Мне не раз приходилось слышать, что стоит человеку уехать за море, как любовь его остывает. Вот та новость, которую я хотела тебе сообщить.

Весть обрадовала Марию де Куэльяр; но глубокие печальные вздохи, невольно вырывающиеся из ее груди, ясно говорили о том, как тяжело ей следовать благоразумным советам вице-королевы.

XV

КОНТРАСТЫ

— Знаете, лицензиат Касас, у вас довольно-таки унылый вид для свидетеля счастливой помолвки, — произнес Мохика своим хриплым и визгливым голосом, входя в гостиную Веласкоса после визита, нанесенного семейству Куэльяра.

— А вы, идалго Мохика, — ответил лиценцват, — сегодня, как и всегда, сохраняете свои повадки интригана, сующего нос в чужие дела.

— Но признайтесь, лиценцват, — возразил Мохика, пытаюсь сохранить спокойствие при этом резком отпоре со стороны собеседника, — признайтесь, что вам не по душе предстоящий союз нашего общего друга Веласкеса с Марией де Куэльяр.

— Если мне что не по душе, так это ваш низкий и гнусный нрав, идальго Мохика, — не стерпел Лас Касас, уже давно с трудом перевозомавший непобедимое отвращение к наперснику Веласкеса. — Просто невероятно, что такой достойный человек, как сеньор Диего Веласкес, приближил к себе подобную личность и даже отправляется в дом своей невесты в сопровождении столь зловредного кляузника.

— Довольно, сеньоры! — воскликнул Веласкес, не ожидавший, что переписка примет серьезный оборот, и раздражался смехом при виде гримасы на лице Мохики, олепившего от полученной отповеди.

— И правду говоря, сеньор, — продолжал Лас Касас, — если этот идальго будет и дальше тенью следовать за вами, то не удивляйтесь, что я стану избегать вашего общества. Неужто вы не понимаете, что идальго спешит заручиться вашим покровительством, опасаясь, как бы адмирал не потребовал у него отчета по делам имуществу, принадлежащего сироте, дочери Гевары, и находящегося в его ведении?

— Я готов в любой момент дать отчет, но только не вам, — нагло заявил Мохика, — ведь вы из личной корысти стараетесь лишить меня управления имуществом; а чтобы достичь своей цели, вы прибегаете ко всякой клевете.

— Какое бесстыдство! — с негодованием крикнул Лас Касас. — Приписывать мне собственную низость; но все знают меня и знают вас. Главное, чтобы вы дали отчет. Сеньор дон Диего, вы слышали — почтенный идальго готов дать отчет любому, только не мне. Завтра же поставим об этом в известность адмирала, и пусть он вместо меня назначит другое лицо, приемлемое для Мохики.

— Хорошо, сеньоры, — ответил Веласкес, — на сегодня уже хватит заниматься этим неприятным делом.

— Прекрасно, — сказал Лас Касас. — С вашего разрешения я возвращаюсь в монастырь.

— Идите с богом, лиценциат, — попрощался Веласкес.

Едва Лас Касас удалился, как Мохика разразился бурной негодующей речью против лиценциата, обвиняя его в несносном высокомерии; это смутьян, гордец и властолюбец, уверял Мохика, прикрывающий свои грешки якобы безупречной чистотой нравов; он завистлив и

алчен... Словом, мстительный идальго распоясался вовсю, без стеснения приписывая свои пороки благородному, некрепкому и чистосердечному лиценциату в надежде погубить Лас Касаса в глазах доверчивого Веласкеса. Но тут Веласкес решительно вступился за Лас Касаса, доброго советчика, на деле доказавшего свое необыкновенное душевное величие во время кампании в Баоруко; он испытывал глубокое уважение к этому выдающемуся человеку, отлично сознавая, какая пропасть лежит между лиценциатом и такими подлыми людьми, как Мохика. Вот почему, внезапно перестав смеяться, он пропалес слова, расклеванным свинцом обжегшие бесстыдного клеветника:

— На этот раз, доп Педро, я прощаю вам шутку, но не вздумайте когда-нибудь повторить ее снова. У лиценциата несколько резкий нрав; но это самый честный, открытый и достойный человек среди всех, кто приехал сюда из Испании.

Мохика разом попурился, как пес, побитый хозяином. Он не смел проронить ни слова, пока Веласкес не взглянул на него с жалостью и не сказал:

— Мохика, я еще раз повторяю обещание похлопотать за вас, чтобы вы сохранили должность управляющего имуществом; я сделаю все, что смогу, будьте спокойны.

— Ах, сеньор!.. — воскликнул обрадованный идальго.

— Теперь поговорим о другом, — продолжал Веласкес. — Как вы считаете, не следует ли нам что-нибудь предпринять в связи с моей помолвкой?

— Право, не знаю, — ответил Мохика, — все самое важное уже сделано... Конечно, не мешало бы снять серенаду под балконом вашей невесты.

— Так за дело! Распорядитесь всем как положено, в расходах не стесняйтесь.

— Было бы неплохо, — добавил лукавый паперник, в голову которого мелькнула одна из его дьявольских мыслей, — было бы просто замечательно, если бы с нами отправился Эрикильо, он играет на виуэле. Мы оба так славно владеем этим инструментом, что перещеголяем даже мавританскую самбру.

— За чем же дело стало! — с жаром воскликнул Веласкес и помедленно послал слугу за крестником в монастырь.

Как раз в этот момент ему подали запечатанный пакет с гербом адмирала. Веласкес вскрыл конверт и поручил Мохике прочесть вслух послание, — с тех пор как он убедился в преданности своего паперсника, он ничего не скрывал от него.

Мохика прочел:

«Дорогой сеньор Диего Веласкес, жду вас сегодня вечером в крепости, надо поговорить о важном деле.

Ваш верный друг адмирал».

— Сами видите, — заметил Веласкес, — трудно сейчас сказать, когда я освобожусь, уж и не знаю, как быть с серенадой...

— В любой час, когда бы вы ни освободились, сеньор, — ответил Мохика, — все будет готово.

Вскоре пришел Эрикильо; он почтительно поцеловал руку у крестного и с приветливой улыбкой поклонился Мохике, а тот сладчайшим голосом сообщил мальчику, чем он мог бы угодить своему крестному и покровителю.

Удивление и глубокая печаль отразились на лице юноши, и он твердо сказал:

— Ради крестного я готов отдать всю мою кровь, кинуться в море и пойти на любую опасность, — я все сделал бы с радостью, лишь бы исполнить его малейшую прихоть; но играть на виуэле посреди улицы, участвовать в празднествах и серенадах, когда не прошло и двух месяцев со дня смерти моей...

— И все же, клинуйся, ты это сделаешь! — громовым голосом крикнул Веласкес. — Еще что выдумал! Я из всех сил стараюсь дать тебе воспитание, превратить тебя в образованного человека, а ты на первую же мою просьбу отвечаешь отказом, не желая угодить мне! Когда тебе еще представится случай выразить мне признательность и любовь? Зачем мне нужно, чтобы ты бросался в море?

Юноша растерялся от такого неожиданного и яростного взрыва гнева, а Мохика не мог скрыть радости при виде удачного осуществления своих планов. Одним взмахом он лишил Эрику покровительства и привязанности Веласкеса, а заодно нанес удар и лицемерию, который, разумеется, не замедлит вступить за своего приемного сына, как он частенько называл юного каспика.

— Сейте добро, — продолжал раздраженный Веласкес, — и пожнете неблагодарность!

— Ах нет, сеньор! — воскликнул Эприке и разрыдался.

— Неблагодарность вихудший порок, — наставительно произнес Мохика.

— Я сделаю все, что вы пожелаете, сеньор, — превозмогая себя, проговорил наконец Эприке, — только не считайте меня неблагодарным.

— Убейся воя, мальчишка, — с гневом оборвал его Веласкес, — и не показывайся мне больше на глаза: я зря потратил на тебя мое время, заботы и деньги.

Эти слова нанесли рану в самое сердце юноши; он с достоинством выпрямился, спокойно взглянул на Веласкеса и сказал:

— Сеньор, я постараюсь в будущем отплатить вам за все, а тем временем остаюсь вашим слугой, располагайте мной, как вам будет угодно.

И, сделав глубокий поклон, Эприке вышел.

Веласкес погрузился в задумчивость; вспышка гнева погасла, он понял, что напрасно так сурово обошелся со своим крестником. Между тем Мохика с умирным злорадством твердил: «Растите вороны, и он выклюет вам глаза», — пока наконец Веласкес, обозлившись, не прервал его:

— Ах, оставьте меня в покое, мне сейчас не до глупых поговорок!

Мохика рысцой выбежал из комнаты.

XVI

РЕШЕНИЕ

С того рокового вечера в саду вице-короля, когда холодное дуновение жестокой действительности неожиданно развеяло мир светлых грез и радужных иллюзий счастливой юности, Грихальва замкнулся в глубоком, молчаливом, мрачном спокойствии. Безграничное отчаяние, сопровождаемое горестными жалобами и упрёками, не могло бы так сильно встревожить дона Гарсиа де Агилара, как это кажущееся безразличие, говорившее о тяжёлом душевном состоянии юноши. Есть что-то беско-

почти полную и торжественную в затаенной скорби человека: безмолвная и величавая, она страшит и притягивает, подобно темной прощати, вызывающей трепет у всякого, кто на миг заглянет в ее бездонную глубину.

Участливый друг дон Гарсиа, рискуя быть навязчивым, изо всех сил старался заставить несчастного влюбленного заговорить и надоедал ему вопросами, замечаниями и размышлениями вслух, неизменно остававшимися без ответа.

«Тебе следует забыть неверную, она не стоит твоей любви; все наши красавицы заглядываются на тебя, все жаждут твоего внимания. Неужто ты не замечаешь девушек таких же прекрасных, как эта неблагодарная? Весь мир принадлежит тебе, остается лишь выбрать по своему вкусу», — не унимался дон Гарсиа.

Но красноречие его пропадало даром. Грихальва, казалось, ничего не слышал и не понимал. С безучастным видом он шагал рядом с другом и лишь однажды прервал молчание:

— Прощай! Мне холодно. Спасибо, — бросил он, дойдя до дверей своего дома.

Дрожащий невнятный голос юноши говорил о его мрачном сознании.

Оставшись одни на улице, Агилар повернул к себе, терзаемый тревожными мыслями; сердце его друга представлялось ему углым челном, отданным во власть разбушевавшейся стихии.

На следующий день он спозаранку отправился к дону Гонсало де Гусману и рассказал ему все, что произошло накануне.

Дон Гонсало был человеком более зрелым и рассудительным, чем Агилар; он побранил своего молодого друга за легковесное суждение о придворной даме впечореной королевы и заметил, что вмешательство адмирала в эти дела таит особое значение и дает право на различное толкование событий, а потому судить о такой достойной девушке, как Мария де Куэльяр, следует осторожно.

Друзья отправились навестить Грихальву; оказалось, он слег в жестоком приступе лихорадки. Бедный юноша жил вдвоем со старшим братом, человеком упрямым и недалеким; в доме было несколько неопытных слуг-индейцев. Дон Гарсиа немедленно взял на себя заботу о больном, а дон Гонсало посещал на розыски всего пе-

обходимого в подобных случаях и вскоре прислал врача и расторопных слуг.

Не прошло и суток, как температура у больного начала падать, лихорадка, по счастью, не припала злокачественного течения. Врач нашел у юноши сильное нервное возбуждение и назначил лекарство, давшее вскоре отличные результаты. На другое утро Грихальва, бледный и печальный, по оправившийся от приступа болезни, мог уже, не покидая, впрочем, постели, беседовать с окружающими и выразить свою благодарность Гусману и Агилару.

Из этих двух благородных и самоотверженных друзей дон Гонсало де Гусман, юноша редкого ума и характера, обладал глубоким знанием человеческого сердца и умел яркой, увлекательной беседой успокоить душевные волнения. Он говорил с Грихальвой обо всем, кроме его любви, пересчитал всех выдающихся жителей колонии, рассказал об их планах и начинаниях, взвесил их шансы на успех и развернул перед глазами больного, который с напряженным вниманием слушал его, картину заманчивых и славных приключений. Грихальва заметно оживился и даже высказал желание отправиться с Охедой и Никусой в экспедицию на материк, для которой закапчивались последние приготовления в Санто-Доминго.

На это дон Гонсало заметил, что Грихальве, пожалуй, неудобно присоединиться к тем, кто действует против интересов адмирала, ведь дон Диего неизменно благоволил к юноше, так не лучше ли обождать, пока адмирал за свой счет снарядит экспедицию, а с этим, как видно, он долго мешкать не станет. Грихальва согласился с мнением друга и принял твердое решение участвовать в следующей экспедиции.

XVII

ПЕРЕГОВОРЫ

Между тем накануне вечером в крепости состоялась встреча Веласкеса с адмиралом.

— Я обещал вам в скором времени доказать мое дружеское расположение, — начал адмирал в виде вступле-

ния. — Мне хотелось бы, чтобы наши интересы полностью совпадали. Как вы знаете, кое-кто пытался лишить меня прав и прерогатив адмирала в этой стране. Охеда и Никуаса вместе с известным лодманом Хуаном де ла Коса готовят захват и заселение богатейшего края в Новом Свете, открытом моим прославленным отцом; отец преодолел огромные трудности не затем, чтобы эти проходивцы извлекли выгоду из несправедливого пренебрежения короля к нашей семье, при неизменной поддержке злокозненного епископа Фонсеки в Испании, причинившего столько огорчений моему отцу, и интригана казначея Мигеля де Пасамонте здесь, в колонии. У меня пытаются отнять даже остров Ямайку, препоручив его Охеде или Никуасе; этот вопрос до сих пор вызывает ожесточенные споры между ними; а я наблюдаю их стычки, как постороннее лицо, зная, что на самом деле этот остров по праву принадлежит только мне.

Но время не терпит, и мне пора уже взяться за дело; здесь я целиком рассчитываю на вас. Согласны ли вы заселить остров Ямайку? Хотите ли вы опередить двух узурпаторов и выступить в Дарьен с людьми и снаряжением, которое мы здесь раздобудем? Это поставило бы в затруднительное положение Никуасу и Охеду, ведь мы перехватим у них большую часть людей, завербованных в Испании, и запретим их дальнейшую вербовку. Для обсуждения этих важных вопросов я и пригласил вас.

Веласкесу была не чужда осторожность: несмотря на заманчивое предложение, он разом смекнул, что адмирал собирается действовать наперекор высочайшим повелениям и, перейдя в контрастипление, противопоставить им свои справедливые требования, опираясь на законные права Великого мореплавателя. Невозможно заранее предвидеть, кто выстоит в предстоящей схватке. Пойдет ли монарх на уступки? Едва ли. Но в таком случае безрассудное упорство и настойчивая поддержка прав Диго Колумба могут повлечь за собой чреватое серьезными последствиями обвинение в мятеже: словом, впереди маячила виселица. Уступит ли дон Диго? Весьма вероятно, — но в таком случае Веласкеса, как сторонника адмирала, ожидает разочарование, напрасная потеря времени.

Вот почему Диго Веласкес уже готов был ответить решительным отказом на предложение адмирала, но вовремя спохватился, что все же ссориться с первым чело-

веком в Новом Свете, давшим ему такое убедительное доказательство своей дружбы и доверия; после краткого колебания он спросил у адмирала три дня на размышления. Ему надо переговорить с друзьями, в первую очередь с лиценциатом Лас Касасом, которому он слепо доверял, посоветоваться. Диего Колумб попросил сократить срок, ввиду простоты дела, и в конце концов перешли на том, что Веласкес даст тот или иной ответ к вечеру следующего дня.

На другое утро Веласкес известил Лас Касаса, что ему надобно переговорить с ним, и через каких-нибудь десять минут лиценциат явился на зов.

Веласкес поблагодарил своего друга за то, что он так быстро откликнулся, но Лас Касас с обычной откровенностью сказал:

— Вы ошибаетесь, я и без вашего зова собирался прийти к вам по двум причинам: во-первых, я хотел бы выяснить, что тут вчера произошло, — Эприкильо вернулся ни жив ни мертв от огорчения, и я опасаясь, не слышит ли он слова; во-вторых, я хочу пойти с вами к адмиралу и попросить его назначить вместо меня другого управителя. Пусть он проверит, как Мохика управлял именем покойной доньи Аны де Гевара.

— Вы опять за свое, дон Бартоломе! Что вам сделал этот бедняга?

— Бедняга, говорите вы? Когда-нибудь вы его узнаете. Ну как, пойдете со мной к адмиралу?

— Никак не могу, и сейчас объясню вам причину.

Передав слово и слово свою вчерашнюю беседу с адмиралом, Веласкес добавил:

— Сами понимаете, что без окончательного ответа на его предложение — а я обещал ответить сегодня вечером — мне невозможно появиться в крепости. А вы как считаете, лиценциат?

Лас Касас задумался, несколько мгновений прошло в молчании.

— Вы поступили благоразумно, спросив отсрочки, — сказал он наконец. — Открытые действия против решений монарха могут пагубно отразиться на вашем жизненном пути. Вздумай вы соперничать с Алонсо де Охедой, дело не обошлось бы без стычки, ибо у него крайне несдержанный нрав. Что же касается Диего де Никуэсы, то он при дворе в большой силе. Словом, если вы отрави-

тесь в Дарьен или на Ямайку, вам со всех сторон грозит опасность, и я полагаю, мы окажем немалую услугу адмиралу, уговорив его направить королю своих представителей вместо того, чтобы стать на путь открытого неповиновения, хотя речь идет о защите его законных прав. Таково же мнение и дона Бартоломе Колумба; с ним я уже ранее об этом беседовал; к сожалению, власть кружит голову, и добрые советы не доходят до слуха властелина. Отсюда неожиданные падения и позднее раскаяние.

— Боюсь, не подумает ли адмирал, — заметил Веласкес, — что я, достаточно разбогатев на этом острове, бегу от трудов и опасностей; такое мнение уронит меня в его глазах.

— Безусловно, — согласился Лас Касас, — однако это не должно помешать вам высказать всю правду, — речь идет о том, чтобы взяться за весьма ответственное дело.

— Будь у меня сейчас в виду другая экспедиция, — продолжал Веласкес, — где я мог бы, не нарушая монаршей воли, проявить отвагу и доказать мою приверженность адмиралу...

— Могу подсказать вам замечательный план, — с живостью прервал его лиценциат. — Надеюсь, он принесет вам славу и богатство. Предложите адмиралу завоевание и колонизацию острова Хуаны, по-индейски Кубы. Никаких слухов о золотых россыпях на этом острове не было, вот потому-то до сих пор еще никто на него не позарился; но какой-то внутренний голос впечат мне, что по богатству природы и доброму праву жителей эта земля не уступит ни одной стране на свете. Так думал и наш первый адмирал, долежавший широкие планы относительно Кубы. Меч завоевателя туда еще не проникал, и для островитян было бы поистине счастьем, если бы имели вы, с вашим опытом колонизации Нового Света и с вашим даром проявлять милосердие к несчастным индейцам, донесли до них слово искупителя и увековечили ваше имя в цветущих городах, которые возникнут благодаря вашим заботам и трудам.

— У меня и без того достаточно городов, о которых надо позаботиться, лиценциат, — возразил Веласкес, — ежели речь идет о том, чтобы постройкой городов сохранить мое имя для потомства, я назову вам города Асуа, Сальватьерра де ла Сабана, Сан-Хуан де ла Магуана и

Вильяпуева де Хакимо — все они основаны мной и сулят мне бессмертие, — добавил Веласкес с проницей.

— Поверьте, на Кубе можно сделать гораздо больше. Ее соседство с Эспаньолой с подветренной стороны, а главное, близость всех ваших войск и складов в Ягуане и Вайноа облегчают это предприятие, уменьшают расходы и обеспечивают надежду на успех.

— А вы обещаете меня сопровождать? С вами я решусь на все.

— Благодарю вас, капитан. Я охотно отправлюсь вместе с вами после того, как приму священный сап.

— Ну, я возьмусь за осуществление этого великого плана не раньше, а возможно, значительно позднее, ведь мне также предстоит священные дела, — сказал Веласкес, намекая на предстоящее бракосочетание.

— Самое важное — это принять решение, капитан, — настойчиво повторил Лас Касас. — Пойдемте же вместе к адмиралу, вы сообщите ему ваш ответ и увидите, что все уладится наилучшим образом. Прежде всего необходимо, чтобы дон Диего в своем послании королю сообщил об этом плане, как о деле решенном; таким образом, новая экспедиция, хотя и отложенная на некоторое время, останется за вами, а это закроет доступ на Кубу проходивцам и грабителям, стремящимся присвоить себе то, что перед богом и людьми по праву принадлежит сыну Великого мореплавателя. Застраховав себя с этой стороны, вы сможете уверенно предпринять новое завоевание, — при вашем мужестве и опыте вам по плечу любые трудности.

— Видит бог, я не боюсь ни трудностей, ни риска; напротив, я устал от сладкого безделья и с нетерпением жажду ратных подвигов. Только божественная Мария де Куальтар удерживает меня здесь в цепях, лишая прежней предприимчивости: признаюсь, мне не хотелось бы покинуть наш остров до тех пор, пока это несравненное сокровище не перейдет в мое полное обладание.

— Этих вещей я не понимаю, капитан; сам я намерен выступить в поход не раньше, чем посвящу себя богу. Лишь тогда я буду в вашем распоряжении... А теперь пора уже ответить на мой вопрос: за что вы вчера рассердились на Энрикилью?

— Честное слово, дон Бартоломе, я и сам теперь не припомню, — сказал Веласкес, — знаю лишь одно: я вчера

пожалел, что слишком сурово обошелся с моим бедным крестником. Появись он сейчас передо мной, я охотно обнял бы мальчугана.

— Вы не напоминаете за что? Так я вам подсказу, — с горечью произнес Лас Касас. — Замысел приваляжал Мохика; пользуясь вашим простым и честным правом, этот человек дурно влияет на вас, толкает на несправедливые поступки, которые так чужды вашему благородному и великодушному сердцу...

— Возможно, вы и правы, лиценциат, — сказал Веласкес, чтобы положить конец отповеди. — Впредь я буду его остерегаться...

— Так вы согласны просить адмирала назначить вместо меня другого человека, который возьмется за проверку отчетности этого плута? — спросил Лас Касас.

— Согласен, лиценциат, — ответил непостоянный Веласкес, предавшись душой и телом своему доброму ангелу в лице Лас Касаса.

— А ежели вам наскучило оказывать покровительство Энрикильо, можете отказаться от этой заботы, я все возьму на себя.

— Ради бога, лиценциат, не говорите так! Хорошего же вы обо мне мнения! Заботу о мальчишке я никому не уступлю.

— Вот каким я вас люблю, капитан! Теперь я снова узнаю вас!.. Так пересмотрим еще раз наши дела. Моим преемником должен быть человек неподкупной честности, к тому же не какой-нибудь простак, которого Мохика обведет вокруг пальца. Я много размышлял по этому поводу и нахожу, что самым подходящим для такого дела является всеми уважаемый дон Франсиско де Валенсуэла.

— Вы правы, более достойного и удачного выбора сделать невозможно, — подтвердил Веласкес.

— Итак, — продолжал Лас Касас, — поскольку речь идет о наследстве малютки Менсии де Гевара, а ей суждено стать супругой нашего Энрикильо, лучше всего поручить управление имуществу сеньору Валенсуэле; пусть возьмет в свои руки поместье сиротки, большого труда это для него не составит, ведь наследственные земли Гевары лежат близ Сан-Хуана де ла Магуана, почти рядом с обширными владениями Валенсуэлы; пусть теперь же начнет постепенно приучать Энрике к тем обя-

запоятам, которые ему придется взять на себя, когда Менсия станет его супругой.

— Замечательно, дон Бартоломе!— воскликнул Веласкес. — Предложите это адмиралу, я же скажу аминь на все, что придумает ваша мудрая голова.

XVIII СОГЛАШЕНИЕ

В час дня лицензиат Лас Касас и Дниго Веласкес отправились в крепость; адмирал весьма обрадовался, что Веласкес явился с ответом на несколько часов раньше, не дожидаясь вечера. Все произошло именно так, как было задумано «мудрой головой» Лас Касаса, если следовать выражению его послушного спутника; адмирал огорчился, узнав, что Веласкес отказывается возглавить экспедицию, намеченную на ближайшее время, по плану колонизации Кубы привел его в восторг. Он выразил готовность следовать всем указаниям разумного лицензиата, чтобы заслужить милость короля Фердинанда и соблазнить воображение его высочества блестящим планом, вместо того чтобы вызвать его досаду решительными действиями, которые наследник великого Колумба собирался предпринять в защиту своих прав, нарушаемых как самим королем, так и Королевским советом по делам Индии.

То ли из политических соображений, то ли желая исполнить обещание и под благовидным предлогом усилить Веласкеса подалыню, адмирал дружески обнял своего помощника и, выражая самые лестные надежды в связи с задуманным завоеванием Кубы, тут же заявил, что Дниго Веласкес назначается вице-губернатором в Харагуа, куда ему и надлежит отправиться немедленно, без проволочек. Причиной тому предстоящая экспедиция Никуэсы и Охеда на материк: поскольку Охеда, известный своей дерзостью, слывет к тому же отличным знатоком западного побережья Испании, необходимо помешать ему высадиться по пути из Санто-Доминго в Хакимо, Харагуа или другом пункте наместничества для вербовки людей, запаса продовольствия и снаряжения — ведь все это понадобится в дальнейшем для осуществления общих планов. Лас Касас и Веласкес, стремясь вознаградить уступчи-

вость адмирала, принявшего их добрым советам, поспешили одобрить его мысль. Итак, порешили на том, что Веласкес займется необходимыми приготовлениями и отправится на запад, едва только суда экспедиции покинут порт Санто-Доминго.

Потом речь зашла о должности, занимаемой Мохикой, и о планах относительно Валенсуэлы и Эприкильо. Нам тяжело сознаться, но интересы Мохики были тут же равнодушно и безжалостно принесены в жертву Веласкесом, который даже не попытался их отстаивать, словно с уст его никогда не срывалась торжественные клятвы защищать своего наперсника. Но можно ли доверяться обещаниям политиков и влюбленных? При случае они рады посулить золотые горы, а пройдет надобность, и все позабыто. Таково общее правило, хотя, к счастью, встречаются еще люди, которым претит вежкого рода лукавство.

Покинув крепость, Лас Касас направился известить дону Франсиско де Валенсуэлу о решении, принятом на совещании с адмиралом. Честный старик охотно согласился взять на себя управление имуществом Менсия, с тем чтобы заодно приобщать к этому делу юного касика. Как и все добродетельные люди, Валенсуэла, прослышав о плутнях недостойного Мохики, возненавидел его от всей души.

Покончив с этим делом, лицензиат вернулся отдохнуть к себе в монастырь. Навстречу ему, как обычно, вышел Эприкильо, понурый и печальный.

— Ну, мальчуган, — весело крикнул Лас Касас, — могу тебя порадовать: твой крестный по-прежнему любит тебя; он раскаивается, что беспричинно выбралил тебя и рад был бы загладить свою вину.

Вместо ответа Эприкильо только грустно покачал головой.

— Посмотрим, не обрадует ли тебя вторая новость, — продолжал Лас Касас. — Через какой-нибудь месяц ты перевезаешь в дом моего близкого друга дону Франсиско де Валенсуэлы в Сан-Хуане де ла Магуана. Он будет заботиться о тебе и любить почти так же, как люблю тебя я. Ты сможешь скакать верхом на лошади по просторам полей; научишься управлять землями, переданными к Менсии от ее покойной матери, и никто не станет ни требовать, чтобы ты лгал, ни припеваивать тебя играть на гитаре, когда это тебе не по душе.

На лице Эрике засияла улыбка; он с трогательной нежностью поцеловал руку Лас Касаса и проговорил:

— Как многим я вам обязан, мой дорогой друг и отец. Я ни за что на свете не расстался бы с вами, но мне так тяжело жить здесь в городе!

— Понимаю, — ответил Лас Касас. — Но пока ты еще здесь, тебе следует с усердием выполнять свой долг по отношению к вице-королю с супругой, крестному и остальным. почаще павещай Менсию, обращай со всеми прилежно, будь благоразумен и терпелив, как я тебя учил.

Между тем Диего Веласкес, снимая парадный камзол, в который он облачился, чтобы отправиться в крепость, говорил своему бывшему паперснику, с жадностью внимающему его словам:

— Вам не повезло, дорогой дон Педро: все мои усилия поддержать вас оказались безуспешными, — адмирал назначил вашим преемником сеньора Валенсуэлу, перед ним вам и предстоит отчитаться.

— Боже мой! — воскликнул ошеломленный Мохика. — Я пропал! Нечего сказать, в хорошие руки я попал! Второй Лас Касас, а то и почище, ведь по правде говоря, лицензиат и мухи не обидит. И зачем я сам ускорил свою беду? Спасите меня, сеньор Веласкес! Будь проклят адмирал, а с ним Лас Касас, Валенсуэла и я сам! Надо же было мне довериться тому, кто и глазом не моргнув бы, глядя, как я падаю в колодез!

И Мохика принялся в отчаянии рвать жидкую бороденку на своем уродливом лице, меж тем как мнимый благодетель с трудом удерживал смех при виде столь забавного выражения безутешной скорби.

ХІХ

ГЕРОИ ИЛИ БЕЗУМЦЫ

Подготовка экспедиции Охеды и Нпкуэсы по материк, казалось, не имела конца: едва преодолевалось одно препятствие, как тут же возникало новое, а за ним и сотни других.

У адмирала-губернатора было немало друзей и льстецов, которые, зная, с каким неудовольствием смотрел он

на подобное умаление своих прав, чинили бесконечные помехи участникам экспедиции.

У Диего де Никуссы было множество кредиторов, и все они, словно свора избесившихся псов, рвали его на части, требуя раслаты и добиваясь наложения ареста на имущество должника. Охеда, со своей стороны, никак не мог найти человека, который одолжил бы ему сумму, достаточную для того, чтобы закончить снаряжение судов и расплатиться с завербованными людьми. Оба кипели яростью против Диего Колумба, которого не без основания считали виновником всех своих неудач. Гнев их дошел до предела, когда они узнали, что два корабля, снаряженных за счет адмирала, готовятся к отплытию на Ямайку и что решено, захватив остров, заселить его и принять над ним правление от имени Диего Колумба.

Неистовый Охеда разражался ужасными угрозами и поклялся отрубить голову Хуану де Эскивелью, возглавлявшему по поручению Колумба экспедицию на Ямайку.

После того как Диего Веласкес отказался от этого назначения, адмирал, естественно, обратился к Эскивелью, который пользовался почти таким же уважением и был известен как упротворитель Игуа и Икайагуа и основатель городов Сальвадор и Санта-Крус де Сейбо, существующих и поныне.

Историки конкретны рассказывают, что впоследствии, так и не выполнив свою неосторожную клятву, сломленный борьбой и несчастьями Охеда приплыл к берегам Ямайки, где Эскивель оказал ему самое великодушное гостеприимство. Мы упоминаем, хотя и не к месту, об этом событии, ибо в дальнейшем наше повествование, возможно, его вообще не коснется.

Противники адмирала сделали репающий ход. Пасамонте предоставил нужные средства, и экспедиция Охеды и Никуссы наконец преодолела все препятствия. Но когда Никусса уже садился на корабль, его подвергли, по жалуй, самому тяжкому и унижительному испытанию: альгвасилы не разрешили ему подняться на борт, пока он не уплатит долг в пятьсот дукатов.

Несчастный капитан, подавленный бескопачными неудачами, озирался по сторонам, как затравленный. Неожиданно какой-то городской потарнус, пропихнувшись со страданием к потерявшему надежду кабальеро, поднялся поручительство об уплате его долга. Никусса не мог по-

верить такому счастью. Он обнял своего спасителя, который показался ему ангелом, спустившимся с небес, и дал торжественное обещание достойно отблагодарить щедрость доброго ютариуса, если экспедиция увенчается успехом. Увы! Успехом она не увенчалась. После долгой

борьбы, унижений и разочарований несчастный Никуэса, вынужденный вернуться к берегам Испании на полуразрушенном судне, погиб в море вместе со своими спутниками. Плачевный, хотя и заслуженный конец экспедиции, начатой под знаком неблагодарности, которую проявил король Фердинанд, несправедливо посягнув на права своего верного подданного, сына великого Колумба.

Васко Нуньес де Бальбоа, тот самый, что впоследствии внесал свое имя в золотую книгу бессмертия, выбрался из Санто-Доминго, «спрятанный в бочке», и лишь таким образом сумел скрыться от преследования кредиторов и попасть на один из кораблей Никуэсы, где тайлся в своем убежище, пока эскадра не вышла в открытое

море. Тогда только он появился перед своим начальником. Тот был разгневан, но все же согласился принять неожиданного спутника, чью отвагу и предприимчивость подтверждал самый способ его бегства из города. Никто, однако, не мог распознать в этом безвестном авантюри-

сте будущего бесстрашного конкистадора, завоевавшего Дарьен и прославившего свое имя открытием Южного моря.

Неукротимая отвага, героические деяния и трагическая смерть от руки завистливого Педрарриаса Давила сделали Васко Нуньеса де Вальбоа самым законченным и привлекательным представителем той плеяды людей с железной волей и золотым сердцем, которые превратили конкисту в грандиозную эпопею. Можно лишь вокалеть,

что другие конкистадоры, не уступавшие ему в отваге, но лишенные его великодушия, ослепленные кровавой жестокостью подвиги, обессмертившие их имена. Таков был Франсиско Писарро, будущий покоритель Перу, который тоже отплыл из Санто-Доминго вместе с Алонсо де Охеда как рыцарь лаживы и, ограниченный тогда в своих честолюбивых замыслах положением подчиненного, сам, поверное, не знал еще ни своего мужества, ни своей неограниченной воли. Таков был и Эрнан Кортес, позднее покрывший себя славой в завоевании Мексики, который не мог тогда присоединиться к эскадре Никусаы, приковавшийся к постели тяжелым недугом.

Все это показывает, насколько ограничена власть и предвидение людей, лишенных помощи случайных обстоятельств, и учит нас, что слава и удача даже самых знаменитых в истории мужей почти всегда зависят от незначительных событий и игры слепого случая.

XX

ПОКОРНОСТЬ СУДЬБЕ

Когда Хуан де Грихальва узнал, что Эскивель по поручению адмирала отправляется на заселение Ямайки, он решил посоветоваться с друзьями, не принять ли ему участие в этом деле. Экспедиция на Ямайку была не только первой представившейся ему возможностью, но и отвечала условиям, о которых говорил дон Гонсало де Гусман. Друзья одобрили намерение юпоши, и его участие в походе было решено.

Веласкес был весьма обрадован, узнав об этом решении от Лас Касаса. Лиценциат, горячо сочувствовавший несчастному Грихальве, пришел к нему, как только прослышал о его болезни. Желание покинуть Санто-Доминго подтверждало искренность чувств, выраженных Грихальвой в ту памятную ночь, когда любовь его постигло жестокое разочарование. Диего Веласкес, повинаясь первому побуждению, решил немедленно пойти пожать руку своему опасному сопернику, который столь благородно уступал ему поле боя. Веласкеса терзала ревность при одной мысли о том, что, пока он будет отсутствовать, выполняя

на западе поручение адмирала, рядом с его парчепной останется этот молодой красавец, которого пронизательный взор командора сразу отметил как избранника Марии де Куэльяр.

Лас Касас одобрил дружеские чувства Веласкеса, провидя, что в будущем они окажутся весьма полезны для карьеры Грихальвы.

Юнопа встретил капитана без удивления, однако, пожимая руку и отвечая на сердечное приветствие дон Диего, он не мог скрыть некоторую принужденность в голосе и движениях.

— Я слышал, что вы отправляетесь с Эскивелем, и пришел узнать, верно ли это, дон Хуан, — обратился к нему Веласкес.

— Да, капитан Веласкес, — коротко ответил Грихальва.

— Не собираюсь мешать вашему решению, — заметил дон Диего, — но оставляю за собой право воспользоваться сделанным вами предложением располагать вашей рукой и вашей шпагой. Помните вы о нем?

— Я не склонен забывать о своих обязательствах, особенно такого рода, — возразил Грихальва. — Всегда, какое бы трудное дело вы ни предприняли, можете положиться на меня, дон Диего, и проверить честность моих намерений.

— Позвольте, Грихальва, выразить вам мое восхищение, — сказал тропутый Веласкес. — Вы откровенно признались, что любите мою невесту, и при этом не питаете ко мне никакой неприязни, напротив, проявляете добрую волю и расположение, не уступающее чувствам лучших моих друзей.

— А почему бы могло быть иначе? — спокойно возразил Грихальва. — Потому что вы любите девушку, которую... любил я? Но в этом нет ничего для меня оскорбительного, дон Диего... Я нахожу естественным, что все любят создание, паделенное такими совершенствами, как донья Мария де Куэльяр; и я отнесся с уважением к ее воле, увидев, что вам отдала она предпочтение, которое не удалось заслужить мне. Значит, в вас нашла она сокровища, делающие вас достойным этого счастья. И мое сердце, неспособное на ревность, испытывает удовлетворение, уважая, любя и почитая человека, которого столь

достойная дама любит, почитает и уважает настолько, что дарит ему свое доверие и руку.

— Всякий раз я все больше удивляюсь вам, дон Хуан, — воскликнул Веласкес, не в силах понять столь необычный ход мыслей и чувств. — Однако я ясно вижу, что вы человек большой и благородной души, и хочу ответить вам самой искренней дружбой. Располагайте мною по своей воле, дон Хуан.

И оба эти человека, оказавшиеся в столь странных отношениях, молча пожали друг другу руки и расстались, тщательно стараясь скрыть охватившее их волнение. Диего Веласкес был растроган и опечален, какое-то подобие угрызений совести омрачило его дух, когда он увидел грустную покорность своего неудачливого соперника.

Два дня спустя Грихальва в сопровождении многочисленных друзей взошел на борт одного из кораблей Эскивелия.

Гарсиа де Агилару он вручил следующее письмо, адресованное Марии де Куэльяр:

«Мария, разочарование гонит меня из этих мест. Я еду искать смерти, единственного успокоения для моего истерзанного сердца. Я не жалею и ни в чем вас не обвиняю. Забудьте меня и будьте счастливы: это желание упесу я с собой в могилу и чувствую, что должен выразить его в последний раз. Прощайте!»

Агилар обещал выполнить поручение друга, и в тот же вечер письмо было передано Марии через старуху, служившую в доме Куэльяра.

XXI

ЖЕРТВА

Бедная Мария едва не потеряла рассудок, прочитав прощальное письмо возлюбленного. Оправившись от потрясения, она бросилась к отцу и, упав перед ним на колени, рассказала ему всю правду, открыла все раны своего сердца.

— Я умру, отец мой, — произнесла несчастная девушка, закончив свою исповедь, — умру, и очень скоро, если вы заставите меня отдать руку другому.

Старик распахнул двери балкона, с которого открывался вид на морские просторы, и молча указал дочери на корабли, под всеми парусами удалявшиеся на юго-запад.

— Что же можно сделать? Твой красавчик уехал... Дай бог ему счастливого пути! Постарайся забыть его и думай только о том, чтобы достойно поддержать честь нашего дома и выполнить обещание, торжественно данное капитану Диего Веласкесу.

Девушка, казалось, не слышала холодных слов отца. Застыв на месте, она вперила неподвижный взор в два белых паруса, терявшихся вдаль, словно две чайки, чертившие крылом водную гладь. Мария была подобна статуе, олицетворяющей тоску и скорбь. Наконец слезы появились по ее бледным щекам, и только тут понял жестокий старик, какие страдания терзали душу девушки. Он попытался утешить ее так, как делают это люди ограниченные и заурядные, которые только усугубляют горе страдающего своими тупыми уговорами и неуместными рассуждениями.

Желая избавиться от мучительной обязанности выслушивать все эти речи, Мария постаралась побороть свое горе и со спокойным лицом попросила у донна Кристобаля разрешения удалиться в свои покои и побыть там одной.

Послушав еще некоторое время докучливого старика, который уговаривал ее пойти погулять и в беседе с ним рассеять дурное настроение, девушка наконец настояла на своем и, уйдя к себе, осталась наедине с обуревавшими ее чувствами.

Она принялась писать ответ на прощальные строки возлюбленного. Перо в ее пальцах летало по бумаге стремительнее, чем крыло легкой итицы по воздушным просторам. Порой прелестная девушка останавливалась, но не затем, чтобы обдумать свои слова, а чтобы сдержать рыдания и утереть слезы, туманившие ее взор и лившиеся на бумагу. Через несколько минут, даже не перечитав написанного, Мария сложила письмо несколько раз и тщательно запечатала его, отиснув на воске вензель, вырезанный на украшавшем ее шею изящном золотом медальоне. Затем она открыла медальон и, достав из него вьющуюся прядку черных, как вороново крыло, волос, страстно прижала ее к губам.

— Вот все, что осталось мне от его любви, — прошептала она с невыразимой грустью. — Кому доверить это письмо? Не знаю, но я твердо надеюсь, что когда-нибудь он прочтет его. Большого я и не желаю.

XXII РАЗЛУКА

Как только корабли Никуэсы и Охеды, унося вдаль весело махавших шляпами путешественников, выпли из устья Осамы и, развернув все паруса, взяли курс на юг, Диего Веласкес, выслушав последние наставления адмирала, вскочил в седло и вместе со своим отрядом направился в переданные под его начало края. Эта обширная территория тянулась на юг и на запад от Асуа де Компостела, захватывала все побережье и поворачивала на север острова до самого устья реки Яке, близ города Монте-Кресто. В юрисдикцию Диего Веласкеса входили им самим основанные города Асуа, Сальватьерра де ла Сабапа, Вильянуева де Хакимо и Сан-Хуан де ла Магуана, а также города, основанные командором Овандо: Ягуана или Сапта-Мария дель Пуэрто, Ларес де Гуаала и Санта-Мария де ла Вера-Пас. Кроме того, в области имелось бесчисленное множество кастильских и индейских городков, деревушек и селений. Колошкетов было в то время на Эспаньоле до сорока тысяч; население это стало быстро уменьшаться, когда толпы европейцев, привлеченные богатствами Мексики и Перу, бросились по следам Кортеса и Писарро.

В отряде капитана Веласкеса среди прочих находился и затаявший в сердце горькую обиду Мохика; он покидал столицу колонии весьма неохотно, ибо прекрасно чувствовал себя в атмосфере интриг и злословия, подогреваемой раздорами между двумя враждующими лагерями — сторонниками адмирала и сторонниками Мигеля де Пасамонте, игравшего большую роль, как королевский казначей. Мохика с великим сожалением покидал такое подходящее для него поприще, тем более что недавно решил примкнуть к лагерю Пасамонте, — рыбак рыбака видит

поздалека. Но чтобы подготовить отчет к приезду дона Франсиско Валенсуэлы, который задержался на несколько дней в столице, ему пришлось спешно отправиться в Магуану и привести в порядок дела управляемого им поместья; поспешность, необходимая каждому, кто управляет чужим имуществом без всякого порядка.

Эприкильо простился со своим покровителем Диего Веласкесом, не выказывая особого огорчения. То ли в нем еще не угасло невольное возникшее чувство неприязни, то ли тайный инстинкт подсказывал ему, что в поведении Веласкеса была какая-то принужденность, что он действовал как бы напоказ, а не из подлинного человеколюбия. Разумеется, юноша не занимался изучением своих чувств, ведь каждый, кто пользуется чужими благодеяниями, может ответить на них лишь благодарностью, правда не доходя до унижения, — граница, перед которой благодарность гордого человека остановится с презрением. Верно было лишь то, что всякий раз, когда Эприкильо заглядывал в свое чистое сердце, он видел, как разительно отличалось прохладное, почти вынужденное чувство, какое внушал ему Веласкес, от его нежной, горячей и искренней привязанности к великодушному и бескорыстному Лас Касасу.

Пользуясь свободой, которую предоставил ему настоятель монастыря, юный каспк каждый день приходил в крепость повидать Менсию. Адмирал с супругой всегда принимали его так ласково и радушно, что первое неприятное впечатление, произведенное придворными обычаями на ветропутую душу юноши, совершенно рассеялось. Эприкильо точно следовал мудрым советам Лас Касаса и постепенно начал постигать и применять древнюю философскую истину, гласящую «ничему не удивляйся» и заключающую в себе всю житейскую мудрость. Он еще нежнее полюбил Менсию; в предчувствии близкой разлуки Эприке целиком отдавался своему неясному, овеянному грустью чувству, которое казалось преддверием той созерцательной страсти, что питается мечтами и видит любимый образ и в чистой синеве небес, и в звенящем лесном ручейке. Такая любовь довольствуется бескрайней сферой идеального и почти презирает активные и осязаемые проявления чувства.

Но вот настал день, назначенный доном Франсиско де Валенсуэлой для возвращения в Магуану, где он не был

уже около пяти месяцев. Эрике он взял с собой. Юноша тепло распрощался с Менсией и вице-королевской четой; горечь разлуки была смягчена надеждой на будущие поездки в Санто-Доминго, которые обещал ему новый опекун, сеньор де Валенсуэла. Спокойно и сдержанно простился он с настоятелем и монахами в монастыре святого Франсиска. И только целуя руку нежно обнимавшему его Лас Касасу, юноша утратил свое безмятежное спокойствие и слезы выступили у него на глазах. Еще больше взволновался он, прощаясь со своим верным Тамайо. Братья монахи решили во что бы то ни стало оставить его в монастыре на том странном основании, что он им очень полезен. Напрасно возражал Эрике, ворчал Тамайо и спорил Лас Касас против несправедливых притязаний святых отцов. Они настояли на своем и, поручив другому слуге отвезти вещи Эрикилью в дом Валенсуэлы, оставили у себя «касика», как называли они между собой Тамайо, притязавшего на принадлежность к знатному индейскому роду, — тцеславис; как видно, свойственно людям всех званий и положений. Лас Касас был возмущен эгоизмом благочестивых мужей и с обычной своей горячностью заявил, что их действия чужды справедливости и милосердия. Они, не смущаясь, ответили, что милосердие и справедливость — это именно и есть их дело. Пылкий лицензиат поклялся не успокаиваться, пока не отнимет у плх индейца и не вернет его Эрикилью. Тогда досточтимый настоятель Антонио де Эспиваль, вступившись за престиж и сомнительные прерогативы своего монастыря, заявил стронтивому постояльцу: «А это мы еще поглядим».

Эрике присоединился к Валенсуэле, который ждал его, уже поставив ногу в стремя, и все пустились в путь. Отныне дружба лиценциата с падре Антонио и его монахами, для которых Лас Касас всегда был бесценным советчиком в вопросах богословия и священного писания, значительно охладела. В тот же день он переехал в дом одного из своих родственников, человека добродетельного и надежного, Педро де Рейтерпа, которого обычно звал «Педро добрый», в отличие от Мохикв, которого в беседах с друзьями неизменно называл «Педро злой».

XXIII
МЕЖДОУСОБИЦА

Давнишние враги Великого мореплавателя на Эспаньоле оказывали все большее сопротивление власти его сына дона Диего. Однако первые удары противника произвели на душу молодого адмирала такое же действие, какое шпора укротителя производит на горячего коня, еще не привыкшего к жесткой узде. Мы уже слышали, как горько он жаловался в беседе с контадором Куэльяром на интриги Мигеля де Пасамонте, ставленника епископа Фонсеки; мы видели, как он в меру своих сил пытался воспрепятствовать экспедиции Охеды и Никуэсы, задуманной в результате враждебных действий его соперников, как послал он Эскивеля на Ямайку, а Диего Веласкесу поручил завоевание Кубы. Пасамонте и его пособники не упускали ни одного случая, чтобы подорвать доверие к адмиралу при дворе короля. Сначала темой их доносков являлся отказ Диего Колумба передать крепость коменданту Франсиско де Тапия, который давно был назначен на эту должность именем короля, но, не признанный губернатором Овандо, был незаконно заключен в тюрьму. Затем Пасамонте подал жалобу на несправедливость, действительно совершенную адмиралом допом Диего, который не принял во внимание выдающиеся заслуги Хуана Понсе де Леона, с величайшим трудом и искусством исследовавшего остров Сан-Хуан де Пуэрто-Рико, — и вручил управление этим островом некоему кабальеро из Эсихи по имени Хуан Серон, сделав его своим заместителем, а «главным альгвасилом назначил Мигеля Диаса, бывшего в услужении у Бартоломе Колумба».

Король снова дал приказ адмиралу сдать крепость Франсиско Тапия. Однако Диего Колумб, памятуя о королевской грамоте, даровавшей ему, так же как Овандо, право пользоваться формулой «слушаю и не повинуюсь», буде он сочтет то полезным для блага колонии, представил ко двору свои соображения и по-прежнему отказывался допустить Тапия к исполнению его должности.

Легко себе представить, как использовали противники этот поступок, истолкованный ими как неповиновение. Они

еще раз написали Фонсеке, епископу Паленсанскому, и «вскоре пришло новое распоряжение адмиралу — под страхом сурового наказания немедленно покинуть крепость и сдать ее Мигелю де Пасамонте, как временно замещающему должность коменданта».

Диего Колумб, жестоко уязвленный таким ударом по самолюбию и ущемлением его власти, был вынужден повиниться и переехать со всей семьей в дом своего родственника Франсиско де Гарай. Немедленно же, с лихорадочной поспешностью он приступил к постройке великолепного здания в готическом стиле; по сей день оно известно под названием «дом адмирала», и воды Осамы отражают его величественные и мрачные руины.

Кроме всего прочего, Диего Колумба обвиняли в том, что, производя в соответствии с высочайшей волей распределение индейцев, он разорил многих давнишних и первых слуг короля и благоприятствовал своим родственникам и сторонникам. Но поскольку речь шла о несчастных индейцах, это обвинение было принято более осторожно и менее благожелательно, чем остальные, и результаты его сказались только четыре года спустя, разумеется, не к торжеству человеколюбия и справедливости.

Что касается Понсе де Леона, вернувшегося вместе с женой и всей челядью на остров Пуэрто-Рико, то присутствие Овандо при дворе было для него, так же как и для других врагов адмирала, могучей поддержкой. Король решительно настоял на смещении с должности губернатора Хуана Серона и на назначении Понсе, лишив Диего Колумба всякой возможности сопротивляться. И хотя его высочество упорно настаивал в своих мудрых наказах новому губернатору на том, чтобы тот действовал мирно и «был добр» с заместителем адмирала и с главным альгвасилом, типеславный вассал — по существующему издревле обычаю — поиял королевский наказ в обратном смысле и, повинувшись лишь голосу своей мстительности, «нашел предлог, чтобы арестовать Хуана Серона и Мигеля Дпаса, и отправил их в Кастилию как пленников, нанеся этим еще одно оскорбление адмиралу».

К экспедиции Хуана де Эскивеля король отнесся весьма неодобрительно, подтвердив тем самым, насколько своевременным и мудрым был совет Лас Касаса, склонивший

Веласкеса отказаться от участия в экспедиции на Ямайку.

Особый шум поднимала «партия короля», как лицемерно называли себя пособники Пасамонте, вокруг имя же созданной выдумки, будто адмирал заботится лишь о собственном возвышении и хочет управлять островом независимо от кастильской короны.

Свой постыдный обман они подтверждали ссылками на сооружение дома для резиденции дона Диего, который выдавали за неприступную крепость. Неоднократно писали они об этом в Испанию, а когда на остров прибыл Амадор де Ларес — кабальеро, испытанный в военном деле, сопровождавший Гонсало де Кордова и знаменитого инженера Педро Наварро в походе против Италии, — враги адмирала сообщили ему о своих подозрениях, желая заручиться поддержкой этого сведущего человека. Амадор де Ларес был наделен характером прямым и честным. Он осмотрел постройку и, убедившись, что большое количество окон и дверей, которого требовал жаркий климат, лишь подтверждает мирное назначение здания, высмеял злобные подозрения и опозорил клеветников, послав в Кастилию свидетельство в пользу адмирала. Тем не менее Пасамонте и его приспешники пользовались малейшими промахами Диего Колумба, а тот приходил в отчаяние, видя, что стал мишенью постоянных преследований и придирок без всякой своей вины, «поскольку, — как писал историк, — он вел себя благородно и не лицемерно!»

Дон Диего возлагал немалые надежды на помощь своих родственников и друзей в Кастилии, а особенно на разум и энергию своего брата Фернандо Колумба. Увидев сразу же по прибытии на Эспаньолу, что против них готовится заговор, Фернандо предсказал адмиралу все грозившее ему неприятности и, поговорив с ним, решил как можно скорее вернуться в метрополию в качестве генерал-капитана той же эскадры, которая доставила их на остров. Это было тем более необходимо, что в то же время возвращался и командор Овандо, который, без сомнения, готовился все свое влияние обратить на помощь враждебной Колумбам партии.

Теперь Фернандо Колумб повсюду следовал за двором и, пользуясь расположением престарелого короля

Фердинанда, не раз пресекал вероломные замыслы Фопсеки и Лопе де Кончиллоса, ибо фавориты обессилевшего монарха вершили дела Индии в согласии со своими корыстными интересами, а также со злыми намерениями Пасамонте и его сообщников. Желая панести решающий удар престижу адмирала, они добились от короля создания на острове Эспаньоле высшего апелляционного суда, направленного против действий губернатора и его главных алькальдов. Этот суд был первым опытом аудиенсии в Новом Свете — учреждения, несомненно заслуживающего уважения, но возникшего вследствие пизменных соображений. Состояло оно из продажных судей, которые были назначены на этот пост лишь потому, что раньше в интересах своих покровителей служили орудием в борьбе против партии адмирала. Повятно, что Диего Колумб был возмущен, узнав о новой преграде на пути его законных стремлений.

Жестокие неудачи привели к тому, что новый вице-король стал более осторожен в своих действиях. Хотя, пользуясь влиянием своих друзей при дворе, он продолжал упорно отстаивать перед королем неприкосновенность своих прерогатив, теперь он без предварительных размышлений не предпринимал ни одного важного шага.

Все эти сложные обстоятельства еще больше утвердили вице-короля в его намерении удержать Диего Веласкеса вдали от столицы колонии и тем самым оградить душевный покой и хрупкое здоровье Марии де Куэльяр. Напрасно наместник губернатора в западных провинциях, нетерпеливый, как все влюбленные, обращался к адмиралу с просьбами разрешить ему вернуться в Санто-Доминго. Диего Колумб неизменно отвечал, что собственное его политическое положение весьма неустойчиво и требует большой обдуманности и осторожности действий. Поэтому Диего Веласкесу надлежит поддерживать порядок и мудрое правление в своих областях, пока он, Диего Колумб, старается предотвратить возможные неприятности и восстановить свое положение, с тем чтобы впоследствии подготовить экспедицию на Кубу. Таким образом он держал своего наместника вдали от столицы еще долгое время, в течение которого произошли новые события, требующие своего места на этих страницах.

XXIV
ПОСВЯЩЕНИЕ В САИ

Много лет лицензиат дои Бартоломе Лас Касас готовился принять священный саи. Занятия в Саламанкском университете, острый наблюдательный ум и выдающиеся способности сделали Лас Касаса одним из самых образованных людей его времени, искусственным не только в богословии, но и в литературе и во всех областях человеческих знаний. То ли из скромности, то ли из-за смутного предчувствия, что его решительный независимый характер с трудом будет мяться с церковной дисциплиной и повлечет его в непрестанную борьбу и жестокие тревожения, лицензиат под всякими предлогами оттягивал свое посвящение.

Но вот, весной 1510 года настал наконец час, когда Бартоломе Лас Касас, — почувствовав, что его душа, охваченная порывом благочестия и человеколюбия, как бы сливается с чистой хвалой, какую возносит к небесам вся цветущая и благоухающая в это блаженное время природа, — положил конец своим сомнениям и решил, что важнейшее событие в его жизни — посвящение в духовный саи — произойдет через несколько недель. Этот срок был ему необходим, чтобы уладить свои дела и совершить переезд в город Консепсьон де ла Вега. О своем решении он уведомил Диего Колумба, обещавшего присутствовать на его первой мессе.

Адмирал и Лас Касас уговаривались, что последний отправится через несколько дней в Консепсьон де ла Вега, где находилась резиденция епископа доктора Педро Хуареса Десы, одного из трех прелатов, получивших епархию на острове Эспаньоле, но единственного, кто принял свой епископат и ведал им уже несколько лет. Там должно было произойти посвящение лиценциата Лас Касаса. Тем временем адмирал с супругой подготовятся к путешествию и приедут в Вегу, чтобы присутствовать на торжестве Новой мессы, которая не только отметит такое достойное внимания событие, как принятие духовного саиа, но и будет первой Новой мессой на острове Эспаньоле, а точнее говоря, в Новом Свете. Вице-король с супругой, пренебрегая тяготами пути, охотно воспользовались этим случаем, чтобы выполнить долг благочестия и одновре-

можно посетить и осмотреть золотоплавильню и другие достопримечательности внутренней провинции. Особенно привлекал их знаменитый город, основанный Великим мореплавателем и первым адмиралом Западных Индий у подножия Санта-Серро во славу непорочной девы Марии.

Рано утром в назначенный день лицензиат выехал из Санта-Доминго в сопровождении друзей и слуг. Погода была чудесная, кругом расстилались живописные, чарующие глаз просторы. Лас Касас, обладая тонкой чувствительностью, любил все прекрасное, его душа отдавалась божественному восторгу, созерцая богатство разнообразных зеленых топов, которыми украсила щедрая природа плодоносную и истерзанную землю Эспаньолы.

Словно ребенок, застывал он в восхищении то перед величественными отрогами дальних гор, то перед долиной, раскинувшейся у подножия гордой скалы, до самых туч вздымающей свою поросшую могучими соснами вершину. Бурный поток, несущийся по камням, орошал сверкающими брызгами зеленые берега; полноводная

река в широком русле из белого песка и черной гальки; нековой мамей с мощным раздвоенным стволом, похожий на готический алтарь; бескрайняя папорама, открывшаяся с вершины горы, — все приводило в восторг впечатлительного путешественника, и он красноречиво выражал свое восхищение, стремясь приобщить к нему спутников. Но те, липящие воображения или чувства прекрасного, холодно взирали на волшебные картины, волнующие лиценциата, либо переглядывались с насмешливой улыбкой. Иногда они даже смеялись в лицо восторженному оратору, и он умолкал, с сожалением думая об их тупости и вспоминая изречение из священного писания: «Имеется глаза, но не видите, имеется уши, но не слышите».

Однажды Лас Касае жестоко подшутил над спутниками, с таким пренебрежительным равнодушием относившимися к его благоговению перед красотой природы.

Маленький караван остановился на отдых на берегу чудесной реки, и каждый стал располагаться по своему вкусу. Лас Касас подошел к реке, чтобы папнутья и, захватив со дна горсть гальки, громко воскликнул:

— Золото! Смотрите, друзья, вот так находка!

Нужно было видеть, с какой жадностью, с каким волнением бросились все рассматривать драгоценную гальку, которая в конце концов оказалась обыкновенными речными камешками. А Лас Касас, швырнув ее обратно в ручей, сказал с насмешкой:

— Вы правы, друзья. Из всего, что создал господь на потребу человеку, нет ничего прекраснее, полезнее и долговечнее золота.

Путешественники переглянулись, не зная, что сказать и подумать об этом неожиданном уроке.

Через три дня они прибыли в Консепсьон де ла Вега. В это время года со всех концов острова, отовсюду, где только имелись рудники, стекались сюда колописты, чтобы переплавить свое золото и поставить на слитках предписанное законом коронное клеймо. Вот почему в Веге царило не меньшее оживление, чем в столице. В эти дни здесь открывалась ярмарка, и из самых глухих углов съезжались жители, привозившие на продажу скот и всякие товары. На празднично оживленных главных улицах шовал народ; тут звучали кастаньеты и бубны, там стучали молотки и шаркали телеа; полыхал огонь в кузнечных горнах, выкликали свой товар бродячие торговцы; из общего смешанного гула выделялись то звуки песни, то собачий лай. Путник, который, пройдя обширные безлюдные саванны, перешел через высокие пустынные горы, первый раз попал в Консепсьон, замирая в изумлении перед этой суетой и движением, чувствовал себя затерянным в безбрежном бурном море людей и животных. Так случилось с Лас Касасом и его людьми. Они с интересом озирались по сторонам, по торопясь в отведенное им жилье. Вокруг них, по всем направлениям шовали пешеходы, одни — поглощенные делами, другие — в поисках развлечений. Никто не обращал внимания на вновь прибывших, и без них слишком много здесь было приезжих колопистов и рудокопов.

Лицензиат вскоре пришел в себя и вместе со своими провожатыми и спутниками направился по главной улице к большой соборной площади. Они спешили у дверей

величественного белого здания. На его фасаде красовался высеченный из камня родовой герб епископа дона Педро Десы в сочетании с символическими ключами и палской тиарой.

Прелат сразу принял Лас Касаса. Радушно и приветливо он пригласил гостя поселиться в своем доме. Его дружескому расположению к лиценциату способствовала также рекомендация адмирала, которую привез с собой будущий священник.

Друзья, сопровождавшие Лас Касаса, разместились кто по францисканском монастыре, кто в частных домах. С этого дня рехидоры городского совета занялись подготовкой роскошного помещения для адмирала и его супруги, а также для дам и кавалеров свиты, которые, как гласил письма, привезенные Лас Касасом, вскоре должны были прибыть в город.

XXV ВЕСТНИК

Не прошло и получаса после приезда лиценциата, как ему доложили, что его хочет видеть какой-то кабальеро, который привез ему сообщение от близкого друга.

Перед Лас Касасом появился молодой красавец, на вид лет двадцати, выше среднего роста, стройный, белокурый, с голубыми глазами. Правда, в глазах этих порой проскальзывало что-то жестокое и злое, но юноша тут же менял выражение лица, стараясь придать ему приветливость и мягкость. Это невольно внушало мысль, что основной чертой его характера было коварство. Костюм для верховой езды, в который был одет посетитель, отличался изысканной небрежностью: сапоги из желтой замши, потертые панталоны, камзол серого бархата, схваченный широким черным кожаным поясом, на котором висела великолепная толедская шпага с рукоятью и ножнами, сверкавшими серебром. В левой руке он держал виндную широкополую шляпу с пышным белоснежным плюмажем. Одним словом, одежда и осанка юноши были отмечены особым достоинством, всегда сопутствующим знатности и богатству. Все в нем должно было нравиться, и, однако же, он производил неприятное впечатление, вызывая почти непреодолимое отвращение, словно предупреждавшее о какой-то непонятной или скрытой опасности.

Лас Касас тем не менее очень обрадовался при виде молодого кавальеро и приветливо протянул ему руку:

— Вы здесь, Андресильо? Какими судьбами? Мой друг дон Франсиско ничего не сообщал мне о вашем приезде, хотя я давно написал ему, что собираюсь в Вегу.

— Но именно поэтому, сеньор Бартоломе, — несколько сухо ответил Андресильо, — отцу и вздумалось прислать меня сюда. Он хотел, чтобы я от его имени поздравил вас с посвящением и передал вам его сожаления, что он не может приехать лично, так как занят бесконечными спорами с сеньором Мохикой.

— Я предчувствовал, что его ждут неприятные объяснения, и потому не решился написать, какой радостью было бы для меня его присутствие на моей первой мессе. Но здесь вы, Андрес, и сердце мое готово видеть в вашем лице моего дорогого и уважаемого друга. А теперь расскажите мне об Эприкильо, юном касике, которого я рекомендовал вашему отцу.

— О сеньор! — ответил Андрес Валенсуэла (читатель, должно быть, уже догадался, что юноша этот был сыном донна Франсиско, самого богатого колониста области Ла Магуава). — Эприкильо — это истинное сокровище. С тех пор как он прибыл в Сан-Хуан, он проявляет столько усердия, так старается повдаться моему отцу и научиться управлять имением, что я вскоре буду освобожден от всех забот, которые лежали на мне много месяцев во время отсутствия донна Франсиско. А отец любит Эприкильо почти так же, как меня, и хочет, чтобы я тоже любил его и относился к нему как к брату, раз уж другого у меня нет. Впрочем, Эприкильо и вправду заслуживает любви.

Услыхав эти слова, Лас Касас просиял от радости и нежно обнял юношу.

— Вижу, что вы достойный сын благородного донна Франсиско, — сказал он. — Всегда питайте столь же добрые чувства и будьте счастливы. Где вы остановились?

— Недалеко отсюда, в доме нашего родственника, арендующего рудники.

— Всегда буду рад вас видеть. Подумайте, не могу ли я быть вам полезен, Андрес.

— Благодарствуйте, лиценциат, мне ничего не нужно. Всегда к вашим услугам.

И юноша удалился.

— Он лучше, чем думали мы с его отцом, — произнес Лас Касас, оставшись один. — Недаром я всегда удивлялся, как мог вырасти дурной плод от такого прекрасного дерева, как дон Франсиско. А когда он делился со мной тревогой, какую внушали ему дурные наклонности и пороки сына, я старался успокоить его, уверяя, что все это с возрастом пройдет. Однако сам я в глубине души считал, что дон Франсиско беспокоится и огорчается не напрасно. Теперь же я увидел, что все это преувеличения, продиктованные отцовской любовью, и что юпоша от природы добр. Попробую познакомиться с ним поближе и укрепить его в святой вере, быть может, с этой тайной целью и послал его сюда достойный отец.

XXVI

ПАМЯТНАЯ МЕССА

В течение десяти или двенадцати дней со всех концов острова в Консепсьон непрерывным потоком прибывали новые путешественники. Одними руководили дружественные чувства к Лас Касасу, других привлекала необычная церемония Новой мессы, которая к тому же была первой в Новом Свете, многим необходимо было воспользоваться временем, когда плавили и клеймили добытое в рудниках золото, — но никогда ни в одном месте Эспаньола, со дня ее открытия, не собиралось столько народу, как собралось теперь в Веге.

Диего Веласкес не отстал от других. Во имя своей старинной дружбы с Лас Касасом он испросил у адмирала разрешения покинуть на время свой пост и примчался в Вегу, надеясь увидеть свою парченную в свите вице-королевы. Но эта радостная надежда рассеялась, оставив лишь горькую печаль, в тот день, когда под веселый перезвон колоколов и гром пушечных залпов состоялся необычайно торжественный въезд вице-короля и его супруги в украшенный триумфальными арками, яркими полотнищами и гирляндами цветов любимый город Колумба.

Веласкес в тревоге разыскивал свою невесту и, найдя ее, принялся расспрашивать первого, кто попался ему из свиты вице-короля. И тут он узнал, что Мария де

Куэльяр, сраженная неизвестным педугом, который лишил бедняжку последних сил и розы на ее щеках превратил в бледные лилии, оказалась не в состоянии предпринять такое тяжелое путешествие. Эту печальную новость подтвердил сам адмирал, едва лишь расположился в приготовленной ему резиденции.

— А Грихальва? — спросил Веласкес, боясь, что соперник вернулся в Санто-Доминго.

— Я получил известие о нем, — отвечал Диего Колумб. — Говорят, он только и думает что о войне с индейцами в горах Ямайки и мечтает подчинить себе этих дикарей. Он настолько увлечен своим делом, что и не помышляет о возвращении.

— Вы разрешите сопроводить вас в Санто-Доминго? — умоляющим тоном спросил Веласкес.

— По ведь время, назначенное для вашей свадьбы, еще не наступило, — возразил адмирал, — а педуг вашей певесты настолько серьезен, что врачи советуют избегать всяких волнений. Будьте же терпеливы, дон Диего.

И этими словами адмирал положил конец шкотливому разговору. Веласкес покорно умолк, а дон Диего тут же ловко вовлек его в обсуждение предполагаемой экспедиции на Кубу.

По мнению правителя области Харагуа, все необходимые приготовления были закончены и через две недели после получения приказа корабли могут направиться в бухту Сан-Николас, чтобы принять на борт людей, лошадей, снаряжение и продовольствие, которые понадобятся для завоевания и колонизации Кубы. Диего Колумб задал Веласкесу множество вопросов, расспрашивая о мельчайших подробностях подготовки, и с каждым ответом все больше убеждался в опытности и предусмотрительности своего заместника. Однако адмирал счел пужным обсудить все вопросы еще раз и отложил решение до того дня, когда посвящение Лас Касаса будет совершено и этот мудрый советчик сможет принять участие в мирских делах.

Через три дня после прибытия вице-королевской четы в Консепсьон лицензиат Лас Касас без всяких пышных церемоний принял духовный сан в часовне епископа. Зато в ближайшее воскресенье в городском соборе с величайшей торжественностью отслужили Новую мессу. На ней присутствовали сам прелат и вице-король с супругой, поскольку дон Диего Колумб был воспринем-

ником нового священника. Стечение народа было огромно, церемония сопровождалась пышными празднествами, все — и жители города и гости, приехавшие издалека, — наперебой старались достойно отметить великое событие, первую Новую мессу. В этот день новый священник получил несметное количество дорогих подношений, главным образом изделия из золота различной формы и чеканки, отлитые на королевской литейше; все это Лас Касае великодушно передал своему восприемнику, оставив себе на память только несколько особо искусно и затейливо сделанных безделушек. Историки отмечают одно исключительное обстоятельство: во время этой мессы не оказалось вина для причастия. Задержался привоз из Кастилии, и на всем острове нельзя было найти ни одной капли. Так пожелало провидение отметить торжественный акт, которым укрепил свое призвание к добродетели и самопожертвованию один из людей, навеки заслуживших всеобщее преклонение и любовь.

Почем знать? Быть может, наивное благочестие было право, приписывая таинственное значение этому неожиданному отсутствию вина, символизирующего кровь невинного агнца, в тот день, когда давала обет перед престолом предвечного эта чистая милосердная душа, в ужасе содрогавшаяся перед жестокостями конквисты.

На первой Новой мессе, отслуженной в Новом Свете, не было вина — символического напоминания о человеческой жестокости, — и над головой посвященного была поднята только чистая гостия, вечное свидетельство любви к страждущему человечеству. Славой своей город обязан и этому примечательному эпизоду, и тому, что основал его сам Христофор Колумб. Не один из богатейших городов Америки может позавидовать заброшенным руинам некогда знаменитой Консепсьон де ла Вега.

XXVII

СОТРУДНИЧЕСТВО

Больше трех месяцев пробыли вице-король и вице-королева в Веге после Новой мессы Лас Касае. Это время они посвятили отчасти делам правления и знакомству с плавленными и рудниками Рио-Верде, отчасти тем докуч-

ным заботам, которых требует осуществление почти абсолютной власти. Однако все это не мешало им с восхищением созерцать красоты нового для них волшебного края, чудесной земли, которую восторженный Лас Касае, так же как великий Колумб, уподоблял Елисейским полям, описывая самыми поэтическими словами, какие только подсказывало ему его пылкое воображение, «великую благословенную Вега-Реаль, для восхваления и описания которой, боюсь, не хватит у меня ни краспоречия, ни жара души... Долину эту образуют и окружают ее на всем протяжении две высокие, лесистые, необычайной красоты горные цепи, замыкающие ее со всех сторон; их склоны и высочайшие вершины покрыты пышной растительностью, полны свежести и радуют взор... С любого места двух возвышающихся, словно могучие плечи, горных кряжей, на двадцать, тридцать, а для иного зоркого глаза и на сорок лг открывается вид, подобный бескрайнему океану. Думаю, что другого столь чарующего и приятного вида, который так укреплял и улаживал бы радостью и весельем душу, нельзя найти или вообразить себе на земном шаре, ибо вся эта просторная, широко раскинувшаяся долина ровна, словно ладонь, вся она поросла травой неопикуемой красоты и по благоуханию своему отличной от трав Испании. На расстojании одной или двух лг друг от друга ее пересекают прелестные ручьи, а по краям каждого из них на обоих берегах растут ряды или полосы вечнозеленых деревьев, так хорошо расположенных, будто посажены они рукой человека, и занимающих с каждой стороны пространство шириной в пятнадцать или двадцать шагов. Все цветет и зеленеет в этой долине и на всем острове, как цветут и зеленеют поля и деревья в Испании в апреле или мае. И тут, ощутив свежесть легкого ветерка, услышав ропот стремительно бегущих рек и ручьев, охватив взором ясные воды и зелень трав и деревьев, увидав с высоты всю необъятную долину, кто не признает, что нет ничего равного удовольствию, усладе, радости и утешению, какие дарит человеку это зрелище. Истинно говорю, что много раз — больше, чем могу я описать, — взирал я на долину с господствующих над ней горных вершин и, созерцая ее петоропливым оком, всякий раз видел ее заново, и восхищался и диковал, словно впервые впдел и созерцал ее. Нет для меня сомнения, что каждый чело-

век, — будь то любознательный философ или благочестивый христианин, — который доподлинно рассмотрит красоту, приятность, прелесть и расположение этой долины, не напрасно совершит путь из Кастилии сюда затем только, чтобы увидеть ее: философ увидит и оценит столь примечательное явление и создание прекрасной природы, христианин — восславит благодать и могущество бога, создавшего в нашем видимом мире столь достойное, прекрасное и улаждающее взор творение, дабы люди могли проводить здесь быстротекущие дни своей жизни. Совершая эту красоту, человек постигнет, что таковы повидимые небесные чертоги, уготованные тем, кто хранит веру в господа и выполняет волю его, и в этом почерпнет он новые силы для восхваления создателя. Порой и думаю о том, что если древние по неведению полагали место пребывания Елисейских полей на Канарских островах и, считая их подобием селений, уготованных тем блаженным, кто вел на земле добродетельную жизнь, в специальном *secutado justicia* называли их Счастливыми островами, если Серторий, великий римский полководец, хотя и выступивший против Рима, прослышав о них, именно там пожелал жить на покое и отдыхать от трудов, наслаждаясь умеренным климатом, — то что почувствовали бы и что написали бы древние, узрев этот благословенный остров, где есть тысяча уголков, каждый из которых отличается по своей мягкости, приветливости, плодородию, теплоте и прелести от прекраснейшего из Канарских островов, как золото отличается от железа и, смею утверждать, даже более того. Не могли бы они с большим основанием поместить Елисейские поля, а Серторий — свой желанный край в этой долине, лучшем месте, какое только можно вообразить во всех Индиях, и думаю, что во всей вселенной».

В эти дни по приглашению Диего Колумба в Консенсьон де ла Вега прибыли первые монахи ордена доминиканцев, отправившиеся из Испании в Новый Свет.

Руководил и управлял ими доблестный и благочестивый брат Педро де Кордова, блиставший всеми физическими и нравственными совершенствами, которые редко сочетаются в одной личности. Потомок знатного рода, он с самой ранней юности посвятил себя наукам и монашеским трудам, во всем проявляя обуревавший его дух ревностной веры и милосердия. Он отказался от всех благ

мирских ради нищеты и лишения монастырской жизни и двадцати восьми лет от роду пересек моря и океаны, чтобы основать первый оплот своего ордена на Эспаньоле.

Не застав Диего Колумба в столице, монахи решили последовать за ним в Консепсьон, а до своего отъезда приютились у одного достойного жителя Санто-Доминго по имени Педро де Лумбрерас, отклонив, во исполнение заветов и повелений всевышнего, гостеприимство, которым хотели почтить их колониальные власти. Монахи жили подавнием, которое принимали от частных лиц, и ревнили, обрекая себя тем самым на жестокие лишения, пешком отправиться в Вега-Реаль, чтобы обсудить с адмиралом, каким образом могут они выполнить свою миссию и основать на Эспаньоле доминиканский монастырь.

Вице-король принял монахов с подобающим почтением, и вскоре они завоевали всеобщую любовь своим благочестием и выдающимися достоинствами. Лас Касас проникся горячей симпатией к брату Педро, который отвечал ему тем же. Дружба эта окрепла в дальнейших испытаниях, которым не раз подвергались два достойных мужа, вместе ступившие на путь самоотречения во имя справедливости и добра.

Тем временем, переплавив свое золото и поставив клеймо на слитках, владельцы рудников и колонисты один за другим покидали Консепсьон и разъезжались по своим домам и поместьям. Диего Веласкес, глубоко опечаленный отказом адмирала на его просьбу о возвращении в Санто-Доминго, отправился во вверенные ему области вместе с молодым Валенсуэлой, с которым ему было по пути до Ла Магуаны. Брат Педро де Кордова и находившиеся под его началом монахи, выслушав добрые напутствия Диего Колумба, уступились в обратный путь к столице колонии и по прибытии туда со всем рвением и энергией принялись за основание своего монастыря. Лас Касас вернулся в Санто-Доминго вместе с доминиканцами. Он призвал к ним на помощь всех знакомых ему местных жителей и своими неустанными трудами сделал столько же, если не больше, чем все ревностные члены общины, хотя сам и не принадлежал к ней.

Адмирал и его супруга пожелали продолжить свое пребывание в Вега. Тут правление их было более твердым и свободным, чем в столице, где проскл Пасамонте и его сторонников изо дня в день приносили им новые не-

приятности и затруднения. Однако по истечении трех месяцев они вынуждены были проститься с этим волшебным краем и отправиться в город на реке Осаме, куда их властно призывало выполнение священных обязанностей.

XXVIII ПРИЗНАНИЕ

Однажды ясным и тихим сентябрьским утром, незадолго до возвращения вице-короля, падре Лас Касас вошел в собор города Санто-Доминго. В ожидании часа утренней мессы он направился в исповедальную, следуя обычаю, впрямую им после посвящения. Едва он расположился на своем месте, как к нему медленно приблизилась какая-то стройная женщина и опустилась на колени. Одетая она была скромно, во все черное, но держалась с достоинством. Из-под маленькой черной топки спускалась густая черная вуаль, закрывающая ей лицо и грудь. Вместо того чтобы начать с принятых перед исповедью молитв, незнакомка обратилась к священнику со следующими словами:

— Падре Касас, хотите ли вы утешить несчастную?

— Можете ли вы сомневаться в этом, дочь моя?

— Тогда окажите мне милость, выслушайте от меня не исповедь, а признание, которое должна я сделать, и дайте мне совет, как следует мне поступить.

Незнакомка умолкла, как бы собираясь с мыслями. Затем она снова заговорила взволнованным прерывающимся голосом:

— Я любила одного человека любовью невинной, как любовь ангелов, поощряя свои несомненные у престола всевышнего... Отец принуждает меня выйти замуж за другого, и я принесу себя в жертву как покорная дочь. Но я знаю, что умру... нет, я неверно выразилась: я уже чувствую, как холод смерти охватывает все мое существо...

Эта уверенность служит мне утешением, она даст мне силы встретиться лицом к лицу мою злую судьбу; но знаю только, не оскорблю ли я бога своею смертью. Скажите мне вы, падре Касас, не дурно ли то, что я испытываю

отвращение к жизни? Должна ли я позволить повести себя к брачному ложу, которое вскоре обратится для меня смертным одром...

— Вы поступаете хорошо, дочь моя, повинаясь воле отца; но вы поступите очень дурно, если не покоритесь своей судьбе и придете к концу своей жизни по пути отчаяния.

— Это не так, отец мой. Я всему покорилась, но у меня не хватит сил быть супругой Диего Веласкеса и знать, что сердце Грихальвы разбито, сердце, которое принадлежало мне!

— Так, значит, вы Мария де Куэльяр! — воскликнул пораженный Лас Касас.

— Да, падре, я — эта несчастная! Если бы я могла надеяться, что в тот недалекий уже день, когда паду и под тяжестью моего горя и глаза мои закроются для земного света, Грихальва сможет убедиться, что он был, есть и будет единственной моей любовью, я была бы спокойнее, ибо знала бы, что эта уверенность укрепит его дух и послужит ему утешением в несчастье... Но я совершила бы грех, если бы дала ему это утешение, пока я жива и номоявлена с другим...

— Без всякого сомнения, Мария! — с живостью прервал ее Лас Касас. — Вы не должны даже думать об этом!

— О небо! — воскликнула девушка в отчаянии. — Но я знаю, он очень несчастен! Всякий раз, как я перечитываю его прощальное письмо (а я перечитывала эти строки сотни раз), меня спадает раскаяние в том, что я убила его счастье и надежду, меня терзает страх, что он утратит веру в доброту бога и упадет в отчаяние. Но сомневайтесь в этом, падре: если я умру и не завещаю ему жить и покориться судьбе, душа его погибнет. А я хочу, чтобы душа его спаслась и перед лицом бога соединилась с моей.

— Что же хотите вы сделать? — спросил глубоко тронутый Лас Касас.

— Возьмите, падре, — твердым голосом произнесла девушка. — Сохраните это письмо, сломайте печать, если хотите, и прочитайте его, — вы увидите, противно ли религии то, что станет достоянием Грихальвы, когда несчастная Мария окончат свои дни.

Произнеся эти слова, Мария де Куэльяр вручила священнику шитый золотом черный шелковый кошелек, в

котором хранилось ее послание. Она писала его в роковой день отъезда Грихальвы.

— Хорошо, — сказал Лас Касас, — я внимательно прочту ваше письмо, и, если его содержание отвечает ангельской чистоте ваших речей, Мария, я торжественно заверю вас, здесь, перед лицом господя, что в нужный час Хуан де Грихальва получит его. И если сбудется ваше печальное предчувствие, если призовет господь вашу чистую душу, идите спокойно, дочь моя, ибо я беру на себя долг передать Грихальве вашу волю. Верьте, он будет постоянен в добродетели и достоин вознестись в назначенный день к небесным высотам, где уготована вечная награда тем, кто в земной юдоли страдал от жестокости и несправедливости людей.

Мария де Куальяр с благодарностью поцеловала у священника руку и медленно отошла от исповедалини.

XXIX

ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Вернувшись в Санто-Доминго, вице-король и вице-королева увидели, что интриги Пасамонте и его приспешников приняли небывалые размеры. Едва отдохнув после тяжелого путешествия, Диего Колумб был вынужден целиком отдался борьбе с врагами, которые шли на все, чтобы подорвать доверие к нему в Испании.

Тесть доня Диего, командор королевства Леон, и его брат Фернандо писали тревожные письма и предупреждали губернатора, что только благодаря их влиянию и настойчивости удастся смягчать в душе короля впечатление от бесконечных лживых доносов и клеветнических наветов, которые потоком льются сюда с Эспаньолы. Желая рассеять зловещие тучи, которые ступали над его головой, Диего Колумб решил послать ко двору своего дядю доня Бартоломе, поручив ему поднести королю подарки и представить соответствующие оправдания.

Всем своим друзьям на острове дон Диего разослал письма с просьбой помочь ему отстоять свои интересы в Испании. «Подумайте о том, — писал он, — что мои враги многочисленны и деятельны, они все пускают в ход,

чтобы повредить мне в глазах короля. Все, кто подобно Фосеке и Коичильосу лишились богатой поживы, — после того как я отнял у них индейцев, которыми они пользовались так бессовестно, — не жалеют ни ложных доносов, ни клеветы, чтобы очернить и погубить меня».

Адмирал убеждал друзей не покидать его в беде, предсказывая, что ежели противники одержат победу, то тяжкие времена наступят для всех, кто заслужил благоволение и дружбу Колумбов. В заключение доп Диего писал о скором отъезде его дяди, допа Бартоломе, в Испанию и советовал своим сторонникам своевременно вручить ему письма, а также всякие ценные или редкостные предметы, которые сочтут они достойными для подношения королю.

Диего Веласкес и доп Франсиско де Валенсуэла одни из первых откликнулись на призыв своего правителя и друга. Оба прислали все, что нашли под рукой ценного или запятого: золотые самородки, индейские каменные идолы и другие редкости областей Банпоа и Ла Магуаны. Кроме того, Валенсуэла прислал подарок, который очень обрадовал Диего Колумба, не без оснований предполагавшего, что такой дар особенно придется по душе королю. То были двенадцать соколов, которых поймал и приручил Эрикильо. Отвезти подарок адмиралу был послан молодой Валенсуэла, а папс касик, к великому его удовольствию, сопровождал посланца, чтобы следить в дороге за драгоценными птицами и показать Диего Колумбу свое искусство в соколиной охоте. Оба отправились в Санто-Доминго, взяв с собой слуг и необходимое снаряжение.

Эрикильо, так же как его спутник Валенсуэла, был милостиво принят вице-королем. Он с радостью обнял Менено, которая, к слову сказать, во время пребывания своей покровительницы в Веге была поручена заботам семьи Куэльяр. Диего Колумб расспросил юного касика о его жизни в Ла Магуане и о том, как удалось ему изловить и приручить непокорных хищных птиц. Эрикильо, отвечая адмиралу, держался скромно, но совершенно непринужденно.

— Сеньор, — сказал он, — я постарался устроить свою жизнь так, как учили меня добрые отцы в монастыре Вера-Нас и как советовал мой любимый благодетель, сеньор Лас Касас. Все он говорил, что праздность —

мать всех пороков, и приучили меня каждый час посвящать полезным заботам. Кроме того, заботы, возложенные на меня в Ла Магуане сеньором Вальесуэлой, согласуются с моими склонностями и желаниями и кажутся мне скорее развлечением, чем трудом. Я поднимаюсь с рассветом, сажусь на коня и быстрой рысью пересекаю всю равнину, сверкающую каплями почной росы. Я объезжаю стада, осматриваю коррали и овчарни и указываю пастухам на их недосмотры и промахи. Возвращаюсь я домой, когда солнце уже высоко, и завтракаю вместе с хоневанги, которые так добры, что всегда дожидаются меня. В час обеда, пока они отдыхают, я купаюсь и плаваю в ближайшей реке, а вернувшись домой, пишу счета или письма, которые диктует мне сеньор дон Франсиско Вальесуэла. Вечером я снова объезжаю имение, слежу за полевыми работами, проверяю, нет ли каких нехваток у приписанных к поместью индейцев, забочусь об удовлетворении их нужд, о лечении больных. Мой хозяин этим очень доволен, потому что к нам, индейцам, он относится как к своим детям. Если останется у меня время, по вечерам я читаю какое-нибудь богословское или историческое сочинение, а на ночь молюсь вместе со всеми домохозяевами. Такова моя жизнь, сеньор, и в ней редко происходит какие-нибудь изменения. Говоря по правде, лучшего положения я и не прошу у бога и благодарю его за оказанную мне милость.

— А соколы? — повторил Диего Колумб. — Как ты их ловишь?

— Этим я занимаюсь по воскресеньям и праздничным дням, сеньор адмирал. Ортис, оруженосец моего крестного отца дона Диего, обучил меня охоте на соколов. От него научился я ставить хитрые силки, подстергать птиц в горных гнездах и, когда они уже начинают летать, оглушать их тупыми стрелами. Потом я без труда приручаю их, кормя из своих рук бабочками и другими насекомыми. Во время жары я их купаю, обращаюсь с ними ласково, и вскоре они уже перестают бояться и идут ко мне в руки. Когда они покидают гнездо, я перестаю давать им пищу, чтобы они научились сами добывать ее, и жду, пока они станут совершенно ручными. Только тогда я выпускаю их на других птиц. И будь то горлица, спрятавшаяся в древесной листве, маленькая иташка, порхающая над самой землей, или стриж, летящий в небесах, —

мой сокол стремительно бросается на добычу и приносит ее к моим погам.

— Не мог бы ты сейчас проделать такой опыт? — спросил Диего Колумб.

— Сколько вам будет угодно, сеньор, — просто ответил Эприкильо.

— Тогда за дело! — воскликнул адмирал.

Он позвал свою супругу, и все они в сопровождении Менсии и других дам вышли на террасу.

Слуги вынесли клетки, в которых сидели соколы.

Множество белых и серых чаек летали неподалеку, чертя крылом шумные воды Осамы, а в вышине над крышами зданий парили шаловливые ласточки, описывая в прозрачном воздухе причудливые фигуры.

Вечер был чудесный: голубое небо сияло в лучах заходящего солнца.

Эприкильо выбрал одного из своих соколов: то была красивая гордая птица с горящими глазами, крупной головой и хищным клювом; черные и красные перья на крыльях, испещренное белыми пятнами бурое оперенье спины, пепельно-серая, выступающая вперед грудь и крепкие, словно сталь, когти на покрытых белыми перьями сильных ногах дополняли гордый и высокомерный облик птицы, походившей на маленького орла.

Юный касик взял сокола и посадил к себе на сжатую в кулак левую руку. Затем он спросил у адмирала:

— Что вам угодно, чайку или ласточку?

— Напусти его сперва на чайку, — рыбы, наверно, будут нам благодарны, — сказал дон Диего.

Эприке сделал резкое повелительное движение правой рукой по направлению к стае чаек, и смысленный сокол ринулся прямо на них, схватил одну чайку и принес ее касику; на все это потребовалось меньше времени, чем Эприкильо для описания охоты. Чайка жалобно пищала, и охотник, освободив птицу из когтей сокола, передал ее адмиралу.

Адмирал рассыпался в похвалах и вручил пленницу своей супруге.

— Ну что ж, а теперь попробуй ласточку, — сказал он молодому охотнику, который поглаживал правой рукой сокола, снова спокойно усевшегося на указательном пальце его левой руки.

Эприке легким движением пасторожил птицу, а затем бросил ее вверх по направлению к ласточкам, и тут же одну из них постигла печальная участь плененной чайки.

— Молодец, Эврикильо! — воскликнул Диего Колумб. — Ты великий охотник. Я не оставляю тебя при себе, ибо хочу, чтобы ты изловил как можно больше таких превосходных соколов и обучил их так же искусно. Они пужны мне и для моей охоты, и для того, чтобы послать их в Испанию. Я уверен, что, увидев гордых птиц, его высочество король станет больше ценить свои прекрасные заморские владения.

XXX

РАССКАЗЫ О ПРИВИДЕНИЯХ

Прислушиваясь к словам адмирала, Эприке освободил из когтей сокола плененную ласточку и подал ее своей кухне, которая во все время охоты не сводила восхищенного взора с юного касика. Она протянула руку и взяла измученную птичку.

Но тут к ней подбежала красная девушка из свиты вице-королевы и, вырвав ласточку из рук девочки, отпустила пленницу на волю.

Донья Мария с удивлением посмотрела на девушку.

— Зачем ты это сделала, Эльвира? — спросила она с упреком.

— Чтобы избежать несчастья, сеньора, — ответила девушка. — Вы ведь знаете, что Менсия помолвлена с Эприкильо, и было бы дурным предзнаменованием, если бы он подарил ей ласточку, побывавшую в когтях у сокола.

— Опять твои суеверия, Эльвира! — заметила вице-королева. — А все — воспитание кормилицы-мориски.

— Ах, сеньора! — возразила Эльвира с глубоким убеждением в своей правоте. — Сколько случаев я видела собственными глазами за двадцать лет моей жизни, и все они подтверждали рассказы моей доброй кормилицы.

— Рассказы о привидениях и ведьмах? — с улыбкой допытывалась вице-королева.

— Да, сеньора, — твердо ответила девушка. — Не знаю, как вы можете смеяться над привидениями после того, что произошло в Старой Изабелле.

— А что же там произошло? Тебя все знают, вот и приносит тебе разные глупые сказки. Ко мне-то не смеют приходиться с ними: всем известно, что я верю только в то, во что должно верить, а не в рассказы и выдумки бездельников.

— Выдумки! Не называйте так то, что случилось в Изабелле: когда вы услышите эту историю, у вас волосы встанут дыбом.

— Завтра во время спесты ты мне расскажешь ее, Эльвира, или сегодня на ночь.

— Кто же рассказывает такие вещи на ночь, сеньора? Да я умру со страху. Лучше уж я расскажу сейчас.

Женщины уселись кружком подле Эльвиры. Диего Колумб в задумчивости прислушивался к их болтовне, а Эприке, усадив в клетку сокола, устроился рядом с Менсией на скамье у перил террасы.

— Всем вам известно, — начала свой рассказ Эльвира, — что от Изабеллы — первого города, основанного сеньором адмиралом Христофором Колумбом, упокой бог его душу, — остались лишь разрушенные, поросшие плесенью стены; словно хищные птицы когтями, цепляются за них своими глубокими корнями могучие зеленые копен.

Картина мрачного запустения печалит душу и навеивает мысли о смерти и минувших бедствиях. Здесь некогда жили несчастные идальго, сопровождавшие адмирала, когда он второй раз пересек безбрежный океан и основал Изабеллу. Они приплыли сюда в надежде на славу и богатство, но нашли только тяжкий труд, голод и горький бесславный конец. Воспоминание это гонит испуганного путника от зловещих мест, где время стерло следы создания людей и вернуло дикой природе лишь мрачный остов города, который, казалось, был призван стоять века, но внезапно исчез с лица земли, подобно Содому и Гоморре.

Известия, которые иной раз приносили случайно забредавшие в эту мрачную пустыню охотники, лишь усиливали чувство ужаса и отвращения, какое внушали окрестным жителям развалины Изабеллы. Рассказывают, что, почти не умолкая, от полудня до трех часов дня и всю

ночь от зари до зари раздаются там странные адские звуки, скрип дверных петель и звон цепей, прерываемый раздражающими стопами и жалобами, от которых стынет кровь в жилах. Попав туда, самые отважные бегут в страхе, а слабые духом теряют сознание, лишаются чувств и падают наземь без сил. Многие сходят с ума. В Пуэрто-Плато при виде придурковатого или слабоумного человека обычно говорят: «Ну, этот побывал в Изабелле».

Но то, что случилось там недавно, еще усугубило дурную славу этих развалин. Мне рассказал об этом однажды вечером, в доме дон Родриго де Бастидас, сеньор Лукас Васкес де Альяон, а другие кабальеро поклонились, что он говорит правду, поцеловав крест на рукоятях своих шпаг. Они рассказали, что среди простого народа в той области ходят толки, будто недавно двое местных жителей забрели в Изабеллу и на одной из улиц увидели каких-то кабальеро, идущих двумя ровными рядами. Все они казались людьми благородными и знатными, были хорошо одеты, при шпагах, в дорожных плащах, какие носят в Испании. Эти двое удивились, откуда взялись здесь никому неведомые люди; они приветствовали странных кабальеро и спросили, когда и откуда те прибыли. И тут незнакомцы, храня торжественное молчание и как бы отнекая на приветствие двух путников, все в одно время учтиво сняли шляпы, сняв вместе с ними и головы с плеч. В тот же миг все обезглавленные кабальеро исчезли. Пораженные ужасным видением люди до сих пор ходят как полоумные и не могут в себя прийти, так они потрясены и испуганы.

Женщины ахали, придя в восхищение от рассказа Эльвиры; на всех лицах читалось глубокое волнение и простодушная готовность поверить этой необыкновенной истории. Однако вице-королева, женщина с сильной душой и ясным умом, посмеявшись над слабостью и невежеством своих дам, сказала:

— Ну и веселились, наверно, Альяон и его товарищи, рассказывая тебе эти нелепости.

— Мои враги, Мария, — неожиданно вмешался адмирал, все время хранивший молчание, — пользуются всем, чтобы возбудить ненависть к моему роду. Все это придумали Пасамонте и его друзья, чтобы воскресить память об одном несправедливом обвинении, о клевете, которая

отравила горечью жизнь моего великого отца. Теперь они хотят настроить людей против сына.

— Слышишь, Эльвира? — воскликнула вице-королева. — Моя тетка, герцогиня, научила меня не верить ни в духов, ни в ведьм. Она уверяла, что за всяким колдовством и волшебством кроется хитрость влюбленных или мошенников.

XXXI

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Эприке, выполнив данное ему поручение и повидавшись с Лас Касасом и другими своими покровителями, вернулся в Ла Магуану, унося с собой благоволение вице-короля и его супруги. Приехав домой, он доставил большое удовольствие дону Франсиско Валенсуэле дружеским письмом адмирала и рассказом о своем путешествии. Молодой Валенсуэла, которого удерживала в Санто-Доминго его страсть к развлечениям, остался там еще на несколько дней и в письме к отцу объяснил свою задержку какой-то пустой причиною.

Как раз в это время дон Бартоломе Колумб предпринял путешествие в Испанию. Он счастливо пересек Атлантический океан и прибыл в столицу, где, благодаря уму, опыту, а также престыжю, который заслужил своими славными делами, добился многого для своего племянника, дона Диего. Король отличал и почитал брата Великого мореплавателя, который и сам совершил немало подвигов в Новом Свете и показал себя достойным почестей, оказанных ему из уважения к его имени и незаурядным талантам.

После отъезда дона Бартоломе вражда между двумя партиями на Эспаньоле несколько утихла. Каждая партия понимала, что в ее интересах — умерить страсти и спокойно выжидать, к чему приведут действия ее приверженцев и пособников в столице. От этого молчаливого перемирия пострадали бедные индейцы: противники старались скрыть друг от друга даже самые страшные преступления против индейцев, чтобы не возбуждать старые раздоры, напомнившие о порабощении этой несчастной расы, которое повсюду считалось делом низким и позорным.

И только в монастыре отцов доминиканцев, где жил теперь Лас Касас, пылал пламень милосердия, пробуждая горячее сочувствие к судьбе индейцев. Несколько лет назад некий колонист из Веги по имени Хуан Гарсес избил до смерти свою жену, знатную индианку, заподозрив ее в неверности. Долгое время бродил он по острову под вымышленным именем, скрываясь от преследований правосудия. И вот однажды он пришел в доминиканский монастырь, попросил приюта и рассказал о своем намерении вступить в орден и стать проповедником. Он исповедался у настоятеля Педро де Кордова, получил отпущение грехов и, испросив у вице-короля помилование, осуществил свое желание и вступил в монашескую общину. Там он ревностно выполнял все свои обязанности, вел примерную жизнь, а через несколько лет отправился миссионером в область Кумана, где и погиб как мученик от рук диких индейцев.

Этот Хуан Гарсес разжег благочестивый пыл монахов и падре Лас Касаса своими рассказами о дурном обращении с индейцами во всей колонии, о том, с какой невероятной жестокостью эксплуатируют их колонисты. Добрые монахи решили всеми силами бороться против этих злодеяний и поручили падре Антониу Монтесино в ближайшее воскресенье произнести во время мессы проповедь о положении индейцев.

Для того чтобы собрать богатую жатву и извлечь наибольшую нравственную пользу из этого назидания, на слушание мессы были приглашены все лица, облеченные властью, и все именитые жители Санто-Доминго. Настал назначенный день. В храме едва помещались все собравшиеся. Коронные чиновники и члены апелляционного суда заняли свои скамьи; адмирал, который был главным лицом на торжестве, поглядывал на Пасамонте и его сторонников с лукавой усмешкой: ясно было, что готовится какой-то неожиданный удар. Враги адмирала забеспокоились и насторожились, сами не зная почему.

Отец Монтесино твердой поступью поднялся на кафедру и объявил текст, послуживший основой проповеди, которая была написана заранее и одобрена всеми остальными монахами: «Ego vox clamanti in deserto»¹. Произнеся вступление и разъяснив евангельский текст,

¹ Я глас вопиющего в пустыне (лат.).

проповедник разразился следующими укоризнами, которые мы приводим дословно:

— Скажите, по какому праву, на каких основаниях держите вы в столь жестоком и ужасном рабстве несчастных индейцев? Кто дал вам власть вести бесчеловечные войны против этих людей, мирно и тихо живших на своих землях? Вы погубили несметное число индейцев, принесли им смерть и неслыханные притеснения. Вы угнетаете их, изнуряете непосильным трудом и не даете им ни пищи, ни лекарств, чтобы врачевать недуги, и они умирают, а вернее сказать, вы убиваете их ради того, чтобы каждый день извлекать и накапливать золото. Почему не думаете вы о том, чтобы наставлять их, дабы они узнали своего бога и создателя, получили крещение, слушали мессу, соблюдали праздники и воскресные дни? Разве они не люди? Разве нет у них души? И не должны ли вы любить их, как самих себя? Неужели вы не понимаете, не чувствуете этого? Как пробудить вас от мертвого беспробудного сна? Знайте же, что таким, как вы, не будет спасения, словно маврам или туркам, которые не знают и не любят веры Христовой.

Трудно передать впечатление, произведенное неожиданной проповедью на души грешников, к которым были обращены эти суровые и гневные упрёки. Несмотря на охватившую их ярость, даже самые злонаправленные и заносчивые в ошеломлении и замешательстве выслушали отца Монтеино и молча смотрели, как сходит он с кафедры, «держая голову отнюдь не опущенной долгу», как писал Лас Касас. Из храма все молящиеся, особенно те, кто был вызван намеками благочестивого оратора, вышли, кинув недоуменный и доказывая друг другу, что эту дерзость нельзя оставить безнаказанной. Адмирал, которого высшие должностные лица провожали до самого дома, оставался непроницаемым и никак не разделял возмущения своих спутников. Наконец Пасамонте обратился прямо к нему:

— Не думаете ли вы потребовать уважения к себе и к нам, сеньор адмирал? — сказал он. — Не кажется ли вам, что задето ваше достоинство и достоинство его высочества короля, который не затем облек нас властью, чтобы мы терпели оскорбления и поощения со стороны дерзкого монаха?

— Будем действовать спокойно, сеньор Пасамонте, — бесстрастно ответил Диего Колумб. — Гнев — плохой со-

взвешив, а пустые желудки не способствуют решению столь важных дел. Отправляйтесь по домам, а после трапезы приходите ко мне, и мы согласно решим, как надлежит нам поступить.

Выслушав слова вице-короля, все повиновались.

XXXII

ДОМИНИКАНЦЫ

После полудня коронные чиновники, члены апелляционного суда и большинство именитых жителей города собрались в резиденции Диего Колумба. Проповедь отца Монтесино обсуждалась с жаром и раздражением, каких и можно было ожидать от собрания обиженных. Меры, которые предлагались, чтобы обуздать и наказать дерзкого монаха, были весьма резкими, а иные из них и жестокими. Адмирал, по-прежнему владея собой, незаметно умерял вспыхнувшую ярость и старался смягчить чувства и суждения этих одержимых. Исчерпав все пути к примирению, он в конце концов должен был согласиться с тем, что наиболее обиженные, главным образом королевские чиновники, в тот же вечер отправятся в доминиканский монастырь, отчитают монахов и потребуют от общины, чтобы она обязала пламенного проповедника публично отречься от своих слов.

Так и было сделано: отправившись в монастырь, все недовольные велели доложить о себе, и к ним в приемную спокойным шагом вышел Педро де Кордова.

— Падре викарий, — резко обратился к нему Пасамонте, — велите-ка позвать того монаха, который наговорил сегодня в своей проповеди столько неслучностей.

— В этом нет надобности, — спокойно возразил настоятель. — Если вашим милостям угодно спросить о чем-нибудь, я — прелат этого монастыря и на все вам отвечу.

— Велите ему прийти, — в гневе повторил казначей, — пусть придет сюда этот смутьян, проповедник ложного, нигде не слыханного учения, который судит всех и выступает против короля, посягая на его власть над Ибидими и пашадая на установленный в колонии порядок

распределения индейцев.. Берегитесь и вы, падре, если не накажете его по заслугам...

— Вы осмеливаетесь угрожать мне? — воскликнул Педро де Кордова.

— И вам и всем вашим дерзким и мятежным монахам, — ответил Пасамонте.

— Да, мятежным и бесстыдным! — закричали во весь голос несколько человек.

Настоятель посмотрел на них со смешанным выражением высокомерия, мягкости и жалости. Его прекрасное аскетическое лицо виупало невольное уважение.

— И все эти ужасные слова, — с достоинством обратился он к разъяренным припешельцам, — вы говорите о нас, о тех, кто хотел исцелить вас от слепоты, пробудить вашу душу от сна. Да, вы посмели назвать нас мятежниками, всех нас, восставших против ваших неправедных дел. Знайте же, что падре Антон произнес с кафедры слова, одобренные всей общиной, и потому гнев ваш должен быть направлен не на него одного, а на всех нас.

— Тогда нет иного выхода, — заявил Пасамонте, — как заставить этого падре Антона в будущее вокресенье отречься от всего, что говорил он сегодня.

— Этого не будет, — возразил Педро де Кордова.

— Если вы этого не сделаете, можете складывать свои пожитки и готовиться к отплытию. Вас отправят обратно в Испанию.

— Право, сеньоры, — с безмятежной улыбкой ответил отец настоятель, — сборы займут у нас немного времени.

Этот простой ответ и почти презрительный тон, каким был он произнесен, окончательно вывел из себя вспыльчивых, раздраженных посетителей. Казалось, ярость их вот-вот перельется через край, но в это время привратник монастыря дрожащим голосом возвестил: «Сеньор адмирал».

При этих словах сдержались даже самые пенстовые, и на несколько минут воцарилось молчание.

Педро де Кордова направился к дверям приемной, чтобы встретить адмирала. Дон Диего вопел и спросил со спокойной улыбкой:

— Что здесь происходит, сеньоры? Я как будто слышал возбужденные сердитые голоса...

— Сеньор адмирал, — воскликнул взбешенный Пасамонте, — падре викарий отказывается дать нам законное

удовлетворение, он еще усугубил нанесенную нам обиду, аживив, что за сегодняшнюю гнусную проповедь отвечает вся община, поскольку проповедь эта была произнесена с согласия всех монахов.

— Это правда, сеньор адмирал, — просто сказал настоятель.

— Слышите, сеньор, — подхватил королевский казначей. — Община доминиканцев хочет свергнуть существующие в колонии порядки, отрицая власть короля над индейцами и полученное нами от него право пользоваться трудом этих язычников, которым мы дали взамен спасение души, приобщив их к вечным истинам.

— Мы отрицаем за вами право угнетать эту обездоленную расу, — с силой воскликнул отец Педро. — Мы отрицаем за вами право называться христианами после того, как вы убили столько несчастных в угоду своему жестокому и бездушному корыстолюбию.

В ответ на это грозное обвинение вспыхнула новая буря. С большим трудом удалось Диего Колумбу прекратить шум и заставить присутствующих отнестись с уважением к его сану.

— Выслушайте меня, сеньоры. Я представляю здесь власть его высочества короля и требую, чтобы все исполнили то, что решу в этом случае я.

Пасамонте и его шайка глухо заворчали, готовые возмутиться. Однако адмирал так выразительно нахмурил брови, столько было достоинства и гордости в его осанке, что все дрогнули и сочли за лучшее умолкнуть и подчиниться.

Но тут к адмиралу спокойно обратился отец Педро де Кордова:

— Сеньор, позвольте вам напомнить, что мы, отдавая все наши слова и действия на службу королю королей, можем согласиться лишь с тем, что справедливо перед лицом высшей справедливости и соответствует божественным законам. Никто не в силах сломить нашу волю и заставить нас действовать вопреки этим законам.

— Я знаю это, падре Педро, — почтительно ответил Диего Колумб, — и прошу вас, доверив мне решение этого дела, убедиться, что все мои распоряжения послужат к вышней славе господа.

Мир и порядок в колонии требуют, падре, — продолжал адмирал, — чтобы проповедник брат Антон снова

поднялся на кафедру в следующее воскресенье и успокоил умы, объяснив удовлетворительным образом все, что в сегодняшней проповеди показалось противным службе его высочеству королю, а также правам и прерогативам коронных должностных лиц и других колонистов, оскорбленных и задетых в своей чести и в своих интересах.

Настоятель на мгновение задумался, а затем сказал твердым голосом:

— Проповедник снова взойдет на кафедру в ближайшее воскресенье, и мы выполним свой долг, как смиренные служители божьи и верные подданные короля.

Выслушав это заявление, адмирал, а велед за ним Пасамонте и все остальные почтительно склонились перед Педро де Кордова и покинули монастырь. Жалобники ушли в прекрасном настроении, предвкушая полную победу.

XXXIII

СОЛЬ НА РАНЫ

Настал день, назначенный для отречения, которого потребовали колонисты от суровых братьев доминиканцев. Приделы собора не могли вместить несметное множество людей, которые по призыву высокомерных коронных чиновников и их друзей бежались посмотреть на унижение жалких монахов. Переливались всеми цветами шитые золотом шелка, колыхались перья, блистало оружие. Те, кто под предлогом оскорбления королевской и общественной власти затеял это дело, хотели придать ему весь блеск официального торжества.

После чтения Евангелия появился уже ставший знаменитым падре Монтешино и, смиренно опустив голову, размеренным шагом направился к кафедре. Поднявшись на нее, он окинул проникновенным взором многолюдное собрание и мягким голосом начал свою речь. Изложив в кратких чертах то, что сказал он в прошлое воскресенье, падре Монтешино перешел к развитию своего истинления. Коронные должностные лица и разгневанные владельцы энкомьенд воображали, будто он хочет придать своим резким порицаниям обратный смысл и доказать при помощи риторических фигур и разных мистических,

гипотетических, гиперболических и метафизических приемов, что вся хула, заключавшаяся в прошлой проповеди, означала красноречивую хвалу доброте, милосердию и великодушию колонистов по отношению к их верным слугам индейцам. Однако бесстрашный оратор, перефразируя параграф из книги Иова, изложил его смысл в следующих словах: «И повторю я сначала все мои поучения и истины и докажу, что слова мои, которые вас так огорчили, — сущая правда». Он повторил и подтвердил с еще большей силой и разящим красноречием все проклятия, которые метал против тиранов, истребляющих индейцев, и в заключение объявил, что доминиканская община решила отказаться им в причастии наравне с разбойниками и убийцами и что могут они писать о том в Кастилию кому угодно, ибо монахи-доминиканцы убеждены, что, действуя таким образом, они служат богу и не малую услугу оказывают королю.

Надре Монтезино закончил проповедь под глухой рев разъяренных слушателей, которые приняли в неистовство, увидев, что они обмануты в своих надеждах. Спокойный и невозмутимый, сошел он с кафедры и направился в монастырь, обратив на этих бесноватых не больше внимания, чем на стаю болтающих попугаев. Убедившись, что больше им ничего не добиться, пменптые колонисты решили направить королю гневное послание о делах монахов доминиканского ордена, обвинив их в возмутительных действиях и подстрекательстве к мятежу против власти короля и его доверенных лиц в колонии.

XXXIV

БЛАГОЧЕСТИВОЕ РВЕНИЕ

Все эти обвинения, а особенно письма Пасамонте, пользовавшегося доверием и милостью у фаворитов короля, чей ясный ум с годами начал ослабевать, прозавели свое действие при дворе. Однако доминиканцы нашли средство опровергнуть ложные наветы противников. Тогда последние прибегнули к новому, более ловкому способу. Воспользовавшись простодушием почтенного, но малообразованного надре Антонио де Эспинали — настоятеля

монастыря францисканцев, — они убедили его отпра-виться в Кастилию и доложить королю и его совету о великом ущербе, какой наносят королевской власти и установлению порядка в колонии дерзкие и неразумные речи мятежных монахов-доминиканцев.

Доминиканцы постыжились парировать удар, послав в Кастилию самого надре Монтесино, который был не только выдающимся проповедником, но и образованным человеком, обладавшим большим мужеством и способным решать сложные вопросы и вести трудные дела. Никто больше его не был заинтересован в том, чтобы защитить свои собственные слова и суждение всей общины. Монахам пришлось ходить от двери к двери, собирая подаяние на дорогу надре Антонио Монтесино. Собрать им удалось немного, а насмешек и обид претерпели они при этом немало. Хотя монахи-доминиканцы пользовались в народе любовью и уважением за святость своей жизни и образцовые нравы, все же постигшая их немилость отпугнула многих из тех, кто даже хотел бы помочь им. Эгоизм всегда труслив и раболепен.

У надре Антонио де Эсипиала, напротив, всего было в избытке, и любой принц мог позавидовать удобствам, которые предоставляли ему в пути его доверители. Все были хорошего мнения об этом монахе, но когда он взялся за дело, несовместимое с монашеской скромностью и смиренем, в городе поднялись неодобрительные толки. Многие, правда, объясняли его поведение тем, что францисканские монастыри, расположенные в Консенсьон де ла Вега и в Санто-Доминго, были заинтересованы в сохранении репартименто, и, следовательно, настоятель исполняет свой священный долг, действуя на благо своему ордену.

Оба посланца отправились в Испанию на разных кораблях. Один — окруженный заботой и роскошью, другой — лишенный самого необходимого, — полагаясь единственно на божью помощь и на веру в свое правое дело.

По приезде их ждала та же участь. Король оказал Антонио де Эсипиалу самый ласковый и радушный прием, а удрученный и беззащитный Антон Монтесино не мог даже проникнуть в королевские покои, несмотря на все свои старания предстать перед лицом монарха. Наконец однажды его отвага преодолела все препятствия. Ему надоело утрачивать придворного служителя, и, воспользовавшись тем, что дверь открылась перед другим посетите-

дам, он неожиданно проскользнул вслед, ошеломив приритника своей дерзостью. Король милостиво принял монаха, который упал к его ногам. Впервые в королевских покоях прозвучали ужасные разоблачения и произвели глубокое впечатление на престарелого монарха. С тех пор ревностный доминиканец получил свободный доступ во дворец и в Совет Индий. Но все его усилия разбивались о незыблемый авторитет и свидетельства падре Эспиналя. Тогда он отважился на решительный шаг.

Происходило все это в Бургосе, где находилась тогда столица. Падре Антонио де Эспиналь проживал в монастыре своего ордена. В один прекрасный день падре Антонио Монтесино привел к воротам монастыря и стал дожидаться своего противника. Когда тот вышел, спокойно направляясь в Королевский совет (где по распоряжению короля собирались знаменитые ученые и теологи для обсуждения и решения всех вопросов, относящихся к политическому и духовному положению индейцев), наш добрый монах остановил его и решительно заявил, что должен с ним поговорить. Падре Эспиналь согласился его выслушать, и тут Монтесино с присущим ему жаром произнес:

— Неужто вам, падре, пужно другое платье, кроме шкварх лохмотьев, что покрывают ваше тело? Неужто вы ищете других благ, кроме блага служить господу? Чем ослепили вас эти злодеи? Разве вы не видите, что они обвели вас вокруг пальца, чтобы продолжать свои злодеяния? Почему вы против этих жалких беззащитных индейцев?

И так горячо увещевал он Антонио де Эспиналя, что сердце простодушного францисканского настоятеля дрогнуло в страхе, а совесть его проснулась. И, отдавая себя в распоряжение своего непреклонного судьи, он сказал:

— Бог возблагодарит вас, падре, за то, что вы милосердно просветили меня; я был обманут этими мирянами. Говорите, что должен я делать, и я все исполню.

С этого времени оба монаха, воодушевленные христианским милосердием, стали действовать сообща, и хитроумный замысел Пасамонте, Фонсеки, Колчильоса и их сообщников рухнул под натиском истины. Рождественники и друзья адмирала дона Диего Колумба достигли высшего доверия и новых почестей, а знаменитые Бургосские указы, направленные на благо индейской расы, висели золотую страницу в историю этого мрачного времени.

В том же году адмирал-губернатор Эспаньолы получил от короля долгожданное разрешение на завоевание и заселение острова Кубы. Не теряя времени, он сообщил об этом своему наместнику Диего Веласкесу и призвал его в Санто-Доминго, чтобы окончательно завершить подготовку столь важного предприятия и дать все необходимые распоряжения. Веласкес примчался в столицу колонии на крыльях любви и честолюбивых надежд.

Срок, назначенный его нареченной, давно уже истек, однако и Диего Колумб и отец невесты в ответ на все домогательства нетерпеливого капитана сообщали, что здоровье Марии сильно пошатнулось и свадьбу следует снова отложить. Веласкес весьма неохотно согласился на эту неопределенную отсрочку и начал уже сомневаться в добрых намерениях адмирала и благородстве своего будущего тестя, когда неожиданно получил приглашение приехать в столицу колонии.

«Наконец-то, — подумал он, — я все увижу сам и смогу действовать на основании собственных наблюдений».

Но едва Веласкес взглянул на свою невесту, как все его подозрения рассеялись и он понял, что ему говорили и писали чистейшую правду. Мария де Куальяр была тяжело больна. Страшно и горько было сравнивать это бледное осунувшееся лицо, эти угасшие глаза, окруженные синими тенями, с той свежей цветущей красотой, которая очаровала Веласкеса, когда он впервые увидел Марию в замке вице-короля. Теперь во всем ее облике, в выражении лица читалась печальная покорность судьбе, какое-то безразличие, похожее на полную бесчувственность. Она позволила будущему супругу поцеловать ей руку, не проявив ни сдержанной радости, ни неудовольствия при этом поцелуе, который, казалось, должен был напомнить девушке о ее положении и о том, что день, когда она будет принесена в жертву, уже близок.

Глядя на нее, взволнованный Веласкес спросил:

— Могу ли я надеяться, что теперь не существует больше никаких препятствий на пути к моему счастью и вы наконец позволите повести вас к алтарю?

Вместо ответа девушка устремила на него растерятой неопределенный взгляд. Отец, видя, что она молчит, сказал за нее:

— Вы просили, сеньор дон Диего, подождать год до свадьбы. Не моя и не ваша вина в том, что срок этот уже истек. Но сейчас, вы сами видите, было бы великой небрежностью не подождать еще некоторое время, пока моя дочь не оправится от странной болезни, которая так извурчила и измучила ее.

— Как, сеньор де Куэльяр! — в гнев воскликнул Веласкес. — Значит, я должен буду один отправиться на завоевание Кубы! А я-то льстил себя надеждой, что поеду с собой избранницу моего сердца.

— Вы сами должны понять, друг мой дон Диего, что работы, которых требует здоровье моей дочери, лягут на вас тяжким бременем в дикой неизведанной стране, где нет даже самого необходимого, где сами вы еще не знаете, что вас ждет. Гораздо разумнее будет, если вы отправитесь без такой обузы и потом сообщите мне, что первые трудности преодолены и все готово к приему вашей супруги. Я сам привезу ее к вам, и мы отпразднуем свадьбу в ваших владениях, где вы будете главой над всеми и все будет у вас в подчинении.

Веласкес согласился с этими доводами и продолжил свои долгие и содержательные беседы с адмиралом, во дворце у которого он остановился. Время не ждало: следовало возобновить запасы продовольствия и снаряжения, необходимого для предстоящей колонизации, ибо в силу того, что экспедиция долго откладывалась в ожидании королевского соизволения, многое из заготовленного ранее приняло в негодность.

У деятельного капитана, который душой и телом отдавался подготовке трудного предприятия, почти не оставалось времени побеседовать со своей невестой или заметить, что на все его страстные речи она отвечала односложно или невпопад. С сеньором де Куэльяром он заключил новое соглашение: решено было, что на завоевание Кубы Веласкес отправится один, а как только он заслужит лавры завоевателя, невеста придет к нему и отдаст ему свою руку и померанцевый венец и награду за его труды и ратные подвиги. Контадор ссудил значительную сумму своему будущему зятю, что вызвало немало толков и сплетен среди людшек с низкой душой, которые видят

во всех брачных союзах один только расчет и никогда не думают о чувстве.

Лас Касас решил отправиться на запад вместе с Веласкесом. Его сам позволил ему получить прощальное свидание с печальной Марией де Куэльяр. Он попытался пробудить в ней мужество и даже посоветовал напомнить вице-королеве о ее давнишнем обещании воспрепятствовать браку Марии с Веласкесом.

— А зачем? — возразила Мария с улыбкой, в которой не было уже ничего земного. — Очевидно, вице-королева обо всем позабыла. Да и все равно: состоится мой брак или нет, скоро смерть положит конец всему. Я покори-лась судьбе, как вы того хотели. Помпите о своем обещании, и бог вознаградит вас за вашу доброту.

Священник откланялся, прижав руку к сердцу. То ли хотел он этим движением выразить свое сочувствие, то ли показать, что здесь, на груди, тайно хранится письмо, которое доверила ему умирающая девушка для передачи своему несчастному возлюбленному.

XXXVI

ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ

Мария де Куэльяр была не права, когда высказала, хотя и без тени жалобы, сомнение в горячей и верной дружбе Марии де Толедо.

Благородная сеньора ни на минуту не забывала о горе своей любимой подруги. С душевной тревогой она наблюдала ее тоску, развитие страшной болезни, подтачивающей ее силы, и в ужасе ждала неизбежного события, которому суждено было свести в могилу бедную жертву чужого честолюбия. Много раз начинала она нелегкий разговор со своим супругом адмиралом, но никогда не встречала в нем сочувствия. Душа его очерствела в постоянной борьбе за власть, и он не собирался мешать жеманству своего заместника и верного союзника. Кроме того, он никогда этого и не обещал. Вот почему он под тем или иным предлогом уклонялся от настойчивых просьб своей супруги, пытаясь в ответ внушить ей мысль, что надо подумать о собственном счастье, прежде чем заботиться о чужом.

Этот совет вызвал у молодой сеньоры весьма неприятное воспоминание, и она стала опасаться, как бы своим недобрым словом не навлечет на себя семейную бурю, подобную той, о которой, без сомнения, читатель не забыл.

Однако добрые чувства вице-королевы не умолкли и подсказывали ей новые хитроумные способы оттягивать время, — единственная услуга, которую могла она оказать своей несчастной подруге. Вице-королева пользовалась каждым случаем, чтобы побеседовать с доном Кристобалем де Куэльяром и, ловко наведя разговор на подруг, спесдавший певсету Веласкеса, красноречиво доказывала, что замужество опасно, пока девушка не оправилась от упадка сил. На сеньора де Куэльяра, который все-таки был отцом, а не злодеем, речи вице-королевы производили сильное впечатление. Этим, несомненно, и объяснялось неожиданное сопротивление, которое встретила у копгадора просьба Веласкеса назначить день свадьбы. Случайно отцовские соображения совпали с доводами разума, — ведь Веласкесу действительно трудно было вступить в брак раньше, чем осуществит он поход на Кубу, и тем более трудно брать на себя заботы о больной жене.

Таким образом, все устроилось к относительному удовлетворению заинтересованных сторон, а Мария де Куэльяр была осуждена продолжать свое мучительное существование в ожидании неминуемой близкой смерти.

«Не лучше ли покопчить сразу?» — спрашивала она себя, истомленная тоской и сомнениями, терзавшими ее душу.

XXXVII

ПОБЕДИТЕЛЬ

Отправившись на запад, Веласкес быстро закончил подготовку к экспедиции. Он собрал в порту Сальватьерра отряд, численностью около трехсот человек, погрузил на суда необходимое продовольствие и снаряжение и в ноябре 1511 года отплыл на Кубу, взяв с собой в качестве секретарей Эрнана Кортеса и Андреса де Дуэро. Экспедиция высадилась недалеко от мыса Маисп, в бухте, которая была названа Лас Пальмас или Пуэрто-Санто.

Едва ступив на землю, испанцы подверглись нападению бесстрашного Атуэя, того самого гаитянского касика, который особенно упорно сопротивлялся Веласкесу в Гуахаве. Потерпев поражение, он перекочевал на Кубу, и там все обитатели Майсц, признав его выдающиеся достоинства и мужество, провозгласили его своим вождем.

Атуэю удалось заразить кубинцев своей отвагой. Недавняя успехивала в его сердце с новой силой, когда он вспоминал о своих былых неудачах и беспощадной жестокости завоевателей. Дальновидный и бдительный вождь заранее узнал об экспедиции кастильцев на Кубу от прибывших с Эспаньолы лазутчиков. Вот почему Веласкес встретил его готовым к защите.

Два месяца, изо дня в день, индейцы мужественно сражались против захватчиков, но наконец, не устояв перед силой оружия, ушли в горы, где долго еще продолжали борьбу. Тем временем Веласкес написал Эскивелью и, сообщив ему об уже близком завершении экспедиции, попросил прислать пополнение на Кубу. В погоне за богатством и приключениями на его призыв устремилось множество воинов, участвовавших вместе с Эскивелем в замирении Ямайки. Команду над ними принял заслуженный военачальник Панфило Нарвазе, которого сопровождал наш старый, хотя и несколько позабытый знакомец Хуан де Грихальва. Он считал своим долгом одним из первых прийти на помощь бывшему сопернику, выполняя обещание, данное им в роковую ночь, оставившую неизгладимый след в его жизни и судьбе.

Новый отряд прибыл на Кубу, чтобы захватить отважного Атуэя. Отбиваясь от преследователей за каждой скалой, касик в конце концов попал к ним в руки и, чтобы не встретиться со своим палачом в иной жизни, как объяснял он монаху, обещавшему ему царство небесное, отказался принять крещение. Как нераскаянный грешник, Атуэй был приговорен к сожжению заживо. Недолго хватило доброты Диего Веласкеса, и ожесточение заглушило человеколюбивые чувства, списавшие ему дружбу Лас Касаса: так со справедливой горечью написал сам Лас Касас в своих бессмертных исторических записках.

Наведя страх на кубинских индейцев, напуганных казнью гаитянского вождя, Веласкес всю свою энергию обратил на основание новых городов. Первые здания,

с большой тщательностью и старанием, были возведены в Баракоа, — побережье, где высадился он со своими людьми по прибытии на Кубу и которое назвал, как мы говорили, Пуэрто-Сапто или Лас Пальмас. Затем он исследовал остров, чтобы выбрать наиболее подходящее место для столицы новой колонии. Эта честь выпала на долю берегов прекрасной, созданной самой природой бухты, где и был заложен город, названный Сантьяго де Куба в честь апостола, патрона Испании, а также и самого Веласкеса.

В разгар всех забот и трудов дон Диего решил, что пришло время заключить столь желанный и столь долго откладывавшийся брачный союз. С этой целью он написал Куэльяру решительное и настойчивое письмо, напоминая о своем праве надеяться на то, что непременно торжественно данного обещания теперь не замедлит свершиться.

«Уже давно истекли (говорилось в этом письме) все терочки, на которые по той или иной причине вы меня вынуждали, и теперь я сочту за оскорбление, если меня слова заставят ждать. Я требую, сеньор дон Кристобаль, чтобы ваше обещание было выполнено, чтобы вы сдержали свое честное слово и дали мне подругу, без которой счастье для меня невозможно. Если она по-прежнему больна, за ней будут ходить здесь, заботясь о ее здоровье и довольстве и оказывая ей все почести, каких требует ее сан сеньоры и моей супруги».

Дон Куэльяр, уязвленный таким решительным тоном и вместе с тем обрадованный блестящим будущим, какое сулило его дочери новое положение, объявил Марии, что решил отвезти ее на Кубу без промедления, и тут же стал готовиться в путь. Напрасно вице-королева, узнав о близком отъезде, делала запоздалые попытки смягчить старика. Контадор показал письмо Веласкеса и призвал в судьи адмирала дона Диего, предоставив ему решение. «Если сеньор супруг ваш, — сказал он Марии де Толедо, — прочитав письмо капитана дона Диего Веласкеса, решит, что я могу, не нарушая приличий, отказать ему в его требованиях и снова отложить свадьбу, я поступлю так, как сочтет нужным сеньор адмирал».

Это был самый верный путь, какой только мог избрать Кристобаль де Куэльяр, чтобы обречь на полную неудачу все старания вице-королевы помочь юной невесте. Диего Колумб как государственный деятель достиг уже той ступени, когда политические соображения становятся превыше всего. До сих пор он тщательно скрывал от Веласкеса свое желание отложить или даже вовсе расстроить его женитьбу, но теперь он должен был открыто вынести приговор в этом щекотливом деле. Показать, что он не согласен с требованиями Веласкеса, означало бы дать разрешение контадору прикрыть свой отказ авторитетом адмирала. Тем самым союз Диего Колумба с завоевателем Кубы был бы разрушен именно в тот момент, когда

уверенно продвигавшееся завоевание суляло самые блестящие перспективы честолюбию молодого губернатора. Потому он без колебаний положил конец тигровому замешательству и сказал:

— У Веласкеса есть все основания, сеньор де Куэльяр, жаловаться на долгое ожидание. Чтобы добиться любимой певесты, ему потребовалось не меньше времени и терпения, чем Иакову, добивавшемуся Рахили. Хорошо хоть, что нет здесь Лии...

— Ваша супруга, а моя сеньора вице-королева, — слегка недовольным тоном возразил Куэльяр, — в этом деле всегда держалась мнения, противоположного вашему, сеньор адмирал. Ее рассуждения не мало повлияли на то, что брак этот до сих пор не заключен, а я оказался в таком неприятном положении.

Диего Колумб бросил на супругу взгляд, заставивший ее побледнеть, и сказал:

— Все сказано, сеньор дон Кристобаль: и не могу одобрить дальнейшее промедление; если обещание дано, следует возможно скорее его выполнить.

Легко представить себе, с каким тяжелым сердцем покинул дон Кристобаль вице-королевскую чету. Он с лихорадочной поспешностью закончил все дорожные приготовления и меньше чем через неделю явился вместе с дочерью к Диего Колумбу и его супруге для прощания. Во время последнего визита к своим бессильным покровителям Мария де Куэльяр постаралась держаться совершенно спокойно. Казалось, она окончательно примирилась со своей участью. Вице-королева разрыдалась, обвиняя ее, а юная страдалница, не пролив ни слезинки, прижалась твердым голосом уговаривать и утешать горевавшую подругу. Вице-королева, видя такую сдержанность, готова была поверить, что покорность судьбе совершила чудо. Но смертельная бледность и печальное лицо бедной жертвы противоречили кажущейся силе ее духа.

Через три дня обе подруги, окруженные блестящей свитой, держась за руки, вышли вместе с Диего Колумбом и доном Куэльяром на борт красной галеры, которая по распоряжению адмирала должна была доставить невесту и ее отца на Кубу.

Диего Колумб позаботился, чтобы путешествие было подготовлено с особым тщанием. Окружая почетом и роскошью невесту Веласкеса, он хотел недружественно

показать, как высоко ценит он его дружбу. Марья де Куальяр, молча, словно статуя, принимала поцелуи и объятия подруг, которые осыпали ее благословениями и уверяли, что никогда ее не забудут. Вице-королева сжала ее в объятиях и тихо прошептала:

— Не обманывай меня, дорогая Марья. Я читаю в твоем сердце и дрожу за тебя. Меня терзает тревога! Пусть накарает меня бог величайшим несчастьем, если я не испробовала все для твоего спасения.

Марья де Куальяр взглянула на свою подругу и залилась слезами. Однако, сделав над собой усилие, она ответила вице-королеве:

— Будьте вы трижды благословенны, сеньора, за то, что утешили меня своими словами. А я-то сомневалась в вас! Простите меня, и какова бы ни была моя судьба, знайте, что величайшим утешением для меня будет воспоминание о вашей любви ко мне.

Любящие подруги обнялись в последний раз, затем вице-король с супругой и их свита покинули корабль. Провожавшие встали на выступе берега подле самого устья реки и долго следили взором за кораблем, который, распустив паруса, мягко скользил по волнам, кушаясь в лучах заходящего солнца. Белые платки развевались на палубе, отвечая на прощальные приветствия оставшихся, пока корабль не скрылся из глаз.

XXXVIII

ДУРНЫЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

В это время Лас Касас уже находился на Кубе. Перед отъездом он побывал в Ла Магуане, прожил там неделю в обществе друзей, а затем направился в Сальватьерру — порт, где собирались все оставшиеся от экспедиции Веласкеса и были сосредоточены запасы продовольствия, домашний скот и все необходимое для колонизации западного антильского острова.

Приезд священника принес Эрикильо двойную радость: свидание с любимым воспитателем и свидание с Тамайо, которого Лас Касас решил оставить в Ла Магуане на поочинне сеньора де Валенсуэлы.

Возобновив дружбу с падре Эспиналем, возвратившимся из Испании в свой монастырь вскоре после того, как монах Антон Монтеино обратил его на путь истинный, Лас Касас попросил настоятеля францисканцев отсутствовать с ним Тамайю, как залог примирения, напоминая, что он-то и был причиной их былой размолвки.

Защитник индейцев надеялся, что встреча с Тамайю смягчит для Эприкильо горечь разлуки.

— Вы уезжаете, — печально сказал юноша Лас Касасу, — и может быть, я никогда не увижу вас, падре! Я останусь совсем один... Когда вырастет моя двоюродная сестра, кто сделает для нас то, что сделали бы вы? Кто позаботится о том, чтобы была исполнена воля нашей дорогой Игемоты?

— Я не вижу причины так сокрушаться, сын мой, — заметил священник. — Чего ты боишься, если здесь остается мой друг дон Франсиско, а там, в Санто-Доминго-и-инце-король и его супруга? Да и Куба не так уж далеко, и я предвещаю, что ты не раз еще приедешь туда поглядеть со мной до твоей женитьбы.

— А все-таки я очень хотел бы поехать с вами, — сказал Эприке.

— Думаешь ли ты о своих словах, — возразил Лас Касас. — Ведь дон Франсиско при тебе говорил, что ты уже больше, чем он сам, разбираешься во всех его записях и счетах, а также в управлении индейцами его поместья. Без тебя он и не справился бы со всеми делами, ведь сын ему не помощник.

— Знаете, сеньор, — произнес Эприкильо, — тут у меня произошла странная история с сеньором Андресом. Он не дает мне никаких поводов для жалоб, выказывает дружеское расположение ко мне, но отец упрекает его за безделье и ставит ему в пример мое поведение и этим постоянно колет ему глаза.

— Так, может быть, ты боишься, что Андрес испытывает к тебе зависть или ревность? — спросил Лас Касас.

— Сейчас я вам все расскажу, сеньор. Несколько дней назад он, похвалив меня, как всегда, за усердную работу, вдруг посмотрел на меня с какой-то странной улыбкой и сказал: «Сдается, мой отец любит тебя больше, чем меня, и будь его воля, оставил бы тебе после своей смерти все свое добро, а меня, пожалуй, определил бы к тебе в слуги». Эта шутка меня очень огорчила, и теперь меня

все время преследует мысль, что дон Андрес относится ко мне с неприязнью.

— Может быть, и так, — задумчиво ответил Лас Касас. — Но ты по-прежнему веди себя достойно и исполни свой долг. Будь скромн и милосерден, а остальное предоставь богу.

В тот же день Лас Касас отправился в путь и, взоиди на борт корабля в Сальватьерре, в короткий срок и без всяких приключений достиг Сантьяго де Куба, где пребывал в это время Диего Веласкес. Вскоре он с глубокой скорбью убедился, сколь обманчивы были его надежды увидеть в завоевателе Кубы бывшего умиротворителя области Баоруко, послушного его добрым советам и способного к человеколюбивым побуждениям. Напрасно пытался он умерить жестокость, с какой действовали на Кубе завоеватели. Грубые чванные люди не обращали на него внимания и издевались над всеми его похитками поменшать им истреблять и угнетать тех, кого называли они неверными псами. Веласкес порой прислушивался к благочестивым наставлениям своего доброго советчика и следовал им в приказах и распоряжениях, которые давал своим подчиненным. Но те, вдали от своего начальника, пользовались малейшим предлогом, чтобы нарушить его приказания. И хотя разгневанный Лас Касас жаловался на ослушников, он ничего не мог добиться из-за уклончивого поведения губернатора, который то ли по слабости характера, то ли из политических соображений скрывал свое неудовольствие от нарушителей и острегался наказывать их.

С каждым днем множились бесчеловечные поступки, и суровый правдивый Лас Касас обличал их на страницах своих записок, которые навсегда остались суровым предупреждением для злодеев и памятным уроком для угнетателей всех времен.

XXXIX

РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ

Когда корабль, на борту которого находился Кристо-баль де Куэльяр с дочерью, вошел в порт Лас Пальмас, Диего Веласкес был еще в Сантьяго. Гонец принес ему из-

вестие о счастливом событии, и обрадованный военачальник, собрав всех сопровождавших его знатных кабальеро, весело сообщил им:

— Друзья мои! Настал день моего счастья. Готовьте лошадей и сегодня же собирайтесь вместе со мной в Пуэрто-Санто, куда приехала моя нареченная невеста. Приглашаю всех вас на свадьбу.

Эти слова были встречены всеобщим ликованием. Все поздравляли Веласкеса, кроме одного молодого кабальеро, который заметно изменился в лице и тихо отошел в сторону.

Веласкес заметил его волнение и сразу понял, в чем причина. Подойдя к юноше и приветливо протянув ему руку, он сказал:

— А вы, сеньор Хуан де Грихальва, не хотите поздравить меня? Знайте, я отношусь к вам как к доброму другу.

— Простите, сеньор, — ответил Грихальва, взяв себя в руки, — я желаю вам счастья и жду только случая, чтобы доказать свою дружбу.

— Вот вам случай, — не замедлил откликнуться Веласкес. — Пока все эти кабальеро будут вместе со мной веселиться у меня на свадьбе, вы, Грихальва, останетесь здесь, облеченный всей властью, которую я доверяю вам на время моего отсутствия. Как видите, я требую от вас не малой жертвы.

— Соглашаюсь с благодарностью, дон Диего. Прошу вас оставить свои распоряжения.

— Они сводятся, друг мой дон Хуан, к двум словам: порядок и деятельность. Порядок — означает, что все люди, остающиеся у вас под началом, выполняют каждый свои обязанности. Деятельность — означает, что все общественные дела и работы продолжаются без перерыва. Особенно прошу вас обратить внимание на дом губернатора, продовольственные склады, портовую крепость и строительство мелких судов, предназначенных для исследования рек.

— Надеюсь, вы останетесь довольны, дон Диего, — печально и покорно сказал Грихальва.

Веласкес пристально взглянул на него и еще раз крепко сжал ему руку. Затем, словно внезапно увлеченный новой мыслью, он обратился к Лас Касасу:

— Я рад был бы, падре Лас Касас, чтобы именно вы благословили меня на брачный союз, но никто не умест

обращаться с этими идеями так, как вы. Потому я отказываюсь от своего желания и прошу вас остаться здесь и помогать своими советами сеньору Хуану де Грихальве.

— Согласен от всей души, сеньор, — ответил Лас Касас. — Вы правильно рассудили, а брак ваш не будет от того менее удачен. Я стану молить бога о вашем счастье.

Через два часа Веласкес скакал на коне по направлению к Баракоа, сопровождаемый Кортесом, Нарваэсом и почти всеми идалго, бывшими в то время на Кубе.

XI

РАЗВЯЗКА

Для приготовлений к свадьбе Диего Веласкесу понадобилось не более пяти дней. О шелках, драгоценностях и роскошных уборах он позаботился заранее, а его друзья проявили немалую изобретательность и отменный вкус, всячески стараясь, чтобы торжества были отпразднованы с пышностью и блеском, подобающими случаю. Баракоа — недавно основанное поселение с немногочисленными скромными домиками, как будто смущенными соседством гигантских пальм, — разумеется, не отличалось еще городским великолепием, поэтому празднества решено было перенести в лагерь Веласкеса, который по роскоши мог сравниться с лагерем королей-крестоносцев у стен Иерусалима или лагерем католических королей в первые дни знаменитой осады Гранады.

Немногие дома Баракоа и его единственная церковь скрылись под сверкающими полотнищами из шелка и бархата, а вокруг поселка раскинулось сотни разноцветных походных шатров с развевающимися по ветру штандартами, флажками и вымпелами.

Утомленная плаваньем Мария де Куальяр, высадившись на берег, почувствовала себя лучше, и ее отец и жених решили, что воздух Кубы ей будет полезен, а счастье супружеской жизни, восстановив ее здоровье, завершит остальное. Улыбка, которой девушка отвечала на все эти радостные предсказания, могла означать и робкий луч на-

дежды, и презрительное недоверие. Никто не мог бы понять ее.

Настал долгожданный для Веласкеса день. Было воскресенье. Природа блистала всеми своими очарованиями: чистое небо, сияющее солнце, покрытые цветами луга, все звало к радости, все дышало бодростью и довольством. Даже цевеста, направлявшаяся в храм, опираясь на руку отца, казалась, как ни странно, такой спокойной и умиротворенной, что все, кто видел ее, решили, что она счастлива. Матовая бледность сбегала с ее щек и, словно гонимая розовыми лучами зари, укрылась на прекрасном, цвета слоновой кости, лбу; глаза ее горели, и вся она блистала лучезарной красотой. Веласкес готов был подумать, что он любим, и благословил свою счастливую звезду.

Церемония венчания прошла без особых происшествий. Невеста ясным твердым голосом произнесла «да», и соединенные перасторжкими узами повобрачные, сидя в роскошных креслах под пурпурным балдахном, прослушали торжественную мессу, которая была отслужена сразу же после венчания. Служба окончилась, и оба в сопровождении многочисленного общества направились в губернаторский дом, где в двенадцать часов начался свадебный пир, продолжавшийся до трех часов дня.

На пять часов был назначен рыцарский турнир. Веласкес, желая блеснуть ловкостью и отвагой и достойно почтить свою супругу, собирался сразиться с восемью всадниками.

В назначенный час обширное поле перед самыми большими и красивыми палатками было окружено множеством зрителей. Дон Диого и остальные участники турнира оседлали великолепных коней. Для защиты все рыцари надели только легкие блестящие панцири, оставив на виду свои роскошные, шитые золотом придворные костюмы и изящные плащи. Веласкес и первый его соперник заняли места и ждали только сигнала трубы, чтобы броситься навстречу друг другу. Внезапно в этот миг напряженного внимания, среди торжественной тишины, на главной трибуне, где сидели супруга и родственники губернатора, раздался душевраздирающий крик. На трибуне поднялось смятение. Веласкес, едва оправившись от неожиданности, пытался рассмотреть, что там происходит. Он увидел дона Кристобая; подойдя к балюстраде, несчастный отец крикнул ему в отчаянии:

— Ваша супруга умирает!

Веласкес бросился к трибуне, праздник был прерван. Дон Диего увидел свою супругу в объятиях Каталины Хуарес, которая впоследствии вышла замуж за Эрнана Кортеса.

Мария де Куэльяр была без чувств. Ее отнесли в постель и призвали на помощь врачей. Два часа она пролежала без сознания, лишь изредка приходя в себя, произносила бессвязные фразы, звала отца, вспоминала вице-королеву и Лас Касаса. Затем она впала в забытие, а через три часа снова начала бредить. Так перемежались бред и полная потеря сознания, всякий раз все более длительная

и глубокая. В таком состоянии несчастная девушка провела пять дней, а на шестой, устремив глубокий взгляд на отца, она заговорила печальным нежным голосом:

— Отец мой, я послушалась вас и не жалею об этом. Благословите меня и обещайте напомнить о моем поручении padre Лас Касасу. Прощайте!

Когда Веласкес услышал голос своей жены, лицо его вспыхнуло радостью. Вскочив с кресла, где он сидел, наблюдая в тревоге за ходом таинственного педуга, дон Диего бросился к ней. Но он лишь увидел, как бледное лицо Марии склонилось, подобно сломанному цветку лилии, и глаза ее закрылись навеки.

XII ПИСЬМО

Весть о трагической развязке свадьбы губернатора областного колонию, повергнув в траур сердца всех, кто знал прекрасную и добродетельную сеньору. В тот же день секретари Андрес Дуэро и Эриан Кортес послали официальное сообщение в Сантьяго де Куба, написав письма Хуану де Грихальве и Лас Касасу. Священник внимательно

следил за впечатлением, произведенным страшной вестью на его молодого друга и товарища. Но против его предположений, Грихальва дочитал роковое послание до конца, не выказывая ни горя, ни изумления. Только бледность, разлившаяся по его лицу, выдавала волнение, которого не мог не испытать даже самый равнодушный человек, узнав о столь нежданном и горестном событии. Закончив чтение, Грихальва, по-прежнему владея собой, громким голосом обратился к присутствующим:

— Сунруга губернатора отошла в лучший мир. Да свершится воля божья, мы должны чтить его предначертания, даже если не можем понять их. Падре Лас Касас, вам надлежит озаботиться, чтобы все, чего требует святая церковь, было готово для воздаяния погребальных почестей сеньоре... Что же касается наших обязанностей, как представителей власти и кабальеро, — сказал он, повернувшись к остальным, — то слушайте меня: приказываю присутствовать все флаги, пусть ни один не вьется свободно по ветру. Каждый час, до конца похорон, производить пушечный залп в знак общей скорби. Пусть никто не смеет нарушать тишину или мешать проявлениям печали и траура. Собрать все полевые цветы в округе для украшения гробницы и стен храма... Вы, падре Лас Касас, пожертвуйте ради благого дела привезенными с Эспаньолы розовыми кустами, теми прекрасными розами, которыми мы вместе вчера любовались. Быть может, эти цветы привлекали ее взор, слышали ее голос там, на чарующих берегах Осамы, где все мы видели ее когда-то веселой и счастливой. Ступайте, сеньоры. Для выполнения остальных дел я должен остаться один.

Все, кроме Лас Касаса, удалились, чтобы исполнить полученные приказания.

Священник не двигаясь с места, пристально глядя на молодого капитана.

— Я хочу остаться один, падре Касас, — повторил Грихальва, — прошу вас, идите, отдайте распоряжения относительно похорон.

— Не нужно ли вам мое присутствие для того, что собирались вы делать в одиночестве, — спросил глубоко изволнованный Лас Касас. — Если вам хочется плакать, то и я буду плакать с вами. Видите, глаза мои полны слез.

Грихальва с удивлением посмотрел на священника.

— Вы знаете?.. — проговорил он нерешительно.

— Я знаю все, — перебил его Лас Касас. — Сердце мое горит негодованием при мысли, что жестокий отец сознательно свел бедную девочку в могилу, подчинившись плохо понятому долгу чести.

— Вы так думаете? — недоверчиво спросил Грихальва.

— Я это знаю, — твердо ответил Лас Касас.

— Знаете ли вы, что я любил ее?

— Да, и знаю, что были любимы.

— Но она предпочла мне другого, — возразил юноша с горечью. — И, ничего не сказав мне о притязаниях капитана Веласкеса, написала ему письмо, обещая стать его женой, и назначила ему свидание.

— Она умерла, и настал час сорвать повязку с ваших глаз, — торжественно произнес священник. — Сеньор Грихальва, вас одного любила чистой любовью Мария де Куэльяр. Я выполняю давнишнюю ее просьбу, вручая вам это письмо, оно научит вас нести свои страдания, как подобает христианину, и благословлять память той, что ушла от нас навеки.

С этими словами Лас Касас протянул юноше пакет, который доверила ему в Санто-Доминго Мария де Куэльяр.

Грихальва жадно схватил письмо своей возлюбленной и прочел его дрожащим, прерывающимся от волнения голосом:

«Как скоро и внезапно рухнул волшебный замок моего счастья. Вы обвиняете меня, вы бежите, не выслушав меня... Да простит вам бог так же, как прощаю вам я, вашу несправедливость. Вам принадлежит моя любовь, и только вам. Я хотела лишить силы обещание моего отца, не нарушая долга повиновения, но я добилась лишь того, что утратила ваше доверие. Мне пришлось придать обманчивую внешность своим поступкам, когда я жертвовала собой, спасая великодушную подругу, из-за любви ко мне понавапую в опасное положение. Никогда бы не стала я писать под чужую диктовку, соглашаясь на то, чего не хотела, если бы мне не было обещано, что обязательство мое ничего не значит и будет снято с меня при первой же возможности. Это правда. Я клянусь вам перед лицом нашего спасителя, который все видит и которого обмануть нельзя.

Я примирилась с мыслью о смерти, Грихальва, а душа моя будет любить вас и за порогом этой жизни. Без сомнения, я умру очень скоро. Дай бог, чтобы небо, снизойдя к моим мольбам, даровало мне эту милость раньше,

чем ненавистные узы свяжут меня с другим! Но я не хочу ни делать, ни говорить, ни даже думать ничего, что несогласно с долгом истинной христианки, которая падает в лучшем мире найти то, в чем отказало ей было на земле. Поступайте, доп Хуан, так же, если вы действительно меня любите, если вы еще не перестали любить меня. Тогда ничто не сможет помешать тому, чтобы бесконечная доброта создателя даровала нашим душам счастье созерцать друг друга на небе и жить вечно. С этой надеждой жолает вам мира и посвящает вам все свои помыслы несчастная Мария де Куэльяр».

Заключив печальное чтение, Грихальва судорожно прижал письмо к груди и молча, с неподвижным взглядом, застыл в каком-то скорбном испугении. Наконец, как бы отвечая на тайный голос собственной совести, он воскликнул:

— Да, Мария! Да, возвышенная душа, мой светлый ангел! Я был недостойн тебя! Я никогда не понимал твое благородное сердце! Я жестоко обвинял тебя, называл легкомысленным, неверным созданием... О несчастный слепец Грихальва! Где возьмешь ты силы, чтобы нести бремя жизни? Что будешь делать в этом мире? Каким искуплением заслужишь последнее высшее благо, о котором мечтала эта чистая душа? Может ли воскреснуть моя мертвая вера? Нет, невозможно!

— Грихальва, — сурово сказал Лас Касас, — не поддавайтесь малодушно отчаянию. Вам нечего искать: прислушайтесь к голосу этого благородного и святого создания, которое с неба указывает вам путь. Выполните ваше назначение в этом мире: творите добро и проживите свою земную жизнь, не ведая честолюбия и ненависти. Наша жизнь — лишь переход к вечному счастью, уготованному праведникам.

XLII ПУТИ СУДЬБЫ

Несколько лет спустя Диего Веласкес узнал, что на запад от Кубы лежит густо населенная и богатая золотом земля. Написав обиду Франсиско Эрнандесу — первому исследователю берегов Юкатана, — и обойдя многих мужей,

прославленных в боях и отличившихся в завоеваниях, Веласкес высказал твердое желание, чтобы главой флота, посылаемого для дальнейших открытий, был капитан Хуан де Грихальва.

Эрнан Кортес был в то время секретарем Веласкеса. Чуждый побуждениям зависти, он отправился поздравить молодого пачальника с таким высоким назначением и, дружески обнимая его, сказал:

— Счастье и слава протягивают вам руки, доп Хуан. Вы это заслужили.

— Они ищут того, кто их не ценит, доп Эрнандо, — отвечал Грихальва. — Вспомните, что говорил я вам как-то в Санто-Доминго во время верховой прогулки.

— Я хорошо это помню, — сказал Кортес, — но льщу себя надеждой, что время изменит ваши мысли.

Грихальва возглавил экспедицию, в которой под его началом приняли участие Педро де Альварадо, Франсиско де Монтехо и другие капитаны, впоследствии прославившие свои имена. Грихальва обследовал берега Юкатана и Кампече. В Кампече он, самоотверженно подвергая опасности собственную жизнь, спас от рук местных жителей нескольких неосторожных солдат и при этом был ранен. Однако, несмотря на все, он не позволил наказать дикарей, рассудив, что те были правы, и, отпустив их с миром, отправился на реку Табаско, куда уже донесся слух о его человеколюбивом обращении с индейцами. Местный касик взшел на корабль и сам надел на молодого военачальника припесенный им в дар боевой убор, сработанный с поразительным искусством и украшенный пластинками полированного золота. В этом великолепном убранстве Хуан Грихальва показался еще красивее, все восхищались им, сравнивая его с легендарным Ахиллом или прославленным Александром Великим.

К счастью, необыкновенный кастильский вождь не страдал ни воинственным безумием Пелеева сына, ни лихорадочной страстью к завоеваниям и господству, недавней македонского героя. Напрасно, пытаясь разжечь в больной душе своего начальника угасшее стремление к славе и побудить его завладеть этой богатейшей страной, испанцы дали реке Табаско название «Грихальва», сохранившееся за ней и поныне. Напрасно лопман Аламинос отказывался определять курс, чтобы задержать эскадру у волшебного побережья. Добродетельный капитан стойко

сопротивлялся всем соблазнам и строго выполнял наказ Веласкеса, запрещавший ему оседать надолго где бы то ни было. Бросив холодный взгляд на богатую добычу, к которой с жадностью стремились все его подчиненные, он презрительно повернулся спиной к улыбающемуся счастью.

На такое свидетельство бескорыстия, верности и самоотречения Веласкес, которого опьянили восторженные рассказы товарищей Грихальвы, ответил черной неблагодарностью. Благородный юноша выслушал немало горьких увреков и грубых порицаний за поступок, который должен был вызвать у ослепленного Веласкеса еще большее уважение и признательность к его бывшему великодушному сопернику.

Впоследствии Эрнан Кортес, завоевавший Мексику вопреки воле Веласкеса, отомстил ему за эту неблагодарность. Теперь же он пришел к впадшему в немилость Грихальве и, восхищаясь им, сказал:

— Итак, ваши слова сбылись. Вы действительно с презрением отвергли славу и богатство, как предсказали тогда в Санто-Доминго.

— Я родился под несчастной звездой, дон Эрнан, — мрачно ответил Грихальва так же, как ответил он Кортесу и тот памятный вечер, когда счастье навсегда изменило ему.

Вскоре, оскорбленный дурным обращением со стороны Веласкеса, с трудом перенося бремя своей жизни, Грихальва покинул Кубу. В Санто-Доминго он обменялся прощальным объятием со своим верным другом Лас Касасом и последний раз взглянул на места, где протекли дни его мимолетного счастья. Отсюда он направился в Никарагуа и там погиб от руки свирепых индейцев долины Уланче.

Он был добр и великодушен, его бескорыстие и человеколюбие разительно отличались от жестокости и алчности людей его времени. Имя его достойно уважения потомков.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В тысяча пятьсот четырнадцатом году королевским чиновникам на острове Эспањола при могущественной поддержке епископа бургосского Хуана Родригеса де Фонсеки, королевского секретаря Лоне де Кончильоса и других всемогущих сановников при кастильском дворе, удалось одним ударом подорвать престиж молодого адмирала дона Диего Колумба и нанести непоправимый ущерб всему его семейству. Лицемерно прикрываясь именем королевских «слуг», участники камарильи, которую в Санто-Доминго возглавлял казначей Мигель де Пасамонте, ослабили адмирала и его сторонников («недрузьями короля») и добились того, что в Кастилии их признали подлинными злодеями, виновниками быстрого вымирания индейцев, в чем на самом деле была повинна лишь беспощадная жестокость командора Овандо.

Источником для злых наветов послужило то обстоятельство, что адмирал, прибыв на Эспањолу, отнял индейцев у тех, кому они достались по милости командора, и передал их своим друзьям. Пострадавшие с бесстыдством, порожденным алчностью, подняли крик против нового распределения, укоряли счастливицков в жестокости и требовали возвращения жалких остатков племени под свою власть; недавние рабовладельцы, как видно, забыли, что способствовали зверскому истреблению индейцев.

Родриго де Альбуркерке, пменитый житель Ла Веги, слыл человеком, наиболее способным удовлетворить непомерные аппетиты жадных испанцев. Купив с помощью

Пасамонте и при поддержке своего дяди, лиценциата Луиса Санаты из Королевского совета, завидную должность репартидера, составлявшую до той поры одну из привилегий адмирала, он взялся за дело со столь беспримерной наглостью и небывалой жестокостью, что История, отказавшись на этот раз от свойственной ей гордой величавости, присудила новоявленному разбойнику прозвище «бесстыдного».

Репартименто превратилось в руках Родриго де Альбуркерке в открытую торговлю рабами. «Кто больше дал, тот больше и получил», — вот почему «забили в набат испанцы, оставшиеся без индейцев, кляня Альбуркерке как главного врага, разорившего остров».

В яростной схватке между двумя партиями злосчастные индейцы на острове Эспаньола неизменно терпели горькую участь побежденных. Напрасно с упорством, достойным вечной похвалы, поднимали свой милосердный голос красноречивый и пламенный Антон де Монтесино и смелый Педро де Кордова, совершивший путешествие в Испанию, чтобы лично поддержать жалобы своей наставы и требования человеколюбивых христиан, тщетно пытавшихся спасти остатки несчастной расы.

Бургосские, Вальядолидские и прочие справедливые указы, вырванные у монарха горячими и самоотверженными заступниками индейцев, ни к чему не приводили, и неслыханно жестокое рабство, замаскированное ссылками на интересы королевской службы, продолжало процветать.

На Кубе происходило то же самое: местное население вымирало под бременем непосильного труда и жестокого обращения. Достойный Лас Касас, убедившись, что все его проповеди и личный пример бескорыстия не способны облегчить участь обездоленных, в присутствии своего друга, губернатора острова, Диего Веласкеса торжественно отказался от всех привилегий, которыми он пользовался на острове. Вместе со своим помощником, добрым и милосердным Педро де Рентерия, он отдавал все силы святому делу освобождения индейцев, призывая к человечному обращению с поработенными. Было решено, что Лас Касас лично отправится в Испанию и по пути сделает остановку в Санто-Доминго; там ему предстояло встретиться с Педро де Кордовой, который после своего

возвращения из метрополии направил на Кубу миссионеров, чтобы всячески поддержать Лас Касаса в его благородных намерениях.

Так начался самоотверженный подвиг Бартоломе Лас Касаса, заступника индейцев. Он решил вернуться на Эспаньолу; в Ягуапе его корабль стал на якорь. Здесь он узнал, что адмирал отплыл в Испанию, а брат Педро готовится к путешествию на материк, чтобы там на побережье Куманá учредить новые миссии своего ордена.

Дон Диего Колумб с присущей ему твердостью и прямолинейностью возражал против передачи в руки Альбуркерке своих законных наследственных прав; но его соперникам удалось склонить на свою сторону постаревшего и утомленного короля: по наговорам Фопсеки и Кончильоса монарх пренебрег справедливыми жалобами Диего Колумба и под благовидным предлогом вызвал его ко двору. Адмиралу пришлось повиноваться и поклонуть в Санто-Доминго «свою супругу, достойную матрону доню Марию де Толедо и двух дочерей, которые к тому времени родились», оставив их на попечение своего дяди, дона Бартоломе. Прибыв ко двору, адмирал был всячески обласкан королем.

«Между тем, оставшись на свободе и вконец распоясавшись, судьи и чиновники хозяйничали на острове, как им заблагорассудится, и не стеснялись чинить всевозможные притеснения семейству адмирала, невзирая на высокое положение уномянутой знатной доны Марии де Толедо».

II

УСАДЬБА

На плодородной цветущей земле гористого Гаити или Санто-Доминго еще поныне заметны следы той высокой ступени богатства и могущества, которой достигли первые европейцы-колонизаторы. Там и тут в чаще вековых лесов взор путника с изумлением встречает громадные величественные руины, хранящие на обширных и мощных аркадах остатки старого заброшенного акведука, за полуразрушенной колоннадой и высокими стенами вид-

нется некогда пыльное жилище благородного кабальеро, стремившегося поддержать блеск своего рода среди безлюдных просторов Нового Света, или изысканный приют прославленного воина-конкистадора, утомленного житейскими бурями и ратными подвигами на материке и в поисках покоя уединившегося на гостеприимном острове Эспаьола, чтобы мирно наслаждаться своим богатством, добытым дорогой ценой, а зачастую путем неслыханных преступлений.

Итак, роскошные дворцы и обители не были редкостью на Эспаьоле; историк Овьедо справедливо указывал Карлу V, что «дворцы, в которых помещается его императорское величество, подчас далеко не столь просторны и удобны, как иные дома в Санто-Доминго». Не желая отставать от своих собратьев-горожан, владельцы обширных поместий также строили себе величавые и прочные жили-

ца, о чем красноречиво свидетельствуют еще сохранившиеся наперекор беспощадному времени развалины некогда богатейших асьенд — Изабеллы, основанной вице-королевой доней Марией де Толедо, или же Эвгомбе и Сан-Мигель де Пуэрто-Рико.

Дом сеньора Франсиско де Валенсуэла справедливо считался одним из наилучших среди красивых и удобных зданий, построенных разбогатевшими колонизаторами в окрестностях Сан-Хуана. Величественно возвышаясь на холме, он господствовал над цветущими мирными полями Ла Магуаны и с виду походил одновременно на крепость и на обычное жилище. Портик перед фасадом состоял из восьми арок, расположенных одна за другой по четыре в ряд; два крыла здания в виде четырехугольных башен, с небольшими стрельчатыми окнами и готическими шпильями были украшены простым дорическим фризом. Несмотря на явное отсутствие единого стиля, дом из бледно-желтого известняка производил приятное впечатление и радовал глаз, выделяясь на зеленом фоне холма, мягко спускавшегося в обширную равнину, где там и тут темнели кустарники и, подобно гигантским букетам, высились кусты деревьев, под сенью которых спешили укрыться коровы и овцы, когда тучи проливались на землю обильным дождем или знойные лучи южного солнца до предела накаляли воздух.

В один из прекрасных осенних дней дон Франсиско де Валенсуэла и юный касик Эрикильо стояли перед домом, в тени колоннады и, не отрывая глаз, смотрели на искусного наездника, посвившегося вдоль и поперек по равнине на быстроногой, ослепительно белой кобыле; словно тонкие, гибкие травы саваны, развевалась грива на ее горделиво изогнутой шее.

Закончив пробежку, статный наездник во весь опор подскочил к портику и, спрыгнув наземь, с явным удовлетворением принял похвалы Эрикильо и старика.

— Эта кобыла и впрямь превосходна, — сказал он, — и охотно дал бы за нее моего серого в яблоках коня и пару волов в придачу.

— Считайте ее своею, дон Андрес, — с искренней сердечностью откликнулся касик. — Не может быть и речи о каком-то обмене или выкупе.

Вместо ответа молодой Андрес де Валенсуэла любовно

потрепал горделивую шею лошади, словно она уже перешла в его собственность; заметив это движение, отец решительно вмешался:

— Вы забываетесь, мальчики? Смеешь ли ты, Энрикильо, располагать лошадью, полученной в подарок от моего достойного друга падре Лас Касаса?.. И не стыдно ли тебе, Андрес, пользуясь щедростью Энрике, посягать на его бесценное сокровище?

— Батюшка, — с досадой возразил молодой Валенсуэла, — я предложил ему выкуп, брать ее даром я не собирался.

— Это одно и то же, мой друг, выкинь из головы эту мысль, — твердо пропзнес дон Франсиско. — Лошадь останется у Энрике.

— А почему мне нельзя сделать такой подарок дону Андресу? — скромно возразил Энрике. — Вы, сеньор, сами не раз повторяли, что я должен считать его своим братом.

— Верно, дружок, — сказал старик, и голос его смягчился, — но тут обстоятельства особые. Лошадь — свадебный подарок твоего покровителя, так можешь ли ты дарить ее кому бы то ни было? На, прочти сам письмо падре Бартоломе.

И, достав из кармана своего камзола бумагу, он протянул ее Энрике, который прочел вслух:

— «Дорогой друг и сеньор дон Франсиско, податель сего письма Камачо передаст вам кобылу, которую я купил вчера по совету рехидора Рейносо, прибывшего вместе со мной из Асуа; это свадебный подарок моему сыну во Христе Энрике, касицу Баоруко. Я не решился доверить лошадь никому другому, кроме моего старого Камачо, который сможет заодно побывать в своих краях и повидаться с родными. Если он выразит согласие, а вы пожелаете, то можете оставить его при себе до моего возвращения из Испании, куда меня призывает долг перед богом, человечеством и королем».

Дойдя до этого места, Энрике почтительно поцеловал послание и вернул его Валенсуэле; но тот сказал:

— Читай дальше, сынок, читай. В письме ты найдешь и другие вести, которые тебя касаются больше, нежели ты полагаешь.

Касик продолжал:

— «Прослышав в Ягуане о том, что пiousный брат Педро де Кордова собирается на материк для проповеди и обращения индейцев в христианство, я покинул моих спутников, ибо один из них занемог, да и лошадей на всех не хватало, и, не мешкая, отправился по кратчайшей дороге на Карейбапу в сопровождении лишь моего верного Камачо; не задерживаясь ни в Асуа, ни где-либо в другом месте, мы спустя четыре с половиной дня прибыли в Санто-Доминго, где я застал всех в полном смятении из-за последнего репартименто, произведенного Альбуркерке.

Как я ни торопился в пути, брат Педро успел уже отплыть; и счастьем повидаться с ним я обязан лишь сильнейшему урагану, который чудесным образом пригнал корабль обратно в порт, когда мы уже считали его погибшим вместе со всеми путешественниками, а на берег были вынесены святые дары и устроено молебствие о спасении терпящих бедствие. Возблагодарим же господа бога.

Достойный брат Педро все еще находится под впечатлением своего последнего путешествия в Испанию; сомневался, что мне удастся обратить внимание двора на горестное положение индейцев, он, однако же, одобрил мое усердие и горячие проповеди, с которыми я здесь выступал. Благоволение брата Педро ко мне неизменно растет; по его словам, он еще никого из своих монахов не ценил так высоко, как меня. Он посылает вместе со мной в Испанию Монтесино, того самого монаха, который, как вам известно, первым выступил против дьявольского жестокосердия.

Не могу передать, как я сожалею, что мне не довелось побывать по пути в Ла Магуане и крепко обнять вас. Надеюсь, что господь еще сподобит меня встретиться с вами. Между тем я полагаю, что пришло время совершить бракосочетание нашего Эрикильо. Вы просто поразитесь, когда увидите, до чего похорошела невеста, как она скромна, как превосходно воспитана. Мне от всей души хотелось бы присутствовать на свадьбе детей, но я посвятил себя делу, которое, как всякое великое и благое начинание, требует жертв, что, впрочем, несколько не тяготит меня.

Уже в Вера-Пас, а затем здесь я услышал, что вам удалось отстоять Эрикильо, на которого Альбуркерке по наущению зловредного Мохики пытался положить руку при распределении индейцев; к счастью, вы позаботились о том, чтобы и в дальнейшем обеспечить судьбу нашего милого касика. Вообразите, они осмелились занести в свои

списки и Менсию, якобы порученную вице-королеве. Однако достойная сеньора сумела поставить на место зазвешегося Альбуркерке; пытаясь оправдаться, он свалил всю вину на ипстригана Мохика; дон Бартоломе едва не спустил с лестницы наглого плута, когда тот вздумал прийти к нему с прощальным визитом.

Об этом мне рассказала сама вице-королева; она согласна со мной, что следует поспешить с заключением брака, пока не возникли новые трудности. Действуйте в мое отсутствие по собственному усмотрению; в крайнем случае, если не удастся заключить брак в ближайшее время, мы все уладим после моего возвращения из Испании. Дней через пять-шесть я отпываю.

На этом прощаюсь с вами и желаю вам здоровья.

Санто-Доминго, 15 сентября 1515 года.

Ваш преданный друг капеллан *Бартоломе Лас Касас*,
священник».

Прочитав письмо до конца, Эприке задумался.

— Ну, что ты на это скажешь, сынок? — обратился к нему дон Франсиско. — Можешь ли ты теперь расстаться с твоей замечательной лошастью?

— Я изменю самому себе, если выпущу коня из моих рук, — ответил Эприке.

Двусмысленная усмешка заиграла на губах Авдреса Валенсуэлы, когда он услышал эти слова.

III

ХАРАКТЕРЫ

Немного времени спустя сеньор Валенсуэла заперся в своем кабинете наедине с касиком Эприке и спросил его:

— Понял ли ты, насколько серьезно письмо лиценцианта? Я хотел бы знать твое мнение, ведь это касается тебя.

— Сеньор, — сдержанно ответил Эприкильо, — самое важное в письме, как мне кажется, это вопрос о моей женитьбе. Кроме того, меня поразила низость тех, кто пытался включить Менсию в список рабов; впрочем, раз в этом деле принимал участие Мохика, удивляться нечему.

— Тем более что он и его достойный союзник Альбуркерке получили по заслугам; перестань же думать об этом, а если тебе доведется встретить здесь Мохику, держи себя как ни в чем не бывало. Я хочу знать, согласиен ли ты с моим добрым другом лиценциатом и вице-королевой, что брак надо ускорить?

Эрике попытался что-то ответить, пробормотал несколько невнятных слов, смутился и умолк.

— Что ж, — добродушно улыбуясь Валенсуэла, — как я понимаю — чем скорее настанет день твоей свадьбы, тем лучше. Не так ли?

— Конечно, сеньор, — ответил просто Эрике, отранившись от смущения.

— Так с твоей стороны все готово? В порядке ли счета и записи, касающиеся имущества твоей невесты, которое вот уже два года находится только на твоём попечении?

— Вы можете сами все проверить, сеньор. Все дела в полном порядке.

— Ну и отлично, сынок; я придерживаюсь того же мнения, что и падре Касае, и вице-королева, да и ты сам: необходимо возможно скорее заключить брак. И если все счета по имению в порядке, задача значительно облегчается: не пройдет и месяца, как мы тронемся в путь, в Санто-Доминго. Я буду у тебя посаженным отцом, это, песомпейно, порадует моего доброго друга Касае; а вернувшись, ты с женой поселишься в лучшем из моих домов, в том, что рядом с церковью. Ты доволен?

Эрике молча поцеловал руку у своего доброго покровителя, не выказав никакой радости. На его обычно серьезное и задумчивое лицо легла печать глубокой озабоченности, вызванной, как решил про себя сеньор Валенсуэла, раздумьем над священными обязанностями, которые предстояло взять на себя молодому супругу.

Вечером, прохаживаясь при свете луны по лужайке вместе со своим верным Тамайо и старым Камачо, Эрике сообщил им о приближении волнующего события в его жизни и открыл истинную причину своей озабоченности.

— Я еще никогда не испытывал чувства ненависти, — сказал он. — Когда мне сообщили, что я в числе сорока шести слуг «поручен» доброму дону Франсиско, то я, хоть мне и было вновь такое положение, вполне обычное для моих братьев, почувствовал лишь небольшой укол самолюбия и слегка опечалился, видя, что меня причисляют ко

всем прочим касикам, чья скорбная участь превратила их в орудие жестокого порабощения наших братьев. Но так повелел король; и, никого не проклиная, я возблагодарил милостивого бога, даровавшего мне покровителей, которые пекутся о моем достоинстве и благе. Но сегодня, когда я услышал, что эти негодяи пытались приравнять к рабским Менсию, огонь моей души, свет моих очей, во мне вскипела кровь и восстала вся гордость моей расы; я вспомнил, что рожден касиком и принадлежу к касте властелинов, вождей, и окажись Мохика вместе с Альбуркерке поблизости, и собственными руками вырвал бы у них сердце... Да простит мне бог!

— Наконец-то, Эврике, — воскликнул обрадованный Тамайо, — ты заговорил, как мужчина.

— Как дурной христианин, — поправил его прощипыванным тоном старый Камачо. — Что сказал бы падре, мой господин, услышав надменные слова своего сына во Христе, — ведь так он называет тебя, Эврике. И что сказали бы милосердные монахи из Вера-Пас, которые так старались воспитать тебя добрым!..

— Ты прав, дорогой Камачо, — кротко согласился с ним Эврике, — не будем больше говорить об этом.

Камачо, старик индеец, родился также на Эспаньоле. Природные ум и доброта, сквозившие в его облике, рассуждениях и поступках, заслужили ему горячую привязанность Лас Касаса, который отличал его среди всех многочисленных преданных слуг, живших в доме; Камачо стал камердинером, доверенным слугой лиценциата, и тот взял его с собой на Кубу, где верный кискеянец приложил немало стараний, чтобы помочь миссионеру привлечь и обратить в христианство туземцев.

Вернувшись на Эспаньолу, священник намеревался взять старика в Испанию, как живое свидетельство прекрасных душевных и уметвенных качеств индейской расы; но старого слугу так укачало по пути из Кубы в Ягуану, что Лас Касас отказался от своего намерения и, как ни тягостно ему было на это решиться, оставил Камачо на острове, о чем и сообщил в письме на имя дона Франсиско де Валенсуэлы.

Как на Эспаньоле, так и на Кубе старый Камачо пользовался у всех большим уважением; его высоко ценили не только за верную службу в доме падре Лас Касаса, но так-

же за природный ум и здравый смысл. На обоих островах самые богатые и видные сеньоры, попав в затруднительное положение, не стеснялись прибегать к его советам и никогда в этом не раскаивались.

Тамайо по своему характеру составлял полную противоположность старому индейцу. Он был честен и способен на глубокую привязанность, как это подтверждала его преданность Эприке и благодарность Лас Касасу; но, резкий и вспыльчивый, он был частенько склонен к приступам злобы. Его характер особенно ожесточился с той поры, как он остался один без Эприке в монастыре францисканцев в Санто-Доминго, с чем он никак не хотел примириться. Сообразив, что в монастыре его удерживают как дельного и исправного работника, он стал исполнять свои обязанности снустя рукава, кое-как, превращая в осколки и в обломки решительно все, что попадало ему в руки. Расчет его оказался верен: терпение монахов истощилось, и тогда, прослышав, что Лас Касас собирается на Кубу, Тамайо пришел к нему и откровенно сказал:

— Ваша милость, попросите добрых отцов отпустить меня к Эприке в Ла Магуану; я уверен, теперь они не станут меня удерживать.

В самом деле, Лас Касас возобновил свою просьбу и, как мы уже сообщали, без труда добился желаемого от брата Антонио Эспиналя. Он поселил индейца в Ла Магуане, сперва в качестве слуги дона Франсиско, а потом, когда новый указ сократил число индейцев, порученных Валенсуэле, Тамайо по просьбе Лас Касаса был зачислен слугой к Алданье, родственнику Валенсуэлы, но в действительности остался по-прежнему вместе с Эприке. И хотя вопрос таким образом уладился, ожесточенность Тамайо не ослабевала, и он не упускал случая высказать неприимую ненависть к завоевателям. Только Эприке и его покровителям удавалось укрощать гневные вспышки гордого индейца. Все усилия доброго Камачо привить смирение этому непокорному духу оставались тщетными: в ответ на его проповеди о боге, об Иисусе Христе, о религиозных истинах, которые словом и примером открыл своему старому слуге Лас Касас, суровый харагуанец неумолимо возражал:

— Будь все христиане похожи на твоего господина, и поверил бы этим поучениям. Но кто из испанцев учат

нас добру? Разве что монахи, да и то сказать, поучать они нас поучают, а сами частенько поступают очень дурно.

— Ну это уж не твоя забота; за свой грех они сами и ответят, — возражал старый индеец. — Лишь бы наша совесть была чиста перед богом, ведь каждый из нас даст ему отчет в своих поступках.

IV

ПОРТРЕТЫ

Покадобрилось немало времени, чтобы составить и засвидетельствовать у нотариуса все акты, необходимые для предстоящей перемены в жизни Эрике, и как ни торопился Валенсуэла, формальности были закончены лишь в первых числах декабря. Распрощавшись на несколько дней с сыном и домом, Валенсуэла пустился в путь в сопровождении того, чьим посаженным отцом на свадьбе он обещал быть, и небольшой свиты, состоявшей из Тамайо, двух верховых и шести слуг-индейцев.

Благополучно прибыв в Санто-Доминго, дом Франсиско расположился было в доме своего доброго приятеля дона Альваро Кабальеро, по вице-королеву, унаво приезде друзей, предложила им занять дом, заранее приготовленный и снабженный всем необходимым для приема гостей. Таким образом, к великому огорчению дона Альваро, путешественникам пришлось отказаться от его гостеприимства.

В тот же вечер Валенсуэла и Эрике отправились во дворец. Жених и невеста получили возможность свободно поговорить. Прошло более четырех лет с тех пор, как они виделись, и Эрике был поражен переменной, происшедшей в молодой девушке за время разлуки. Среди пустынных просторов Ла Магуана при легком шелесте ветра, пролетающего над равниной, при таинственном роноте волн, разбивающихся о каменистый берег, Эрике любил вызывать в своей памяти образ Мещени, но при этом он видел ее прежней двенадцатилетней девочкой. В ту пору черты ее прелестного личика, хранившего неясную печать младенчества, еще не успели приобрести безупречную чистоту линий, а стан был еще лишен мягких очертаний, придававших ей ныне сходство с греческой статуей, белокурою

волосы еще не отвечивали темной бронзой, лоб еще не сиял величавой белизной мрамора, темные глаза еще не светились живым умом, а маленький пуццовый рот еще не таил в себе неодолимой притягательной силы — и только теперь чарующая красота, преодолев естественную стыдливость, победно засверкала сквозь нежный румянец девичьей застенчивости. Вот какой стала Менсия де Гевара; восхищенный Эрикильо отказывался верить, что это прекрасное создание предназначено стать его женой.

Менсия, в свою очередь, смотрела на Эрике с любовью, в котором не было, впрочем, ни тени удивления или робости; она встретила его с приветливой, ласковой непринужденностью, как встречают родственника или друга. Женский ум, более тонкий и гибкий, несомненно, формируется быстрее, чем мужской, интуитивно постигая истинные связи и отношения с внешним миром. Врожденное чутье Менсии дополнилось воспитанием, полученным в доме вице-королевы, куда она по прихоти судьбы пошла с детства. Так или иначе прелестная девушка держалась со своим кузеном и будущим мужем столь же непринужденно и уверенно, сколь смущенно и робко держался юноша в присутствии своей невесты.

Эрике было около двадцати лет; высокий, статный, непоколебимый скромного достоинства, он располагал к себе с первого взгляда. В его гармоничной внешности было то, что ценится дороже красоты. Ясный лоб, правильный овал лица, мягкий блеск спокойных черных глаз — все говорило о кротком, миролюбивом нраве юноши; как лучи солнца проникают сквозь прозрачное стекло, так доброта и искренность Эрике светились в чертах его лица. Кто наблюдал неизменно ровный и сдержанный характер кастика, тот мог легко прийти к выводу, будто ему чужды мужество и решительность. Такой ошибочный взгляд, возможно, усугубил в известной степени превратности его судьбы. Эрике носил простой и изящный кастильский костюм того времени, в который итальянская мода уже успела внести некоторые новшества, не нарушив, однако, его общей строгости, ибо свое полное господство в ущерб художественному вкусу она установила лишь несколько лет спустя. Костюм, благородная осанка, правильные черты лица и непринужденные манеры придавали юному каску сходство с молодым испанцем, одним из множества сыновей богатых и могущественных колонизаторов острова;

только гладкое, лишенное растительности лицо, бронзовый оттенок кожи и прямые, шелковистые, коротко подстриженные волосы говорили о его принадлежности к айтильской расе. Такое сочетание противоречий в облике Эприке приковывало к нему всеобщее внимание и выделяло его среди всех касиков, принявших христианство на Эспаньоле.

Проницательный взгляд, которым Менсия окинула своего жениха, расположил девушку, по-видимому, в его пользу, и она обратилась к нему с ласковой улыбкой, откровенней жемчужный ряд зубов:

— Ты молчишь, Эприке, даже руки мне не протянешь. Слово мы чужие.

— Сеньора... Менсия... я... Право, я с трудом узнал вас, — пробормотал Эприке.

— Неужто я так изменилась? — весело рассмеялась Менсия. — На правах родственника ты должен сказать, не превратилась ли я в урода?

— Ах нет, Менсия! — с жаром воскликнул юпоша, оправившись от первого смущенья. — Напротив, я пахожу вас прекрасной, сказочно прекрасной... вы не похожи на земное существо.

— Ну, так ты скоро убедишься, что я ем и пью, как бывало в детстве, и что мне по-прежнему нравятся цветы и птицы... А много ли цветов в Ла Магуане?

— Саванны, горы и речные берега, — с гордостью проговорил Эприке, — все усеяно цветами, словно в ожидании торжественного праздника.

— Как чудесно! — простодушно воскликнула девушка. — Мне хочется самой все это увидеть.

Услышав последние слова, вице-королева сказала с нежным упреком:

— А еще вчера вечером ты горевала, что нам предстоит разлука! Неблагодарная!

— Ах, сеньора, — поспешно возразила девушка, — вы сами убеждали меня, что я должна примириться с нашей разлукой и с радостью последовать за...

Тут Менсия запнулась и смущенно умолкла.

— За твоим мужем, — досказала вице-королева. — Я покинула мою родину, семью и последовала за моим Диего; и если ныне я живу в разлуке с ним, — прибавила она с тяжелым вздохом, — то не по своей, а по божьей воле.

— Проклятье тому, кто разлучил супругов, соединенных богом! — с гневом проговорил дон Франсиско Валенсуэла.

— Этот Альбуркерке! Этот Пасамонте! Этот... — с досадой воскликнула донья Мария. — Но оставим в покое все неприятные разговоры и обсудим лучше предстоящее бракосочетание наших дорогих детей.

— Я полагаю, — начал Валенсуэла, — что чем скорее мы их обвенчаем, тем лучше, таково желание и кадре Пасаса; ради этого мы и приехали, о чем я имел честь предупредить вас в письме.

— В письме? — с удивленьем переспросила вице-королева.

— Да, сеньора, а разве письмо не попало в ваши руки?

— Нет, дон Франсиско, письма я не получала; но я сразу присоединилась к мнению сеньора Лас Касаса, и как видно, мы с ним не ошиблись, рассчитывая, что вы разделите наш взгляд и без промедления явитесь вместе с Энрикильо для заключения брака. Но куда же запропастилось ваше письмо?

— Я полагал, что отдал его в надежные руки, послал главному алькальду Бадилю, который отправлял деловые бумаги в апелляционный суд, — сказал Валенсуэла. — Это было дней двадцать назад.

— Верно, оно пропало по дороге, затерялось среди бумаг, — предположила вице-королева. — Но так или иначе, вы видите, что мы вас поджидали; не важно, если ваше известие о приезде не дошло до нас.

— Весьма признателен вам за вашу спусходительность, — сказал Валенсуэла, — и тем не менее я огорчен потерей письма: направив его вам, я выполнил лишь священный долг учтивости.

— Не придете ли вы к нам завтра в полдень, — снова заговорила вице-королева, — чтобы совместно с доном Бартоломе назначить день свадьбы и обсудить все подробности. Дон Бартоломе хворает и не выходит из дому; он родственник моего супруга, и я не хочу что-либо предпринимать без его согласия.

— Все будет сделано по вашему желанию, сеньора, — поклонился Валенсуэла.

Вскоре гости расширились и вернулись к себе,

V
БИТВА

Тамайю нетерпеливо поджидал их на пороге дома и, едва завидев, поспешил к ним навстречу.

— Знаете, кого я видел? — сказал он без околичностей. — Этого зловещего воропа, как ваша милость его прозвала, дон Педро де Мохика.

У дон Франсиско и Эрикильо вырвался возглас удивления.

— Уж не ошибся ли ты, дружок, — заметил дон Франсиско, — ведь сеньор Мохика находится в Вера-Пас... По крайней мере, когда я встретился с ним в Сан-Хуане проездом, тому будет дней двадцать, он, прощаясь, сказал мне, что едет в свое поместье в Ягуану.

— На кресте кляпуюсь вашей милости, — с жаром повторил Тамайю, — что два часа тому назад он прошел мимо еще с одним кабальеро. Кажется, он меня не видел или, во всяком случае, не узнал: ведь всякий раз при встрече он старается взбесить меня какой-нибудь гнусной насмешкой. Очень рад, что он меня не заметил, а вы, ваша милость, будьте пастором же. Несомненно, Мохика что-то замышляет, иначе зачем бы ему приехать сюда тайком?

— Пожалуй, ты прав, дружок, — сказал Валенсуэла. — А ты, Эрикильо, что об этом думаешь?

— Вы же знаете, сеньор, — ответил юноша, — я никогда не жду ничего хорошего от этого человека. Меня уже давно гложет мысль, что из-за него мне не миновать беды; эта мысль так глубоко засела в моем мозгу, что при виде Мохики я всякий раз вздрагиваю, словно передо мной внезапно выползла змея...

Сеньор Валенсуэла улыбнулся; вместе с Эрикильо он принялся судить и ридить, что могло означать появление Мохики в столице колонии.

В конце концов, придя к выводу, что присутствие неприятного идальго едва ли может повредить им, они разошлись по своим комнатам спать.

Говоря по правде, спал лишь один Валенсуэла, как спят люди преклонного возраста, сохранившие чистую совесть вместе с безоблачной ясностью духа и находящие удовле-

творение в том, чтобы творить добро, посвятив благородной деятельности весь остаток своих сил; в глубоком освежающем сне находят они первую награду за добрые дела, в мирные грезы и отрадные сновиденья служат для них преддверием к небесному блаженству, уготованному праведникам. Что же касается юного касика, то, лежа в постели, он продолжал бодрствовать. Сон бежал от него; тысяча нахлынувших мыслей теснились в его воспаленном мозгу; в душе беспорядочно возникали, бурлили и кипели беспокойные воспоминания и чувства. Сознывая, что он стоит у решающей грани своей жизни, Эрикилью оглянулся назад и заново, одну за другой пересмотрел все страницы прошлого. Он подошел к порогу счастливого дня, в который сможет назвать свою молодую девушку сказанной красоты. В немом восторге он замер перед ней в день встречи, чувствуя себя недостойным коснуться края ее одежды. Ведь хотя его с детства холили и лелеяли, он был всего лишь инцим касиком, отпрыском злополучной расы, с которой завоеватели обращались хуже, чем со скотом; и вот нынче он стоит накануне того дня, когда все имущество богатой девушки должно перейти к нему, жалкому бедняку, который, правда, ни в чем не нуждается, но никак не может сравниться с Менсией: ведь ее состояние с давних пор находилось в руках расчетливого опекуна Мохики, меж тем как богатые родовые владения Эрикилью в Баоруко давали ему всего-навсего право на пышный титул касика или владыки горной местности, где ничего ему не принадлежало — ни земля, ни ее обитатели, отданные в руки завоевателей по указу о репартименте. Итак, он был касиком под властью испанцев, а Менсия, достойная по своей красоте и совершенствам разделить трон и брачное ложе короля, готова снизойти до него, бесправного сироты, у которого ничего нет за душой, готова, поклянувшись ради него дворец, где ее растили, как родную дочь, в обществе знатных сеньор, уехать с ним в Ла Магуану и стать слушницей человека, который целиком зависел не от себя, а от другого... Да, но ведь этот другой был достойным другом Лас Касаса, доброжелательным и благородным Валесуэлой, любившим его, как сына, и сотня раз повторявшим юноше, что его состояние и положение обеспечены: в самом деле, искренне привязавшись к Эрике, старик доверил ему управление всем своим имуществом и постоянно твердил, что ревностная забота и умелое

наблюдение за его землями и стадами вдвое увеличили его богатства. Вправе ли Эрикильо противиться решению своих покровителей, пекущихся о его благе? Вправе ли из гордости отказаться от счастья назвать своей супругой Менсию, — ведь его союз с молодой девушкой освящен перед богом и людьми заветом умирающей и желанием самых близких друзей.

Терзаясь такими противоречивыми мыслями, бесконечной вереницей пронесившимися в его мозгу, Эрике вскочил с постели и принялся шагать по комнате из угла в угол; вконец измученный, он упал в кресло, где, не смыкая глаз, просидел до утра и встретил новый день, не разрешив ни одного из жгучих сомнений, кипевших в его воспаленном воображении.

Когда Тамайо вошел сообщить, что сеньор Валенсуэла проснулся и ожидает его, Эрикильо уже был одет в один из своих лучших костюмов.

Он явился к своему покровителю, и тот с добродушной улыбкой одобрил нетерпение жепиха, одевшегося спозаранку. Тут Эрике рассказал дону Франсиско о ночи, проведенной без сна, и о всех своих горьких размышлениях. Но Валенсуэла лишь посмеялся над опасными касика, назвав его щепетильность фантастическими бреднями влюбленного; юноша охотно согласился с доводами своего покровителя и признал его правоту.

После обильного завтрака старик и юноша отправились повестить своих добрых знакомых. Валенсуэла находился в тесной дружбе с Франсиско де Гараем, Родриго де Бастидасом, Гонсало де Гусманом и другими именитыми сеньорами, давнишними жителями колонии. Повсюду приезжих ожидал сердечный прием. С ласковым радушием встретили их также монахи — доминиканцы и францисканцы. Около полудня, покинув францискапский монастырь, Валенсуэла и Эрике направились во дворец вице-короля; дворец высился недалеко на побережье. По дороге они неожиданно лицом к лицу столкнулись со своим исконным врагом доном Педро де Мохикой; тот было смутился, но, быстро оправившись, сделал вид, будто приятно поражен, и принялся поздравлять приезжих с благополучным прибытием в таких медоточивых выражениях, какие лишь возможно сыскать в словаре вероломства. В ответ на эти преувеличенные любезности Эрике только сухо, словно нехотя, кивнул головой;

когда же пдальго засыпал приезжих назойливыми вопро-самн, дон Франснско, слывшнй человеком откровенным, оборвал его н сказал без околнчностей:

— Сеньор дон Педро, я не уднвлен, но н не обрадован встречей с вамн. Я своевременно сообщил вам, что отпра-вляюсь в Санто-Домнго; вы предпочли скрытничать. По-желаю вам удачи. Пути ваши расходятся. Прощайте.

Эти слова застнгли Мохнку врасплох, он не сразу на-шелся н в поисках подходящего ответа все еще чесал у себя за ухом, когда его собеседннкн, нн разу не оберну-вшнсь, скрылись за оградой с позолоченными остриями, окружавшей родовой дворец Днго Колумба. Ундивев, куда направляются приезжне, идальго злобно усмехнулся, по-качал головой н процеднл сквозь зубы:

— Так ваши пути расходятся? Ну, это мы еще посмо-трнм! Вы скоро убеднтесь, что нашим дорогам еще не раз суждено скрестнтся, н даже чаще, чем вам бы этого хо-телось, мошенннкн.

И поспешил удалнтся.

VI

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Глубокая тревога охватила сеньора Валенсуэлу, едва он распрощался с Мохнккой, которнй был издавна ему изве-стен как лукавый н злобный ннтриган, способный на лю-бые козни, лишь бы навредить ближнему. Впрочем, не желая расстраиывать Энтнке, добрый старнк умолчал о сво-нх опасеннях, а потом н сам успокоился в надежде, что его влияние н связи помогут одержать верх над коварным противннком; вместе со своим подопочнмым он вошел во дворец Колумбов н велел доложить о себе вице-королеве.

Знатная сеньора тотчас приняла гостей н сообщила им, что дон Бартоломе, страдающнй от сильнейшего пристуна подагры, проснт их пожаловать к себе, ибо, несмотря на болезнь, готов заняться деламн друзей, тем более что речь идет о внучке Авакаоны, которую он любит как родную дочь.

В сопровожденнн вице-королевы приезжне немедленно отправились в покои больного. Валенсуэла крепко обнял дона Бартоломе, с которым был издавна дружен, а Энтнке

поцеловал у него руку; отяжелевшей от болезни рукой дон Бартоломе погладил голову юного касика. После обмена приветствиями донья Марья, не откладывая, обратилась со своей обычной ласковой улыбкой к дону Бартоломе:

— Дорогой дядя, пожалуйста, обсудите с сеньором Валенсуэлой все, что необходимо для бракосочетания Эприке с нашей Менсией. Все будет исполнено так, как вы решите.

— Оформление не займет много времени, — ответил дон Бартоломе, — и не представит никаких трудностей, раз все дела находится в руках такого человека, как мой друг дон Франсиско. О материальной стороне незачем говорить: кто осмелится требовать отчета от самого честного человека Ла Магуаны, если не всей Эспаньолы?

— Что касается материальной стороны, — поспешил сказать Валенсуэла, — то вы можете просмотреть краткий отчет, где все записано и должным образом изложено, а подробности и счета по управлению вы найдете вот в этих документах.

Тут дон Франсиско вытащил из кармана своего темного суконного камзола объемистый пакет и протянул его дону Бартоломе.

— К черту ваши бумажонки! — весело воскликнул больной, отталкивая от себя документы. — Уж не хотите ли вы убить меня, Валенсуэла? Вы же слышали, — никто не осмелится требовать у вас отчета. Что вы на это скажете, дорогая племянница?

— То же, что и вы, сеньор, — ответила вице-королева. — Дон Франсиско оскорбляет нас, предполагая, что мы потребуем у него отчета или кто-либо от нашего имени станет проверять счета по управлению имуществом; оно было доверено его прославленной честности, и ему надлежит по собственному разумению разрешить это дело вместе с Эприке, когда тот станет мужем Менсии.

— В таком случае все уже закончено, — сказал Валенсуэла, — ведь Эприкильо не хуже моего разбирается в вопросах управления. Не так ли, дружок?

— Да, сеньор, — подтвердил касик. — Я могу изложить и объяснить на память все, что касается имущества моей кузины.

— В этом нет необходимости, Эприкильо, — с улыбкой возразила вице-королева. — Обсудим главное: когда, где и

как желает мой уважаемый и любимый дядя назначить бракосочетание?

— С вашего разрешения, дон Франсиско, — начал дон Бартоломе, — я полагаю, что раз все подготовлено, то можно назначить свадьбу на субботу, через пять дней, в нашей домово́й церкви, где наш капеллан свершит святое таинство в тесном кругу родных и друзей. Несмотря на мои недуги, я также приму участие в официальном акте; потом вы, племянница, устроите празднество, пригласив гостей по своему выбору и усмотрению; мои же обязанности на этом закончатся, ибо я не могу ни танцевать на балу, ни веселиться за столом, как положено.

— Разрешите высказать одну просьбу, — несмело начал Эрике.

— Говори, что ты хотел бы, сынок, — ответил дон Бартоломе, — никто больше тебя не имеет права голоса в этом деле.

— Я просил бы, ваши милости, — продолжал карик, не поднимая глаз, — не устраивать по случаю свадьбы пышного празднества, о котором здесь только что говорил высокочтимый дон Бартоломе.

— Да будет по-твоему, Эрикильо, — ответила Мария де Толедо. — Я также не смогла бы от души веселиться в отсутствие моего дорогого Диего.

— Однако, — снова вмешался в разговор дон Бартоломе, — необходимо подписать брачный контракт по всем правилам. Не забывайте, что речь идет о богатой наследнице, испанке по отцу, индианке по матери, принадлежавшей к одному из самых знатных родов острова; а наши многочисленные недруги, способные на любые козни, могут при дворе представить эту свадьбу как новое покушение на прерогативы кастильских королей. Так не следует ли нам пригласить в качестве свидетелей при подписании брачного контракта представителей власти и сенсоров из апелляционного суда?

— Все ваши предложения, дядя, весьма разумны, — заметила вице-королева.

— Могу только похвалить вашу мудрую предусмотрительность, — подтвердил, в свою очередь, Валенсуэла.

Откланявшись, все трое покинули покои больного и вскоре входили в главный зал, где среди придворных дам вице-королевы находилась и Менсия.

Валенсуэла знал всех или почти всех молодых женщин, но Эрике видел некоторых из них впервые; юноша естественно и непринужденно поклонился собравшимся и со спокойным достоинством выдержал устремленные на него со всех сторон испытующие взгляды. Донья Мария, как всегда приветливая и доброжелательная, обратилась к двум стоявшим поблизости дамам:

— Подойдите к молодому касику Эрике, будущему мужу Менсии, и приветствуйте его так, словно он уже стал членом нашей семьи.

Все дамы с веселым оживлением окружили Эрике, наперебой стараясь завязать с ним разговор. Одни поздравляли его, другие спрашивали, на какой день назначено венчание; эта называла себя подружкой Менсии, та напоминала, что познакомилась с ним впервые четыре года назад и пахнет, что с тех пор он заметно изменился в лучшую сторону.

— Помните ласточку? — спросила его с дружеской непринужденностью Эльвира Пименталь, родившаяся и выросшая в Гранаде, та самая Эльвира, которая однажды на террасе в доме сеньора де Гарай, где жила в то время семья вице-короля, выпустила на волю ласточку, пойманную соколом Эрикильо и подаренную им Менсии.

— Я всегда с удовольствием вспоминал об этом случае, сеньора, — ответил Эрикильо. — С тех пор я немало охотился, и всякий раз мне так хотелось отпустить на волю бедных пленниц, чтобы порадоваться вместе с ними, подобно той ласточке, которую вы тогда освободили.

— Поверьте, касик, не выпусти я тогда ласточку на волю, вам бы не дождался свадьбы, — с твердым убеждением проговорила Эльвира.

— А теперь довольно, девушки! — воскликнула вице-королева, как всегда добродушно и весело. — Похоже на то, что вы задались целью не дать жениху и невесте перемолвиться словом. Попросим лучше сеньора Валенсуэлу рассказать нам новости из Ла Магуаны, а тем временем кузина с кузенком найдут, о чем поговорить друг с другом.

Все одобрили предложение вице-королевы, и Менсия очутилась вдвоем с Эрике в глубине просторного зала; остальные вместе с вице-королевой собрались вокруг Валенсуэлы и забросали его вопросами:

«Далеко ли отсюда до Ла Магуаны?» — «Не очень близко, милая девушка», — отвечал старик. «Путь, верно, прегражден множеством рек?», «А дорога, конечно, плохая?», «Местность гористая?», «Встречаются ли там красивые дома?» Словом, каждая спрашивала о том, что ее интересовало, и на все вопросы Валенсуэла неизменно и охотно давал ответы.

— Не проживают ли в вашей местности богатые и любезные идалго? — смеясь, спросила Эльвира.

— Конечно, еще бы, — ответил старик, — впрочем, почти все они уже побывали здесь в поисках невесты и вернулись восвояси сильно раздосадованные: по их словам, на девушек, приехавших из Испании, невозможно угодить.

— Это только предлог, чтобы жениться на знатных пиданках, которые, как видно, припились им по душе, — сказала вице-королева. — Я слышала, именно так поступило большинство испанцев Вера-Пас; говорят, там девушки прекрасны, как солнце.

— Совершенно верно, — подхватил Валенсуэла. — Это племя особенное, оно отличается от всех остальных на острове. В Харагуа замечательная природа, а местные жители, кроме красоты, отличаются добротой и умом.

— Другими словами, Харагуа может соперничать с нашей Андалусией? — заметила с легкой усмешкой Эльвира.

— Без сомнения, милая девушка, — ответил старик. — И вот вам доказательство: посмотрите на Менсию, на Эврикильо...

— Менсия наполовину испанка, а Эврике родом из Баоруко, — не сдавалась Эльвира. — Разве Баоруко лежит в Харагуа?

— Во всяком случае, поблизости; а кроме того, можно легко предположить, что предки Эврикильо, владельцы этих гор, происходят из Ла Магуаны, — недаром же они принадлежат к роду касиков и находятся в родстве с вождями Харагуа.

— Однако нельзя утверждать, — возразила молодая девушка, — что Эврикильо красив.

— Может, он не красавец, зато миловиден и статен, — вмешалась в спор вице-королева. — Что же касается душевных свойств касика из Баоруко, то они поистине прекрасны.

Эта похвала положила конец спору, оттого ли, что все признали ее справедливой, или оттого, что ее произнесли

уста прелестной сенборы, которую все почитали и любили, охотно подчиняясь ее суждениям; молодые девушки снова с живым интересом устремили глаза на Эприкильо, оживленно беседовавшего со своей невестой; и на всех лицах можно было прочесть подтверждение похвалы доброжелательной вице-королевы.

VII СТРЕМЛЕНИЕ

— Скажите, дорогая кузила, — проникновенно и сдержанно спрашивал между тем касик свою милую собеседницу, — желаете вы стать моей женой и неразлучной спутницей? Согласны ли вы покинуть этот пышный дворец и ваших веселых подруг ради уединенной жизни там, где нет ни музыки, ни блестящих празднеств, где вы увидите покруг одни лишь невзрачные дома, рощи и стада на пастбищах?

— Я много думала над этим, — спокойно ответила Менсия, — и не скрою, порой такая жизнь мне кажется очень печальной; расстаться с вице-королевой и подругами мне тоже нелегко. Но разве ты не предназначен мне самим богом? Разве наш брак не был последним желанием, последним заветом моей матери? Вот я и должна его исполнить, не задумываясь, хочу я этого или нет.

Такой откровенный ответ произвел удручающее впечатление на касика. Его лицо омрачилось; он грустно взглянул на свою невесту и произнес дрогнувшим голосом:

— Меня уже давно терзало дурное предчувствие. Итак, Менсия, вы станете моей женой из послушания, чтобы исполнить ваш долг...

— Дорогой Эприке, — перебила его девушка, — мне не хочется огорчать тебя, но я должна сказать правду. Ты для меня брат, самый любимый родственник, с тобой протекало мое детство; почему же ты обращаешься со мной так, словно я тебе чужая? Ты говоришь со мной всегда серьезно, всегда на «вы»; мне это не нравится. Вот почему я неохотно еду в Ла Магуану... Играть я не умею!

Перед Эприкильо блеснул луч надежды, и он сказал:

— Ты, кажется, не поняла меня, Менсия; и хочу знать, довольна ли ты, согласна ли ты назвать меня своим мужем; не будет ли тебе тягостно, что я назову тебя моею...

Девушка вспыхнула, потупилась и, помолчав, сказала:

— Я не совсем понимаю тебя, Эприке. И всегда любила тебя, как брата, делившего вместе со мной любовью моей матерп; воспоминания о тебе переплелись в моем сердце с памятью о ней; когда и думаю о тебе, я думаю о матери и о боге. Меня с детства научили видеть в тебе моего будущего мужа; и люблю тебя, как любила, когда была маленькой девочкой, и уважаю, потому что ты завещал мне моей умирающей матерью... Ты этого и ждал от меня?

— Нет, этого мне недостаточно, — сказал Эприке с огорчением. — Но раз твое юное сердце не в силах понять меня, я запасусь терпением в надежде, что позднее, когда наши судьбы навеки соединятся, ты, может, поймешь меня, Менсия, и полюбишь, как я тебя люблю всей душой, всеми помыслами, крепче и больше всего на свете.

Последние слова Эприке произнес тихим взволнованным голосом; Менсия пристально и удивленно поглядела на него и уже собиралась ответить, как вдруг раздался голос Валенсуэлы:

— Эприкильо, друг мой, мне кажется, тебе уже пора вернуться к действительности. Ты еще успеешь властвовать и любоваться своей прелестной невестой. Впрочем, ты прав, на твоем месте, клянусь богом, я тоже позабыл бы обо всем на свете.

Тут покровитель и питомец поцеловали руку у вице-королевы и учтиво распростились с прекрасными дамами.

Эльвира, обняв Менсию, увела ее на дальний балкон, с которого открывался вид на Осаму.

— Расскажи, о чем ты говорила с твоим женихом? — таинственно зашептала Эльвира. — Он очень влюблен в тебя? Наверно, наговорил тебе самых сладких и нежных слов?

— И да и нет, Эльвира, — ответила девушка, — не знаю. Эприке был чем-то раздосадован, спросил, люблю ли я его, я сказала «да», а он все же остался недоволен. И должен любить его, сказал он, всей душой и всеми помыслами, как он любит меня. Разве это обязательно, чтобы пожениться? О таких вещах я слышала разве что от тебя, когда ты принималась рассказывать нам сказки или

петь о любви Саиды. А сеньора вице-королева ничего подобного не говорит, хотя она и замужем.

— Молчи, глупышка. Эрикильо прав, ты еще ничего не смыслишь в жизни, ты словно зеленое деревце, его не берет огонь. Но пробьет и твой час, как он пробил для меня в свое время... О, касику не пришлось бы жаловаться, будь ты такой, как я... У меня пылкое сердце, оно жаждет любви, знаешь, как в песне:

Пламень страсти жжет и гложет,
Не задуть в крови огня.
От меня самой, о боже,
Защити, молю, меня.

— Право, не понимаю, о чем это ты, Эльвира, — сказала девушка. — Мое сердце любит спокойно того, кого мне должно любить, вот почему я полюбила Эрике.

— Дай бог, чтобы такой любви тебе хватило на всю жизнь, дитя! — с жаром воскликнула Эльвира. — Желаю тебе никогда не знать моих терзаний. Пойду поболтаю с другими подружками, они поймут меня лучше, чем ты.

И молодая девушка убежала, несело шагая:

Семь выпли козочек вместе,
Полночь пробило вдали...

Недаром же Эльвира была истой дочерью Евы, то серьезной, то легкомысленной, способной на высокие порывы и роковые ошибки, — словом, одним из тех непостоянных созданий, что так быстро переходят от смеха к слезам и от грусти к веселью.

VIII

НЕУДАЧА

В последующие дни, когда Валенсуэла и Эрикильо паведывались во дворец Диего Колумба, жизнь наших героев протекала без особых перемен. С каждым часом касик все сильнее влюблялся в свою кузину, понемногу предавая забвению все тревоги и сомнения, вызванные мучительным сознанием того, какая прощась лежит между ним, чистокровным индейцем, и красавицей метиской, родившейся от брака знатного испанца Гевары с

Игемотой, дочерью прославленной, хотя и несчастной Апакаоны. Простодушная искренность, с которой неизменно встречала его невеста, убедила в конце концов Эприке, что Менсия еще не способна любить по-иному, и укрепила в нем надежду, что в будущем, когда она приобретет таинства брака, ее невинная и чистая любовь приобретет тот оттенок нежности и страсти, которого паприасно некал юноша при первой задушевной беседе со своей нареченной. Убаюканный сладкими грезами о близком счастье, Эприкильо со всем пылом своих девятнадцати лет отдавался блаженству настоящего, но в то же время болезненно переживал неразрешимые противоречия, с которыми ему приходилось то и дело сталкиваться: сын вождя, он в силу исконных индейских традиций был призван властвовать; воспитанный с детства под сенью могущественного покровительства, он жил на равной ноге с привилегированными лицами, числясь вместе с тем в Бикомьенде, что ставило его в униженное положение полураба. Испанские дворяне и колонисты приобрели на полях сражений в Андалусии и Италии привычку звать пражекских солдат «собаками», индейцев же считали дикарями и презирали еще больше, чем мавров и французов, а с теми, кто работал на их полях, обращались хуже, чем со скотом.

Редкие качества, которыми природа одарила Эприке — благородная осанка, привлекательная внешность и печать живого ума, лежавшая на лице юноши, в сочетании с влиятельным положением его знатных покровителей, — до поры до времени спасали его от оскорбительных ударов по самолюбию, которые горше смерти для патур ценительных в вопросах чести; но перед глазами Эприке маячил пример его менее счастливых собратьев, которым суждено было испытать полную чашу унижений; сердце юноши переполнялось жалостью к несчастным, а при одной мысли, что и ему грозит подобная участь, вскипала кровь. В голове день и ночь теснились скорбные думы, отравляя всю радость жизни. Надежда назвать Менсию своей и пробудить в ней ответную любовь, такую же безграничную, какую испытывал он, на время развеяла тучи, омрачавшие его дух, и солнце счастья с необычайной силой встало для юного касика.

Но эти мгновения оказались слишком быстротечными. Наступил день свадьбы, долгожданная суббота, в которую

по решению, принятому при участии Бартоломе Колумба, надлежало скрепить перушиными узами союз между Менсией и Эврике. Жених, одетый по кастильской моде в коричневый бархатный камзол и короткий, черного атласа плащ на алом шелку, опоясанный кушаком из кордовской кожи с золотым тиснением и бахромой, на котором висел книждал с рукояткой из слоновой кости, — свадебный подарок посаженного отца дона Франсиско Валенсуэлы, — прибыл вместе с последним во дворец и почтительно приветствовал вице-королеву и круг придворных дам; бросалось, однако, в глаза отсутствие Менсии, — закрывшись у себя в опочивальне, она с полнейшим нетерпением ждала, когда наступит час, которому суждено было определить ее судьбу. Несколько кабальеро, наиболее близких к дому и семейству Колумбов, вели оживленный разговор в гостиной; рядом в часовой являлись зажженные свечи слабо мерцали в потоках ослепительного солнечного света. Капельдан, облаченный в священнические одеяния, ждал лишь знака, чтобы надеть лиловую епиду; а дона Бартоломе, которого не без труда одевал камердинер, уже дважды успел спросить, не прибыли ли королевские чиновники, когда в комнату вошел слуга и подал ему большой пакет, запечатанный печатью с королевским гербом, которым пользуются обычно судьи из апелляционного суда. Дон Бартоломе, искусственный в политических схватках не менее, чем в военных сражениях, со всех сторон осмотрел пакет и, прежде чем вскрыть его, досадливо поморщился. «Дурной знак!» — трижды процедил он сквозь зубы, ломая печать и разворачивая послание. Вмиг пробежав его глазами, он задрожал от бешенства, скомкал бумагу и с такой силой толкнул большой ногой в пол, словно хотел его проломить.

Наконец, с трудом овладев собой и все еще задыхаясь, он сказал камердинеру:

— Ступай пригласи ко мне вице-королеву и сеньора Валенсуэлу. Скажи, чтобы немедленно шли сюда.

Слуга поспешно удалился, и спустя несколько минут в покоях дона Бартоломе появились донья Мария и дона Франсиско.

Дон Бартоломе запер дверь и попросил своего друга прочесть вслух только что полученное послание.

Встревоженный Валенсуэла развернул бумагу, которая гласила следующее:

«Мы, судьи апелляционного суда на острове Эспаньола и т. д., ставим в известность вас, дон Бартоломе Колумба, о том, что донесением королевских чиновников Мигеля де Пасамонте, Хуана де Амьеса и Алонсо Даниэля мы уведомлены о заключении в ближайшее время брачного союза между касиком Энрике из Баоруко и доней Менсей де Гевара, на каковой их ближайшние родственники не имеют разрешения святой нашей матери церкви; более того, ввиду положения брачущихся и особенно доньи Менсии, принадлежащей к кастильскому роду, и за отсутствием обычая для подобных особ сочетаться браком с индейцами, надлежит испросить королевское разрешение из канцелярии его высочества. А посему мы, апелляционные судьи, предупреждаем вас, дон Бартоломе Колумб, дабы вы, в свою очередь, предупредили и предупредили ещюору вице-королеву донью Марию де Толедо и прочих лиц, пекущихся об упомянутых Менсии и Энрике или причастных к ним, о том, что сие бракосочетание не может состояться без означенного согласия и разрешения, в случае же невыполнения нашего приказа будет признано незаконным и подлежит расторжению. Изложенное примите к сведению.

Санто-Доминго, 18 декабря 1515 года.

Лиценциат *Вильялобос*. — Лиценциат *Матьенсо*. — Лиценциат *Айльон*».

— Так оскорбить меня! — воскликнула, бледнея от гнева, донья Мария, когда чтение закончилось. — Гнусные враги вашего дома не упускают случая причинить нам зло!.. Нельзя допустить, чтобы их замыслы осуществились. Дорогой дядя, как вы думаете поступить?

— Если бы это только меня касалось, — ответил дон Бартоломе с извительной улыбкой, — уж я бы знал, как мне поступить: не глядя на старость и недуги, я бы не стерпел, тотчас отправился бы к этому мошеннику Пасамонте и свел бы с ним счеы, — ведь это он строит все дьявольские козни. Заодно получили бы от меня по заслугам и его достойные прислешники. Но здесь затронуты вы, дорогая племянница, интересы ваших детей и мужа, — именно по этой цели бьют гнусные завистники. Оттого-то и надлежит действовать весьма и весьма осторожно, хоть от негодования сердце разрывается на части.

Последние слова дон Бартоломе произнес с таким бешенством, будто сердце его и впрямь вот-вот разорвется.

Потом заговорил Валуесуэла.

— Положение серьезное, — сказал он, — нанесено еще одно тяжкое оскорбление семейству Колумба; враг пытается свести на нет все ваши права. Но отсрочка бракосочетания — беда поправимая; надо запастись терпением и действовать осмотрительно, чтобы не дать противнику восторжествовать над нами. В оркестре имеется еще один инструмент, и с вашего позволения я попытаюсь сыграть на нем.

— Вы это о ком? — перебила его вице-королева.

— О судье-ревизоре лиценциате Лебронне, — ответил Валуесуэла.

— Такой же плут, как и все остальные, — с раздражением заметил дон Бартоломе. — С первого же дня, как он сюда прибыл, начались его происки против нас.

— Попытка не пытка, — спокойно возразил Валуесуэла. — Так или иначе, а им недолго торжествовать: адмирал в Испании не один, с ним Лас Касас, невозможно, чтобы противник одержал верх: вот увидите, если брак не будет заключен сегодня, он совершится в другой день; надобно лишь терпение.

— Право, такое хладнокровие вам не по летам, дон Франсиско, — проговорила с оттенком досады вице-королева. — Что ж, поидайтесь с нашим Леброном, только я от него не жду ничего хорошего. Со своей стороны я велю тотчас снарядить корабль, пришедший сегодня из Испании, пусть немедленно отправляется обратно; это единственная моя надежда добиться справедливости вопреки всем вражеским козням.

— Не стану спорить с вами, сеньора, — сказал в заключение Валуесуэла, — попробую поговорить с судьей Леброном и, ежели моя попытка ни к чему не приведет, сегодня же отпущу падре Касасу, пусть уладит дело на месте в Кастилии.

— А я займусь за письмо к моему племяннику дону Диего, — сказал дон Бартоломе, — это несколько отвлечет меня, иначе я и впрямь захохотал от злости.

— Пойду сообщить гостям о случившемся, — проговорила вице-королева, — и постараюсь овладеть собой, чтобы никому не пришло в голову злорадствовать.

Взяв Валенсуэлу под руку, вице-королева покинула покои дона Бартоломе и направилась в гостиную.

В гостиной приглашенные дамы и кабальеро вели между собой оживленную беседу. Эльвира, получившая от доньи Марии наказ записать Эрикильо, без труда овладела расположением юноши, который доверчиво поделился с ней планами на будущее и чистосердечно рассказал о своей любви к Менсии, но скрыв того, что в ответ на свое пылкое чувство он встретил в девушке лишь спокойную привязанность сестры. В сдержанных страстных словах касика открывалась такая сторона его натуры, о которой легкомысленная Эльвира и не подозревала; приятно пораженная, она внимательно слушала исповедь этого честного и благородного сердца. Конеч задумчивому разговору положил Валенсуэла.

— Расширайся со своей собеседницей, — сказал он, беря Эрикильо за руку. — Нас ждут неотложные дела в другом месте. Покончим с ними и вернемся.

Пораженный столь неожиданным поворотом дела, Эрике молча последовал за Валенсуэлой; учтиво откланявшись, старик и юноша покинули дворец. Тем временем вице-королева, сохраняя любезную улыбку на пылающем лице, громко объявила:

— Дамы и сеньоры, сегодня свадьба не состоится; она откладывается на другой день. Так велят дела государственной важности; к этому мне нечего прибавить.

С изящным поклоном бедная вице-королева покинула зал и поспешила в свои покои, где ее ожидал разговор с Менсией; немногочисленные гости разъехались по домам, размышляя дорогой, что может означать такой странный конец праздника.

IX

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Франсиско де Валенсуэла направился с Эрике домой и там сообщил юноше о случившемся. Эрике с величайшим вниманием и интересом слушал опекуна, ничем не выражая своего удивления, а когда тот закончил рассказ, спросил:

— Вице-королева, конечно, сообщит обо всем адмиралу?

— Несомненно, мой мальчик, — подтвердил Валенсуэла. — Но кроме того, ему напишет дон Бартоломе, а я напишу моим друзьям, и прежде всего нашему доброму падре Лас Касасу...

— Я тоже напишу моему дорогому покровителю, у меня вся надежда на него.

— Ты прав, сынок, — ласково сказал старик, — но я все же решил повидаться с судьей Леброном, ведь ему среди прочих дел вменяется в обязанность не препятствовать бракам между кастильцами и пидванками; стоит ему пожелать — и все уладится.

— Только едва ли он пожелает, — спокойно возразил Эприке. — Предчувствие меня не обмануло: я так пихдал какой-нибудь помехи на пути к моей свадьбе, особенно после встречи с сеньором Педро де Мохикой. Этот человек всегда жаждал причинить мне боль, так неужто он откажет себе в удовольствии оскорбить меня, когда я готовлюсь обвенчаться с той, которую он зовет своей племянницей!

— Клянусь богом, мальчик, ты прав! — воскликнул Валенсуэла. — Мне это сперва не приходило в голову, но, как видно, в отместку за наше презрение илут затанл против нас злобу. Так или иначе, я пойду к лиценциату Леброну и выведаю у него всю правду.

Эприке испросил у своего покровителя разрешение остаться дома, уверенный, что попытка старика окажется бесплодной. В самом деле, вернувшись спустя два часа от судьбы-ревизора, Валенсуэла, вне себя от ярости, рассказал, что его терпение подверглось суровому испытанию. Наглый чиновник, к которому он обратился в поисках справедливости, заставил его, старого уважаемого жителя колонии, битый час дожидаться в приемной, потом наконец принял и, смерив посетителя с головы до ног презрительным взглядом, надменно бросил: «Что вам нужно?» Глядя в сторону и рассеянно слушая Валенсуэлу, он время от времени пожимал плечами, словно желая сказать: «Мне-то что за дело? Я-то тут при чем?» Эти слова не были произнесены, но, казалось, они звучали и повторялись на все лады в каждом нетерпеливом движении судьи Леброна, во всем его высокомерно-равнодушном

облике. Когда Валенсуэла умолк, Леброн вскинул голову и резко спросил:

— А почему аделаантадо и... как ее там... жена адмирала ничего не написали мне по этому поводу, раз они, как вы заявляете, чувствуют себя задетыми справедливым распоряжением членов апелляционного суда?

Онешив от подобной наглости, Валенсуэла объяснил:

— Я посаженный отец на свадьбе касика Эирике, он состоит на моем попечении. Речь идет лишь о том, чтобы получить вашу поддержку, поскольку вы являетесь судьей, которому его высочество вменило в обязанность не чинить препятствий при браках между жителями острова...

— Ошибаетесь, старик, — с насмешливой улыбкой прервал его Леброн. — Королевский указ гласит: «Не препятствовать бракам кастильцев с индианками»; но ни в коем случае не поддерживать скандальных связей, вроде той, что затеяли вы вместе с Колумбами, в силу которой молодая девица из знатной кастильской семьи, к тому же весьма богатая, должна стать женой какого-то оборванца — индейского касика против явно выраженной воли ее почтенного дяди Мохки.

Тут Валенсуэла, с превеликим усилием сохранявший невозмутимость, не выдержал и, дрожа от гнева, выложил все, что у него накипело:

— Сами вы оборванец и наглец, недостойный держать в руках жезл правосудия, в несчастливый час доверенный вам королем. Вы, считающий себя вправе непочтительно обращаться с самыми достойными лицами на острове, с семейством адмирала дона Диего Колумба, чье имя вам надлежит произносить стоя на коленях, вам и прочим разбойникам, ринувшимся в эту страну, чтобы насытить свою алчность! Вы осмеливаетесь именовать меня «стариком», словно перед вами безродный бродяга, пришедший за лодаяннем! Подите вы к черту, грубиян и невежа, и будь я проклят, если мне придет в голову еще раз обратиться к вам!

Леброн онешил от потока гневных слов, лившихся из уст почтенного сеньора, чьи учтивые манеры и добродушная внешность никак не давали повода заподозрить, что он способен на такую вспышку. Как это свойственно низким и ничтожным натурам, прихотью судьбы вознесенным на высокий пост, судья Леброн держался грубо и

надменно с людьми слабыми или скромными, зато перед сильными он трусил и терялся. Выслушав суровую отповедь Валенсуэлы, глаза которого метали искры, а величественная осанка говорила об оскорбленной чести и негодующей добродетели, он разом смекнул, что перед ним человек сильного характера. Валенсуэла умолк, а судейский крючоктор все еще не мог прийти в себя от удивления. Между тем гордый старик нахлобучил свою шляпу до самых бровей и, обдав Леброна презрительным взглядом, не прощаясь, вышел из кабинета твердым неторопливым шагом. Глядя вслед удаляющемуся гостю, Леброн понемногу приходил в себя; когда же вдали замолк наконец мерный звук шагов, он, окончательно успокоившись, воскликнул:

— Это сущий мятежник, и он поплатится за свою строптивость!

Х

СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

В тот же день лиценциат Леброн поднял на ноги всех служителей правосудия и велел арестовать Валенсуэлу. Прослышав об этом приказе, казначей Пасамонте, который неизменно участвовал в любых происках против семейства Колумба, поспешил к судье Леброну для объяснений:

— Уж не сошли ли вы с ума, лиценциат? Арестовать такого человека, как Валенсуэла? Да вы этим восстановите против нас всю колонию. Велите уж лучше схватить дона Бартоломе Колумба, это событие вызовет, пожалуй, меньше переполоха на Эспаньоле. Знайте, что у Валенсуэлы могущественная родня при дворе, к примеру, дон Эрнандо де Вега из Королевского совета...

— Не стоит больше толковать об этом, сеньор Пасамонте, — спохватился Леброн. — Забудем происшедшее, прощать зло — долг христианина.

— И свойство великодушных мужей, — добавил с язвительной улыбкой хитрый араговец, издеваясь над этим проявлением благородства поневоле.

Итак, метительному замыслу судьбы по суждению было осуществиться; приказ об аресте мятежника был отменен, дело о неповиновении властям заглохло.

Дон Франсиско Валенсуэла вернулся домой, все еще дрожа от негодования, и рассказал Энрике о позитивной его неудаче.

Выслушав рассказ, юпоша не выразил ни малейшего недовольства, он только пожалел, что из-за него добрый старик перенес столько огорчений, взявшись за дело, заранее обреченное на неудачу.

— Не расстраивайтесь, дорогой крестный, — сказал в заключение рассудительный юпоша, — у меня предчувствие, что наши невзгоды скоро минуют и мы в конце концов преодолеем все препятствия, воздвигнутые злой волей сеньора Мохики.

— Ты прав, сынок, — согласился Валенсуэла. — Да, я забыл прибавить, что теперь уж ничуть не сомневаюсь в участии Мохики во всех этих кознях. Сам лицензиат Леброн подтвердил мои предположения в заключение своего наглого выпада.

— Я поклялся бы в этом заранее, даже не зная с достоверностью, если бы клясться не было грешно, — добавил Энрике.

— Знаешь, Энрикильо, что больше всего меня удивляет и смущает в нашем деле? — слова заговорил Валенсуэла. — Твое спокойствие. Ты так невозмутим, будто эта досадная помеха тебя вовсе не касается. Можно подумать, что ты не любишь свою невесту, не жаждешь поскорее назвать ее своей женой.

— Говоря откровенно, сеньор, — ответил юпоша, — я весьма недоволен происшедшим; но горя или досады я не испытываю. Я так привык сдерживать мои порывы и непрестанно помнить о моем происхождении, что никакие превратности или удары судьбы не могут застать меня врасплох.

— Да благословит тебя небо, мой благородный и разумный друг! — сказал растроганный Валенсуэла. — И да будут посрамлены все злонамеренные люди, причиняющие тебе страдания!

— Да благословенны будьте вы, мой добрый дон Франсиско! — в свою очередь, ответил растроганный касик. — Мне никогда не забыть ни ваших благодеяний, ни доброты тех, кто наделен таким же великодушным сердцем, как и вы. Скажите, сеньор, что вы намерены теперь предпринять?

— Сегодня же напишу в Испанию. Вечером мы пойдем проститься с вице-королевой и довом Бартоломе, а потом вернемся в Ла Магуану, где и станем спокойно дожидаться ответа на письма и ходатайства наших друзей в столице. Есть у тебя какие-нибудь возражения?

— Решительно никаких, сеньор. Ваши планы всегда так разумны, что мне остается лишь с радостью выполнять их, — кротко ответил касик.

Вскоре им подали обед; за столом оба были печальны, общим было не до еды. Валенсуэла досадовал, что после долгого и трудного путешествия приходится возвращаться домой, не достигнув цели. Касик тяжело переживал оскорбление, нанесенное его покровителям, и чувствовал себя виновным виновником невзгод, постигших этих добрых людей, которые так самоотверженно пеклись о его благополучии. И наконец в нем говорило уязвленное самолюбие девятнадцатилетнего юноши, который отправился из Сан-Хуана за женой, а вынужден вернуться домой один. Но над всеми тягостными переживаниями реяла, подобно пироккрылой птице над кустами поблекших цветов, его глубокая целомудренная любовь к прелестной девушке, предназначенной стать его женой; исполненное печали сердце юноши оплакивало погибшие мечты о счастье.

Весь во власти таких невеселых мыслей, Эрике не откладывая написал несколько кратких взволнованных строк своему первому покровителю падре Лас Касацу, прочитал их вслух дону Франсиско; тот вполне одобрил написанное и продиктовал Эрике от своего имени два письма: первое, немногословное и учтивое, адмиралу Диего Колумбу в дополнение к посланным вице-королевы и дона Бартоломе; второе — Лас Касацу, к которому после краткого изложения событий он обращался со следующими словами: «Прежде мне не раз случалось умерять ваш пыл и сдерживать ваше ревностное нетерпение; ныне я прошу вас приложить все усилия к тому, чтобы возможно скорее посрамить злых завистников, виновных во всех бедах, постигших этот остров. Да прибудет возможно скорее помощь и да устроятся все помехи к браку нашего Эрикильо».

Напоследок Валенсуэла собственноручно написал третье письмо на имя дона Эрнандо де Вега, члена Королевского совета. Он обращался к нему, как к близкому

родетвеннику и другу, с горячей просьбой внимательно выслушать Лас Касаса, с тем чтобы принять необходимые меры и в кратчайший срок разрешить возникшие трудности.

На западе гасли последние солнечные лучи, когда дон Фравенсио и касик, запечатан письма, направились во дворец Колумба; там их, как видно, поджидали, ибо вице-королева тотчас вышла к ним, чтобы вместе отправиться в покои дона Бартоломе. Старик уже успел несколько поостыть после написанных им двух длинных посланий — королю и адмиралу — с горькими советами на королевских чиновников и пространном перечнем их беззаконных оскорбительных действий. Раздраженный дон Бартоломе твердо верил, что король не останется глух к его жалобе и разоблаченные преступники понесут заслуженную кару. Эта уверенность умиротворила сердце дона Бартоломе и на время смягчила его досаду. Однако пережитые волнения не могли не отразиться на здоровье старика, и ему пришлось принять вице-королеву и своих добрых друзей, лежа в постели.

Валенсуэла кратко рассказал о своей стычке с судьей Лебрином и был награжден одобрительными взглядами за прямоту, с которой он отчитал грубияна. Дон Бартоломе хохотал от всей души; только так, сказал он, и следует обращаться с мошенниками, которые злоупотребляют своей властью, забывая, что они призваны не оскорблять честных людей, а вершить правосудие. «Грабитель с большой дороги, — прибавил он, — поступает честно их; ведь тот, кто грабит, действует на свой страх и риск, подвергая опасности свою жизнь, а эти плуты, облеченные властью, совершают свои беззаконные деяния именем короля и ничем не рискуют».

Беседа длилась больше часа; королева пообещала немедленно дать приказ снарядить стоящую на якоре каравеллу, чтобы наутро она вышла в море и доставила в Испанию письма уже написанные, а также те, которые вице-королева и ее приближенные сочтут нужным направить ко двору. Покинув покои дона Бартоломе, Валенсуэла и Эрике зашли проститься с Менсией и дружными придворными дамами, так как на завтра они были намерены пуститься в обратный путь, в Ла Магуану. Валенсуэла отказался от всех прочих посещениях, крайне тягостных для него при сложившихся обстоятельствах.

Энрике, прощаясь с невестой, был пемпогословен и держался с обычной серьезной сдержанностью.

— Госнодь бог не пожелал, чтобы ты теперь же стала моей женой, — сказал он. — Подчиняюсь его воле и надеюсь на него. Я люблю тебя, Менсия, и буду постоянно о тебе думать. Жди от меня писем. Пиши и ты мне, думай обо мне и не забывай, что твоя любовь — моя единственная отрада на земле.

— Хорошо, Энрике, — ответила взволнованная девушка. — Я люблю тебя, люблю больше всех на свете. Я буду писать тебе и молиться за тебя.

Вслед за Валенсуэлой касик поцеловал руку вице-королевы и пожал руки всем ее придворным дамам, которые сердечно распрощались с ним. Когда затем с робкой почтительностью он взял руку Менсии, пылкая Эльвира не стерпела:

— Будь я на месте вашей кузины, Энрике, я, право, обиделась бы за такую холодность. Сеньора вице-королева ничего не скажет, если вы на прощанье поцелуете вашу невесту. Не правда ли, сеньора?

— Совершенно верно, — ответила та с доброй улыбкой.

Энрике коснулся губами чистого лба молодой девушки, поклонился дамам и вышел из гостиной вслед за Валенсуэлой.

XI

НЕ ТА, ТАК ДРУГАЯ

Корабль, который должен был доставить в Старый Свет письма, а с ними все вложенные в них стремления и надежды наших героев, отплыл лишь к вечеру следующего дня. Королевские чиновники не осмелились задержать его в гавани; им лишь удалось затянуть на целый день оформление необходимых для плаванья бумаг, чтобы тем временем успеть написать и отправить с тем же кораблем письма своим друзьям и покровителям в Испании.

Сеньор Валенсуэла и Энрике пустились в путь с первыми утренними лучами солнца. За ночь они быстро собрались; труднее всего оказалось умиротворить Тамайо, который пришел в ярость, узнав, что свадьба расстрои-

ишь и падо возвращаться в Ла Магуану без Менсии. В нескольких словах ему объяснили происшедшее, и он тотчас же сообразил, что виной всему был Мохика; безгранично преданный своему господину, смелый индеец поклялся не покидать Санто-Доминго, не отомстив как следует злодею, хотя бы ценой своей жизни. Энрике пригрозил своему верному слуге навсегда расстаться с ним, если он не опомнится и не научится владеть собой. В конце концов договорились, что Тамайо во главе каравана движется вместе со слугами вслед за своими хозяевами, как только уложат и погрузят вещи.

Но не так-то легко было выбить сумасбродную мысль из головы упряма. Едва Валенсуэла и Энрике покшпули на своих быстрых скакунах город и исчезли за первым поворотом дороги, как Тамайо резко и решительно обратился к слугам, порученным его заботам:

— Теперь команду здесь я, и кто попробует мне перечь, тому я вымг сверну шею.

— Да, господин, — ответили хором индейцы.

— Ты здесь за старшего, — подхватил слуга-испанец, который в глупости мог поспорить с любым бестолковым галисийцем, даром что был родом из Андалусии.

— Так слушайте, что я вам скажу, — пачал Тамайо. — Всё погрузите и будьте готовы. Мы приехали сюда за женщиной, и без женщины мы отсюда не двинемся.

Без дальних слов он направился к церкви, колокольным звоном призывавшей верующих к обедне. Первые лучи солнца золотили крыши домов и строгие канители храма, неподалеку от которого строился собор, заложенный Диего Колумбом незадолго до отъезда в Испанию; это величественное здание спустя много лет дало приют его праху; там же, вопреки ошибочным утверждениям, находятся останки его прославленного отца. Рабочие и поопы-индейцы небольшими группами по нять — десять человек спешили к месту постройки, а надсмотрщики, отдав краткие распоряжения, шли к обедне вместе с другими прихожанами, которые стекались со всех сторон в церковь.

Тамайо напряженно вглядывался в лица всех женщин, появляющихся на обширной площади. Заняв пост близ паперти, он делал вид, будто всецело поглощен созерцанием сповавших невядалеко строителей. Один случай и в самом деле отвлек его на время от задуманного плана:

какой-то жалкий, хилый индеец тщетно пытался сдвинуть с места огромный камень; расвищевший надсмотрщик обрушил бич на голую спину бедяги и сбил его с ног. Как разъяренный тигр бросился Тамайю на двуногого зверя, вырвал из его рук бич и с молниеносной быстротой стегнул обидчика по лицу.

— Так ему и надо! — воскликнул старик управитель, который стоял поблизости и насунувшись наблюдал эту сцену.

Поднялся общий переналом: у места происшествия столпился народ, альгвасил схватил Тамайю и поволок его с грозным криком: «Ты арестован!»

Тамайю, не сопротивляясь, пошел было за альгвасилом, но тут подоспел старый управитель:

— Плохо же ты исполняешь свои обязанности, Антон Роблес. Почему тебе не пришло в голову спросить, что тут произошло? Этот добрый человек не виноват, а ты

как бы не поплатился за арест слуги дона Франсеско де Валенсуэлы.

Альгвасил испуганно глянул на старика: имя Валенсуэлы было хорошо известно и пользовалось уважением. — Я, право, растерялся, мастер Мартинес, — ответил альгвасил, — и впопыхах не сообразил что к чему. Так не скажете ли мне вы, что тут вышло?

Старый управитель, человек сираведливый и честный, рассказал все, как было, и прибавил, что, не вмешайся в дело Тамайо, он бы сам наказал надсмотрщика за жестокое обращение с бедным, ни в чем не повинным индейцем, — ведь немощь не проступок.

После такого объяснения блюститель порядка, в ушах которого еще звучало имя могущественного Валенсуэлы, отпустил Тамайо на свободу, но посоветовал ему впредь быть осторожнее, а надсмотрщика пробрал за его беспощадное обращение с индейцами, работавшими на постройке храма.

Раздосадованный Тамайо проложил себе путь через толпу любопытных и, отказавшись от замысла, который привел его на площадь, повернул было к дому, но тут судьба пожелала оказать ему милость: молодая красивая смуглянка окликнула его по имени, как доброго знакомого.

Лицо отважного индейца просияло; узнав молодую женщину, он ответил ей радостным возгласом и одним прыжком очутился рядом с ней.

— Аника, — сказал индеец, — я ведь ради тебя пришел на площадь, но у меня тут вышла стычка и я едва не угодил за решетку.

— Как же, Тамайо, я видела: ты отомстил за нашего несчастного брата; ему вношу лечь и отдыхать, а не ворочать камни. Когда тебя схватили, я побежала к бедняге и отдала ему все, что получила вчера от дона Педро.

— Отлично, Аника, — сказал Тамайо, — а теперь ступай за мной. Энрикильо идет тебя на дороге.

— Что ты! — взумилась девушка. — Я ведь вышла из дому только к обеду, а мне еще потом надо завтрак готовить, ты же знаешь, что донья Альфонса болыпа...

— Знаю, знаю, — поспешно возразил Тамайо, — по все это пустое. Донья Альфонса со своими болычками и прострелами, дон Педро, который сперва завтракает и

напрягается, а потом берется за свои гнусные каверзы, — все это мне давно известно. А теперь ступай за мной, так велел Эприкильо. Это я уговорил его; он уже раздумал жениться на кузпце, а сеньор Валенсуэла согласен, чтобы ты отправилась со мной в Ла Магуану, ведь я прихожусь тебе дядей.

— А мне ничего не будет, если я уйду от доньи Альфонсы? — перешептливо спросила девушка.

— Кто же посмеет перечить сеньору Валенсуэле, глупышка? — ответил хитрый индеец. — Ты ведь сама видела, как меня отпустили на все четыре стороны, едва услышали имя моего господина дона Франсиско. Иди без разговоров, нечего зря время терять.

— Что ж, и пойду, — сказала Аника, — мне не жалко оставить с носом дону Педро; а донья Альфонса такая злая и сварливая...

— Не оправдывайся, девочка, я все знаю. Нам пора.

И Тамайо быстро зашагал в сопровождении индианки; когда он дошел до дома, его товарищи уже успели погрузить все пожитки, и караван тронулся в путь; животных погнали вперед, позади шли слуги, а среди них, болтая как ни в чем не бывало, чтобы не привлечь внимания прохожих, шла девушка.

Когда же город остался позади, девушку усадили на лучшего коня, и все прибавили шагу. Итак, индеец привел в исполнение свой план мести — ведь прелестная Аника, хотя и не по своей воле, услаждала жизнь лукавого интригана дону Педро де Мохики, который дорожил ею как зеницей ока.

XII

АНИКА

Молодая индианка с детства жила в услужении у контадора дона Кристобалья де Куэльяра; выделяясь среди прочих индианок своей красотой, очень смышленная, она стала любимицей бедной Марии, несчастливой дочери дона Кристобалья, не прожившей и недели с того дня, как отец насильно выдал ее замуж за Диего Веласкеса. Отправляясь на Кубу, где ей было суждено умереть девственницей, — ведь она лишь формально стала супру-

гой губернатора, — Мария горевала, что не может взять с собой Анику, как она окрестила юную индианку: особым указом строго-настрого запрещалось вывозить индейцев Эспаньола на другие острова, ибо вследствие беспорядной системы репартименто Эспаньола по милости Альбуркерке совсем обезлюдела.

Аника оставалась в доме коптадора, пока тот, измученный угрызениями совести, не добился от короля перевода на другую должность и не покинул местности, где все было полно невыносимых воспоминаний о дочери, принесенной в жертву отцовскому честолюбию. В благодарность за дружеские услуги льстивого дон Педро де Мохики дон Кристобаль, испросив разрешение, передал жадному идальго всех своих слуг-индейцев, которые прилились ему по вкусу.

Закоп запрещал передавать молодых индианок холостым мужчинам, и поскольку дон Педро был не женат, следовало найти подставное лицо, за которым могла бы числиться Аника, красивая шестнадцатилетняя девушка, привлекавшая взоры распутного Мохики и пробудившая в нем далеко не безгрешные чувства.

Выбор пал на приятельницу идальго, донью Альфонсу, престарелую вдову, заслужившую дурную славу. Вот каким образом бедная девушка попала в руки похотливого уroda; таковы постыдные последствия рабства, которое принесло неслыханные бедствия стране Колумба и вплоть до наших дней оскверняет ее жестокими преступлениями. Случилось то, что должно было случиться и о чем читателю нетрудно догадаться.

Но в девственном сердце Аники по-прежнему горело чистое чувство, и грубая страсть Мохики была не в силах ни ослабить, ни погасить его; оно продолжало жить, усугубляя отчаяние беззащитной девушки, попавшей в лапы отвратительного чудовища. В те времена, когда Мария де Куальяр была придворной дамой вице-королевы, Аника, как любимица и наперсница своей госпожи, обычно сопровождала ее во дворец; там ей не раз доводилось встречаться с Энрике, и эти встречи оставили неизгладимый след в пылкой душе девушки. Она без памяти влюбилась в молодого касика и, в надежде пробудить в нем ответное чувство, подружилась с Тамайо, который вместе со своим господином нашел приют у францисканцев; между Аппкой и Тамайо установились дружеские отношения, и все

кругом охотно признали их дядей и племянницей. Как известно, Тамайо всегда старался прослыть родичем тех, кого он любил, недаром же он уверял, что состоит в родстве — только неизвестно, в какой именно степени, — с касиками из Харагуа и Баоруко.

Но Эрикильо был равнодушен к молодой индианке; обращаясь с ней дружелюбно, он в то же время остерегался дать ей малейшую надежду на ответное чувство. И девушке ничего не осталось, как хранить в тайне свою любовь. Одному лишь Тамайо поверяла она свои сердечные горести, именно поэтому пидесц приобрел над девушкой неограниченную власть; бедняжка безропотно выполняла все его советы и приказы.

Этим объясняется, почему Тамайо задумал именно так отомстить Мохике, пакликавшему беду на сеньора Валенсуэлу и Эрикке, и почему этот замысел так легко удалось привести в исполнение.

— Женщина за женщицу, — с удовлетворением твердил про себя предприимчивый и верный слуга по дороге в Ла Магуану. — Но все ли равно, Анка или Менсия. Нам удалось вырвать жертву из когтей этого проклятого дона Педро; мошенник на своей шкуре испытает, каково смеяться над мощми господами, небось пожалеет, что сыграл шутку с Эрикке.

На берегу реки Нигуа Валенсуэла и Эрикке, успевшие пзрядно проголодаться, терпеливо поджидали запоздавший караван; при виде девушки, ехавшей вместе с Тамайо, они опешили. Нимало не смущаясь, Тамайо кратко рассказал о случившемся; велико было негодование Валенсуэлы и Эрикке, когда они поняли, к чему привело чрезмерное усердие неразумного слуги. Старый сеньор выбранил его, но в заключение сказал:

— Каяться поздно. Не возвращаться же нам теперь в Санто-Доминго, чтобы поправить дело; бросить девушку на дороге, как ненужный хлам, тоже не годится. Итак, дочка, едем дальше, станешь жить на попечении твоего дяди Тамайо и старого Камачо, в обиде не будешь.

Во время привала, с аппетитом закусывая, Валенсуэла чистосердечно признался свосму питомцу:

— Клянусь богом, Эрикильо, проделка Тамайо меня ничуть не огорчала, и даже напротив, порадовала, его сам бог падоумил подшутить над Мохикой. Пусть злитесь и знают, что над нами нельзя безнаказанно смеяться. Хо-

рошо бы найти еще одного такого смельчака и сыграть шутку со старым плутом Пасамонте, который позорит свои седины и транжирит королевскую казну на свой гарем.

Путь продолжался; добравшись до города Асуа, Валенсуэла написал своему другу дону Гарсиа де Агилару, рассказал все начистоту и просил его уладить затруднения, если таковые возникнут из-за похищения девушки; да послужит сей случай в назидание развратникам и к укреплению добронорядочности. Агилар, ненавидевший распутного пидальго за то, что тот расстроил счастье Марии де Куэльяр, обещал в память молодой женщины пресечь все попытки Мохика действовать через суд. В самом деле, едва потерпевший сделал первые шаги, требуя возвращения похищенной возлюбленной, как честный дон Гарсиа предпринял ответный удар, разоблачив хитрые уловки, благодаря которым Мохика приобрел власть над девушкой.

Глушному уроду пришлось примириться с постигшим его горем, а Агилар две недели спустя написал Валенсуэле следующие строки: «Можете спокойно оставить в своем доме Аннку, доверенную вместе со своим дядей доñе Леонор и состоящую под вашим высоким покровительством. Обнаружено, что Аннка была незаконно отдана лиценциату Санчо Веласкесу с пометой «вне списков». Плутни раскрыты, плуты потеряли поражение».

XIII

АПОСТОЛ

Время шло, бессовестные враги Диего Колумба в Санто-Доминго продолжали строить гнусные козни; каждый новый день приносил с собой новые оскорбления и обиды лице-королеве и ее ближайшим друзьям. Здоровье дона Бартоломе, пригвожденного болезнью к своему ложу, быстро таяло, его неукротимый нрав не мог мириться с наглыми выходками королевских чиновников, направленными против его племянников, к которым он был сердечно привязан. Волнения подтачивали его истощенные силы, и наконец он угас; стойкий боец, который и

тягостных суровых испытаниях показал себя достойным братом Великого мореплавателя, изнемог под бременем невзгод. Горько оплакивая покойника, вице-королева устроила ему пышные похороны; так выполнила она свой последний священный долг перед именитым родственником.

Пришел черед дона Гонсало де Гусмана поплатиться за свою приверженность семье адмирала. Его благородство, величаясь гордостью, нескрываемое презрение к Пасамонте и другим недостойным завистникам Диего Колумба, неизменное заступничество за донью Марию де Толедо, — вот причины, которые навлекли на него гнев всемогущих вельмож, добившихся его ссылки на Кубу; знатная сеньора лишилась преданного друга. Между тем Гарсиа де Агилар, то ли боясь пострадать, подобно своему другу дону Гонсало, то ли желая помочь вице-королеве, отплыл в Испанию, чтобы доставить адмиралу и его сторонникам новые доказательства самоуправства и беззакония, творимых так называемыми слугами короля на Эспаньоле, где власть и влияние семьи Колумба стали пустым звуком. Король всегда внимательно выслушивал все жалобы адмирала и его достойной супруги, он не раз повелевал оказывать им обоим должное уважение, тем более что вице-королева, кроме всего прочего, находилась в близком родстве с испанским монархом. Но коварные происки недругов неизменно сводили на нет все королевские указы в пользу адмирала, ибо неверно толковались и еще хуже выполнялись чиновниками в Савто-Доминго. Силы короля Фердинанда и его некогда могучий дух угасали; по милости лукавых бесчестных фаворитов, вершивших дела Нового Света, у монарха осталась лишь символическая власть.

Таково было положение вещей в Испании, когда надре Бартоломе Лас Касас впервые предстал перед королем, заручившись предварительно горячей рекомендацией архиепископа севильского Диего де Десы, к которому он был введен смелым и решительным Антоном де Монте-сино.

Встреча с королем католическим произошла в Пласенсии. Фердинанд милостиво и благожелательно выслушал священника, красноречиво изложившего королю положение в Новом Свете, и пообещал снова принять его; но когда рекомендательное письмо архиепископа из рук ко-

роля попало к его секретарю Копчильосу, дело разом за-
стоянилось; человеколюбивый пастырь стал подозревать,
что Педро де Кордова был прав, когда при прощании
в Санто-Доминго сказал ему:

«Падре, ваши усилия не пропадут даром, ибо господь
защитит их вам; но будьте уверены, пока жив король, вам
не удастся достичь того, к чему мы с вами так стре-
мимся».

С помощью королевского духовника Томаса Матьенсо
Лас Касас добился лишь обещания новой аудиенции в Се-
вилье, куда в конце 1515 года собирался переехать двор.
Между тем по совету того же брата Томаса Лас Касас
отправился для беседы к Лопе де Копчильосу и к епископу
Фонсеке. Первый, как хитрый царедворец, попытался
привлечь на свою сторону Лас Касаса и сделал ему за-
манчивые предложения, которые были, разумеется, с пе-
годованьем отвергнуты благородным заступником индей-
цев. Фонсека молча выслушал потрясающую повесть о
чипимых в Новом Свете преступлениях и под конец, воз-
мущенный тем, что Лас Касас смеет так беззастенчиво
стучаться в его окаменевшее сердце, высокомерно пре-
рвал рассказчика:

— Полюбуйтесь-ка на этого глупца! Ну какое мне до
всего этого дело и какое дело до этого королю?

Услышав такой наглый и постыдный ответ, Лас Ка-
сас поднял голос и бросил в лицо потерявшему совесть
служителю церкви:

— Как, ни вашей милости, ни королю нет дела до
того, что гибнут люди? Великий боже! Кому же должно
быть до этого дело, как не вам?

Тут Лас Касас повернулся и вышел, более чем когда-
либо утвердившись в своем благородном намерении пре-
одолеть все преграды и освободить индейцев от оков раб-
ства.

Из Пласенсии Лас Касас отправился в Севилью, чтобы
там ждать короля, но так его и не дождался: в пути со-
стояние больного Фердинанда Католического ухудшилось,
и на жалком постоялом дворе в Мадригалехесе испустил
дух владыка двух миров, самый удачливый политик и са-
мый могущественный монарх своего времени.

Это событие не обезоружило Лас Касаса: решив под-
готовить все для поездки во Фландрию, чтобы там

домогаться аудиенции у наследника престола дона Карлоса Австрийского, он не мешкая отправился в Мадрид в резиденцию регента, кардинала Хименеса де Сиснероса, при котором состоял посланник последнего правца, кроткий Адриан, декан Лувена (впоследствии кардинал и папа римский).

Лас Касас составил два длинных послания, одно на кастильском языке для Сиснероса и другое на латыни для посланника, не знавшего испанского языка.

Результаты оказались чрезвычайно благоприятными для заступника индейцев. Адриан пришел в ужас, прочитав о бесчеловечном истреблении жителей Нового Света, и, немедленно встретившись с кардиналом, проживавшим в том же дворце, поведал ему о полученном сообщении. Кардинал, через монахов своего ордена наслышанный о творимых жестокостях, сказал, что к сведениям Лас Касаса еще многое можно добавить. Итак, решено было повидаться с благочестивым путешественником, который самоотверженно и неустанно боролся против совершаемых в Новом Свете беззаконий. Франсиско Хименес де Сиснерос и Бартоломе Лас Касас были двумя гигантами духа, способными в совершенстве понимать друг друга. Мощественный кардинал сердечно встретил скромного священника и, оценив беспримерное милосердие и высокий ум Лас Касаса, отговорил его от поездки во Фландрию, ибо здесь, в Мадриде, его ожидает та помощь, которой он с такой настойчивостью добивается на благо человечеству.

В Совете по делам Индий Лас Касас приобрел горячих сторонников среди мужей, прославившихся своим умом и неводкушной честностью. Особенно близко сошелся он с доктором Паласосом Рубиосом, не уступавшим Лас Касасу в знаниях, талантах и душевных качествах. Своими мудрыми советами при поддержке достойного брата Антона де Монтеино, который вскоре прибыл в Мадрид и присоединился к своему соратнику по борьбе против колониальной тирании, они уверенно и удачно направляли решения кардинала и Королевского совета к досаде пинтигапов и стяжателей и в первую очередь епископа Фопсеки, которого Сиснерос предусмотрительно отстранил от обсуждения вопроса о судьбе ископных обитателей Нового Света; такая мера означала блестящую победу вер-

ного защитника угнетенной расы над высокомерным противником.

Благодаря дружным усилиям гуманных деятелей, были выработаны новые законы для управления индейцами, а также меры наказания за злоупотребления, чинимые при попустительстве властей на острове Эспаньола. С этой целью при участии Лас Касаса были выбраны три монаха из ордена святого Иеронима в качестве представителей королевской и общественной власти на Эспаньоле и в других областях Нового Света; Лас Касас сам отиралился за ними в монастырь, уговорил их принять на себя эти весьма важные обязанности, привез их ко двору и поселил в отличном трактире, взяв на себя расходы по их содержанию. Однако ловкие приспешники тиранов работали не покладая рук, чтобы помешать восстановлению справедливости; действуя подкупом, ложью и клеветой, они сумели привлечь на свою сторону недалеких монахов-иеронимитов и посеять в их сердцах недоверие к великому праведнику; кончилось тем, что монахи перобрались в другое место, всячески избегали встречи с лиценциатом и слепо доверились его недругам.

Такой неожиданный поворот событий не смутил отважного защитника индейцев. Он сообщил обо всем своему другу Паласиосу Рубиосу и, справедливо опасаясь, как бы неискушенные в таких делах монахи не подпали под пагубное влияние людей без совести, друзья убедили кардинала ограничить полномочия иеронимитов одним лишь распределением индейцев на основе точных указаний из Мадрида. Решение прочих вопросов — добропорядочного управления на Эспаньоле, борьбы против злоупотреблений, восстановления престижа адмирала и наказания виновных — было поручено судьбе-ревизору, осторожному лиценциату Алонсо Суасо, уроженцу Севости и близкому другу надре Лас Касаса; дружеское расположение Лас Касаса к Алонсо Суасо уже само по себе говорит в пользу последнего.

Что же касается возвращения адмирала на Эспаньолу, на чем в интересах семейства Колумба Лас Касас горячо настаивал, то кардинал дал понять, что не намерен уступать в этом вопросе, ибо, по его твердому убеждению, необходимо сперва искоренить царивший на Эспаньоле дух раздора, и лишь затем предоставить адмиралу спокойно и плодотворно управлять островом. Это важ-

ное дело возлагалось на новых представителей власти. Удерживая Диего Колумба в Мадриде, Сиснерос и Адриан оказывали ему всяческие знаки внимания, предоставляв право решающего голоса на заседаниях Совета по делам Индий.

Опасаясь, что неопытные иеронимиты не сумеют осуществить новые постановления, предусмотрительный кардинал велел Лас Касасу отправиться вместе с ними в Новый Свет и помогать им во всех начинаниях на благо угнетенной расы. Лас Касас получил грамоту с широкими полномочиями, подписанную кардиналом и Адрианом: губернаторам и судьям Нового Света предлагалось всемерно поддерживать Покровителя «в его заботах о человеческом обращении с индейцами и о спасении их душ и жизни».

В заключение Лас Касас добился согласия разрушить все искусственные преграды, воздвигнутые королевскими чиновниками Эспаньолы с целью помешать бракосочетанию Менсии де Гевара с кашком Эрике. Самым решительным образом пресекались все злокозпные проделки недругов адмирала.

Но даже после этих важных решений, добытых с боем, заступнику индейцев пришлось приложить все свое неутомимое упорство, чтобы побороть умышленную медлительность чиновников, которые всячески оттягивали проведение реформы в жизнь. Они застывали в бездействии, едва лишь кардинал обращал свои взоры на другие государственные дела, требовавшие его внимания и вмешательства. Понадобилось, чтобы кардинал под влиянием Лас Касаса и Паласиоса Рубиоса грозно нахмурил свои олимпийские брови, — только тогда интриганы в смятении покинули поле боя. Эта первая битва защитника индейцев продолжалась целый год.

Иеронимиты и Лас Касас отплыли из Севильи на двух разных кораблях, ибо, по словам монахов, корабль Лас Касаса был слишком мал и тесен, — уж очень им не хотелось плыть через океан вместе с опасным лицензиатом. Алопс Суасо вынужден был по личным обстоятельствам на время отложить свое путешествие. Благополучно закончив плавание, путешественники остановились на несколько дней передохнуть на острове Пуэрто-Рико — этой обетованной земле, прекрасной, как лучезарная улыбка природы.

Тут монахи впервые увидели роковые последствия жестокости, которая превратила в мрачное кладбище чудесные острова, поразившие поэтическое воображение Великого мореплавателя. Некий Хуан Боно, прозванный Хуаном Злым, совершил на остров Тринидад «наскок» — именно так именовались в те времена пиратские набеги — и вернулся в Пуэрто-Рико, чтобы там или на Эспаньоле продать несчастных пленников. Посланцы Сиснероса и не подумали поддержать Лас Касаса, поднявшего свой голос в защиту индейцев, из которых многие попали в руки судей и королевских чиновников в Пуэрто-Рико и в Санто-Доминго. Словом, монахи по-прежнему придерживались тех взглядов, которые им были внушены в Испании. Это еще больше углубило разрыв между посланцами, смотревшими сквозь пальцы на беззакония, и неутомимым защитником индейцев.

XIV ПРИЗЫВ

В Ла Магуано с нетерпением поджидали возвращения Лас Касаса, о котором он заранее предупредовал своих друзей. Дон Франсиско Валенсуэла считал дни и часы, удивляясь, что друг его, всегда точный и аккуратный, так сильно запаздывает. Добрый старик хворал, силы его угасали; чувствуя себя ответственным за судьбу Энрике перед Лас Касасом, который доверил сироту его попечениям, он торопился отпраздновать свадьбу Энрике, чтобы устроить его новую жизнь. В душе Валенсуэлы по-прежнему кипела досада против продажных королевских чиновников и несправедливых судей на Эспаньоле, а больше всего против судьи-ревизора Лебропа, нанесшего ему тяжкое оскорбление; он мечтал дождаться того часа, когда все эти недостойные чиновники, подобно мятежным ангелам, будут испровергнуты с высоты своих постов. Незаслуженно обиженный честный человек желает лишь одного — дождаться торжества справедливости и наказания порока.

Энрике продолжал сохранять обычную невозмутимость; но за ней скрывалась смертельная тревога и страх потерять Менсию. С каждым днем препятствия, которые п

в прошлом году казались ему неизбежными на пути к счастливому союзу с прелестной девушкой, приобретали в его воображении все более непреодолимую силу, и, хотя Лас Касае в ласковом письме из Мадрида убеждал юношу, что все помехи и преграды на пути к браку с Менсией устранены и сломлены, касик настороженно ждал новой досадной проволочки, новых козней и нового разочарования; если же порой, размышляя о будущем, он на миг допускал, что его желания чудесным образом сбываются, беспоконное воображение вновь будило тревожные и печальные мысли, и он снова терял надежду, — слишком уж ложно было положение молодого касика и слишком необыкновенны достоинства той, которой предстояло стать подругой его жизни.

Истерзанный сомнениями, бессильный прогнать рои гнетущих мыслей, касик не находил себе покоя, и только мысль о близком свидании с добрым наставником надре Лас Касае яркой звездой озарила безвыходный мрак его жизни. Конечно, о своей прекрасной невесте Эприке думал с неизменным восторгом, но непонятное тягостное предчувствие сжимало его сердце, когда он воображал себя обладателем этого сокровища. Совсем иные чувства пробуждало в нем воспоминание о его дорогом надре Лас Касае: душа юноши раскрывалась навстречу сладостному волнению сыновней привязанности, не знавшей ни тревоги, ни мрачных предчувствий. Эприке не понимал себя: мы же объясняем такое явление подсознательной мыслью, что мужу вменяется в обязанность поддерживать жену, как более слабое существо; между тем сам Эприке ощущал невольную потребность в поддержке сильного и доброго покровителя.

Наконец как-то утром молодой касик вернулся раньше обычного в загородный дом Валенсуэлы, который мы уже раньше описывали. Он съездил, как это часто делал раньше, в ближайший городок Сан-Хуан к именитому сеньору Алонсо де Сотомайору, чтобы справиться, нет ли писем для его патрона; с тех пор как послание на имя вице-королевы тайнственно пропало в пути, Франеско Валенсуэла, сообразив, что его письма перехватываются, как это и подтвердилось дальнейшими событиями, решил впредь доверить свою почту лишь старому испытанному другу Алонсо де Сотомайору. Сияя от радости, Эприке протянул Валенсуэле пакет.

— Посмотрите-ка, сеньор дон Франсиско, письмо от надре Лас Касаса, я узнаю его почерк.

— Посмотрим, мальчик, — живо откликнулся Валенсуэла, — открой окно и прочти мне вслух, что пишет наш добрый друг.

Эрике поспешно повиновался и прочел следующие строки:

— «Дорогой и уважаемый друг сеньор Франсиско де Валенсуэла, вот уже три дня, как я, хвала господу богу, благополучно прибыл в Санта-Доминго. Приезжайте сюда поскорее вместе с нашим милым Эрике, вице-королева и я ждем вас с нетерпением. Остаюсь вашим верным и преданным другом.

Капеллан *Бартоломе де Лас Касас*.

Санта-Доминго, день крещения 1517 года».

— Это невозможно, сынок! — воскликнул Валенсуэла, когда Эрике закончил чтение письма. — Вместо меня с тобой поедет Андрес; ты ведь знаешь, удушье мучает меня, а по ночам донимает жар.

— Разумеется, сеньор, — ответил Эрике, — но если мы оба уедем, кто будет ухаживать за вами?

— Отсутствия Андреса я даже не замечаю, — с грустью возразил старик. — Сегодня он и на глаза мне еще не показывался. Другое дело ты, Эрикильо. Но ведь здесь остаются Тамayo и Анника, они уж позаботятся обо мне, а в случае, если мое здоровье ухудшится, дочь Леопор приедет ухаживать за мной и присмотрит за домом; она с этим отлично справится. Ну-ка, сынок, позови мне Андреса.

Эрике вышел и вскоре привел Андреса к больному. Втроем они обсудили план поездки в Санта-Доминго, назначив ее на послезавтра. Дон Франсиско сделал необходимые наставления сыну и своему питомцу, который написал от имени Валенсуэлы ответное письмо Лас Касасу; потом оба юноши, кастилец и индеец, вышли и занялись приготовлениями к путешествию; как и в предыдущий раз, требовался целый штат слуг и немалое количество лошадей, чтобы на носилках доставить невесту в Ла Магуану.

На прощание сеньор Валенсуэла сказал Эрике:

— Мой дом в Сан-Хуане будет готов, чтобы принять

тебя с супругой. Я велю Тамайю и Анике позаботиться обо всем, да и слуги твои помогут.

Адреса Валенсуэлу и Эрике сопровождал старый Камачо; узнав, что Лас Касас вернулся в Санто-Доминго, он горел желанием повидаться с ним. Камачо отправился во главе каравана вместо Тамайю, которого дон Франсиско не отпустил в наказание за его недавнюю проделку и из опасения, как бы он не выкинул еще чего-нибудь.

Итак, горько сетуя на злую судьбу, бедняга остался дома и вынужден был выслушивать упрёки Аники, которая выпала идейца в том, что он обманом привез ее в Ла Магуану, — ведь Эрике по-прежнему не обращает на нее внимания и на все намеки влюбленной девушки отвечает не хуже строгого проповедника призывом к скромности и добродетели.

— А ты что себе вообразила? Неужто ты думала, что мой касик, мой родственник Эврикильо, женится на тебе? — возмущался Тамайю. — Чего ты стоишь, оборванка?

— Пусть я ничего не стою, — соглашалась бедная девушка. — Но зачем было обманывать меня, говорить, будто касик стал ко мне милостивее...

— Вот еще! Ты хочешь, чтобы Эрике был такой же беспутной тварью, как этот негодник дон Педро, чума его заberi! — бросал в заключение Тамайю, меж тем как глаза Аники наполнялись слезами; тут грозный индеец, способный сгоряча на любые проделки, но обладавший, в сущности, добрым сердцем, испытывал прилив жалости и принимался утешать девушку.

XV

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

Спусти две недели после полученного от Лас Касаса письма путешественники благополучно добрались до Санто-Доминго. Священник принял близко к сердцу болезнь своего друга и огорчился, что тот не сможет быть посаженным отцом на свадьбу Эрике. Молодой касик излил перед своим дорогим пастырем все свои сомнения и раздумья; Лас Касас постарался его успокоить.

— Новые правила, — сказал он, — должны раз и па-

всегда покончить с порабощением индейцев и одновременно дать каспкам значительную власть и привилегии. Ты получишь от меня копию нового указа; я принимал немалое участие в его составлении, но издан он благодаря справедливости кардинала Сиснероса и королевского посланника Адриана; ты каспк, ты приобрел глубокие познания, которыми обладают лишь немногие из виднейших обитателей острова, так кто же посмеет встать на твоём пути при жизни моего доброго друга Валенсуэлы или после, когда господь бог призовет его к себе? Если смерть оборвет нить любви и благодарности, связывающую тебя ныне с твоим покровителем, ты будешь таким же свободным господином своей судьбы и поступков, как и я; так чего же тебе страшиться?

Эрике впял наконец разумным доводам Лас Касаса и с той поры стал спокойнее смотреть на будущее.

Он встретился с Менсией в присутствии вице-королевы и ее придворных дам; в дружеской беседе с невестой он обсудил все подробности их будущей свадьбы и жизни в Ла Магуане и проявил во всем своем поведении больше неприступности и уверенности в себе, чем в прошлый раз. Этим он был отчасти обязан Лас Касасу, который как никто другой умел внушить Эрике спокойствие духа и веру в свои силы; к тому же на этот раз каспк был принят во дворце вице-королевы, как старый знакомый; предстоящее бракосочетание уже не являлось новостью ни для кого из друзей и обитателей дома, а любопытство женщины перешло со скромного касика на молодого Валенсуэлу, самоуверенного, горделивого красавца, приковавшего к себе взоры легкомысленных, ничем не занятых девушек, которые жадно набрасывались на всякую побрякушку, способную оживить унылый размеренный ход жизни, установленный во дворце Марией де Толедо, тосковавшей в разлуке с любимым супругом.

Итак, Андрес де Валенсуэла произвел самое благоприятное впечатление на дам вице-королевы, а пламенная Эльвира, уже знакомая читателю, привоинив, как несколько лет назад молодой Валенсуэла привез от имени отца подарок адмиралу, не упустила случая завязать жгвой, неприступный разговор со стройным идалго и дать ему понять, какую лестную победу он одержал над всеми этими податливыми и пылкими сердцами. Эльвира с ее горящим взором и темным румянцем была хороша,

как вестая уроженка мавританской Андалусии, и галантный юноша не скрыл, насколько он польщен вниманием, оказанным ему прекрасной правнучкой Абелисерагов. От взора окружающих не ускользнуло внезапно всыхнувшее взаимное влечение статного Андреа Валенсуэлы и любезной, пожалуй даже слишком любезной, Эльвиры Пименталь. Когда гости разошлись, Эльвира, упоенная своим успехом, с радостью принимала поздравления, которыми не без тайной зависти осыпали ее подруги; потом, взяв Менсия под руку, совсем как в прошлом году, она увела ее на балкон, чтобы поговорить наедине.

— Довольна ли ты твоим Эрике? — спросила Эльвира.

— Да, сегодня он меня порадовал своим благоразумием, — ответила Менсия, — ни в чем не упрекал меня, как в прошлом году, и терпеливо выслушал мои жалобы.

— На что?

— Да за весь год от него пришло всего четыре письма; он клялся, что писал мне по меньшей мере пятнадцать раз. Я верю ему, он не способен лгать. Но скажи, Эльвира, куда же девались остальные письма?

— Затерялись в пути; ведь Ла Магуана находится так далеко... — рассеянно ответила Эльвира, потом с неожиданной живостью спросила: — А что сказал тебе при прощанье сеньор Андреа Валенсуэла?

— Он был весьма любезен и учтив, — ответила Менсия, — и выразил радость по поводу нашего брака с Эрике; он любит его, как брата.

— Превосходно! А знаешь, Менсия, мне очень нравится этот юноша, — призналась Эльвира.

— Как же, я видела, что ты долго говорила с ним, — простодушно заметила Менсия.

— Ах! — вздохнула легкомысленная андалуска. — Если бы господь судил мне стать его женой!..

— Какая ты странная, Эльвира, — с упреком прервала ее Менсия. — Ты вздыхаешь по дону Гарспа, который уехал со своей женой в Испанию, то мечтаешь выйти замуж за другого, хотя он едва знаком тебе...

— Ты не можешь понять меня, Менсия, — сказала Эльвира, прижимая руки к сердцу. — На этот раз пришло настоящее чувство, я страстно люблю Валенсуэлу.

— Но что значит страстно любить? — спросила Менсия.

— Я начинаю подозревать, что ты вообще не умеешь любить, моя бедная девочка, — откликнулась Эльвира. — Все подруги, кроме тебя, поздравили меня, видя, что я поправилась Валенсуале; даже вице-королева и та намекнула, что это была бы отличная партия.

— Дай бог тебе счастья, Эльвира! — проникновенно сказала Менсия и в благодарность за свое доброе пожелание была награждена звонким поцелуем пылкой андалуски.

XVI

ПРИТВОРСТВО

Эприке также заметил, что Андрес де Валенсуэла увлечен Эльвирой; при этом открытии у него отлегло от сердца. Ему были известны озорные проделки юноши, доставлявшие немало забот и огорчений его достойному отцу, который тщетно пытался держать сына в узде; непостоянство легкомысленного красавца, соблазвившего по очереди чуть не всех девушек в округе, — а они и впрямь не обладали необходимыми качествами, чтобы надолго удержать такого человека, как Андрес, — внушало Эприке серьезную тревогу, ибо в распущенности молодого идальго он усматривал грозную опасность для своей мирной супружеской жизни. Он видел вокруг сотни подобных примеров, — ведь испанцы зачастую относились без всякого уважения к законным союзам касиков, паходившихся у них в зависимости. И хотя Эприке, составляя исключение из общего правила, падеялся на большее уважение к себе, все же мучительная тревога рождалась у него всякий раз, когда он задумывался над своим положением.

Вот почему он обрадовался, видя, как церемонно Андрес приветствует Менсию, сохраняя полное равнодушие перед ее необыкновенной красотой; а убедившись вскоре, что Андрес де Валенсуэла влюбился в Эльвиру Пименталь, Эприке и вовсе успокоился.

Его догадки подтвердились в откровенном разговоре, который произошел между юношами, едва они остались одни на постоянном дворе, где их устроил Лас Касас.

— У тебя красивая невеста, Эприке, — сказал рассеянно и равнодушно Валенсуэла, словно считая своим долгом сказать ему нечто приятное.

— Среди здешних дам немало и других красавиц, — ответил Эприке.

— Клянусь, ты прав, — подтвердил идальго, — донья Эльвира похожа на ангела, сошедшего с неба.

— В самом деле, она прелестна, дон Андрес, — сказал касик.

— Если отец разрешит, я жепюсь на ней, — добавил идальго.

Но радость и удовлетворение касика мгновенно сменились бы жгучей тревогой, доведись ему услышать тайные переговоры дона Андреса, который под предлогом прогулки вышел два часа спустя на улицу, чтобы встретиться с закутаным в плащ незнакомцем, поджидавшим юношу за углом.

— Видели вы ее? — спросил человек в плаще.

— Да. Она хороша, как солнце. Если вам удастся расстроить свадьбу Эприке, я тотчас заменю его под венцом, — ответил Андрес.

— Надеюсь, мне это удастся, — сказал человек в плаще. — Ваша вина, если я до сих пор не успел достичь этого. Я надеялся, что вы и на этот раз перехватите письмо проклятого священника, а вы его проворонили.

— Оно пришло рано утром, я еще спал, — смиренно оправдывался Валенсуэла.

— Кто желает завоевать руку самой красивой и богатой девушки на Эспаньоле, тот не спит, сеньор Андрес, — с насмешкой сказал человек в плаще.

— Я завоеваю ее, клянусь дьяволом, — с жаром воскликнул Валенсуэла, — хотя бы мне пришлось убрать с пути Эприке!

— Так чего же вы тянете, дон Андрес?

— Боюсь, как бы отец не лишил меня наследства, — ответил юноша. — Он уже грозился завещать монастырю все свое состояние, если я не исправлюсь, ну а ежели я чем-либо обижу касика, он и вовсе рассердится.

— Сеньор так привязан к Эприке? — заинтересовался таинственный незнакомец.

— Больше, чем ко мне, своему родному сыну, — бросил Андрес. — Но когда отец умрет, а этого, как видно,

недолго ждать, мы с вами все уладим, если не удастся уладить иначе.

— Так не забудьте же, что вы влюблены в другую; на всякий случай необходимо притворяться, — добавил незнакомец.

Андрес де Валенеуэла распрощался с недостойным Педро де Мохикой, который и был таинственным советником недостойного сына.

XVII ИМПРОВИЗАЦИЯ

Вице-королева и Лас Касас договорились, что венчание Энрике и Менсии состоится во дворце Колумба через три дня после приезда гостей из Ла Магуаны. Такое решение не нашло возражений ни со стороны Энрике, ни со стороны молодого Валенеуэлы; первый всецело доверялся своему покровителю, почитая его существом непогрешимым, а молодой идалго, как мы знаем, не смел ослушаться отца, который велел ему во всем подчиняться Лас Касасу.

На следующий день после встречи, состоявшейся у вице-королевы, Лас Касас сидел за столом полированного красного дерева, листая и перечитывая старые постановления, в силу которых осуществлялось распределение индейцев на Эспаньоле. При этом он отмечал особо вопиющие случаи, требовавшие немедленного вмешательства и применения реформ, ради которых и были направлены монахи-перопимты, отнюдь не спешившие, однако, их осуществить. Так между страстным защитником индейцев и неповоротливыми представителями власти возникла борьба; каждую помету в своем списке Лас Касас сопровождал горячим взрывом возмущения, ибо его благородное сердце не терпело зла и беззакония.

— Ну вот, всегда одно и то же... Индейцы Эспаньолы не желают трудиться... Item¹, они привыкли бездельничать... Они, мол, бегут в горы, лишь бы взбавиться от работы... Посмотрите только, как убийцы клеветают на свою

¹ Кроме того (лат.).

жертву. Перед страшным судом господним ответят палачи за всю ложь и клевету, возводимые на безвинных людей, таких измученных, истерзанных и презираемых, таких заброшенных, всеми забытых, лишенных утешения и защиты! Не от работы бегут они, но от адеких мук, которым мы подвергаем их на рудниках и постройках; бегут от голода, от бича, от побоев, брани и поношений, бегут, чтобы не слышать, как их то и дело называют собаками; от жестокого, бесчеловечного обращения, которому они подвергаются и днем и ночью.

Таковыми замечаниями сопровождал милосердный пастырь все вопиющее преступление, нашедшее отражение в реестрах подневольных индейцев. Внезапно перед ним предстал его любимый слуга Камачо и как обычно с благоговением поднес к губам руку своего покровителя.

— Целую руку вашей милости, — почтительно произнес он.

— Да хранит тебя господь, мой славный Камачо, — ответил Лас Касас, чувствуя, как стихает гнев, охвативший его сердце. — Ну, как Эрикильо? Как молодой Валенсуэла?

— Все хорошо, сеньор. Эрикильо ждет и гостинице доня Андреса, который вышел пройтись, потом они вместе явятся к вам...

— Зачем же ты оставил в одиночестве бедного Эрикильо? — спросил Лас Касас.

— Сейчас все объясню вашей милости, — ответил Камачо. — Сеньор дон Франсиско велел мне следить за каждым шагом своего сына и докладывать вашей милости, если я что-либо замечу; так вот вчера, когда уже закончили к вечерней молитве, дон Андрес вышел из дому; я пошел за ним крадучись и увидел незнакомца, который поджидал его за углом; потом, когда дон Андрес распрощался с ним, я несшимся домой и сделал вид, будто жду его, чтобы открыть дверь, на самом же деле он оставил ее приоткрытой. Сегодня, заметив, что дон Андрес снова выходит один, я пошел за ним и вижу, он входит в дом на Четвертой улице; пробыл он там немалое время, а когда наконец вышел, я спрятался и потом спросил у прохожего, кто живет в этом доме, — оказалось, вдова из Кастилии по имени донья Альфонса; тут я вспомнил одну историю — мне рассказали ее Тамайо и Аника в Ла Магуане, — и у меня закралось подозрение. Я глаз не спускал

с дома и наконец увидел, как из него поспешно нымгнул на улицу дон Педро де Мохика.

— Мохика здесь? — воскликнул с удивлением Лас Касас.

— Вот именно, — ответил Камачо. — Как видно, он гнался за нами по ятам, — ведь он был в Сан-Хуане, когда мы выехали сюда. Сеньор дон Франенско не раз пробирал сына за то, что тот разъезжает верхом по окрестностям вместе с этим злым человеком; старый сеньор терпеть его не может...

Но Лас Касас уже не слушал своего слугу; поспешно навидывая пелерину, он повторял:

— Этот злодей здесь! Ясно, он прибыл, чтобы расстроить свадьбу. Но, честное слово, все его уловки ни к чему не приведут. Будь он самим дьяволом, клянусь, на этот раз ему не удастся торжествовать победу.

Сопровождаемый Камачо, который с трудом попевал за своим неутомимым господином, Лас Касас стремительно направился к постоялому двору, где застал обоих юношей мирно беседующими в ожидании завтрака.

— Ну, мальчики, — сказал без околичностей Лас Касас, — надевайте ваши лучшие камзолы, и идемте завтракать к вице-королеве.

— Возможно ли?.. — начал было Валенеуэла.

— Виолие возможно, — прервал его Лас Касас. — Живо, одевайтесь и в путь.

Не смея возражать, юноши отправились переодеваться; Камачо последовал за доном Андресом, ибо молодой пеголь никак не мог обойтись без помощи слуги. Напротив, наряд Эприке отличался необыкновенной простотой; год назад, когда расстроилась его свадьба, юный касик дал себе слово никогда не расставаться со своей скромной повседневной одеждой и, несмотря на уговоры доня Франсиско сшить себе новый дорогой костюм, носил обычно короткие панталоны со шнуровкой, камзол темного наваррского сукна с отложным воротником из сендали — тонкой белой ткани, — бархатную накидку и бархатную шапку. Черные шелковые чулки и башмаки по итальянской моде дополняли наряд касика, благородство и изящество которого ничуть не проигрывали в скромном и строгом костюме.

Оба юноши вскоре были готовы, Лас Касас с удовлетворением окинул Эприке взглядом, и все трое без прово-

дочек двинулись в путь; Камачо получил приказ следовать позади.

Войдя во дворец, Лас Касас велел доложить о себе; вице-королева находилась в столовой, собиравась позавтракать в кругу семьи. Завтракала она обычно вместе с дядей своего супруга, которого звали также дон Диего; человек простой, скромный и набожный, он жил в Санто-Доминго настоящим затворником и проводил больше времени в церкви, чем дома. К столу вице-королевы приглашался и старый капеллан домово́й церкви, который служил утреннюю мессу и читал вечернюю молитву; он составлял своего рода украшение дома и на все взирал равнодушно, бесстрастно и безмолвно.

По приглашению Марии де Толедо Лас Касас вошел в столовую, оставив своих спутников в большой приемной.

— Окажете ли вы нам честь позавтракать с нами? — спросила с присущим ей радушием вице-королева.

— Боюсь, что моя смелость вас удивит, сеньора, — со смехом ответил Лас Касас. — Я ведь затем и пришел, чтобы позавтракать с вами милостью; но это еще не все, дело в том, что я на свой страх и риск привел к вам еще двух гостей.

— Очень рада, мадре Касас, — сказала вице-королева. — Таким образом, несмотря на печаль по случаю отсутствия моего супруга, я буду иметь удовольствие завтракать в большом обществе.

— Разрешите, сеньора, просить вас, — прибавил Лас Касас, — не допускать в дом никого из посторонних и не принимать почты, пока мы не завершим важного дела, которое и привело нас сегодня к вам.

— Вы меня пугаете, мадре, но я готова исполнить вашу просьбу.

— И я уверен, что вы в этом не откажетесь, сеньора, — сказал в заключение Лас Касас.

Пока вице-королева отдавала приказ мажордому никого не принимать, Лас Касас обратился к старому капеллану:

— Больше всего нам сейчас потребуются ваши услуги, мадре капеллан.

— Готов служить вам, — ответил тот.

Тут Лас Касас сообщил вице-королеве, что Мохика тайно прибыл в Санто-Доминго, несомненно с целью снова расстроить свадьбу Эурике и Менсип.

— Что же вы думаете предпринять? — спросила вице-королева.

— Ничего особенного, сеньора, — с полным спокойствием ответил Лас Касас. — Мы просто сию же минуту поженим пашух питомцев, и *laus Deo*¹.

Это смелое решение не могло не поразить вице-королеву, но она тут же признала его разумным и порадовалась, что на этот раз им удастся провести своих хитрых педругов. Капеллан, однако, заупрямился:

— Нет, нет, это невозможно, немислимо. А что, если подоспест запрещение, как в прошлый раз?

— Но, падре капеллан! — с жаром воскликнул Лас Касас. — Я не понимаю ваших уверток. Состоит или не состоит ваша милость на службе во дворце?

— Как же, падре, состою, — смутился капеллан, — но ежели королевские чиновники...

— Они здесь не властны распоряжаться, понимаете? — прервал его Лас Касас. — Я беру все на себя. Повепчаете вы их или не повепчаете?

— Я сделаю все, что прикажет мне моя госпожа вице-королева, — поспешно ответил бедняга, — но если сеньор Пасамонте...

— Опять за свое! — нетерпеливо поморщился Лас Касас. — Ступайте за мной, я все улажу к общему благополучию.

И, схватив капеллана за руку, Лас Касас почти силой увлек его в часовню.

— Велите этому бедняге, — сказал он вице-королеве, которая следовала за обоими священниками несколько озабоченная, но все же улыбающаяся, — велите ему спокойно наблюдать за всем, что здесь произойдет.

Решительным движением Лас Касас распахнул большой шкаф, в котором хранились священные одеяния, достал оттуда облачение, столу, шапочку и, снова повернувшись к знатной даме, сказал:

— Прикажите позвать невесту, а также дона Диего, мажордома и всех обитателей дворца. Капеллан, что вы желаете сказать по этому поводу?

— Что я не отвечаю за это... — пробормотал оробевший старик.

¹ Хвала господу (лат.).

— Ну, так давай­те сюда молитвенник, за все и отве­та,
я, — заключил Лас Касас.

Вице-королева вышла и вскоре вернулась, ведя за руку Менсню, за ней показались старый доп Диего, Эльвира, придворные дамы и весь штат прислуги.

Эприке и Валенсуэла, застигнутые врасплох, шли сле­дом за мажордомом, который от имени Лас Касаса при­гласил их в часовню; при виде облаченного в ризу свя­щенника оба юноши побледили.

— Не пугайтесь, мальчики, — сказал им с улыбкой слугитель алтаря, — никто не собирается отлучать вас от церкви.

Указав место каждому из присутствующих, расставив всех участников предстоящей церемонии и команду все­ми, как офицер — рекрутами, Лас Касас взял себе в по­мощь старого Камачо и как ди в чем не бывало начал и завершил обряд венчания, потом благословил новобрач­ных, опустившихся перед ним на колени, а в заключе­ние произнес проникновенную проповедь о супружеской верности, найдя такие убедительные и доходящие до сердца слова, что все присутствующие были растроганы и жеманные не раз подносили к глазам вышитые пла­точки.

Обратившись к вице-королеве и Валенсуэле, как к по­саженным родителям жениха и невесты, и не спуская про­ницательных глаз с задумчивого и сумрачного лица моло­дого идалго, Лас Касас торжественно и изволнованно произнес следующие слова:

— Мне не приходится напомнить посаженной матери о ее обязанностях, ведь она была по­пестнице матерью для новобрачной. Вы же, сеньор посаженный отец, никогда не забывайте, что вам надлежит, больше чем кому бы то ни было, пещся о чести и благо ваших приемных детей. Если вы сумеете выполнить свой долг, да спойдет на вас милость господняя; но если вы забудете ваши обязан­ности, да лишит вас господь своей милости и да покарает вас на этом и на том свете, как того заслуживают клятво­преступники.

Потом, словно желая загладить впечатление от своих последних слов, он осенил крестом всех присутствую­щих: «Благослови вас господи», — и, сняв священное обла­чение, с веселым смехом обратился к вице-королеве:

— Теперь, высокородная сеньора, благоволите продолжать прерванную трапезу, мы же составим вам компанию и превратим ее в свадебное пиршество.

Все, кроме одного человека, выразили свою радость по поводу неожиданного бракосочетания: силясь скрыть досаду из-за понесенного поражения, Валенсуэла осмыслил знаками внимания прекрасную Эльвиру.

Когда капеллан читал благодарственную молитву, слуга доложил вице-королеве, что падре Мансанедо, один из трех правительственных посланцев, приходил во дворец, но, узнав, что вице-королева не принимает, удалился, обещая прийти после полудня.

Вице-королева не без волнения сообщила об этом Лас Касасу, который тут же выразил уверенность, что монахи-иеронимит приходил не иначе как с целью расстроить свадьбу.

— Как видите, мы разумно поступили, завершив наше дело, — сказал Лас Касас. — Вам не о чем беспокоиться. Отсюда я отправлюсь прямо к монахам-иеронимитам и предъявлю им грамоту, на основании которой я действовал. Все кончится благополучно.

XVIII ОБЪЯСНЕНИЯ

Час спустя на постоялом дворе касик, Валенсуэла и Камачо делились впечатлениями о неожиданном утреннем событии, а неутомимый Лас Касас беседовал с падре Мансанедо в торговых рядах, давших приют иеронимитам.

К этому времени между монахами и защитником индейцев создались такие отношения, при которых становилось уже невозможным далее притворяться и скрывать обоюдное недовольство. Чрезмерное смирение не входило в число добродетелей, присущих Лас Касасу; он полагал — и по нашему мнению, полагал вполне основательно, — что с падшими людьми не следует вести себя смиренно, дабы не потакать закоренелым грешникам; лучше дать им на себе испытать то зло, которое они причиняют ближнему, и тем самым открыть им путь к раскаянию. Возможно, что, рассуждая подобным образом, великий гуманист (а вслед за ним и мы) несколько расходился с христианским учением, но так или иначе ему доставляло особое удовольствие узавить тщеславие высокомерных и «сбить спесь», как он выражался, со своих могущественных чвапливых педругов.

Смирным и милосердным пастырем он был с простыми людьми и бедняками, несчастными, оскорбленными

и униженными, с теми, кто поистине нуждался в целительном бальзаме высоких душевных добродетелей.

По словам Лас Касаса, который поведал другим о своей беседе с иеронимитами, он предстал перед противной физиономией падре Мансанедо и после обычного «храни вас бог», прозвучавшего с той и другой стороны не более приветливо, чем «черт вас побери», разом приступил к делу:

— Падре Мансанедо, меня привела к вам необходимость сообщить о совершенном мною пышно таинстве, дабы избежать ложных толков или иного *quid pro quo*¹.

— Я вас слушаю, падре Касас, — хмуро ответил монах.

— Сегодня в дворцовой часовне вице-королевы мною совершено таинство брака и дано благословение новобрачным, именуемым Эприке, касиком Баоруко, и доньей Менсией де Гевара.

— Что я слышу! — в ужасе воскликнул монах. — Этот брак не следовало заключать. Имеется строжайший запрет...

Лас Касас усмехнулся и, покачав головой, сказал с нескрываемой издевкой:

— Я уже давно догадывался, что тут плетутся козни; Мохика мне хорошо знаком.

— Мохика? — переспросил монах. — Да, вы правы, вот, прочтите: как дядя девушки, он решительно возражает против ее брака с касиком. Письмо получено сегодня утром, друзья поручили мне заняться этим делом.

Лас Касас взял бумагу и пробежал ее глазами.

— Все гнусная клевета, — сказал он, возвращая письмо.

— Так или иначе, — возразил монах, — прежде чем объявить брак, необходимо было все тщательно проверить, вы же поступили крайне неосмотрительно, поспешив с бракосочетанием.

— Вы не правы, падре, — холодно возразил Лас Касас. — Именно подозревая, что готовится какая-то каверза, я и поспешил с впечатанием.

— Вы ужасный человек, падре Бартоломе! — с раздражением воскликнул монах. — По какому праву вы решились на это?

— А вот по какому, — сказал Лас Касас, доставая из кармана пакет с печатью и гербом кардинала Сисперо-

¹ Недоразумение (лат.).

са. — Как видите, мне дано исключительное право совершить таинство брака, устранив могущие возникнуть на его пути трудности; необходимая мера предосторожности, ибо вам следует знать, надре, что Мохика уже с давних пор противится браку и строит коварные козни, преследуя далеко не святые цели.

— Похоже на то, что он выбрал другого мужа для своей племянницы, — произнес отец Бернардино, смягчаясь при виде грамоты кардинала. — Вы правы, надре Касас, — прибавил он, ознакомившись с содержанием документа, — но что вам стоило с самого начала поставить нас в известность? Мы своевременно проверили бы поведение касика, вашего подопечного.

— Вот потому-то я и поступил совершенно иначе; а теперь в добрый час занимайтесь проверкой, чтобы убедиться, как злобно клеветает Мохика на Эрикильо, неспособного хоть сколько-нибудь погрешить против честности. Клеветник знает, что его черныи замысел обречен на неудачу, но, желая выиграть время, продолжает свои шутки. Однако мошеннику уже ничто не поможет: последняя воля умирающей свершилась!

Отцу Бернардино не оставалось ничего другого, как признать законность брака; согласившись с тем, что Мохика и впрямь мошенник, монах все же попросил Лас Касаса заручиться бумагой с клятвенным заверением сеньора Валенсуэлы и двух рехидоров из Ла Магуаны в том, что поведение Эрике безупречно, а обвинения, будто по пути из Санто-Доминго юноша похитил Анику в качестве паломницы, — клевета. Именно в этом и заключался ложный донос Мохики на касика, — дядя задался целью во что бы то ни стало помешать браку «своей любимой племянницы». В ожидании этого оправдательного документа отцы перовимиты постановили, что касик может остаться в Санто-Доминго, но не смеет вступать в свои права супруга.

ХІХ

ОПРАВДАНИЕ

Письмо в Ла Магуану было отослано в тот же день, а молодой Валенсуэла поспешил к своему гуанскому советнику, чтобы дать ему отчет в происшедших событиях.

Мохика пришел в ярость, услышав, что все его хитрые замыслы рухнули из-за решительного вмешательства Лас Касаса.

— Вы жалкий трус и бездельник! — бросил он в лицо молодому Валенсуэле. — Из-за вашего презренного малодушия все пошло прахом.

— Ну что я мог поделать? — оправдывался юноша. — Все случилось так неожиданно... Теперь все зависит от письма, посланного в Сан-Хуан, — ведь пока не придет ответ, Энрике не станет мужем Менсии.

— А на кой черт мне это сдалось? — в бешенстве закричал Мохика. — Уж не думаете ли вы, что я так, ни с того ни с сего, стану перехватывать письма или поручу

моим молодцам убить курьера? Это помогло бы, пока бран еще не был заключен, а теперь уже поздно.

— Но вы же понимаете, — возразил Валенсуэла, — что письмо прольет свет на всю эту историю с похищением Аники; вы сами мне говорили, что, если начнут копаться в этом деле, вам не выйти сухим из воды.

— Конечно, — с раздражением сказал Мохика, — кому как не мне платить за разбитые горшки. И все же я не собираюсь перехватывать пакет. Допустим, я соблазнил какую-то индианку, да за это и волос не упадет с моей головы, ведь иначе старик Пасамонте уже давно облысел бы. Ну, а ежели я стану без толку совать свой нос в казенную переписку, один дьявол знает, как мне за это может пагореть. К черту! На этот раз умываю руки и убираюсь восвояси.

На этом сообщники расстались, весьма недовольные друг другом. Но не прошло и двадцати четырех часов, как они снова заключили мир, решив дожидаться более подходящего момента для осуществления своих зловещих замыслов.

Между тем дон Франсиско Валенсуэла получил письмо от Лас Касаса и был возмущен новыми кознями Мохики; прикованный тяжелым недугом к постели, он вызвал из Сан-Хуана своего преданного друга Сотомайора и поручил ему просить рехидоров без проволочек письменно засвидетельствовать безупречное поведение Энрике. Достойные рехидоры поспешили дать самый лестный отзыв о прекрасных душевных качествах и безукоризненном поведении молодого индейца. Дон Франсиско клятвенно заверил справедливость изложенного и добавил от себя похвальные суждения о достоинствах касика. Присоединив к документу упомянутое нами ранее письмо донна Гарсиа де Агилара, он передал посланцу Лас Касаса пакет, который и был доставлен без промедления в Санто-Доминго.

Таким образом, надре Мансанаedo вскоре получил неопровержимое доказательство плутовей Мохики; он велел разыскать обманщика, но тот поспешил украдкой покинуть город, чтобы в своем поместье в Харагуа скрыть горечь разочарования и обдумать на досуге новые козни.

Итак, сопровождаемые Валенсуэдой и слугами, новобрачные пустились наконец в путь в Ла Магуану. Лас Касас отправил с ними своего старого слугу Камачо, снабдив его при этом особыми тайными наставлениями; вице-

королева, желая, со своей стороны, придать свадебному поезду надлежащий блеск, присоединила к свите новобрачных мажордома и двух дворцовых слуг, у которых на груди был вышит герб Колумбов — эмблема с изображением геркулесовых столпов и девиз «plus ultra»¹.

XX РЕЗИДЕНЦИЯ

Грамота, которую в знак высокого доверия получил Лас Касас от кардинала Сиснероса, не в силах была восстановить дружбу между отцами иеронимитами и покровителем гонимой расы. Твердость и упорство, с которыми Лас Касас требовал от трех монахов неотложного проведения в жизнь нового указа о правах индейцев, неизменно паталкивались на глухую стену, ибо по наущению лиц, стремившихся сохранить рабство в силе, монахи держались предвзятого мнения о характере и благородных побуждениях Лас Касаса. Они считали его высокомерным, властным и охотно прислушивались к злым наветам стяжателей, готовых на все, лишь бы очернить этого выдающегося человека, движимого высокими помыслами.

Подчиняясь общему веянию, которое вплоть до наших дней является законом для большинства колониальных правителей, отцы иеронимиты не решались посягнуть на установленные в Новом Свете порядки, несмотря на все возмутительные беззакония, творившиеся на их глазах. Дух стяжательства, лежащий в основе захвата колоний, перерастает в необузданную алчность, стремящуюся подавить все человеческие чувства. Вот причина того, что тлетворный туман дурманит разум и в нем, как в фотографической камере, белое становится черным. Этому чудовищному наваждению, этому помрачению разума может противостоять лишь чистая, незапятнанная совесть, закаленная в горниле истины, чуждая страху и жажде наживы.

Но помраченный разум не в силах встать на защиту нравственных законов; несправедливость кажется ему

¹ Сверх моря (лат.).

вообще допустимой и даже пасуцио необходимой, а мысль о бедствиях, якобы неизменно сопутствующих всякой попытке восстановить в обществе вечные, священные и нерушимые, хотя и постоянно нарушаемые законы природы, вызывает трепет.

Вот почему оказалось легко отнять индейцев у тех испанцев, которые жили в Кастилии, а на Эспаньоле пользовались по праву энкомьенды бесплатным трудом ее исконных обитателей; этим несчастным индейцам предстояло перейти в распоряжение Хуана де Амьеса, выкорымыша Пасамонте, получившего наказ приобрести асьенды для их высочеств, которые обязывались «заботиться» о работающих на полях индейцах. На острове не нашлось ни одного лица, способного возразить против подобной сделки. Иначе обстояло дело с теми индейцами, которые незаконно перешли в собственность представителей власти на Эспаньоле. В руки Пасамонте и его приспешников, в том числе Хуана де Амьеса и других влиятельных особ, попали индейцы, силой вывезенные несколько лет назад с Лукайских островов и совсем недавно с острова Тринидад. Последние — неслыханное дело! — перешли в собственность членов апелляционного суда и самого судьи-ревизора Леброна; так с ведома и одобрения правосудия совершилось вошшоутее преступление: бесстыдные шпраты захватили в плен островитян и продали их в рабство.

Это незаконное оставалось в силе при молчаливом содействии отцов иеронимитов, прибывших из Испании с приказом строго карать разбой и возвращать свободу его несчастным жертвам. Судьи и королевские чиновники, возглавлявшие рабовладельцев, всячески им потакали и сбивали с толку отцов иеронимитов, яростно защищая те интересы, которые должны были неминуемо пострадать, в случае если бы удалось провести в жизнь указ об освобождении индейцев. Деликатные монахи совестились разорить и, чего доброго, довести до нищеты «бедных чиновников и колонистов», почитая великой несправедливостью освобождение презренных рабов, пребывавших в благословенном рабстве; кончилось тем, что добрые служители бога паотрез отказались выполнить данный им наказ и обратились к кардиналу с ходатайством внести ряд изменений в новый закон, на благо их высочествам и государству; церковь и прихожапе, по словам монахов, ничуть от этого не пострадают, ибо, разобравшись во всем, посланцы

установили, что «одно дело увидеть эту страну воочию, и другое — знать о ней понаслышке». Настойчивость Лас Касаса, требовавшего выполнения новых указов в пользу индейцев, — а главным вдохновителем этих указов был он сам, — окончательно рассорило его с монахами и вызвало непримиримую ненависть к нему со стороны всех владельцев энкомьенды. Друзья Лас Касаса, доминиканцы, справедливо опасаясь за жизнь и безопасность пламенного защитника индейцев, не без труда уговорили его поселиться у них в монастыре, надежном убежище от мстительных врагов. Живя у доминиканцев и не уступая ни пяди из своих требований к иеронимитам, Лас Касас дождался наконец приезда запоздавшего Алонсо Суасо. Тогда от настойчивых просьб и призывов мужественный борец за справедливость перешел к действиям и подал новому судье-ревизору жалобу на королевских чиновников и судей, обвиняя их в тяжких преступлениях, в попрании законов и насилиях над несчастными индейцами.

Честный, неподкупный Суасо принял жалобу и начал расследование, но преступники, при поддержке ослепленных иеронимитов, направили в Испанию к кардиналу Сиенеросу своего ходатая с бесчисленными лживыми обвинениями против Лас Касаса, называя его безрассудным и опасным смутьяном. Письма Лас Касаса и его немногочисленных единомышленников были перехвачены и не попали в руки Сиенероса, так что тот, несмотря на свои высокие душевные качества, был застигнут врасплох клеветниками и поверил их измышлениям. Лиценциат Суасо получил приказ прекратить расследование независимо от положения дел, а между тем к тому времени все королевские чиновники и судьи на Эспаньоле были полностью уличены в нарушении закона и насилиях.

Тогда, обуреваемый благородным негодованием, Лас Касас договорился с Алонсо Суасо и Педро де Кордова, что он снова отправится в Испанию для восстановления истины и справедливости. Суасо в согласии с Лас Касасом и братом Педро сообщил о его отъезде иеронимитам; в ответ настоятель монастыря Мехорада брат Луис де Фигероа взволнованно воскликнул: «Ему не следует ехать, от этой искры разгорится пожар». На что судья ответил: «Но кто же осмелится запретить священнику, обладателю королевской грамоты, разрешающей в любое время обо всем

докладывать королю, выполнять свои обязанности так, как он полагает это необходимым?»

Итак, заручившись рекомендательными письмами и доверенностями от брата Педро де Кордова, монахов — доминиканцев и францисканцев по имени кардинала и короля, Лас Касас распрощался с иеронимитами, которые, силясь скрыть трюгу, приняли его весьма учтиво, и отправился в Испанию, куда вскоре благополучно прибыл. Иеронимиты послешно отрядили вслед Лас Касасу уже известного нам Бернардино де Мансанедо, дабы оправдаться при дворе и дать отпор защитнику индейцев. Но может ли неповоротливый верблюд, вынужденный па арепу, побороть могучего льва? И в силах ли неуклюжий страус одолеть орла, царя птиц и горных вершин?

XXI

КОРОТКО О ДАЛЬНЕЙШИХ СОБЫТИЯХ

Устоим против искушения рассказать во всех подробностях об упорной и героической борьбе, предпринятой с твердой верой в свое дело одним из славнейших сынов Испании, в защиту справедливости и права на свободу весьма значительной части человечества, обреченной на жестокое рабство и неслыханное истребление в угоду бесстыдной и неумной алчности.

Решившись вновь пересечь Атлантический океан, Бартоломе Лас Касас появился в Европе вооруженный несокрушимой уверенностью в том, что только отмена рабства может спасти индейскую расу от повседневного гнета и неминуемой гибели. Вместо передачи индейцев во власть бесчеловечных хозяев, обязанных «наставить их на христианской вере и приохотить к труду», что в переводе на язык Лас Касаса означало отдать овец на милость кровожадных волков, он полагал необходимым сочетать интересы государства с высокими гуманными основами естественного и политического права, дабы осуществить европейские принципы управления и приобщить индейцев к цивилизации; такая система заслужила ныне признание честных и сведущих людей, ввиду ее ответственности с основами экономической науки; но в те вре-

меня стяжателям, искавшим в Новом Свете лишь наживы, она казалась вздорной и чудовищной утопией.

Лас Касае обладал верой, умом и упорством, необходимыми для борьбы с могущественным противником, опиравшимся на власть, влиятельные связи, богатство и прежде всего на силу привычки и издавна создавшегося положения. После смерти прославленной и великодушной королевы Изабеллы Фердинанд отдал Новый Свет на поток и разграбил. Себялюбивый монарх в открытой Колумбом стране не видел ничего, кроме материальной выгоды, которую она могла принести короне; вот почему идеи Кочипльоса, Фонсеки, Пасамонте и их достойных приспешников пустили глубокие корни в сознании короля и легли в основу управления Новым Светом. Яростная борьба Лас Касае и кучки его друзей-монахов против власть имущих была неравной и трудной; не раз, отступая перед численным превосходством противника и его могущественными покровителями, апостол терпел поражение, но никогда он не надал духом и мог с гордостью сказать, что в этом неравном бою он добился в конце концов торжества истины и справедливости; ведь чем труднее борьба, тем больше славы победителю.

Пропустим все перипетии боя; не станем рассказывать о том, как после смерти кардинала Сиснероса стойчивый Лас Касае сумел обрести поддержку при фламандском дворе Карла Австрийского; как ему удалось завоевать высокое уважение канцлера Хуана Сельваджио, воспитателя короля Шьевра, канцлера Лахао, епископа бадахосского и других прелатов и графов Кастилии; оставим в стороне его ежедневные диспуты с прославленными учеными эпохи (он неизменно одерживал над ними верх, поражая всех величием своего ума и обширностью познаний: правоту его признали все восемь проповедников короля, выдающиеся богословы, в том числе мудрый Мигель Саламанкский); расскажем читателю лишь о глубоких умственных и нравственных достоинствах, которые помогли Лас Касае восторжествовать над могущественными противниками, и приведем на страницах нашей скромной повести лишь наиболее яркие моменты этой славной битвы, лишней раз подтвердившей, как велико было врожденное дарование Лас Касае, самим богом предначиненного свершить один из благороднейших подвигов в истории человечества.

Что же касается недалекого падре Мансанаedo, то его присутствие при дворе было едва замечено; убедившись, что ему не по плечу тягаться с красноречивым и высокообразованным Лас Касасом, он предпочел скромно укрыться в своей обители в Лупане. Но не таков был нрав тщеславного и злобного епископа бургосского Фонсеки, его приспешника летописца Гонсалеса де Овьедо и епископа дарьенского Хуана де Кеведо, ожесточенных противников Лас Касае, с которыми ему пришлось помериться силами. Лас Касае стремительно и неустанно разил и побеждал врагов. С епископом Хуаном де Кеведо он впервые встретился у короля, который получил к тому времени корону императора Германии и перенес свой двор в Барселону; однако король пребывал не в самом городе, где свирепствовала смертоносная эпидемия, а поблизости, в Молинсо дель Рей, селении, которое славилось своим здоровым климатом. В ответ на приветствие Лас Касае епископ, посещивший из Панамы в Испанию вслед за защитником индейцев, чтобы оказать поддержку Педрарнасу и прочим самовластным правителям Нового Света, пафосно произнес:

— О сеньор Касае, у меня припасена для вас превосходная проповедь!

Находчивый Лас Касае не растерялся:

— А я, сеньор, признаюсь, тоже припас для вашей милости две-три проповеди, и ежели вы пожелаете внимательно их прослушать, вы убедитесь, что они стоят дороже тех сокровищ, которые вы вывезли из Индии.

Епископ ответил не менее язвительно, и спор мог бы зайти далеко, если бы королевский секретарь Хуан де Самано, благоволивший к Лас Касасу, не сообщил прелату, что все присутствующие члены Королевского совета разделяют мнение защитника индейцев.

В тот же день епископ дарьенский и Лас Касае снова встретились в доме доктора Моты, епископа бадахосского, который пользовался благосклонностью монарха; при встрече присутствовали адмирал дон Диего Колумб и дон Хуан де Суньига, именитый дворянин. Разгорелся спор: Лас Касае утверждал, что на Эспальоле можно успешно выращивать пшеницу, и в доказательство показал горсть зерен превосходного качества, собранных в монастырском саду домициканцев в Санто-Доминго. Злопамятный епископ презрительно бросил:

— Что вы в этом смыслите? Не больше, чем в тех делах, которые вас привели в Испанию.

— Вы почитаете их недостойными внимания, сеньор? — скромно спросил Лас Касас.

— Да что вы смыслите в них? — снова повторил епископ. — Какими познаниями, какой мудростью вы обладаете, что осмеливаетесь судить о подобных вопросах?

На это Лас Касас с достоинством ответил спесивому прелату:

— Знаете ли вы, сеньор епископ, что мои скудные познания — а они, возможно, еще более скудны, чем вы полагаете, — помогли мне сделать следующие заключения: во-первых, вы стократно, нет, тысячекратно грешны, ибо, будучи пастырем, не заступились за вашу паству, чтобы спасти ее от тиранов. Во-вторых, вы шьете кровь ваших собственных овец, вы пожираете их. В-третьих, ежели вы не вернете все до последнего гроша из привезенных вами сокровищ, вам, как Иуде, не спасти своей души.

Ошеломленный столь неожиданным отпором, епископ попытался обратить все в шутку и расхохотался.

— Вы смеетесь? — удивился Лас Касас. — А между тем вам следовало бы оплакивать свою судьбу и злосчастную судьбу вашей паствы.

— Как же, мои слезы тут в кошельке, — с бесстыдством ответил епископ.

— Я хорошо знаю, — возразил Лас Касас, — что искреннее сокрушение — дар господень; и вам надлежит молить ониспослании этого дара, — дара оплакивать свои грехи кровавыми слезами, идущими из глубины сердца, ибо велико ваше несчастье и велики страдания вашей паствы.

— Довольно, довольно! — воскликнул доктор Мота, епископ бадахосский, игравший в шашки с адмиралом так невозмутимо, словно он вовсе не замечал спора, который втайне доставлял ему большое удовольствие.

Дон Диего Колумб и дон Хуан де Суныга выразили свое одобрение Лас Касасу, а епископ бадахосский промолчал из вежливости, чтобы не оскорбить своего собрата и гостя; но, присутствуя в тот же день на заседании Королевского совета — а заседания в ту пору происходили ежедневно, — он поведал Карлу V о стычке между Лас Касасом и Хуаном де Кеvedо;

— Позвольте, ваше величество, — начал он, — расска-

звать вам о том, как мессир Бартоломе укорял епископа за то, что он не печется о своей пастве, как это подобает доброму пастырю и прелату.

Юный монарх, вдумчиво и ревностно относившийся к делам государства и оказавшийся достойным своей высокой судьбы с первого дня ирвозглашения его императором, внимательно выслушал прелата и, чуть помедлив с ответом, сказал, обращаясь к Шьевру:

— Я желал бы лично увидеть и услышать этого отважного священника, о котором вы столько раз мне говорили. Распорядитесь, чтобы не позднее трех дней он и епископ дарьенский продолжили свой спор в моем присутствии.

XXII

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ

В тот момент, когда Лас Касас, еще не успевший отбыть после схватки с надменным епископом дарьенским, покинул дом доктора Моты, к нему в подъезде подошел монах-францисканец и, смиренно поклонившись, спросил:

— Скажите мне, падре, и да хранит вас господь, но знаете ли вы священника сеньора Бартоломе Лас Касаса?

— Ваш покорный слуга, сеньор, — ответил Лас Касас.

— Я вас упорно разыскивал, — объяснил монах. — Недавно я был на Эспаьоле, но вы уже успели к этому времени отбыть в Испанию; так вот, я совсем недолго пробыл на острове и пришел в ужас от всех беззаконий, которые мне довелось наблюдать. С разрешения нашего настоятеля, снабдившего меня рекомендательным письмом, я поспешил в Испанию, чтобы помочь вам в вашей борьбе.

В этой неожиданно подоспевшей помощи защитник пидейцев узрел милость божию и после беседы с францисканцем (имени его Лас Касас на этот раз, против своего обыкновения, не приводит) испросил у канцлера разрешения явиться во дворец вместе с вновь прибывшим монахом, дабы он тоже мог изложить в присутствии императора свои суждения по поводу Нового Света.

Когда Лас Касас и сопровождавший его французинец вошли в обширный, роскошно убранный зал, предназначенный для торжественного приема, там в окружении вельмож и придворных уже находился епископ дарьенский. Узнав в спутнике Лас Касаса того самого проповедника, который своими пламенными проповедями в церкви по соседству с императорской резиденцией взволновал сердца всех знатных обитателей столицы, епископ, недовольный этой неожиданной встречей, высокомерно обратился к скромному монаху, в надежде запугать его и заставить уйти из дворца.

— Что вы здесь делаете? — начал он. — Монахам не подобает покидать свои кельи ради дворцов.

— Согласен, сеньор епископ, что всем нам, монахам, следовало бы лучше оставаться в наших кельях.

— Ступайте отсюда, падре, — резко сказал прелат, — сейчас выйдет король.

— Дождитесь выхода короля, — ответил бесстрашный монах, — и вы увидите, что за этим последует.

В этот момент появился Карл Австрийский во всех регалиях, как и полагалось владыке двух миров. Незадолго перед тем он был избран императором Германии и, хотя еще не успел получить инвеституры, весь его облик сиял августейшим величием человека, создающего свое безграничное могущество. Он взошел на золотой трон, стоявший под пурпурным балдахином посреди зала; направо и налево от него, следуя строгому порядку, разместились на скамьях сеньор Шьевр и верховный канцлер, адмирал дон Диего Колумб и епископ бадахосский, далее епископ дарьенский и прочие прелаты и сеньоры, члены Королевского совета по делам Индий. Прямо против монарха скромно, со спокойным достоинством стояли падре Бартоломе Лас Касас и его спутник.

На миг все стихло, потом сеньор Шьевр и верховный канцлер разом поднялись и, подойдя к ступенькам трона — каждый со своей стороны, — преклонили колени, вполголоса о чем-то посоветовались с монархом и, отнеся низкий поклон, вернулись на свои места. После новой краткой паузы верховный канцлер обратился к епископу Хуану де Кеведо:

— Досточтимый епископ, его величество разрешает вам говорить, ежели вы имеете что сказать по поводу Индии.

«Епископ (предоставим здесь слово Лас Касасу, ибо он поведаст об этом несравненно лучше, нежели мы) поднялся и; как проповедник, привыкший с тонким красноречием излагать свои мысли, произнес составленную в изысканных выражениях преамбулу, гласившую, что он «уже давно жаждал предстать перед монархом, имея на то веские причины, и ныне, когда богу угодно было исполнить его желание, он может удостоверить, что *facies Priami digna erat imperio*;¹ в таких словах был вослет Гомером прекрасный лик Приама, достойного царя Трои». Преамбула всем понравилась и, падо полагать, королю не менее, чем другим».

Обеспечив себе таким образом — согласно законам ораторского искусства — благосклонное внимание высокой аудитории, епископ дарьенский, желавший унижить обоих строитивцев, простых монахов, которые дерзнули вступить в единоборство с ним, князем церкви, обратился с настоятельной просьбой удалить из зала лиц неирривчастных к совету, ибо он, епископ, намерен изложить перед королем и его советниками суждения о весьма важных и секретных делах и рассчитывает на уважение к своим сединам и преклонным летам; однако просьба его была дважды отклонена, и в конце концов ему пришлось перейти к делу. В своем выступлении он допустил явное противоречие: назвав правителей и резидентов колонии на континенте грабителями, человекоубийцами и тирапами, он в то же время утверждал, что индейцы невосприимчивы к благам цивилизации и принадлежат к числу тех, кого Аристотель окрестил «природными» рабами.

Настала очередь падре Лас Касаса, и верховный канцлер предоставил ему слово по установленному церемониалу и в тех же выражениях, какими он пользовался, обращаясь к епископу. Стоя перед юным монархом, восседавшим в ореоле славы и величия среди министров и ученых и полновластно распоряжавшимся судьбами миллионов подданных в обоих полушариях земли, священник почувствовал, как сильно бьется его большое сердце, пылавшее тем же божественным огнем, который пылал некогда в сердце Павла, представленного перед царем Агриппой и проконсулом Феста, или Амвросия, не дрогнувшего перед преступным Феодосием, и вдохновлял всех мужественных

¹ Лик Приама достоин властелина (лат.).

апостолов, возвышавших свой голос ради блага и спасения человеческого рода; преображенные глубокой верой и милосердием, они поучали коронованных князей и владык, затмевая их славу и показывая, сколь суетна и недолговечна их власть на земле, сколь шатко и ложно их величие.

Бартоломе Лас Касас заговорил с Карлом V новым, еще неведомым ему языком, — ведь судьба от колыбели уготовила юному монарху блестящее будущее, исполненное торжественных побед. Быть может, когда на закате своих дней, пресытившись славой, император удалился в монастырь св. Юста, чтобы там, простершись пред алтарем, слушать мрачные песнопения заупокойной мессы, в памяти его невольно возникал мужественный и благородный образ достойного служителя церкви, который пересек океан, явился во дворец и сказал:

— Там в далеких необъятных владениях, подчиненных скипетру вашего величества, алчные деспоты грабят и истребляют ни в чем не повинный народ, способный наслаждаться свободой и всеми благами культуры. Долг вашего величества прийти ему на помощь; вы за него в ответе перед богом; извещая вас об этом, я, несомненно, оказываю вашему величеству самую большую услугу, которую может оказать вассал своему владыке... Этим я служу не монарху, но богу. Стремясь защитить людей от надругательства, я пришел сюда и говорю: мне не надобно ни милостей, ни наград на земле, ибо клянусь — ради службы вашему величеству я не сделал бы и шагу, не будь я уверен, что служу этим богу...

Такова была в общих чертах речь падре Бартоломе Лас Касаса; она произвела глубокое впечатление на всех присутствующих, а больше всех на короля. После Лас Касаса пламенно и красноречиво говорил монах-францисканец, угрожая божьей карой всему испанскому народу в случае, если не прекратятся беззакония в Новом Свете; и, наконец, когда адмирал доп Диего Колумб получил согласно установленному церемониалу предложение высказаться, он сделал это в достойных его имени и сана выражениях и подтвердил все сказанное Лас Касасом.

Епископ дарьенский попросил разрешения снова взять слово, однако после краткого совещания короля с его двумя главными советниками канцлер возвестил:

— Достопочтенный епископ, его величество велит вам изложить в письменной форме все, что вы имеете добавить.

Вслед за тем король покинул зал, и торжественная аудиенция закончилась. Лас Касас одержал полную и блестящую победу. Хуан де Кеведо, то ли осененный милостью божьей, то ли пристыженный безуспешностью своих усилий отстоять зло, направил в Королевский совет несколько посланий, в которых признал правоту Лас Касаса и одобрил его планы. Он занемог; Лас Касас отправился навестить его; они стали друзьями; но вскоре прелат скончался, — надо думать, от раскаяния: таково божие правосудие.

Даже высокомерный епископ Фоссека смирился и одобрил намерение Лас Касаса создать в Новом Свете мирные поселения честных испанцев-землепашцев, дабы с помощью религии и добрых примеров постепенно приобщать индейцев к цивилизации и свободному труду. Но все начертания и благие замыслы человеколюбца потерпели неудачу из-за лукавства беспощадных завоевателей: они сделали все, чтобы сорвать и высмеять великодушные усилия Лас Касаса, переполнив его сердце горечью и болью; иного пути к процветанию, кроме истребления индейцев или обращения их в рабство, они не признавали.

XXIII

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Устройство дома для молодоженов в живописном городке Сан-Хуан было прервано из-за обострившейся болезни дона Франсиско Валенсуэлы. Он привык много ходить, скакать на лошади, вести здоровую деревенскую жизнь; сейчас он неподвижно лежал, прикованный к постели недугом, который врач называл воспалением легких; болезнь не поддавалась никакому лечению и быстро подтачивала силы старика; когда повозрачные вместе с Андресом Валенсуэлой и сопровождавшими их слугами тронулись в путь из Санто-Доминго, пришла весть, что больной уже причастился. Не задерживаясь в Сан-Хуане, Эрике и Менсия немедленно направились в Ато к уми-

рающему, — они желали окружить его вниманием и заботой.

Предвидя скорую и неизбежную кончину отца, молодой Валенсуэла проявил признаки сильнейшей скорби, чем весьма утешил старика, которого издавна огорчало равнодушие сына; взволнованный и радостный отец благословил юношу и долго с ним беседовал, убеждая его исправиться и следовать в жизни лишь добрым примерам; и, наконец, в присутствии Эприке и Менспи, которые с глубокой скорбью выслушали последние наставления умирающего, дон Франсиско сказал:

— Тебе известно, сын мой, как я люблю нашего дорогого Эприкилью. Надеюсь, когда мой земной путь закончится и я по милости господи перейду в жизнь вечную, ты в память обо мне будешь относиться к Эприке, как к родному брату, неизменно покровительствуя ему и его супруге, а также помнить, что Эприке — свободный человек; никто не властен заставить его трудиться как подневольного раба. Согласно моей воле он будет жить в моем доме в Сан-Хуане, как в своем собственном, если только он не пожелает построить себе другой по своему вкусу... Эприке, люби всегда Андреса, как ты любил меня.

Старик умолк; в ответ на его прощальные слова слышались сдержанные рыдания. Кроме Андреса, Эприке и Менспи, вокруг ложа умирающего собрались его верные друзья: Сотомайор, индианка Аника и пожилая сеньора, именитая и богатая вдова доña Леонор из Сан-Хуана. Помимо родственных уз, ее связывала с доном Франсиско длительная дружба. Слуги — среди них Камачо и Тамайо — в соседнем покое ожидали распоряжений.

Усилия, которые понадобились умирающему, чтобы выразить свою последнюю волю, истощили его; дыхание стало прерывистым и хриплым; вскоре он потерял дар речи и угас, папугуемый священником из соседнего селения.

Вечером тело покойного было перенесено в сельскую церковь и вскоре похоронено на скромном кладбище Вильи. Не было пышных похорон, но бедняки и простые люди с искренней скорбью проводили доброго дон Франсиско, который всю свою жизнь был для них милосердным покровителем.

Адрес Валенсуэла в течение трех дней разыгрывал роль удрученного горем сына, чтобы затем душой и телом предаться заботам о своем богатом наследстве. В этом деле ему оказал незаменимую помощь его многоопытный и ловкий друг Педро де Мохика, сумевший устранить излишнюю волокиту, обычно сопровождавшую введение в наследство. Едва услышав о смерти дона Франсиско, он примчался к молодому наследнику, которому тоже не терпелось поскорее свидеться со своим закадычным другом.

Сообщники шаг за шагом до мельчайших подробностей разработали заговор против касика. Адресу Валенсуэле надлежало, следуя воле отца, по-прежнему сохранять дружбу с Эприке, чтобы завоевать его доверие. Что же касается Менсии, то было решено, что молодой идалго всеми силами постарается внушить ей любовь, пользуясь доверчивостью супруга, но до поры до времени воздержится от прямого объяснения в любви из осторожности, дабы не испугнуть невинной голубки и не вызвать раньше времени тревоги в ее сердце; иначе все планы могут рухнуть.

Не желая отдавать касику завещанного ему дома в Сан-Хуане, Адрес решил предложить супругам остаться на два-три месяца в усадьбе; сам же он переберется в Вилью и останется там столько, сколько понадобится для ввода его в наследство. К подобным уловкам следовало прибегать до тех пор, пока опасный противник надре Лас Касас не покинет острова; когда же покровитель молодых супругов исчезнет с горизонта, а хитрый обман не даст желаемых результатов, можно будет сбросить маску и уже открыто любыми способами добиваться своей цели.

Последовательное и точное выполнение этого адского плана началось немедленно. Убаюканный ласковыми словами Валенсуэлы, Эприке без труда согласился на время отказаться от городского дома и остаться в усадьбе. Менсия была в восторге от живописной местности: кругом, радуя глаз, до самого горизонта расстилалась долина волшебной красоты; она пленяла воображение молодой женщины и смягчала горечь разлуки с милой ее сердцу вилл-королевой и подругами, оставшимися в Санто-Доминго. Прогуливаясь по зеленому ковру лугов и наслаждаясь свежей тенью рощ, она невольно возвращалась к воспо-

мнаниям раннего детства, которые в чистых сердцах сохраняются на всю жизнь.

Вот почему Менсия выразила безграничную радость, когда Валенсуэла предложил ей с мужем временно переехать в усадьбу. Новобрачные успели прожить десять — двенадцать дней в Сан-Хуане, красивом и удачно расположенном городке, который, однако, большую часть года выглядел довольно уныло, ибо почти все его обитатели надолго перебрались в деревню, чтобы паблюдать за работами на сахарных плантациях и на полях. Жизнь на фермах, в хуторах и асьендах кипела ключом среди пышной, чарующей природы, и богатые колонисты охотно покидали город ради своих поместий, где они жили в прекрасно обставленных дворцах.

Предложение молодого Валенсуэлы еще потому привлекло Эприке, что, живя в усадьбе, он мог, не разлучаясь с Менсией надолго, наблюдать за индейцами, находившимися на его попечении, следить за стадами и за ходом полевых работ. Вскоре сердечная дружба связала Менсию с дошьею Леонор, пожилая вдова охотно согласилась погостить в Ато у своей новой подруги.

Между тем невыясненным оставался один вопрос весьма деликатного свойства, а именно о личном положении касика Эприке и индейцев его племени. По совету Мохики Валенсуэла остерегался касаться этого пункта. Время шло, а Эприке, связанный дружеским, почти братским отношением молодого идалго, не вводил ни малейших изменений в ранее установленный порядок. Старик Валенсуэла принадлежал к числу тех немногих землевладельцев, которые, едва прослышав о новых указах, доставленных из Испании, поспешили провести их в жизнь: индейцы, находившиеся на попечении Эприке, образовали поселок в живописной долине Ла Игера, расположенной за густым лесом на берегу журчащего ручья. Индейцы создали свою охрану во главе с командирами или старшинами, которые поддерживали образцовый порядок, не прибегая ни к жестокости, ни к наказаниям. По несколько часов в день все сообще обрабатывали обширные поля хозяйства и касика; остальное время каждый глава семьи или холостой индец, живший самостоятельным трудом, работал на собственном участке.

На расчищенной площадке посреди уютных хижин, крытых желтой соломой, возвышались часовня и дом

касика, построенные из дерева и соломы, как и остальные жилища, только более просторные и удобные.

По вечерам Эрикке или же старейший из индейцев собирал обитателей поселка в часовне для молитвы перед изображением святой девы.

Эрикке управлял общиной по праву касика и по воле индейцев, любивших его всем сердцем. В поселке господствовали патриархальные нравы, казалось, что здесь воплощаются в жизнь лучшие библейские заветы. Положение индейцев и вопрос об их распределении по-прежнему составляли предмет ожесточенных споров в Санто-Доминго: указы Сиснероса и Адриана искажались путем бесстыдных уловок, хитростей и злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц, — и свободы индейцы не получали. Лас Касас и лицензиат Суасо спорили с монахами-иеронимитами, которые по наущению колонистов медлили с проведением реформы, якобы не зная, как взяться за дело. Индейцы, работавшие у Валенсуэлы, оказались счастливее других, по крайней мере Эриккильо не замечал в поведении молодого наследника ничего, что противоречило бы добрым намерениям и духу справедливости дона Франсиско. Кроме того, он был знаком с новыми указами, и ему даже в голову не приходило, что молодой Валенсуэла решится оспаривать права касика и его подопечных, вопреки ясно выраженной воле покойного отца.

Нетерпеливый Тамайо со своей обычной резкостью как-то спросил касика:

— Мы все еще в энкомьенде, Эрикке?

— Этот вопрос будет улажен, — уклончиво ответил касик.

— Так надо его уладить поскорее, — не унимался Тамайо. — Ты что-то уж слишком спокоен и доверчив; напрасно ты обольщаешься посулами сеньора Андреса, уверен, что тебя ждет разочарование.

— Тебе всегда мерещится одно плохое, Тамайо, — возразил Эрикке. — А вот наш добрый Камачо, я убежден, думает совсем иначе.

— Еще бы! — подхватил старый индеец, внимательно слушавший разговор. — До сих пор нам не в чем упрекнуть сеньора Андреса. В июне, в день святого Хуана, на смену придет новая партия индейцев, и тогда все окон-

чательно выяснится. А до тех пор ни к чему затевать этот разговор.

— Ты прав, Камачо, — подтвердил Энрике. — Нам пока не па что жаловаться. Другим приходится куда хуже, чем нам...

Касик умолк, скорбная тень затуманила его лицо. Он надолго погрузился в раздумье. Потом сказал:

— Я напишу нашему падре, посоветуюсь с ним, как быть. Жаль, что я не спросил его об этом раньше, когда сообщал о смерти дорогого сеньора дона Франсиско, царство ему небесное.

— Верно, — согласился миролюбивый Камачо, между тем как Тамайо лишь презрительно передернул плечами и что-то пробурчал себе под нос.

Энрикильо пристально поглядел на нетерпеливого индейца и сказал с добродушной улыбкой:

— Мой бедный Тамайо, ты в самом деле неисправим!

XXIV

ЗАГОВОР

Молодой касик не откладывая припаялся за пространное письмо Лас Касасу и подробно изложил, как обстояли дела; он еще раз подтвердил, что после смерти отца Андрес де Валенсуэла относится к нему превосходно, и в заключение просил у Лас Касаса совета, как узаконить новое положение индейцев, состоящих в энкомьенде у покойного сеньора. Свои сомнения Энрике объяснял тем, что во всей округе только индейцам Ла Игеры посчастливилось воспользоваться благами нового указа; получалось так, будто своим счастьем они обязаны скорее доброте дона Франсиско, чем силе этого указа; ведь до сих пор ни один из колонистов Сан-Хуана не создал поселков для своих индейцев; Энрике даже не удалось настоять на том, чтобы индейцы из его племени, отданные в энкомьенду сеньору Франсиско Эрнандесу, получили равные права с теми, кто работал у Валенсуэлы.

Это письмо благополучно дошло до Лас Касаса, ибо касик принял все меры, чтобы оно не попало в руки Мохики, находившегося в Сан-Хуане и возбуждавшего у

Эврике справедливые опасения. Но защитник индейцев, воюя с монахами-перонимитами и закорепелыми стяжателями-испанцами, не проявил достаточно осторожности при посылке ответа, и письмо, предназначавшееся касику, было перехвачено Андресом.

Меж тем как Эврике с нетерпением ожидал ответа, письмо Лас Касаса превратилось в руках хитрого и коварного Мохики в смертельное оружие против касика. В Ла Магуаше Эврике пользовался любовью всех, кому доводилось ближе узнать его прекрасное сердце; но свою выгоду землевладельцы ценили куда больше; вот почему они так твердо стояли за порабощение индейцев. Получив из рук Андреса перехваченное письмо, Мохика немедленно отправился к обитателям Сан-Хуана и ближайших поместий, чтобы разгласить его содержание. Лас Касас был ненавистен богатым колонистам, как дьяволу знак креста. В своем письме к Эврике защитник индейцев советовал поддерживать дружеские отношения с молодым Валенсуэлой и уступать ему во всем, как это было необходимо по собственному признанию касика, «что же касается твоих соплеменников, работающих у сеньора Франсеско Эрнандеса, — добавлял Лас Касас, — то тут придется повременить до тех пор, пока я не добьюсь проведения нового указа в жизнь как для них, так и для всех остальных».

Снабженное коварными замечаниями Мохики, письмо Лас Касаса в корне подорвало те добрые чувства, которые богатые испанцы Ла Магуашы питали к Эврике. Убедившись, что молодой касик в заботе об освобождении своих единоплеменников обратился к человеку, который все свои недюжинные способности и могучую энергию отдал защите индейцев, они смертельно возмешавидели Эврике, в их глазах он превратился в злоумышленника, стремящегося отобрать у них землю и разорить их. Всякое вмешательство касика в распределение индейцев они расценивали как проявление вопиющей неблагодарности; по мнению этих себялюбцев, касику надлежало довольствоваться собственным благополучием, нимало не заботясь о судьбе своих собратьев.

Вспышка безудержной ненависти была для Эврикильто тем более опасна, что причина, ее породившая, осталась в тайне. Мохика и Андрес достигли своей цели. Касик упал в глазах тех, кто прежде ценил его, и когда наста-

нет время для открытых действий, сообщники смогут выступить с поднятым забралом, не опасаясь, что кто-либо из богачей Ла Магуаны заступится за юношу. План был разработан до мелочей, успех заранее обеспечен.

Тем временем Валенсуэла с утолченным воротником удвоил свои заботы об Эприке и его супруге. Под разными предлогами он все чаще паведывался в усадьбу; роюсь в бумагах покойного отца, он выжидал, когда Менсия спустится со второго этажа в нижние покои, где помещалась донья Леонор вместе с Аникой и служанками. Присутствие этой сеньоры, к которой Андрес де Валенсуэла, казалось бы, относился с сыновним уважением, исключало всякое подозрение относительно намерений молодого идалго и его частых и длительных посещений дома, где он был полновластным хозяином.

Его беседы в тех случаях, когда среди слушателей находилась Менсия, были вполне безобидными и как нельзя более приятными для слуха касяка и его простодушной супруги. Андрес распространялся о высоком значении брака, этого священного союза, в котором два существа, сливаясь воедино, находят верное счастье. Так, с глубокой убежденностью разглагольствовал лицемерный притворщик, и если донья Леонор случалось с добродушным лукавством спросить сторонника брачных уз, с каких пор он усвоил столь здравые суждения, обманщик отвечал, что этим чудесным обращением он обязан любви, ибо в свою последнюю поездку в Санто-Доминго он познал прелесть истинного чувства, несравнимого с теми увлечениями, которых он искал на досуге, спасаясь от томительной скуки сельской жизни.

— Так что вы собираетесь в скором времени жептаться? — недоверчиво спрашивала донья Леонор.

— Несомненно, — отвечал юноша. — Покончив с делами наследства, я тотчас вернусь в Санто-Доминго, чтобы просить руки любимой.

Так постепенно ему удалось завоевать доверие неопытной Менсии, которая ничуть не сомневалась, что Андрес в самом деле искренне полюбил ее подругу Эльвиру Пименталь. Молодая женщина охотно слушала все, что напоминало ей о подругах и ее прежней жизни во дворце Диего Колумба, и вскоре беседы с юношей приобрели для нее очарование привычной дружеской исповеди. Валенсуэла, обрадованный этим первым успехом,

поделился с Мохикой надеждой, что недалеко тот час, когда он одержит победу над простым и чистым сердцем Менсия; он даже полагал, что голубка уже попалась в расставленные ей тенета.

По счастью, он ошибался. Решив однажды, что настало время открыть свои тайные замыслы, он вместо ожидаемой победы потерпел унижительное поражение и понял, что зря потратил время. Сидя в патио под тенью гигантских дубов, Менсия вышивала, готовя подарок своей подруге и гостье, донье Леопор, а та, устроившись поблизости на веранде в удобном кресле, убаюканная легким полуденным ветром, сперва тщетно боролась со сном, а затем незаметно уступила искушению и погрузилась в сладкую дрему. Слуги, занятые различными домашними работами, находились далеко; Эприке еще не вернулся с поля; вокруг царил глубокая тишина, и молодая женщина, чувствуя себя в полном уединении, отдалась мечтам. В конце веранды бесшумно распахнулась дверь, и на пороге показался Валенсуэла; кипув вокруг быстрый взгляд, он сообразил, что момент и обстоятельства благоприятствуют ему, и тихонько двинулся вперед; очутившись в двух шагах от Менсии, не заметившей его появления, он дрожащим голосом произнес:

— Благословенна будь эта работа и эти руки, занятые столь прекрасной вышивкой!

— Сеньор Валенсуэла? Вы — здесь? — воскликнула изумленная Менсия.

— Да, я здесь, и я восхищен этой красотой, — ответил Валенсуэла.

— Право, тут нечем восхищаться, сеньор, — просто душно возразила молодая женщина, — у меня найдутся и красивее рисунки для вышивания.

— Но ни один из них не сравнится по красоте с вами, Менсия, — сказал дерзкий юноша.

— Мы говорим о рисунках, — рассмеялась молодая женщина. — Если же говорить о женской красоте, то вы сами знаете, что Эльвира Пименталь гораздо красивее...

— Не стоит говорить о ней, — с живостью прервал Валенсуэла свою собеседницу. — Ни Эльвира, ни другая девушка, никто не в силах сравниться с вами. Знайте же раз навсегда, Менсия: кому довелось увидеть сияние вашей красоты, чье сердце вспыхнуло от огня ваших божо-

ственных глаз, тот слеп к другим и не способен никого любить, никак восхищаться.

Молодая женщина с изумлением взглянула на юношу, с уст которого срывались эти дерзкие слова. Она увидела перед собой пылающее лицо, искаженное бурной, недержанной страстью, испуганно вздрогнула и невольно искочила.

— Что вы говорите!.. — прошептала она еле слышно. — Не понимаю, что вы хотите сказать, сеньор Валенсуэла!

— Я говорю, — отвечал он, едва владея собой и понижая голос, — я хочу сказать, что люблю вас всем сердцем, что боготворю вас, и, не будь у меня надежды на ответное чувство, я умер бы с горя. Я говорю, что какой-то презренный касик достоин владеть таким бесценным сокровищем, как Менсия де Гевара...

— Замолчите, низкий человек! — сурово прервала его молодая женщина, придя в себя от первого испуга. — Это вы презренный обманщик, вы гнусный предатель! Немедленно ступайте вон, если не желаете, чтобы я повторила это во всеулышание.

Последние слова Менсия произнесла с достоинством оскорбленной королевы.

Валенсуэла кинул беспокойный взгляд на веранду, где дремала в кресле донья Леонор. Разгневанная Менсия уже успела шагнуть в сторону подруги.

— Одно слово, Менсия, — глухо проговорил Валенсуэла, — забудьте все, что произошло; не вздумайте кому-нибудь рассказывать, и меньше всего Эприке, так будет лучше.

— Верная жена ничего не таит от своего мужа, — решительно и твердо проианесла Менсия, подходя все ближе к веранде и удаляясь от Валенсуэлы.

Тут донья Леонор внезапно проснулась и слышала ответ дерзкого юнца.

— Если только расскажете, вы погибли!

— Что я слышу! — воскликнула донья Леонор. — Андрес, вы здесь? Эти слова, этот угрожающий взгляд... Что все это значит?

Валенсуэла попытался было оправдаться, но Менсия поспешно прервала его:

— Этот человек, имел дерзость требовать моей любви.

— О небо! — воскликнула потрясенная донья Леонор. — Возможно ли, Андрес?.. Впрочем, конечно, возможно. Не слишком-то я верила в ваше исправление.

— Сеньора, — грубо оборвал ее Андрес, — по какому праву вы упрекаете меня? Я вам не сын.

— Я знала вас ребенком и любила, как родного сына; ваш бесчестный поступок причиняет мне боль, — сурово ответила почтупная матрона.

— А кто вам сказал, будто я что-то разрешил себе по отношению к Менсия? — нагло ответил Валенсуэла. — Ей померещилось, она неверно истолковала мои слова, тщеславные женщины готовы в каждом мужчине видеть влюбленного.

— Замолчите, сеньор Андрес, — остановила его возмущенная донья Леонор, — я сама слышала, как вы ей угрожали.. Почему вы принуждали Менсию к молчанию?

— Чтобы избежать последствий ее ошибки. Я не желаю, чтобы меня несправедливо обвиняли, бросая тем на мою честь, — ответил лицемер.

— Тень на вашу честь! — насмешливо протянула вдова. — Нечего сказать, хороша честь!

— Думайте что хотите, сеньора, — произнес высокомерно Валенсуэла, — но ежели вы желаете избежать крупных неприятностей для вашей подопечной и ее супруга, — а Менсия ведь и моя подопечная, — так посоветуйте ей быть благоразумной и не поднимать шума из-за чепухи, которая ей приснилась.

— Она будет молчать, так лучше для ее женской чести, — ответила осторожная сеньора. — Вы обещаете, Менсия?

Молодая женщина уже давно заняла кресло донья Леонор и слушала все с рассеянным и презрительным видом. На вопрос подруги она ответила сухо, не повернув головы, не глянув на Валенсуэлу:

— Пусть он немедленно выйдет и не показывается мне на глаза те несколько дней, что нам придется пробыть в этом доме, и я ничего не скажу Энрике.

Менсия поднялась и, взяв донью Леонор под руку, направилась в комнаты.

Валенсуэла замер, мрачно глядя вслед удаляющимся женщинам и что-то обдумывая; наконец он, по-видимому,

принял какое-то решение; его глаза загорелись мрачным огнем, рука протянулась к двери, за которой скрылась молодая женщина, и он угрожающе процедил сквозь зубы:

— Все равно, волей или неволей, а она будет моей!

XXV

ПЕРВЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ

Едва метительный повеса проговорил эти зловоющие слова, как до слуха его донесся топот лошадей, скакавших во весь опор по равнине. Поспешно войдя в комнату, в которой он обычно останавливался, Валенсуэла припик к жалюзи, стараясь разглядеть, кто были эти всадники. Узнав Эприке и Тамайю, которые спешились у ворот дома, он вышел им навстречу и дружески обратился к касику:

— Я с нетерпением ожидаю тебя, Эприке.

— Чем могу вам служить, сеньор Андрес? — спросил касик.

— Все это утро я разбирал бумаги отца, — ответил идальго. — Недостает некоторых документов, и мне необходимо быть к полудню в поселке, но, видишь ли, моя лошадь захромала и я не могу тронуться в путь.

В самом деле, решив подольше задержаться в Ато, Валенсуэла пустился на хитрость и загнал колючку под копыто своего скакуна, так что бедное животное и впрямь охромело.

— Господь с вами, сеньор Андрес! — воскликнул касик. — Такой пустяк послужил вам помехой? Да ведь на конюшне стоит моя белая кобыла. Разве вы не знаете?

— Знаю, Эприкильо, — мягко ответил Валенсуэла, — и будь то другая лошадь, я, не задумываясь, велел бы оседлать ее, но взять белую кобылу я не решился. Я еще не забыл, как отец отчитал меня, когда ты предложил уступить мне свою лошадь... помвишь?

— Как же, помпю, сеньор Андрес, по все-таки в случае надобности располагайте ею, как своей собственностью.

— Ну разумеется, ты тоже считаешь это нелепой прихотью старика... — начал было хитрый Валенсуэла.

— Простите, сеньор Андрес, — прервал его Эришке, — каждое слово моего дорогого сеньора дона Франсиско — упокой господи его душу — для меня священо.

— Ладно, Эрикильо, не будем спорить, — сказал с явным раздражением своевольный идалго. — Велл оседлать мне коня, а мою лошадь пусть не торопясь приведут в поводу в сельскую кузницу, ее надо перековать.

— Все будет сделано, сеньор, — ответил Эришко, удаляясь.

Пять минут спустя Валенсуэла верхом на прекрасной белой кобыле касика неся галопом по долине, между тем как владелец горячей лошади, следя за ней взглядом, говорил Тамайю:

— Смотри, что за красавица эта кобыла, какая статья! Верь не верь, а мне просто жаль, что я не смею отказать от нее; я охотно подарил бы ее сеньору Андресу.

— Не беспокойся, — насмешливо ответил проницательный индеец, — сеньор Андрес уж придумает, как оставить ее у себя.

— Ошибаешься, Тамайю, — возразил Эришке, — ты знаешь, что сеньор Валенсуэла уважает волю своего покойного отца.

— Я только знаю, Энрикильо, — возразил Тамайо, — что ты не желавшь видеть недостатков у этого молодчика, а он, я уверен, способен, обнимая, вонзить тебе нож в спину.

— Тамайо, тебе нравится терзать меня, отравлять мою душу, — печально произнес Энрике. — С некоторых пор я вижу вокруг себя одни лишь хмурые лица, все как-то недоверчиво косятся на меня. Те самые люди, которые еще недавно зывали меня к себе и всячески выказыва-

ли мне свою любовь, нынче избегают встречи со мной. Сеньор Сотомайор, всегда так охотно принимавший меня в своем доме, едва ответил на мой поклон, когда мы недавно встретились с ним на дороге, словно он и незнаком со мной, ты ведь сам видел. И только сын моего незабвенного дона Франсиско дружески относится ко мне, как будто ему передана по наследству любовь его покойного отца. И ты хочешь, чтобы я отвечал ему ненавистью?

— Нет, Энрике, — медленно произнес непреклонный Тамайо, — этого я не требую. Ты ведь не умеешь ненавидеть... Я хочу, чтобы ты не поддавался обману. Не доверяйся видимости, пойми, если Валенсуэла тебе друг, так и Мохика твой друг, ведь он тень Андреаса.

— А все лишь потому, как мне объяснил сеньор Андрес, что Мохика превосходно разбирается в законах и помогает ему сейчас в делах наследства. Можешь в этом не сомневаться, недаром же они подолгу засиживаются вместе у главного алькальда и часто даже обедают у него.

— Это-то и беспокоит меня, Энрике, — не унимался Тамайо, — они устраивают свои дела, а ты наши дела оставляешь неустроенными...

— Вечно ты ворчишь, Тамайо, — с досадой сказал Энрике. — Ну что ты мне велишь предпринять? Ведь до сих пор никто не трогает нашей Ла Игеры. Что же касается индейцев, работающих на сеньора Эрнандеса, и других бедняг, находящихся не в лучшем положении, — так разве ты не знаешь, что я написал о них нашему покровителю?

— Не сердись, дорогой Энрике, — ответил Тамайо, стараясь смягчить голос. — Я раздосадован тем, что так долго нет ответа на твое письмо.

— Только не вздумай подозревать и обвинять нашего покровителя, несчастный! — не на шутку рассердился Энрике. — А то я и впрямь рассорюсь с тобой. Меня тоже беспокоит, что до сих пор нет письма. Кто знает, вокруг столько мошенников...

— Вот именно, — обрадовался Тамайо, — именно это я и хотел сказать; только я не умею так хорошо говорить, как ты.

— Но не будем торопиться и думать плохо о наших ближних, — возразил Энрике. — Необходимо сперва установить причину такого непонятного опоздания. Где Галиндо?

— В Ла Игере; сегодня утром он был там со своей партией индейцев, — ответил Тамайо.

— Обедай, садись на коня и скачи к нему, пусть собирается в путь в Санто-Доминго, только чур, чтобы никто не проведал об этом; выехать надо, когда стемнеет.

— Хорошо, касик. Вот это мне по душе. Действовать, а не сидеть сложа руки и ждать, пока нас не прикончат мошенники.

На этом беседа Энрике и Тамайо закончилась.

XXVI
ПРЕДЛОГ

Галиндо был слугой в поместье Валенсуэлы. Природа наделила этого сильного и ловкого восемнадцатилетнего юношу живым умом и непреклонной волей. Ему доверял Эприкильо все дела и поручения, требовавшие сообразительности и проворства.

Тамайо разыскал Галиндо в Ла Игере и передал ему распоряжение касика. Еще не погасла вечерняя заря, когда юный индеец верхом на великолепном коне креольской породы остановился у ворот усадьбы Ато. Спешившись, Галиндо привязал коня к дереву и вошел в патио, где его поджидал Тамайо.

— Повремени немного, — сказал Тамайо, — касик сейчас выйдет.

Молчаливый юноша, не сказав ни слова, опустился на ту самую скамью под сенью дубов, где сидела Менсия, когда Валенсуэла осмелился обратиться к ней со своими пагальными домогательствами. Вскоре на пороге дома появился Эприкильо, держа в руке два письма.

— Ты готов, Галиндо? — спросил он у юноши.

— Да, касик, — коротко ответил тот.

— Захватил ли ты с собой еду?

— Да, касик.

— Вот тебе деньги, — продолжал Эприке, — чтобы ни ты, ни твой конь дорогой ни в чем не нуждались. Одно из этих писем ты отдашь падре Бартоломе Лас Касасу, в монастыре доминиканцев. Другое — вице-королеве... Никто в Ла Магуале не должен знать о твоей отлучке, никто не должен видеть ни твоего отъезда, ни твоего возвращения. Сегодня понедельник; я жду тебя с ответом в воскресенье, в это же время, на этом же месте. Ты все понял?

— Да, касик, — так же коротко ответил юноша.

— Ну, с богом, друг мой.

— Прощайте, касик. Прощайте, маэсе Тамайо.

Попрощавшись, Галиндо вышел из ворот, вскочил на коня и, пустив его быстрой рысью, скрылся в темноте, уже окутавшей всю долину.

Через полчаса Аника, как всегда, подала ужин Менсии, доñе Леонор и Эприке. Все трое были задумчивы и

печальны. Дамы все еще находились под впечатлением утреннего происшествия, обе чувствовали, что Валенсуэла не признал себя побежденным и не собирается оставить Менсию в покое. Менсия ломала голову, как бы внушить Эрикильо мысль о переезде, не возбудив в нем никаких подозрений. Дочь Леонор советовала ей промолчать в этот вечер, а на следующее утро сочинить, будто ей явился во сне зловещий призрак и велел как можно скорее покинуть Ато. Менсии претила всякая ложь, и она отказалась от этой хитрости, но не могла придумать ничего другого. Обе женщины сидели за столом, погруженные в глубокое молчание. Судя по признаниям, которые в разговоре с Тамайо сделал Эрикильо, у него на душе тоже было неспокойно.

— Что же это мы сидим, словно на заупокойной службе, — сказала наконец дочь Леонор. — Расскажите нам, как обычно, что-нибудь забавное, Эрикильо.

— Да, правда, сеньора, сегодня я совсем не занимаю вас, — ответил Эрике, — но не браньте меня за левинашше, лучше пожалейте меня.

— Не вижу причины, Эрике, да хранит тебя бог от всякого зла.

— Если бы мы были в городе, возможно, вы поняли бы, что происходит, — продолжал Эрике. — Последние дни словно какие-то злые чары действуют против меня. А сегодня я окончательно убедился, что утратил расположение всех, кто дарил меня своей дружбой.

И как-то рассказал, какое неприязненное, недоброе отношение встретил он у всех именитых жителей Ла Магуаны, а особенно у Алоисо де Сотомайора.

— Это странно, Эрике, — сразу напласть дочь Леонор. — Происходит что-то непонятное, и я советую тебе выяснить эту загадку. Завтра же мы должны отправиться в город.

Сделав такое предложение, дочь Леонор незаметно дотронулась до ноги Менсии. Молодая женщина тут же поняла этот знак.

— Верно, Эрике, — подхватила она. — Поедем завтра в город. Может быть, эти сеньоры, которые раньше были твоими друзьями, недовольны, что я до сих пор не нанесла визиты их супругам.

— Возможно, и так, — добавила донья Леонор. — Но как бы то ни было, Эрике, согласись, что нам без посредничества надо возвращаться в Сан-Хуан. Я должна выяснить причину непонятной перемены, которая тебя тревожит отнюдь не напрасно.

— Да, вы правы, донья Леонор, — отвечал Эрикильо, — но вспомните, ведь в нашем доме живет сейчас сеньор Андрес.

— Остановитесь пока у меня, места всем хватит, — с чарующей непосредственностью воскликнула достойная дама. — А ваш дом Валенсуэла вскоре освободит.

— Я не хотел бы причинить ему такую досаду, — возразил Эрике.

— Не заходите в своей почтительности слишком далеко, — сухо заметила донья Леонор, — молодой человек этого не заслуживает.

— Ах, сеньора! — воскликнул Эрике. — Он один относится ко мне дружески.

— До сих пор это было так, Эрикильо. Но кто знает, что будет дальше...

— Нехорошо подозревать без причины, донья Леонор.

— Нехорошо и быть слишком доверчивым, касик. Дурные задатки рано или поздно сказываются.

Долго еще продолжалась их беседа. Эрикильо утверждал, что ему необходимо остаться в Ато для наблюдения за полевыми работами в Ла Игере, но, обсудив его возражения, они все же порешили, что на следующий день вдова вернется в Сан-Хуан и займется устройством временного пристанища для молодых супругов в своем доме. Таким образом, Эрике сможет ездить чуть не всякий день в Ато и куда ему понадобится, не беспокоясь о том, что жена его остается одна. Три дня спустя маленькое семейство расположилось в просторном и удобном доме доньи Леонор. Андрес де Валенсуэла был крайне удивлен неожиданным решением, о котором уведомил его Эрикильо. Он велел касику неукоснительно следить за выполнением всех работ в Ато и Ла Игере, пока идет процесс и передача отцовского наследства. Но при этом ни словом не обмолвился о доме, который, согласно воле отца, он должен был освободить и предоставить в распоряжение касика. Это умолчание заставило Эрике крепко задуматься.

Вечером во время ужина касик рассказал жене и донье Леонор о своей встрече с Адресом де Валенсуэлой.

— И он ничего не сказал тебе о доме? — спросила Менсия.

— Ни слова, — ответил Эрике. — Подожду два-три дня, а потом сам спрошу о его намерениях.

— Зачем торопиться, друзья мои, — вскрикнула донья Леонор. — Я не собираюсь отпускать вас так скоро.

Эрикилью не настаивал на своем. Он хотел, раньше чем принимать решение, дожидаться совета Лас Касаса. В воскресенье он вместе с Менсией слушал мессу. Выходя из церкви, они столкнулись с Валенсуэлой, который беседуя с Педро Мохикой, заместителем губернатора Бадильи и еще какими-то приятелями, стоял, как обычно, у дверей храма. При виде любящей пары на лице Валенсуэлы заиграла злоеющая усмешка, а взгляд его подлого наперсника стал, казалось, еще более бесстыдным и наглым, чем обычно.

Проходя мимо этой компании, касик почтительно снял шляпу, но никто не ответил на его приветствие, только Мохика пренебрежительно бросил: «Прощай, касик!» — и от одного звука его голоса у Эрикилью кровь застыла в жилах.

— Мне грозит беда, Менсия, — сказал он жене, когда они отошли на несколько шагов.

— Увидел черного ворона? — с улыбкой спросила она.

— Я видел самого дьявола, — ответил Эрике и рассказал ей о своем суеверном убеждении, что встреча с Мохикой всегда приприсит несчастье.

После завтрака Эрикилью верхом поехал в Ато. Он мысленно торопил наступление вечера, надеясь, что Галиндо без опоздания привезет ему долгожданные известия из Санто-Доминго.

В пять часов неожиданно появился старик Камачо.

— Ты здесь? В такое время? — удивленно спросил касик. — Уж не случилось ли что в Ла Игеро?

Камачо почти безвыездно находился в индейском селении, живя на его окраине спокойной жизнью философа. Он лежал в гамаке, покуривая трубку, учил ребя-

тинек молитвам и лепил из глины грубые статуэтки, которые называл «святыми», — во всяком случае, он от всей души хотел, чтобы они походили на святых.

На расспросы Эрикильо старик отвечал, понизив голос:

— Большие новости, Эрикильо. С час назад в Ла Пгере побывали ревизоры, а с ними нотариус сеньор Луис Рамос. Они осмотрели каждый уголок и расспросили всех подряд, как живут люди и какой работой они заняты.

— И тебе это кажется странным, Камачо? — спросил Эрике.

— Да, очень странным, насколько я понимаю, — ответил старик. — Когда они уходили, я ясно слышал, как сеньор Эрнандо де Ховаль сказал остальным: «Это существо безобразно. Никто так не содержит индейцев».

— Но может быть, они не знают, что индейцы покойного дона Франсиско свободны и на деле и по закону, — возразил Эрике.

— Нет, это они знают, — настаивал на своем Камачо. — Они говорили об этом и даже позволили себе осуждать покойного дона Франсиско, называя его святой простотой и сумасбродом, которому следовало назначить опекуна при жизни.

— Наглецы! — воскликнул Эрикильо, услышав, как подло толкуют доброту его благодетеля.

— Если подтвердятся мои подозрения, — продолжал Камачо, — я поеду расскажу обо всем надре Лас Касасу; отправляя меня сюда, он велел мне следить за всем внимательно и дать ему знать, если кто задумает вредить тебе.

— Добрый мой покровитель! Истинно святой пастьер! — воскликнул глубоко тронутый Эрикильо. — Твои добродетели способны погасить в моей душе гнев и возмущение против несправедливости людей твоей расы...

— Замолчи, касик, — прервал его Камачо. — Никогда не забывай, что этой расе и ты и я обязаны верой Христовой, которая учит любить ненавидящих нас. И ты и я должны помнить, что не только надре Лас Касас, но и многие другие обращались с нами, как велит христианское милосердие.

— Знает бог, Камачо, — торжественно произнес Эрике, — что сердце мое полно благодарности, и именно поэтому так велика мера моего терпения.

— Включает ли в себя эта мера и унижения, Эрике? — спросил индейский старец, словно отец, испытующий душу сына.

— До известного предела, Камачо, — ответил взволнованный Эрикильо. — Лучше смерть, чем унижение души, с унижением тела еще можно мириться.

— Даже вечная смерть, касик? — настаивал Камачо.

— Любая смерть, — заключил Эрике.

Старик умолк, печально опустив голову. Помолчав, он взял свою шляпу и грубый посох, как бы собираясь распрощаться... Эрике предупредил его:

— Оставайся лучше здесь до утра, Камачо. Поужинаешь со мной, и вместе прочтем письма, которые вечером должен привезти Галиндо.

— Пожалуй, ты прав, касик, — откликнулся старик и снова положил на место посох и пальмовую шляпу.

Долгожданный гонец прискакал в девять часов. Не говоря ни слова, он протянул Эрикильо короткую записку, без подписи и запечатанную, и вместе с ней запечатанное письмо, в котором касик узнал послание, написанное им Лас Касасу. В записке было всего несколько строк: «Падре уехал, истомленный тщетной борьбой. Он продолжит свою тяжбу в Испании. В настоящее время враги могущественны как никогда; мы бессильны. Мужайтесь и надейтесь на бога».

— Кто дал тебе эту записку, Галиндо? — спросил Эрике у юноши.

— Какая-то женщина, молодая и красивая. Она сказала, что сеньору вице-королеву видеть нельзя. Я дал ей оба письма, но она вернула мне то, что было для падре. К тому времени я уже побывал в монастыре и знал, что падре уехал. Вскоре дама вернулась, дала мне эту записку и очень много расспрашивала о сеньоре Менсии и о вас. Она спросила, не хочу ли я поехать и отдохнуть. Я поблагодарил, она передала вам привет, и я тут же отиравился обратно.

— Быть не может, чтобы мой благодетель падре не написал мне ни слова перед отъездом, — сказал Камачо.

— Да, конечно... впрочем, как знать? — ответил Эрике. — Мог написать, мог и не написать. А вдруг его письма попали в руки к дону Педро Мохике?

— И мне так сдается... Об этом проходе думать дурно — не грех, — заметил набожный старик.

— Камачо, — в унынии сказал Энрикильо. — Для меня началось жестокие испытания. Дай боже мне силы вынести их!

XXVIII ВСТРЕЧА

На следующий день касик до самого вечера проверял ход работ в Ато, потом заехал в Ла Игеру и еще засветло возвратился домой.

— Не так давно, — сказала ему Менсия, — приходил к тебе человек от сеньора Валенсуэлы. Не застав тебя, он передал доña Леонор, чтобы за тобой послали, если ты не вернешься сегодня из имения. Завтра утром ты пужен дону Андресу, он будет ждать тебя до полудня.

— Тем лучше, — сказал Энрике. — Но по правде сказать, я предпочел бы видеть его сегодня же, боюсь, эта неопределенность не даст мне спать.

— Чего же тебе бояться? — спросила молодая супруга, проведя рукой по черным волосам касика.

— Незвестности, Менсия, — ответил он. — Нет ничего более страшного.

— Доña Леонор говорит, будто ей кое-что известно о причине твоих тревог. Сегодня вечером она вышла из дому, чтобы разузнать подробности.

— Как я рад! — сказал Энрикильо. — Теперь я смогу спокойно ждать встречи с сеньором Валенсуэлой.

Наступил уже поздний вечер, когда вернулась доña Леонор — единственная влиятельная особа в Ла Магуане, на которую могли рассчитывать молодые супруги. Впрочем, касик пока еще по-прежнему доверял Валенсуэле. Едва достойная сеньора увидела Энрикильо, как сказала с озабоченным видом:

— Теперь я знаю все: невеселые же новости я принесла вам.

И она рассказала, как в воскресенье навестила супругу допа Франсиско Эрнандеса и узнала от нее, что все именитые колонисты, встревоженные письмом Лас Касаса к Энрикильо, которое неизвестно как попало к ним

в руки, тайно послали в Сянто-Доминго рехидора Альфонсо Давсела, поручив ему чинить всяческие помощи действиям Лас Касаса, направлепным во вред колонистам Ла Магуаны, а также отвести жалобу, которую, по их предположению, написал молодой касик, за что все они и прониклись к нему величайшей неприязнью. Рехидор Давсела вернулся в субботу вечером весьма довольный своей поездкой. Судьи и коронные чиновники приняли его милостиво и дали ему письма к властям Сан-Хуана, предписав им не соглашаться ни на какие новшества в управлении индейцами, а буде кто-либо нарушит старые указы, то лишать его всех прав и впредь строго следить за сохранением установленного порядка. По словам Давсела, Лас Касас, потерпев окончательное поражение, отправился в Испанию.

Касик слушал рассказ доньи Леонор в полном оцепенении: с первых же слов он понял сплу обрушившегося на него удара. Однако, не проявив ни малейшего признака слабости, он ответил сдержанно и спокойно:

— Одно меня радует и помогает перенести горе, которое причинила мне по заслуженная мною общая ненависть. Падре Касас, мой дорогой покровитель, не забыл меня, как я опасался. Чего бы я не дал, чтобы прочесть его письмо!

— Сегодня вечером я вышла в надежде разыскать письмо падре Бартоломе, — отозвалась донья Леонор. — Ведь Беатриса уверила меня, что оно у Сотомайора. Но тот сказал, что переслал его, не называя кому. Мало того, он упрекнул меня в том, что я поддерживаю с тобой дружбу, а когда я стала защищать тебя и сказала, что хотела бы сама прочесть это письмо, которое, без сомнения, было неправильно понято, мы с ним поспорили и расстались довольно холодно.

— Как вы добры, сеньора! — воскликнул касик. — Но верьте мне, вы правы. Я не заслужил, чтобы со мной обращались как с врагом за то лишь, что я выполнял свой долг и действовал осмотрительно и честно.

Тут Эрикке подробно пересказал содержание своего письма к Лас Касасу, объяснив, что побудило его написать это письмо и чего он добивался.

— Не думаю, чтобы все это зашло далеко, сын мой, — сказала в заключение донья Леонор, — но так или иначе,

что бы ни случилось, никогда из-за низких корыстных расчетов вы не потеряете мою дружбу.

— Да наградит вас небо, сеньора, — сказал Энрикильо. — Без вас у Мепсии не было бы в Сан-Хуане ни одной подруги, которая разделила бы с ней тоску одиночества.

— Это я должна благодарить судьбу, — возразила вдова, — и благословлять провидение, пославшее мне в подруги такого ангела.

Легко понять, что касик плохо спал в эту ночь, томимый тяжелыми предчувствиями. По привычке он поднялся с первыми лучами зари и, хотя утро было холодное, а земля — сырая от дождя, оседлал коня и поехал прогуляться по окрестным полям, надеясь, что быстрая езда и физическая усталость помогут ему рассеять душевную тревогу. Домой Энрике вернулся, когда солнце уже стояло высоко. Позавтракав, он переделался и отправился к Валенсуэле.

Дон Андрес еще не выходил из спальни; как мы знаем, он не был ранней пташкой. Но слуга, предупрежденный о приходе Энрикильо, доложил о нем и сказал, чтобы касик вошел в комнату к молодому идалго. Валенсуэла, одеваясь, обратился к Энрикильо с притворным дружелюбием:

— Ранее же ты пришел, касик, незачем было так то рошиться. Я хотел сообщить тебе, что обоих нас вызывает к себе в четверг, послезавтра, к десяти часам утра паметник губернатора.

— А не можете ли вы сказать мне, для чего он нас вызывает? — спросил касик.

— Мне кажется, — с безразличным видом произнес Валенсуэла, — что ревизоры обвиняют нас в нарушении действующих указов касательно распределения индейцев.

— А какое отношение имеют ревизоры к вам, ко мне и к находящимся на моем попечении индейцам? — невозмутимо спросил Энрикильо.

— Это мы узнаем в четверг на аудиенции у паметника, — ответил Валенсуэла. — Пока что мне известно только, что Ла Игера вызывает слишком много толков. Говорят, что такой образ жизни, какой ведут там индейцы, является дурным примером для остальных и не согласуется с общепринятым порядком.

— Но сами вы не должны так думать, — возразил касик. — Вы же знаете, что ваш добрый отец, упокой его бог, основал Ла Игеру, желая осуществить последние указы. А кроме того, после его смерти все порученные ему индейцы получили свободу.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой эти вопросы, касик, — сухо оборвал его идальго. — Да я и не изучил их достаточно, чтобы иметь собственное суждение. Вот почему мне остается лишь точно выполнять то, что решат власти.

— Но последняя воля вашего отца? — в ужасе спросил Эприкильо.

— Над волей моего отца стоят законы, — торжественно произнес лицемерный юпоша. — Надеюсь, ты не потребуешь, чтобы я восстал против них.

Эприке не произнес ни слова. Он понял, что Валенсуэла лишь повторяет затверженный урок и что все это только начало наступления на его покой и свободу. На миг он задумался о несчастном стечении обстоятельств. Лас Касас и адмирал — в отсутствии; вице-королева бессильна, как сама она дала понять в своей записке; вокруг него могущественные враги, которые располагают всеми средствами, чтобы погубить его. Касику предстояла жестокая и почти безнадежная борьба. Однако он не терял непоколебимой веры в милосердие и справедливость божью и утешался мыслью, что Лас Касас жив и помнит о нем. Наконец на лице его появилось выражение спокойной решимости, и, положив конец долгому молчанию, наступившему после слов Валенсуэлы, он твердо сказал:

— Отлично, сеньор, в четверг, к десяти часам, я явлюсь на аудиенцию к сеньору заместнику.

Произнеся эти слова вместо прощания, он ровными шагами с невозмутимым видом вышел из комнаты. Коварный молодой человек, который все же испытывал неловкость, объявляя касику о своем намерении пожертвовать волей отца тому, что лицемерно называл он властью закона, оставшись один, вздохнул с облегчением и, вновь обретая присутствие ему бесстыдство, пробормотал со злобой усмешкой:

— Ладно, индейская собака! Мы собьем с тебя спесь.

На все расспросы Мелсини и доньи Леонор о его свидании с Валенсуалой каспик отвечал скупно и неохотно, ссылаясь на то, что все станет ясно после официальной встречи в четверг, а до тех пор он не знает даже, в чем заключается дело, хотя и не ждет, добавил он, ничего хорошего.

Выслушав Эприкильо, молодая жена сказала, глядя на него с упрехом:

— Когда бог подарит тебе радость, Эприке, сбереги ее, если захочешь, для себя одного. Но никогда не лишай меня моей доли в твоих заботах и печалях.

— Поверь, Менсия, — ответил растроганный Эприкильо, — даже если бы я хотел, я ничего не мог бы скрыть от тебя. Обманывать тебя мне было бы еще тяжелее, чем видеть, как ты разделяешь мои страдания.

— Тогда обещай, — продолжала Менсия, — рассказать мне все, что произойдет на аудиенции у наместника губернатора.

— Обещаю, а пока не будем больше об этом говорить, — закончил разговор Эприке.

Власть, которой пользовался Педро Бадильо, наместник области Ла Магуана, была вручена ему адмиралом доном Диего Колумбом. Но, как это часто случается в дни испытаний, впаавший в немилость благодетель встретил черную неблагодарность у тех, кого он облагодетельствовал. Бадильо, стремясь сохранить свое положение, одним из первых перебежал в лагерь противников, как только судьба, которая никогда не баловала род Колумбов, повернулась спиной к бедному дону Диего. Весь нравственный облик Педро де Бадильо был под стать этой гнусной неблагодарности, которую можно встретить только в характере низком и злобном. Бадильо словно создан был для дружбы с Мохикой и молодой Валенсуалой. Все трое не замедлили объединиться и вскоре вполне оценили друг друга.

В назначенный день в час Эприкильо один отправился в дом наместника. Его заставили подождать, а затем ввели в зал, где Бадильо обычно созывал свой трибунал, как

можно было бы назвать это собрание, ибо в разнообразные обязанности наместника губернатора входило и отправление правосудия. Касик вошел, держа как обычно и не выказывая ни высокомерия, ни растерянности. Он увидел рехидоров, писца, ревизоров — Кабеса де Вака и Ховалья — и сидящих в сторонке доня Андреса и Мохску. Никто не позаботился о том, чтобы предложить место Дирикпльо, и он остался стоять, словно преступник на допросе, посреди зала.

Бадпльо велел писцу прочитать бумаги, относящиеся к данному делу. И слуга несправосудия начал с решения апелляционного суда, скрепленного подписью должностных лиц, которое гласило, что указы о репартименте от 1514 года остаются в полной силе, отменяя тем самым любые новшества или изменения, незаконно введенные в порядок энкомьенд, и возвращая последние к их первоначальному состоянию без всяких изменений, дабы они отвечали королевским и государственным установлениям. Затем следовало чтение акта или повеления наместника губернатора, требующего, чтобы ревизоры, согласно своему долгу, кратко сообщали о состоянии входящих в его юрисдикцию энкомьенд и о том, нет ли в Ла Магуано энкомьенды, нарушающей условия, установленные вышеупомянутым решением. Далее писец прочел отчет ревизоров, в котором они удостоверили, что все подведомственные им энкомьенды содержатся в полном порядке и в соответствии с указами 1514 года, за одним исключением, сделанным в свое время для доня Франсиско де Валенсиуэлы, на индейцев которого не распространяются никакие законы и установления. Индейцы эти предоставлены самим себе и живут без всякого порядка и присмотра, развлекаясь и делая все, что им заблагорассудится, в маленькой деревушке, где мужчины и мальчики играют в pelota, бегают, бездельничают и, не занимаясь никакой пужной работой, не приносят ни материальной, ни духовной пользы.

В последнюю очередь было прочитано повеление, приглашающее на сегодняшнее собрание всех присутствующих должностных лиц, а также Андреса де Валенсиуэлу, пдальго, унаследовавшего индейцев своего покойного отца, и Дирике, касика из Баоруко, управляющего вышеупомянутыми индейцами, порученным во главе с ним сеньору Валенсиуэло.

Когда писец закончил чтение, наместник губернатора обратился к Валенсуэла со следующими словами:

— Сеньор Андрес де Валенсуэла, вы слышали, какие обвинения ложатся на вас в связи с тем, что вы пренебрегаете управлением индейцами, которые достались вам в наследство от покойного отца. Что вы можете сказать в свое оправдание? Предупреждаю вас, — добавил Бадильо с притворной суровостью, — что во исполнение вынесенных сеньорами судьями и коронными чиновниками строгих распоряжений, чтение копий вы слышали, это безобразно должно быть прекращено в Ла Магуане, а если вы окажетесь неспособны подчинить ваших индейцев установленному строгому порядку, их у вас отнимут и отдадут тому, кто будет лучше управлять ими.

— Сеньор, — отвечал Валенсуэла смиренным тоном, — я сохранил общину индейцев в том же порядке и состоянии, в каком оставил ее мой покойный отец, мир праху его. Так бы и продолжалось, если бы мне не было теперь указано, что это противно обычаю и праву. Вы грозитесь отнять у меня индейцев, мне кажется это несправедливым, поскольку я готов выполнить все, что велит мне высокая власть.

— Слыхали, касик? — немедленно сказал Бадильо. — Отныне вы будете служить сеньору Валенсуэла так же, как служат в Ла Магуане все индейские общины. Вы отвечаете за порядок и за хорошее поведение индейцев, которыми управляете. Сегодня я вызвал вас, дабы на первый раз сделать вам внушение, но если повторяются хоть малейшие жалобы на веселье и пляски, которые вы устраиваете в своем поселке, берегитесь, я палочу на вас суровую кару.

Во время чтения документов Эрикильо отвечал бесстрастным спокойствием на общую враждебность и открытое желание унижить его. С холодным вниманием он выслушал все до конца. Он стоял, слегка выставив вперед правую ногу и опершись на левую всей тяжестью своего сильного, хорошо сложенного тела; в правой руке он держал широкополую шляпу, какие носили в Сан-Хуане. Его непринужденную естественную осанку можно было истолковать и как выражение смиренной покорности, и как самое высокомерное презрение. Когда касик услышал, какие грехи возводятся в отчете ревизоров на маленькую

общину Ла Игеры, легкая усмешка пробежала по его губам, словно он этого и ждал. При обращении Бадильо к Валенсуэле Энрике пристально посмотрел на дону Андреса и не сводил с него глаз, пока тот не кончил свои пенигословные оправдания. До сих пор он неизменно владел собой и спокойно ждал, когда настанет его черед заговорить. Но грубый и жесткий тон заключительных слов наместника положил конец его великоленному самообладанию и терпению. Услыхав резкий голос обратившегося к нему Бадильо, каспик сразу выпрямился и выслушал его до конца, склонив голову к правому плечу, сдвинув брови, устремив взгляд в одну точку и сосредоточив все свои душевные силы, чтобы подавить охватившее его волнение.

Едва ничтожный деспот закончил свою речь, как изумление и гнев Энрикильо прорвались в словах, полных справедливого возмущения:

— Вы не имеете ни оснований, ни права грозить мне, сеньор наместник. Ни оснований, ни права не имеют и сеньоры ревизоры говорить дурно о Ла Игере. И никто не имеет права подчинять закону об энкомьендах ни меня, ни индейцев, принадлежавших моему доброму покровителю дону Франсиско де Валенсуэле.

И словно это имя внезапно разбудило в нем былые чувства, он повернулся к недостойному наследнику и, смягчив свой гневный тон, сказал:

— Вы, его сын, должны были бы объяснить этим сеньорам их ошибку. Умирая, отец завещал вам относиться ко мне, как к брату. Никогда не думал он, что вы позволите обращаться со мной, как с рабом, хотя вам хорошо известно, что я свободен, так же как свободны индейцы Ла Игеры.

Валенсуэла, заикаясь, пробормотал что-то неразумительное, но тут раздался чей-то язвительный и насмешливый голос:

— Свободны! Видали, чего хочет этот мальчишка... Быть братом своего хозяина, ни больше ни меньше. Хороший пример для других каспиков! — Слова эти принадлежали Мохике.

— А вы по какому праву вмешиваетесь, сеньор идалго? — крикнул ему взбешенный Энрике.

— Это ты еще узнаешь, король Ла Игеры, — злобно прошепел Мохика.

— У сеньора идалго, — сурово остановил касика Бадильо, — достаточно прав, чтобы здесь присутствовать. Относитесь к нему с почтением.

— Я приберу свое почтение для честных людей, сеньор наместник, — ответил Эрике, вновь овладев собой.

— Что же, вы хотите отправиться отсюда в тюрьму? — спросил, рассердясь, Бадильо.

— Прошу вас, будьте справедливы, — спокойно возразил Эрике. — Я свободен, мои индейцы были распределены на срок одной жизни. Ла Игера основана по воле моего благодетеля покойного дона Франсиско еще до того, как мошахи привезли новый указ, повелевающий, чтобы все индейцы жили как в нашем селении...

— Развлекались и бездельничали? — перебил негодой Мохика.

— Нет, чтобы работали, подчиняясь порядку и встречая хорошее обращение, а не как рабы, — не глядя на него, ответил касик. — Сеньоры ревизоры посетили Ла Игеру в воскресенье после полудня, вот почему все индейцы отдыхали и развлекались, прослушав, как всегда до десяти утра, службу в часовне. Если бы ревизоры приехали в рабочий день, например сегодня, то нашли бы всех за работой.

— А что же это за работа? — спросил Бадильо.

— Возделывание полей и другие занятия, — отвечал Эрике. — Видите там на окне глиняные кувшины? В них охлаждается вода, которую вы пьете, и сделаны они в Ла Игере. Там плетут гамаки из волокон пумы, в которых вы не гнушаетесь отдыхать. Нет, пожалуй, ни одного дома в Сан-Хуане, где бы не было деревянного или плетеного стула, либо кожаного кресла со спинкой из дерева, которые тоже изготавливаются в Ла Игере. Не заметили ли вы над входом в часовню глиняную статую святого Франсиска? — спросил он, обращаясь к Эрнандо де Ховалию. — Ее сделал своими руками один из этих бедных индейцев.

— Какой-то урод... — начал, насмехаясь, Мохика.

— Вроде вас, — холодно перебил его Эрикильо.

В ответ на неожиданную остроумность все важное собрание расхохоталось, потешаясь над незадачливым идалго.

— Все это очень хорошо, касик, — менее сурово произнес Бадильо. — Но как вы сами понимаете, так больше

продолжаться не может. Вы ошибаетесь, репартименто дается не на одну жизнь, позже было разъяснено, что оно дается на срок двух жизней. Вы умеете писать. Все, что вы хотите сказать, вы можете изложить письменно и

ждать решения. А пока вы должны выполнять то, что вам приказано. Служите вместе со своими индейцами сеньору Валенсуэле и не проявляйте строптивости.

— А этот документ ничего не значит? — спросил Эп-рикильо, достав из кармана и протянув Бадилью врученную ему Лас Касасом кошку наказания, привезенного в Санто-Доминго перонимитами.

Наместник бегло просмотрел бумагу и передал ее по кругу всем собравшимся. Каждый заглядывал в документ и небрежно передавал его следующему, как нечто не стоя-

ное внимания. Наместник губернатора, к которому снова вернулась копия наказа, холодно спросил у Эприкильо:

— А какое это имеет значение?

— Но ведь здесь говорится, что индейцы свободны, —

ответил Эприке, — и могут создавать поселения до трехсот жителей и работать для самих себя, лишь выплачивая подать королю. Кроме того, здесь указано, что главный касик управляет поселком и, по совету монахов и местного священника, назначает рехидоров, альгвасила и других должностных лиц.

— Где вы взяли этот документ? — спросил Бадильо.

— В конце все написано, — ответил касик.

Бадильо снова взглянул на бумагу и прочел вполголоса.

— «И для надобностей, кои могут представиться Эпирике, касяку пз Баоруко, и состоящим на его попечении индейцам, сия эту копия я, защитник индейцев, уполномоченный их высочествами, в Санто-Доминго 28 января 1517 года.

Бартоломе Лас Касас, священник».

— И эта бумага, — громко пропнес Бадильо, — и тот, кто подписал ее, и те, кто составлял ее, не имеют здесь никакой силы.

И с этими словами он разорвал копию наказа в клочки.

— Отлично! Прекрасно! — закричали все, кроме Эпирике, который, увидев, что Алонсо де Сотомайор тоже одобряет наместника, с упреком обратился к нему:

— Возможно ли, сеньор дон Алонсо, что и вы считаете все это справедливым? Не при вас ли говорил ваш друг сеньор дон Франсиско, что в тот час, когда отойдет он в иной мир, я стану на деле и по праву свободным.

— Мой друг не мог стремиться обездолить своего сына, — резко возразил Сотомайор, чьи доброта и честность уступили корыстным интересам. — А завещая, чтобы с тобой хорошо обращался, он не собирался разрешить тебе вредить другим.

— Чем же повредил я? — печально спросил Эпирикильо.

— Тем, что требуешь повшеств и пользуешься разными документами, вроде этой разорванной бумажонки, чтобы свергнуть все наши порядки, — ответил бесчестный старик.

Эпирикильо хорошо понял, что Сотомайор намекает на его переписку с Лас Касасом, но он не хотел причинять неприятности донье Леонор, показав, что знает о перехваченном письме, и потому, не подав виду, промолчал.

— Теперь, касяк, совершенно ясно, — после недолгого молчания продолжал наместник губернатора, — что вам лет пужды писать мне и предпринимать какие бы то ни было меры. Ваши доводы признаны действительными. Соглашайтесь служить вместе со своими индейцами сеньору Валенсуэле и идите с богом.

Эпирике наклонил голову и в задумчивости медленно вышел.

— Этот касик слишком хитер, его лучше держать в узде, теперь сами видите, сеньор, — наставительно сказал Мохика, едва закрылась за Эприкильо дверь.

— Не давайте ему воли, Валенсуэла, — добавил Бадильо, и каждый из разъяренных колонистов, прощаясь с молодым идальго, подавал ему какой-нибудь неужный, но злонамеренный совет.

XXX УНЫНИЕ

Менсия и донья Леонор с нетерпением и тревогой ждали Эприкильо. Обе они, одна — руководимая инстинктом любви, другая — своим опытом, понимали, что вызов касика к заместителю губернатора — событие чрезвычайное, быть может решающее в жизни Эприкильо. Вот почему, когда они увидели его, печального и озабоченного, обе бросились к нему и засыпали его вопросами.

Касик растерянно посмотрел на них, словно очнувшись от сна и пытаясь собраться с мыслями. Потом он заговорил тихим голосом, в котором звучало мрачное отчаяние:

— Сегодня, донья Леонор, я впервые в жизни подумал, что providence, случай и удача — одно и то же... Сегодня, Менсия, на пятый месяц нашего супружества, я проклял тот час, когда назвал тебя своей и обрек тебя на жалкую участь...

— Ты пугаешь меня, Эприке, — в ужасе произнесла Менсия, — скажи, что произошло?

— Все было спом, Менсия, мечтой, обманом; осталась страшная правда. Мне снилось, что я свободный человек, а я лишь ничтожный раб!

— Кто может сделать тебя рабом, Эприке? Ты бредишь, — сказала донья Леонор.

— Ах, сеньора! — воскликнул Эприке. — Я думал, что брежу, когда, словно в дурном сне, увидел всех этих сеньоров, к которым привык относиться с любовью и уважением, и понял, что все они в заговоре и твердо решили унижить, оскорбить меня, ввергнуть в отчаяние! Я думал, что брежу, когда услышал, как Андрес де Валенсуэла,

сын святого человека, за которого я отдал бы всю свою кровь, отрекся от памяти и воли своего отца и превратился в послушное орудие коварного Педро Мохикки!.. Когда услышал, как доп Алонсо де Сотомайор, которого я так уважал, поддерживает ложные обвинения против меня; и, наконец, когда я убедился, что нечего мне рассчитывать на защиту правосудия и закона, ибо законы и правосудие в Ла Магуане ничего не значат и я целиком во власти моих злейших врагов...

— Ты, без сомнения, преувеличиваешь, Эприке, — заметила, не веря своим ушам, взволнованная вдова.

— Нет, я не преувеличиваю, сеньора, — печально возразил касик. — Вопреки праву, вопреки рассудку, вопреки моим требованиям, было объявлено, что я состою и остаюсь вместе с моими индейцами в энкомьенде у Андреса Валенсуэлы, как наследника его отца.

— Этого не будет! — в ужасе воскликнула Менсия. — Я напишу сеньоре вице-королеве, поеду к ней в Санто-Доминго, если надо...

— Вице-королева, — прервал ее касик, — ничего не может сделать. Сегодня я убедился, что благородная сеньора действительно бессильна, как она велела сообщить мне. Иначе они не осмелились бы так поступить.

Сказав это, Эприкильо протянул жене письмо, привезенное Галиндо.

— Все черно, это рука Эльвиры, — в отчаянии проговорила Менсия. — Спасения нет!

— Я сама пойду к Сотомайору, Эприкильо, — заявила вдова. — Уверяю тебя, ты преувеличиваешь, и надеюсь, что скоро ты сам это увидишь.

— Я увижу, сеньора, что вы, наш великодушный друг, навлечете на себя вражду и неприятности, а с этим я не могу согласиться. Все могущественные люди Ла Магуаны в заговоре против меня, и на Эспаньоле нет сейчас никого, кто мог бы отвратить от меня беду. Все надежды следует отложить до того времени, когда на остров вернутся адмирал и надре Лас Касас.

— Может быть... — в задумчивости сказала донья Лео-пор.

И все трое погрузились в молчанье.

— А какие обязанности лежат на тебе, если ты состоишь в энкомьенде? — спросила Менсия у своего супруга.

— Обязанности, противные моим чувствам, — отвечал касик. — Вместо того чтобы относиться к моим бедным индейцам как к братьям, заботиться об их здоровье и благосостоянии, я должен буду угнетать их, следить за тем, чтобы они усердно выполняли любую работу, какую поручат им надсмотрщики и управляющие, преследовать их, если они вздумают бежать; беспощадно наказывать за малейший проступок, — в общем, служить орудием самого жестокого рабства.

— Но с тобой, с самям тобой, как будут обращаться? — настаивала Менсия, в эгоизме любви думая лишь об одном.

— Ах, друг мой! — отвечал Энрикильо. — Если Валенсуэла окажется, как я того опасуюсь, злым негодяем, надо ждать худшего! У него есть достаточно способов превратить мое звание касика в клеймо позора и обращаться со мной, как с последним иском.

— Боже! — воскликнула Менсия в отчаянии. — И я увижу, как оскорбляют и унижают тебя!

— Ты увидишь мои муки, Менсия, — торжественно произнес Энрикильо, — и пройдеши вместе со мной через все испытания, какие только может выпестить мужественная христианская душа... Такова воля божья. Готова ли ты на это?

— На все! — с жаром воскликнула Менсия. — На все, во имя моего долга и твоей любви.

XXXI НОВЫЕ ПОРЯДКИ

Энрикильо очень не хотелось сообщать вспыльчивому Тамайю о переменах в положении индейцев Ла Игеры. Однако, понимая, что без этого признания не обойтись, он решил сделать его как можно скорее. В тот же вечер, призвав к себе своего верного помощника и почтенного старца Камачо, он, ничего не утаивая, рассказал им все новости.

Слушая его, Тамайю дрожал от ярости, а когда Энрикильо кончил тем, что приписал постигшую его немилость козням Мохики, взбешенный индеец вскочил и, судорожно сжав кулаки, решительно спросил:

— Хочешь, я убью его?

— Я уже предостерегал тебя от таких мыслей, безумец! — ответил Энрикильо. — Ведь мое сердце не кипит гневом и яростью, как твое. Спроси у доброго Камачо, что больше поможет нам, гнев или терпение?

— Когда же касик Энрикильо сочтет, что гнев может в чем-нибудь помочь нам? — иронически заметил Тамайо.

— Да избавит меня от этого бог. Но кто знает, не ошибаешься ли ты, полагая, что терпение мое не знает границ, — мрачно ответил касик.

— Если бы оно не знало границ, Энрикильо, — вмешался Камачо, — ты был бы не жалким грешником, а святым. Но я хотел бы, чтобы терпение тебе никогда не изменяло.

— Быть святым я и не стремлюсь, Камачо. Я стараюсь быть человеком, следуя заветам Христа. И из любви к тем, кто просветил меня, я смогу перенести и несправедливость и унижения.

— Хорошо сказано, касик, — с чувством воскликнул старый индеец. — Если так, ты не проявишь неблагодарности к нашему падре; все беды можно будет исправить, и бог благословит тебя.

— А тем временем, — пробормотал Тамайо, — ты станешь смиренным слугой Валенсуэлы и Мохика будет издеваться над тобой.

— Замолчи, дьявол! — крикнул Энрикильо, вспыхнув от гнева, но тут же, взяв себя в руки, добавил: — А что же мне делать? Забыть, чем обязан я падре покровителю, сеньору адмиралу и его семье и даже моему крестному Диего Веласкосу? Сломать свою судьбу теперь, когда мне вверена судьба Менсин? Что же, по-твоему, мне делать, глушец? — спрашивал он, все больше горячась. — Возьми лучше нож и убей меня своими руками: вот что будет для меня величайшим благодеянием.

— Таково твоё терпение, касик? — печально заметил Камачо. — А ты, Тамайо, неужели не понимаешь, что нельзя так терзать Энрикильо?

— Прости, касик, — проговорил удрученный Тамайо, — я не хотел огорчать тебя. Я — твой раб, твой пес, делай со мной что хочешь, только не сердись на меня.

Энрикильо ответил грустной улыбкой на этот взрыв раскаяния, и беседа их закончилась.

На следующий день Валенсуэла призвал к себе касика и без всяких околичностей объявил ему свою волю.

— Я должен действовать, как все остальные, Эприкильо, — сказал он. — Разбей своих индейцев на партии и держи их наготове на тот случай, когда они понадобятся моим управляющим.

— Так, значит, в Ла Игере больше работать не будут? — спросил Эприкильо.

— За мой счет — нет: люди пужны на фермах.

— Хорошо, сеньор. Но ведь Ла Игеру можно поддерживать силами шести слуг и тех индейцев, чья очередь отдыхать.

— Это уж как ты хочешь, Эприкильо, — отмахнулся Валенсуэла. — Если бы один индеец бы на один час не уклонился от обязанности работать там, куда я его пошлю, — мне нет никакого дела до Ла Игеры. Пусть живут там твои ублюдки.

— Очень рад, доп Андрес. Таким образом удастся сохратить создание вашего доброго отца, — сказал касик.

— Что ж, пусть будет так, — сухо заметил Валенсуэла. — Но знай, Эприкильо, ты отвечаешь за малейшее нарушение порядка в этих местах, где тебе, возможно, придется прожить всю жизнь.

Этот намек прозвучал для Эприке как щелканье бича. Однако он взял себя в руки и решил воспользоваться моментом, чтобы выяснить еще один сложный вопрос.

— Это меня не пугает, — сказал он, — если я смогу поселить свою супругу в нашем доме.

— А почему бы вам обоим не жить в Ато? — с деланным простодушием спросил Валенсуэла.

— Об этом нечего говорить. Менсия не хочет, — отрезал касик.

— Имей в виду, что на мой дом в Сан-Хуане можешь не рассчитывать. Он пужен мне самому.

— Это я и хотел у вас узнать, сеньор, — спокойно ответил Эприке, — и по правде сказать, этого я и ждал. Ну что ж, мы купим в Сан-Хуане новый дом на деньги Менсии.

— Не вижу в этом надобности, Эприкильо, — снова с любезной улыбкой возразил Валенсуэла. — Ведь то, что твоя жена не хочет жить в моем прекрасном доме в Ато, — просто каприз.

— Пусть даже каприз, сеньор, — закончил разговор Эрике, — по я никогда ни в чем не стану ей перечить.

Валенсуэла умолк в задумчивости, а Эрике распростался, сказав, что ему надо заняться изменением порядка работ в Ла Игере, с тем чтобы наилучшим образом удовлетворить требования надсмотрщиков и управляющих. Вступая в новую для него жизнь рабского подчинения, Эрике скрыл в глубине души терзающую его тоску и тревогу. На его сильном мужественном лице отражалась лишь спокойная доброта, присущая этому благородному, не знающему уныния и слабости человеку, который сумел измерить всю глубину своего несчастья и вышел на борьбу с ним, вооружившись терпением и непоколебимой покорностью судьбе.

XXXII

ПЕРЕМЕНА ФРОНТА

Для доньи Леонор оказалось большой неожиданностью известие о том, что Андрес Валенсуэла не пожелал выполнить желание покойного отца и передать в дар молодым супругам дом в Сан-Хуане. Добрая сеньора возмутилась новым проявлением злопавия недостойного сына и предложила обратиться к правосудию, дабы подтвердить право Эрикильо жить в этом доме и считать его своей собственностью. Она есылалась на то, что вместе с доном Алонсо де Сотомайором была свидетельницей слов покойного владельца, выразившего при них свою волю. Но Эрикильо, вспомнив, как телковал дон Алонсо пожелания своего умершего друга на аудиенции у паместника, счел подобную попытку бесполезной. Кроме того, благородный касик не хотел жаловаться на сына своего благодетеля.

Эрике решил не возвращаться больше к этому делу и, сообщив о своем решении вдове, стал советоваться с ней и Менсней, не купить ли новый дом в Сан-Хуане. Донья Леонор пыталась отговорить касика, уверяя, что ей приятно их общество, и просила не покидать дружественный кров, под которым они могут жить как в своем собственном доме. Спор друзей закончился соглашением: решено было, что Эрикильо не станет торопиться, а постепенно подыщет подходящий дом или же построят но-

вий. А тем временем молодая чета будет по-прежнему пользоваться радушным гостеприимством доньи Леонор и касик сможет спокойно оставлять на ее попечении Менсия, отправляясь на ежедневный объезд полевых работ.

Последнее, как легко понять, особенно радовало Эрикильо, который, впрочем, и в остальном не хотел перечесть своему доброму другу. Вскоре выяснилось, что не легко было приобрести мало-мальски удобное жилище в этом городе, где все домовладельцы сами жили в своих домах. Тогда Эрикильо решил приступить к постройке нового дома, причем — по желанию его жены — деревянного. Он начал уже первые приготовления, уговорился с лучшим в Магуане плотником о плане, размерах и стоимости строения, купил подходящий участок и некоторые материалы, как вдруг неожиданно получил распоряжение от наместника губернатора. В этом распоряжении говорилось, что в ответ на жалобу доня Педро де Мохики — идалго, пятидесяти пяти лет от роду, по семейному положению холостого, — выступающего как родственник доньи Менсии де Гевары и естественный опекун всего ее имущества, судебные власти постановили, что по смерти управителя упомянутого имения, доня Франсиско де Валенсуэлы, сын и наследник последнего — дон Андрес обязуется представить полный и достоверный отчет о вышеуказанном управлении наместнику губернатора, дабы тот, принимая во внимание возражения вышеназванного Мохики, мог по своему усмотрению одобрить, исправить или же отвергнуть данный отчет. Тем временем управление имуществом остается в руках доня Андреса де Валенсуэлы впредь до нового распоряжения, причем строжайше запрещается каспку Энрике незаконно заменять покойного управителя, по причине того, что супруга его донья Менсия не достигла совершеннолетия и по закону не способна управлять своим имуществом и т. д. и т. д.

— Так вы хотите сказать, что постороннее лицо имеет больше прав, нежели я, управлять имением моей жены? — спросил Энрике у судейского.

— Я ничего не хочу сказать, касик, — ответил альгвазил. — Мне падобно лишь известить вас и получить вашу подпись здесь, в конце этой бумаги, дабы было ясно, что вы уведомлены.

— А если я не согласен, марсе Домингес? — снова спросил Энрике.

— Тогда так и напишите: «Не согласен», — а ниже поставьте свою подпись. Но знайте, что это оскорбление властей, — предупредил альгвасил.

Эприке молча взял бумагу, написал принятую формулу и завершил оскорбление властей, поставив под этими двумя словами свою подпись.

— Хотя бы с меня заживо сдирали кожу, — сказал он, возвращая документ альгвасилу, — я не позволил бы себе ни малейшего оскорбления властей. Но раз дело идет о защите интересов и прав моей супруги, — то будь что будет.

— Так я и передам сеньору помещику, — ответил альгвасил. — Оставайтесь с богом, касик.

С этого дня началось для бедного Эприкильо время жестоких испытаний и оскорблений, о которых было бы тяжело и утомительно рассказывать во всех подробностях. Под тем предлогом, что правосудие обязало его дать отчет о действиях дон Фраиско, касавшихся имущества Менсии, Андрес Валенсуэла, подстрекаемый Мохнкой, не давал ни минуты покоя касику, с которым оба обращались как с мошенником всякий раз, когда воображали, будто попали какую-то неточность в его счетах. Но молодой супруг держал дела имения в таком безукоризненном порядке, что всегда с честью выходил из всех затруднений и своей простодушной откровенностью приводил в замешательство коварных врагов. Казалось, он ждал этого случая и рад был в каждой мелочи показать, насколько разумно его управление.

Если его просили подписать копию или выписку из какого-нибудь документа, он охотно это делал, но всякий раз, когда, под тем или иным предлогом, у него пытались выманить подпись, означавшую, что он примирился с навязанным ему посторонним вмешательством, касик неизменно ставил перед своей подписью суровую формулу: «Не согласен». Это постоянно вызывало вспышки гнева у избалованного Валенсуэлы, который, мстя Эприкильо, требовал с каждым днем все больше работы от его индейцев, обращался с ним все более грубо и «выказывал ему такое пренебрежение, словно был он навоз на дороге», хотя в действительности благородный юпопа «с большим правом мог быть его хозяином, а не слугой».

Не раз касику казалось, что Валенсуэла склоняется к дружбе и примирению. Но это проходящее настроение всегда кончалось одним и тем же разговором: Эприкильо

и Менсия должны помириться с сеньором Мохикой, который был сущим спасителем родового имени, когда его племянница была еще малюткой, а теперь за свое усердие встречает лишь черную неблагодарность, внушенную интригам Лас Касаса. Так говорил Валенсуэла, но Энрикильо, опираясь на более убедительные доводы, решительно отказывался уступить желанию молодого идальго.

Однажды Энрикильо целый день провел в Ла Игере, и Мохика, воспользовавшись его отсутствием, решился на смелый шаг и попробовал сам переговорить с племянницей. Он явился в дом донья Леонор и на правах родственника сказал, что хочет повидаться с Менсией. Молодая женщина отказалась принять его, но донья Леонор уговорила ее не уклоняться от свидания с дядей: быть может, это послало само провидение, чтобы помочь Менсии и ее мужу восстановить свои права. Вдова полагала, что бог смягчил это жестокое сердце и заронил в него спасительное раскаяние, — ведь часто бывает, что дурной человек помимо своей воли становится орудием добра. Все эти доводы, а также уважение, которым пользовалась донья Леонор у своих благородных постояльцев, привели к тому, что Менсия согласилась принять ненавистного идальго.

Около трех лет прошло с тех пор, как Мохика был изгнан из дома адмирала, о чем писал Лас Касас в своем письме к дону Франсиско де Валенсуэле незадолго до женитьбы Энрикильо. Все эти годы Менсия с Мохикой не виделась и не говорила, разделяя непобедимое отвращение Энрике к этому вероломному родственнику. Выйдя вместе с доньей Леонор к непрошеному посетителю, она едва кивнула ему и, не глядя на него, села в кресло, ожидая, чтобы он объяснил цель своего прихода.

— Я вижу, племянница, — слащавым голосом заговорил лицемер, — что врагам моим удалось внушить вам недоверие и неприязнь ко мне. Но право же, они делают глупость, разлучая вас со мной и толкая на неблагодарность.

Он помолчал, по, видя, что молодая женщина не хочет отвечать, продолжал:

— Знаете ли, в чем я виноват перед вами? В том, что любил вас как родную дочь с самого вашего рождения; мечтал для вас о браке, достойном благородной крови де Гевары, которая течет в ваших жилах, и оплакивал несча-

стие и безумие, отдавшие вас жалкому невежественному каспку.

Менсия хотела уйти, но заставила себя остаться.

— Даже сейчас, — продолжал идальго, — в вас поддерживают отвращение ко мне. Но я, движимый милосердным сочувствием к постигшей вас беде, пришел протянуть вам руку помощи и сказать с любовью: «Менсия, вы не беззащитны и не одиноки. От вас зависит ваше счастье и богатство: достаточно вам подписать эту бумагу, в которой изложена просьба к властям разлучить вас с Энрике, и вы вместе со всем своим достоинством перейдете на мое отцовское попечение».

Произнеся эти слова, идальго потер рукой глаза, и из них закапали послушные слезы.

Менсия сухо спросила:

— Это все, что вы хотели сказать мне, сеньор?

— Все.

— Тогда мне нечего вам ответить. Я — супруга каспка Энрике, и никто не может разлучить меня с ним.

— Так знай же, его ждут еще более страшные муки, а вместе с ним и тебя, негодница! — выйдя из себя и дрожа от ярости, крикнул Мохика.

— Я готова ко всему, — твердо сказала Менсия, — ко всему — вместе с ним. С вами у меня нет и не может быть ничего общего.

И без лишних церемоний она вышла из комнаты, оставив донью Леонор наедине с хитрым идальго.

— Призываю вас в свидетели, сеньора, — сказал он вдове, — что эта безумная презрела и оттолкнула мою родственную помощь, когда я хотел подарить ей счастье и спасение.

— Я была свидетельницей того, дон Педро, — сухо возразила донья Леонор, — что вы хотели оскорбить таинство святой церкви. Чего думали вы добиться от Менсии, первой и добродетельной супруги, настаивая, чтобы она покинула своего мужа?

— В этом вы, может быть, правы, сеньора, — подумав, ответил идальго со своей заученной любезностью. — Возможно, я зашел слишком далеко из любви к этой дурочке. Но вам понятны мои добрые намерения, и если вы захотите помочь мне и добьетесь, чтобы Менсия и ее супруг перестали слушать моих врагов и доверили мне свое до-

стояние, то увидите, что положение их улучшится неизмеримо, и в этом будет большая ваша заслуга.

— Горячая любовь к этой прекрасной паре заставляет меня слушать нас с величайшим вниманием, — отвечала донья Леонор, простодушно попав в ловушку. — Я постараюсь уговорить Эприкильо и Менсию сделать все, что, по вашему мнению, пойдет им на благо. Но я предупреждаю вас, что независимо от исхода я никогда, пока хватит моих слабых сил, не оставлю без защиты этих детей, которых все возненавидели и оттолкнули без всякой прищпы.

— Я добьюсь, чтобы их положение изменилось, сеньора, если вы обещаете мне помочь.

— Можете на это рассчитывать, дон Педро.

Идальго удалился весьма довольный собой. Если принять во внимание, что донья Леонор была единственной опорой юных супругов среди испанских колонистов Сап-Хуана, — для него была немалым приобретением обещанная ему по сведению помощь, которая могла привести несчастные жертвы к полному поражению. Вечером в доме Бадильо Мохика хвалился перед ним и Валенсуэлой своим успехом и обещал, что скоро непокорная чета будет в их власти. Тогда имущество Менсии, словно ризы Христовы, будет без всякой помехи разделено между тремя участниками гнусных козней.

XXXIII

В ГОРНИЛЕ

На все рассуждения и уговоры донья Леонор Эприке и Менсия отвечали решительным и упорным отказом. Они предпочитали самую суровую жестокою нужду примирению или соглашению с Мохикой. Что скажут они своим покровителям Лас Касасу и адмиралу, когда те узнают, что Эприке отрекся в пользу Мохики от своих прав, от прав Менсии и сам разрешил ограбить свою супругу?

Настойчивость, с которой преследовал донью Леонор искушенный в пнтригах и обманах продувной идальго, и простодушное доброй сеньоры, повторявшей в разговорах с Эприкильо все его доводы, разбудили наконец в душе касика, испытавшего уже немало разочарований при встречах со знатыми колонистами, несправедливые подо-

зрелся. Он решил, что донья Леонор, являвшаяся до сих пор единственной их опорой и верным союзником, склоняется на сторону врагов и тяготеет дружбой, которая навлекла на нее недовольство и осуждение всех именитых жителей города. Известно, как чувствительны к проявлениям неприязни благородные и великодушные характеры. Эприке сообщил о своих горьких размышлениях жене, и оба они, понимая, что, пока все средства Менсил находятся в руках Валенсуэлы, свой дом им не построить, решили не откладывать то, что неизбежно, и объявили донье Леонор о своем намерении переехать в Ла Игеру.

Напрасны были возражения и мольбы доброй вдовы, пытавшейся отговорить своих гостей от такого решения. Скромный «домишко касика» в «индейском таборе», как презрительно выражался Бадильо, был в короткий срок обставлен и снабжен всеми необходимыми удобствами, и Эприкильо, к великому удовольствию Камачо, поселился там вместе с женой и Аншкой, которая по-прежнему числилась в экомьенде у доньи Леонор. Прощаясь с доброй вдовой, все выразили ей горячую благодарность, а обе подруги пролили немало слез.

— Вы покидаете меня, — сказала донья Леонор, — но я буду преследовать вас своей любовью, куда бы вы ни убежали. Ждите меня в гости.

В тот же день она начала свое преследование тем, что отправила в Ла Игеру мебель, провизию и разные дорогие подарки. Благодаря ее щедрым заботам, а также стараниям Камачо, Тамайо и Аншки, жизнь касика и его супруги на новом месте оказалась более приятной и удобной, чем они предполагали. Несмотря на бедность и несчастья, они жили со спокойной душой, как все, кто не боится превратностей судьбы и чья совесть чиста. Чистая совесть — вот единственный источник счастья, возможного в этом мире.

XXXIV АЛЧНОСТЬ

Мохика и Валенсуэла с большим неудовольствием отнеслись к переселению Эприкильо в Ла Игеру. Первый понял, что это результат вмешательства доньи Леонор де

Кастилья, поддержавшей его домогательства, второй, узнав о решительных действиях касика, потерял надежду уговорить его поселиться в Ато, где, по мнению молодого идалго, ему было бы легче добиться своей гнусной цели.

Убедившись, что Менсия не желает видеть его и предпочитает скромную хижину и честь своего мужа роскошному жилищу в Ато, Валенсуэла пришел в ярость и перестал сдерживать свой грубый и низменный нрав. Эврике удавалось оберегать свое личное достоинство лишь ценой неуступного напряжения всех сил. Он так хорошо изучил указы, касающиеся репартименто, так точно выполнял свои обязанности, что Валенсуэла никогда ни в чем не мог его упрекнуть. А когда идалго предъявлял какие-нибудь непомерные требования, Эврике умел вовремя остановиться и обуздать его, действуя с невозмутимым спокойствием. И все же настали дни самых жестоких испытаний. Молодой сеньор отбросил всякую осмотрительность, и его грубость и требовательность стали непереносимы. Под любым предлогом и без малейших оснований он грубил касику, сыпал его бранью, никогда не упуская случая оскорбить или унижить его.

Эврикельо с непоколебимым терпением и ледяным спокойствием переносил все поношения и издевательства. В это время несчастных индейцев стала косить черная оспа. Больные не могли работать, и партии индейцев, которые бедный касик должен был посылать на работу, оказывались неполными. За это Валенсуэла три раза сажал его в тюрьму.

Но даже теперь стоическая покорность Эврикельо не дрогнула перед испытаниями. Зато индейцы Ла Игеры, которым с каждым днем все труднее было владеть ярмом рабства, не проявляли такого терпения. Одни — чувствуя приближение болезни, другие — едва оправившись от нее, а здоровые — чтобы спастись от непосильного труда, бежали в горы, приводя в отчаяние касика, который вынужден был непрестанно преследовать беглецов. Такое напряжение физических и духовных сил сломило его, и он на несколько дней слег в постель. Однако деятельный характер и могучая воля Эврике помогли ему подняться, и он объявил, что должен возобновить преследование бегжавших индейцев. Ему стало известно, что они скрываются у себя на родине, в горах Баоруко.

В ответ на грозные требования Валенсуэлы касик, проявив необычное рвение при выполнении самых ненавистных ему обязанностей, сказал, что намерен отправиться в горы, где сам видел огни костров. Для этой цели он попросил вернуть ему великолепную белую кобылу, которая оставалась у Валенсуэлы с того самого дня, когда якобы захромал его конь. Молодой сеньор как будто и не понимал, что следует вернуть лошадь хозяину; он принял его справедливую просьбу с удивлением и насмешкой.

— А зачем нужна тебе Асусена (так называл он кобылу Эприкильо)? — смеясь, спросил Валенсуэла у пораженного касика.

— Она нужна мне, сеньор, — ответил тот, — чтобы поехать в Баоруко. Я болен, и мне необходим хороший конь.

— Разве нет других лошадей в Ато? Ты слишком требователен, Эприкильо, и, кажется, воображаешь, будто все идет, как при моем отце.

— Нет, сеньор, — возразил Эприке, — я хорошо вижу разницу. Но думаю, что воля его должна быть свята и для вас и для меня. Вот почему я прошу вернуть Асусену, которая по воле дона Франсиско осталась моей.

— С ума ты сошел, Эприкильо? Эта кобыла теперь принадлежит мне. Зачем она тебе? Выбери себе любую из моих лошадей и прекрати эти нелепые требования.

— Я не возьму ничего взамен этой лошади, сеньор. Вы хорошо знаете, что так не должно быть.

— Я хорошо знаю, что так будет, Эприкильо.

— Так будет только благодаря силе, сеньор. По одной вашей воле, но не по моей. Я выполняю свой долг перед падре Лас Касасом, который подарил мне эту лошадь, и перед вашим отцом, который велел мне оставить ее у себя и не отдавать вам, — твердо произнес касик.

— Делай что хочешь, Эприкильо, — пренебрежительно заметил Валенсуэла. — Кобыла останется у меня.

Эприкильо, на этот раз не скрывая своего негодования, повернулся и пошел домой. Там в присутствии Камачо он рассказал жене о новой несправедливости, совершенной Валенсуэлой. Услышав этот рассказ, старый пидеец забыл на миг о своей кротости и, не дав Менсии произнести ни слова, горячо воскликнул:

— Ты должен требовать свою кобылу через суд, касик.

— Этого я не сделаю, Камачо, — ответил Эприкильо. — Даже ради такого прекрасного копя, как моя Асусена, я

не забуду своего долга перед именем дона Франсиско де Валенсуэлы и не стану искать правосудия против его сына. К тому же сеньор Бадильо и не окажет мне правосудия.

— Ты прав, Эрикильо. — Гнев Камачо уже прошел. — Терпение, сын мой, терпение. Вернется на остров надре, и все пойдет по-другому.

— На это я и надеюсь, — сказал Эрике и, вновь обрета спокойствие, ласково взглянул на Мелсию, которая, подперев рукой свое прекрасное лицо, молча, с печальным вниманием слушала их разговор. Эрикильо прижался губами к ее белоснежному задумчивому лбу и, позвав тут же Тамайю, велел ему к рассвету приготовить все для предстоящего путешествия: они оба, Эрике и Тамайя, отправляются в горы Баоруко.

XXXV

БАОРУКО

Стояла ранняя осень. Но осень в благословенных долинах Ла Магуаны не убивает яркую зелень трав на лугах, не срывает пышную листву деревьев в лесах и рощах. Под лучами смягчившего свой жар осеннего солнца вся природа надевает прекрасный убор, подобный весеннему цветению в других странах, и своей торжествующей красотой воздает хвалу творцу вселенной.

Эрике, наделенный тонкой чувствительностью и острым умом, был способен к простодушному, но возвышенному восторгу перед всем прекрасным. В сопровождении верного Тамайя и своего неразлучного спутника — большого сторожевого пса он ехал по чарующим лугам и с восхищением любовался необозримыми просторами. Грудь его вольно дышала благоуханным воздухом, а легкий ветерок, пробегая по волнующимся травам, нашептывал ему на ухо таинственные сказки.

Любуясь окружающими его живописными картинками, Эрикильо испытывал потребность поделиться своими впечатлениями с другим разумным и чувствующим существом. Полагая, что Тамайя разделяет его восторг и также наслаждается волшебной красотой тропической природы, он

пытался приобщить к своим переживаниям сурового товарища, взывая к нему всякий раз, когда какой-нибудь уголок обширной, ослепительно прекрасной панорамы особенно поражал его чувства. Но все его попытки были тщетны. Тамайо, подражая, хотя сам того не знал, великому афиляину, пресекал все восторженные речи Эрикильо. Обращая внимание своего сурового спутника на изменчивые фантастические тона утреннего неба на горизонте, тот всякий раз слышал ледяной ответ:

— Когда мы туда доедем, там ничего не будет, все это только кажется. Таковы и надежды несчастного индейца.

Если через несколько минут Эрикильо снова начинал свое: «Увидев вот такие красивые саванны, надре Лас Касас и подумал, что в наших краях находился рай Адама», — безжалостный Тамайо отвечал:

— Мы, индейцы, похожи на Адама после грехопадения.

— Посмотри туда вдаль, — настаивал Эрикильо, — па, эти вершины: озаренные лучами солнца, они напоминают город с огромными домами, словно в Санто-Доминго.

— Которые стоили столько трудов и столько жизней бедным индейцам, — отвечал непоколебимый мизантроп.

Эрике надоело его упрямство, и, отказавшись от попытки тронуть это каменное сердце, он перестал делиться с Тамайо своими поэтическими наблюдениями.

На следующий день к заходу солнца всадники доехали до большой горной цепи Баоруко. Когда они достигли узкого извилистого ущелья, касик остановился. Глаза его загорелись страшным огнем, и он сказал, медленно и веско произнося каждое слово:

— Слушай, Тамайо. Здесь ты должен оставить свое дурное настроение. Кончилось любованье лучезарной природой. Я хочу иядь за ядью, вдоль и поперек изучить эти горы — владения и родину моих предков. Я хочу посмотреть, узнаю ли я эти места, где бродил вместе с тобой, следуя за моим дорогим дядей Гуароа по тайным безлюдным тронам. Вот для чего я пришел сюда, а не затем, чтобы охотиться за своими несчастными братьями, бежавшими от рабства.

— Эрикильо! — радостно воскликнул Тамайо, услышав эти слова. — Наконец-то ты подумал о своем народе, наконец решил уйти из-под власти Валенсуэлы. Мы останемся здесь, в этих неприступных горах?

— Не сейчас, Тамайю. Ты слишком торопишься. Все возможно, но сейчас мы не должны думать о восстании. Дай бог, чтобы не пришлось нам прибегнуть к такой крайности, — в волнении сказал Эприке.

— Боюсь, что ты никогда к ней не прибегнешь, — язвительно отозвался Тамайю.

— Я сам этого не знаю, безумец, как же можешь ты это знать! Да, я твердо говорю, что никогда не заставлю раскапывать моих благодетелей и не прибегну к насилию, пока есть хоть малейшая надежда добиться правосудия.

— Тогда и я скажу тебе, Эприкильо, что этим воспользуются наши враги. Ты будешь добиваться правосудия и никогда не найдешь его.

— До темлоты остается четыре или пять часов, — сказал Эприкильо, внезапно переменяв топ. — Обследуем эту сторону сьерры засветло, а завтра продолжим наш осмотр.

Чем дальше углублялись они в горы, тем больше находили признаков того, что тут скрываются бежавшие индейцы. Вскоре их предположение подтвердил несколько стариков, родственников или друзей Тамайю, которые, не таясь, жили в этих диких местах, присматривая за свищами и козами какого-то колониста. С помощью этих горных жителей нетрудно оказалось и встретиться с беглецами. Эприкильо мягко попенял им за то, что они покинули его и ему пришлось из-за них сидеть в тюрьме и подвергаться другим наказаниям. Бедные индейцы горько плакали, узнав о своей вине перед касиком, и предлагали сейчас же вернуться с ним вместе в Ла Магуану и сделать все, что он прикажет.

— Вернуться туда? Нет, — сказал Эприкильо. — Вас ждет жестокая кара, а я предпочитаю сидеть в тюрьме и терпеть любые невзгоды, но знать, что вы свободны от рабства. Оставайтесь здесь и скрывайтесь. Возделывайте свои поля в самых тайных и неприступных местах и позаботьтесь о том, чтобы я мог найти вас, как только вы мне понадобится.

Беглецы почтительно поцеловали у касика руку и обещали точно выполнить его наказ, а оба путешественника отправились вслед за опытным проводником дальше, — исследовать все пики, склоны, овраги и пронасти этого запутанного горного лабиринта. На это им потребовалось пять или шесть дней, и все время они ни в чем не нуждались, пользуясь гостеприимством диких, но радушных

жителей Баоруко. Эрикильо был в восторге от всего, что увидел и пережил во время этого путешествия, истинную цель которого он скрывал даже от самого себя. Чистый горный воздух восстановил его силы и здоровье, а Тамайо, позабыв о своей досаде, оживился, стал разговорчив и даже несколько раз громко смеялся.

XXXVI

ДУРНЫЕ ВЕСТИ

За то короткое время, что Эрикильо посвятил изучению своих родных гор, он не мог осмотреть всю сьерру, протянувшуюся на двадцать пять лиг с востока на запад и местами достигавшую пяти-шести лиг в ширину, с севера на юг.

Но тот участок, с которым он ознакомился, был достаточно велик сам по себе и казался самым неприступным в этом горном царстве. Теперь касик мог хорошо ориентироваться во всей округе и был уверен, что с помощью Тамайо и других проводников ему будет нетрудно проникнуть в любое из этих диких и глухих мест.

Итак, Эрикильо объявил, что пора возвращаться в Ла Магуану. И хотя Тамайо возражал, не желая прерывать приятную прогулку, Эрике прекратил его воркотню одним простым вопросом:

— Неужели ты думаешь, что я могу быть весел и спокоен вдали от Менсии?

И, пустив вскачь своих великолепных коней, они к вечеру выехали из горного ущелья, спустились в долину и, передохнув в пути только несколько часов, на следующий день прибыли в Ла Игеру.

У дверей дома Эрикильо соскочил с коня и, вбсжав в комнаты, позвал Менсию. Но в ответ раздался лишь печальный голос старого Камачо. Он вышел навстречу касику и рассказал, что Менсия вместе с Аникой уехала в Сан-Хуан и будет ждать его приезда из Баоруко в доме доньи Леопор до Кастилья, что все индейцы на работе в Ато, а Галиндо сидит в тюрьме; поэтому и не мог Камачо послать гонца к Эрикильо, чтобы сообщить ему обо всем происшедшем в его отсутствие.

Едва старик закончил свой краткий рассказ, как Эприкильо, слушавший его с лихорадочным нетерпением, снова вскочил на коня и, прищипорив его, помчался вместе с Тамайо по направлению к городу, куда прибыл раньше, чем село солице. Он нежно обнял жену, — лицо ее еще хранило следы пережитого волнения, — и из ее уст услышал подробный рассказ о страшном событии.

Два дня спустя после отъезда Эприкильо Валенсуэла и Мохика явились в Ла Игере вместе с двумя надсмотрщиками. Один из надсмотрщиков собрал всех индейцев, в том числе женщин и детей, и по приказу Валенсуэлы повел их в Ато. В доме касика подле Менсии оставались только Аника и Камачо. Через некоторое время оба кабалеро — один как сеньор этой местности, другой как дядя молодой дамы — потребовали, чтобы старик и девушка оставили их наедине с Менсией, сказав, что им нужно поговорить о таких вещах, о которых могут знать только они двое и супруга касика. Камачо вышел из дома, а Аника осталась в соседней комнате. Вскоре за пей последовал Мохика, так и не добившись ни слова от упорно молчавшей племянницы; выходя от нее, он бросил в сердцах: «Тогда вам придется поговорить с Валенсуэлой».

Дальше, как рассказала Менсия своему супругу, произошло следующее: Валенсуэла дал ей какую-то бумагу и стал просить, чтобы для собственного блага она подписала ее. Менсия прочла бумагу и увидела, что в ней заключалась подкрепленная клятвой жалоба на касика, ее мужа, в том, что он плохо с ней обращается, заставляет ее жить в крытой соломой лачуге в Ла Игере, в то время как она могла бы жить в Ато или в городе, и подвергает ее другим лишениям и карам; поэтому она просит суд разлучить ее с мужем и назначить ей опекуна. Молодая сеньора наотрез отказалась подписывать подобную низость. Тогда Валенсуэла стал угрожать ей и, схватив за руку, попытался силой добиться подписи. Но она, решив не уступать, стала звать на помощь, и на ее крик прибежала Аника, хотя Мохика и не пускал ее. В это время в дверях появились Камачо и Галиндо. У Галиндо в руках была толстая узловатая палка. Вне себя от ярости он набросился на бесчестных идалго; Валенсуэле он вывихнул правое плечо, а Мохике нанес тяжелый удар по голове.

Аника и Камачо тоже не отставали от бесстрашного Галиндо. Старик с неожиданным в его возрасте провор-

ством бросился на помощь к девушке, и они вдвоем схватили за руку Мохику, помешав ему вытащить шпагу, а тут на него попал Галиндо, уже расправившийся с Валенсуэлой. Валенсуэла, корчась от боли, напропалую ругал отважного индейца, грозясь отправить его на виселицу. Смелый юноша презрительно ответил: «Это будет лишь завтра». Тут прибежал второй надсмотрщик, который, по счастью, куда-то отлучался. Поняв, что произошло, и увидев разъяренного Галиндо, он, повинувшись крику Валенсуэлы, преградил юноше путь и ранил его шпагой в левую руку. Но отважный индеец не отступил перед противником и ударом дубины свалил его наземь. Анника спокойно взяла под руку Менсию, и обе под охраной гордого Галиндо пошли нешком по дороге в город. Избитый, оглушенный Валенсуэла даже не пытался поменять им.

Тогда спокойный и чуть ли не обрадованный Камачо занялся лечением раненых, начав с лежавшего без чувств Мохики. Взглянув на него, старый целитель не без ехидства сказал Валенсуэле:

— Сеньор идальго теперь уж отмечен на всю жизнь: ухо у него таким и останется... Если бы палка этого сумасшедшего угодила хоть на палец выше, пришлось бы нам оплакивать смерть почтенного сеньора дона Педро Мохики.

XXXVII

УТОЧНЕНИЕ

Приведенный нами рассказ объединяет все, что услышал касик по частям из уст Камачо, Менсии и Анники. Все они, следуя совету доньи Леонор, которая с радостью приняла подругу, пришедшую искать убежища в ее объятиях, решили, рассказывая Эрикильо о происшедших в его отсутствие событиях, скрыть от него некоторые обстоятельства, которые могли повергнуть в отчаяние молодого касика. Попытаемся же восстановить истину, уточнив или дополнив действительную связь событий.

Как только Камачо услышал, что надсмотрщик, пришедший с Валенсуэлой, велит всем индейцам отправляться в Ато, он понял, что идальго затеял что-то недоброе против Менсии. Старик ухитрился дать знак Галиндо, чтобы

тот ускользнул от надсмотрщика и остался поблизости. Он прибежал вместе с Галиндо, и дальше произошло все, что нам уже известно.

Что же касается объяснения Валенсуэлы с Менсией, то тут было скрыто одно очень важное обстоятельство. Молодой идалго, оставшись наедине с избегавшей его красавицей и полагаясь на содействие Мохики, решил, что он достиг наконец своей давнишней цели и теперь желанная, хотя и ненавидевшая его женщина у него в руках.

Он действительно дал ей прочесть бумагу, которая должна была принести бесчестие Энрикильо и самой Менсии. И пока она, словно зачарованная, не отрываясь, читала строки, написанные чернилами столь же черными, как душа того, кто их диктовал, развращенный юноша пожирал глазами прекрасную женщину и ждал ответа.

Когда Менсия вернула ему бумагу, резко объявив, что никогда не подпишет, хотя бы это стоило ей жизни, Валенсуэла, не помня себя, стал умолять ее:

— На что мне эта бумага? Менсия, сжальтесь надо мной! Ваша несправедливость делает меня несчастнейшим из смертных... Вы обречены жить в этой жалкой хижине оттого, что презираете мою страсть, отказываясь от богатства, которое я слагаю к вашим ногам!.. Вы наполняете горечью сердце, которое вас обожает, вы сами привлекаете страдания на себя и на того, кого называете своим супругом!.. Да, Менсия. От вас зависит судьба Энрикильо и ваше собственное благополучие. Я способен на любое зло, чтобы сделать вас своей! Ваша любовь, счастье обладать вами превратят меня в лучшего из людей... О, будьте так же милосердны, как прекрасны!

Менсия слушала его речь, застыв от ужаса. Она поняла, что все это было обдумано заранее, и в сердце ее закрался страх, когда она увидела себя во власти человека, который сам цинично объявил, что способен на все. Она заметалась, не зная на что решиться, и наконец попыталась бежать. Но Валенсуэла бросился на нее, как тигр, схватил ее за руку и, силой приказав прекрасную голову Менсии к своей груди, запечатлел огненный поцелуй на ее холодных губах.

Вот тогда раздался полный тоски и отчаяния крик, и молодая женщина, сделав сверхъестественное усилие, вырвалась из объятий низкого соблазнителя.

Все остальное произошло так, как мы уже рассказывали. Менсия еще несколько раз громким голосом крикнула «помогите!», уклоняясь от преследований наглого Валенсуэлы; тут вбежали Галиндо и Камачо, и Валенсуэла упал, сраженный страшным ударом раише, чем успел увидеть могучего индейца.

Наше расследование не будет завершено, если мы не узнаем, что происходило между Мохикой и Аникой до того, как наступила бурная развязка. Аника рассказала, что отвратительный идальго пытался возобновить былую дружбу, обещая ей золотые горы, а она притворялась, что слушает его, пока не раздались крики Менсии. Молодая индианка действительно терпеть не могла своего уродливого ухаживателя; и зная, что идальго был страшен, как смертный грех, мы легко можем поверить всему, что она рассказала.

Бадильо, узнав о неудаче своих друзей, в тот же день велел схватить Галиндо, заковать его в цепи и посадить в тюрьму.

XXXVIII

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

Когда Эприкильо услышал из уст своей подруги хоть и не совсем точный рассказ о совершенном на него покушении, вся кровь бросилась ему в голову и первая дрожь пробежала по телу. Долго он не мог прийти в себя. Наконец, понемпогу справившись с волнением и стараясь сохранять внешнее спокойствие, он припился расспрашивать Анику. Затем он что-то отметил на листке бумаги и, отказавшись от всякой пищи, вышел из дома с первым ударом вечернего колокола.

— Действуй осмотрительно, Эприке, — сказала ему вслед встревоженная Менсия.

— Будь спокойна, счастье мое, — ответил он, — я хочу лишь узнать, есть ли правосудие в Ла Магуане.

Выйдя из дома донья Леонор, касик натолкнулся на Тамайо, который был преисполнен зависти к судьбе Галиндо и не терял надежды на то, что и ему представится случай пустить в ход палку.

Как только он увидел касика, он спросил хриплым голосом:

— Куда ты идешь, Энрикильо?

— Хочу узнать, есть ли правосудие в Сан-Хуане, — повторил касик.

— А если ты не найдешь его?

— Пойду искать в Санто-Доминго, — очень спокойно ответил Энрике.

Вспыльчивый Тамайо в сердцах топнул ногой о землю, но тут же, совладав с собой, снова спросил:

— А если и там не найдешь?

— Тогда, Тамайо, пусть свершится воля божья, — сказал Энрике и пошел своей дорогой.

Он направился к дому наместника. Бадильо ужинал вместе с несколькими друзьями. Среди них был и Мохика с перевязанной головой, очень гордившийся тем, что не захотел остаться в постели. Энрикильо заставили ждать более получаса, пока окончатся ужины, и он испытывал жестокие муки, слыша сквозь дверь, как этот урод скрипучим голосом рассказывает на свой лад о бунте в Ла-Игере, а застольные приятели хохочут в ответ на все его остроты и шутовские выходки. Наконец Бадильо встал из-за стола и, выйдя в приемную, где дожидался его Энрике, с приторно любезным видом спросил, что ему угодно. Энрикильо сообщил о том, что произошло между Валенсуэлой и его супругой, и закончил свою речь тремя требованиями: первое — чтобы Галиндо был немедленно освобожден, второе — чтобы Валенсуэла был лишен права на управление имуществом Менсии и третье — чтобы сам Энрике и его индейцы были освобождены от подчинения сеньору, который ведет себя столь недостойно.

Бадильо выслушал заявление Энрике с саркастической усмешкой и спросил, есть ли у него доказательства того, в чем смеет он обвинять своего хозяина.

Услыхав произнесенный ледяным тоном вопрос, касик ответил спокойно, но твердо:

— Вы, лучше чем кто-либо другой, знаете, сеньор наместник губернатора, что я не один, а много раз отказывался от своих личных прав. Отчасти из благодарности к священной памяти дона Франсиско де Валенсуэлы, отчасти из-за того, что чувствовал общее недоброжелательство, я терпеливо сносил множество несправедливостей — и

тюрьму, и дурное обращение, и брань — от того, кто ни по закону, ни по обычаю не имел права требовать, чтобы я служил ему. Вы знаете, я не способен на ложь и интриги, так запретите же этому подлому сеньору Мохике потешаться за вашим столом над тем, что повергает меня в горе и отчаяние. Поймите, сеньор помещик, если к моей супруге не будут относиться с уважением, терпению моему наступит предел. Я требую, чтобы нам было дано полное удовлетворение во имя справедливости, ради которой установлена ваша власть в Ла Магуане.

Спокойный, достойный и торжественный тон, каким Эрике произнес свою короткую, но выразительную речь, произвел впечатление на Бадилью; он был поражен, услышав такие возвышенные слова от человека, к которому привык относиться как к существу изменному и безличному. Но Бадилья был злодеем в самом прямом смысле слова, и поэтому при мысли о том, что наглый касик, как называл он Эрикильо, доказал свою правоту и смеет твердо отстаивать ее, в нем заговорило не раскаяние, а дьявольская гордыня. Он ответил касику пренебрежительно и грубо, как делают все трусливые и продажные души, когда чувствуют свое ничтожество перед лицом чужой добродетели:

— Откуда взялась у вас эта наглость, это бесстыдство, касик? Вы смеете требовать, чтобы я выпустил из тюрьмы преступного мальчишку, который дерзнул поднять руку на своего хозяина и избить почтенного дона Педро? Берегитесь, как бы не пришлось вам составить ему компанию! Вы это вполне заслужили.

— Так вот каково правосудие, которого я ждал от вас, сеньор Бадилья! — дрожащим голосом воскликнул касик. — Что же, я готов испытать его, если вам угодно осуществить свою угрозу. А настоящие преступники будут тем временем пировать за вашим столом!

— Эй! — крикнул взбешенный Бадилья. — Альгвасилы! Бросить этого наглеца в тюрьму!

Немедленно появились два альгвасила и схватили Эрикильо. Касик пошел с ними, не оказав ни малейшего сопротивления.

Тамайо в тревоге ждал на улице результатов этого свидания. Увидев, что касик схвачен, он подошел к нему, чтобы выслушать его распоряжения.

— Скажи Менсия, пусть не беспокоится, — таково было единственное поручение Эприкильо к его верному помощнику.

Но Тамайо, исполнив приказ, тотчас же пришел в тюрьму передать злосчастному касику еду и постель. Эприкильо ни к чему не прикоснулся и решительно отверг просьбу верного Тамайо, который хотел остаться вместе с ним в тюрьме.

XXXIX ЗАКОННЫЕ ПУТИ

Эприкильо пробыл в тюрьме три дня, после чего без всяких объяснений и соблюдения формальностей ему вернули свободу, если только можно назвать свободой положению, в котором оказался несчастный касик. Когда он вернулся домой и обнял свою безутешную супругу, она и донья Леонор с тайным беспокойством заметили, что на лице его нет ни следа гнева или недовольства. Суровая бесстрастность и мрачная сосредоточенность были запечатлены во всем облике оскорбленного касика. Он призвал к себе всех, кто из чувства долга и любви разделял его скорбь и был способен понять ее. Это были прежде всего Менсия, донья Леонор и Камачо, которых он просил помочь ему своим советом, а кроме них, Тамайо с Аникой, как пассивные и второстепенные участники.

Эприкильо объявил о своем намерении отправиться в Санто-Доминго и там искать справедливости в апелляционном суде против Бадильо и Валенсуэлы. Когда донья Леонор не одобрила этого намерения, считая, что касик только навлечет на себя новые оскорбления и преследования, Эприке ответил, что если не попытаться получить удовлетворение законным путем, то останется только лишить жизни одного из этих тиранов, а еще лучше их вдохновителя и сообщника Мохикю. И касик сказал это с такой непоколебимой решимостью, что все поняли — это не просто слова. Угловатое лицо Тамайо озарилось зловещей усмешкой, когда он услышал страшную угрозу.

Все единодушно одобрили поездку Эприке, хотя в дальнейшем опасения дальновидной доньи Леонор полностью подтвердились.

Эприкильо велел Тамайо раздобыть ему какую-нибудь верховую лошадь, с тем чтобы на рассвете следующего дня он мог выехать из Сан-Хуана. Но верный слуга сообщил, что это будет нелегко, — Валенсуэла приказал своим надсмотрщикам собрать всех здоровых лошадей в Ла-Игере и отвести их в Ато, запретив пользоваться ими без его особого разрешения. Мера эта была принята по совету Мохики, который, узнав, чего требовал от Бадильо Эприке, не сомневался, что он попытается отвезти жа-лобу в столицу.

Тогда Эприке решил проделать путешествие пешком. Донья Леонор горячо уговаривала его не делать этого, а взять любую из ее прекрасных лошадей, но Эприкильо объяснил, что если он пойдет пешком, то расстроит все козни врагов, которые, несомненно, решили помешать его поездке.

Итак, несчастный касик Эприке, один, одетый в жалкие лохмотья, с сумой за плечами, собрался в путь и, спокойно простившись с заплакавшей Менсией и немногими друзьями, выскользнул из Сан-Хуана тайком, как преступник, бегущий от заслуженной кары. И он, хранивший в своем благородном сердце только честность и доброту, оскорбленный и униженный тем, кто властвовал над ним, прикрываясь именем закона и правосудия, все еще простодушно верил в силу правосудия и законов и, обрекая себя на муки и лишения, отправился искать защиты далеко от родного дома.

Через четыре дня Эприке добрался до Санто-Доминго; там его радушно приняли в доминиканском монастыре Педро де Кордова и Антон де Монтесино, которые хорошо относились к касику, знали, как любит его Лас Касас. Они выслушали его жалобы, разделили его справедливое негодование и утешали его своим отцовским попечением. Потом Эприке отправился к своей покровительнице донье Марии де Толедо, которая приняла его, как всегда, ласково и приветливо. Она долго расспрашивала о постигшей его беде, глубоко взволнованная судьбой молодых сунругов, которых любила всем сердцем. Когда вице-королева из уст Эприкильо услышала и собственными глазами увидела, до какого плачевного состояния довели его злодеи из Ла-Магуаны, она пролила горькие слезы, ибо еще острее почувствовала свое бессилие, узрев плоды беззакония, воцарившегося на Испании.

Ходатайства вице-королевы и монахов-доминиканцев все же помогли Эрикильо найти в судье-ревизоре Алоисо Суасо опору против чванных и ленивых старших судей, которые либо вовсе не удостоивали выслушать его, либо пренебрежительно отделивались от него, ссылаясь на отсутствие доказательств или на то, что он действует не по форме, — судебная отговорка, означавшая, что он должен передать свое дело в руки прокуроров и адвокатов, а сам отправляться домой и ждать решения до дня Страшного суда. Суасо, единственный честный и справедливый человек среди этой толпы беззаконников, вскоре понял, что сил его недостаточно, чтобы бороться против вышедшего из берегов океана пороков и дурных страстей, наводивших колонию. Интриги коронных чиновников подорвали доверие к нему в столице, и теперь он ограничивался тем, что творил добро там, где мог. Он посочувствовал бедам Эрикильо, но не скрыл от него, как трудно добиться желаемого результата. Посоветовав касику и впрямь вести себя умеренно, Суасо вручил ему официальное письмо к пameстнику Бадильо — так называемую «грамоту благопритствования», которую спросил у нового главного судьи лиценциата Фигерод. Таким образом, жалоба касика снова возвращалась к властям Ла Магуаны, и им было предложено разобрать ее по всей справедливости.

Немного надежд оставалось у несчастного Эрикильо, когда он отправился в обратный путь с этой смехотворной бумагой вместо твердого решения. Прощаясь с ним, вице-королева снова заверила его в своей дружбе и попросила передать на память Мепсии маленький золотой крестик. Эльвира тоже напутствовала его добрыми пожеланиями, однако же посоветовала касику примириться с Валесуэлой: она не верила, чтобы у дона Адреса было злое сердце.

Распростился касик и со своими друзьями-монахами в обоих монастырях, доминиканском и францисканском. Когда почтенные мужи, глубоко огорченные постигшей касика бедой, уговаривали его быть терпеливым и надеяться на бога, Эрикильо неизменно отвечал, подняв глаза к небу:

— Бог — свидетель моему терпению. Будьте и вы, наде, свидетелями тому, что у меня немало причин потерять его.

С тяжелым сердцем он воротился в Ла Магуану.

Эприкильо отсутствовал более месяца. Его возвращению в Сан-Хуан было еще печальнее, если это возможно, чем уход. Он объял любимую жену, которая ждала его, считая часы и минуты. Первые же слова Эприкильо выдали его глубокое отчаяние:

— Нет для нас надежды, Менсия, душа моя! О, сколько я выстрадал за это путешествие! Какие горькие мысли посещали меня дорогой, которая никогда не казалась мне такой длинной.

— Ты ничего не добился? — робко спросила Менсия.

— Вот все, что я привез, — печально ответил он, достав из сумы послание главного судьи Фигероа. — Грамота эта возвращает мою жалобу тому же злодею Бадилью. Наши покровители бессильны, они сами терпят унижения... Если бы не ты, Менсия, любовь моя, — с жаром воскликнул касик, — со всеми этими злодействами и подлостью было бы давно покончено. Я гордо поднял бы голову, и никто не посмел бы хвалиться, что превратил твоего супруга Эприкильо в жалкого раба!

При этих словах Менсия затрепетала, как тонкая пальма под ударом бури.

— Что ты говоришь? Значит, я виной твоим невздам?

— Не будь тебя, Менсия, я не стал бы долее терпеть попомония и, узнав, что Бадилью пренебрег этим письмом, ушел бы в горы.

— Так почему же ты не можешь взять меня с собой? — горячо воскликнула Менсия. — Никогда я не толкнула бы тебя на этот путь. Но раз ты сам его избрал, то знай, уж лучше я буду бродить с тобой в горах, пойду на самые страшные лишения, даже на смерть, нежели стану терпеть неслыханные оскорбления от Валенсуэлы и ему подобных.

Эприке с удивлением выслушал эту горячую речь, которой никогда не ожидал от своей тихой подруги, и, прижав ее к сердцу, вновь вернулся к сосредоточенному спокойствию, которое всегда предшествовало у него важным решениям. Собрав на совет только донью Леопор, Менсию и Камачо, он сообщил им, что намерен подвергнуть свое

терпение последнему испытанию и, вручив письмо Бадилью, подождать результатов.

— Последнему испытанию? — повторила благородная дочь Леопор. — Вы правы, Эприкильо, и прав этот ангел. Мне кажется, я сама способна уйти с вами в горы от этого беззакония.

Несмотря на общее воодушевление, решено было ничего не говорить Тамайо, который находился в это время в Ла Игере, из опасения, как бы он не разбушевался раньше времени.

Тревожное ожидание охватило всех. На следующий день Эприкильо, надев скромный строгий костюм, который надевал обычно в самых важных случаях, отправился к наместнику губернатора. Едва увидев его, Бадилью сердито закричал:

— А, негодяй! Явился? А мы уж думали, что ты взбунтовался.

— Как видите из этого документа, вы ошиблись, сеньор, — ответил Эприкильо, протягивая ему письмо, полученное от Суасо.

Бадилью внимательно прочел бумагу и пристально посмотрел на касика, смерив его взглядом с головы до ног. Подумав немного, он наконец произнес:

— Всякий раз меня все больше удивляет ваша наглость, Эприкильо. Видели ли вы своего сеньора?

— Не знаю никого, кто бы мог так называться на основании закона. Вы, может быть, говорите о сеньоре Андресе де Валенсуэле?

— Слишком вы загордились, касик. Да, я говорю о Валенсуэле, который объявил властям, что вы бежали.

— Как видите, он ошибся, — повторил Эприке.

— Пусть так. Тем не менее отсюда вы явитесь к нему. С богом! — сердито ответил Бадилью.

И тут же приказал двум альгвасилам отвести Эприкильо к его хозяину, сеньору Валенсуэле.

Альгвасилы так и сделали, вернее, Эприкильо сам охотно выполнил приказ наместника. Валенсуэла, увидев его, пришел в ярость и закричал во весь голос:

— Хотел бы я знать, сеньор мошенник, где вы шатались все это время?

— Я был в Санто-Доминго и жаловался там на вас и сеньора Бадилью, — сказал Эприке без всякого смущения

или бахвальства, словно привел самое естественное объяснение.

— И чего же вы добились, сеньор грамотей? — издеваясь, спросил Валенсуэла.

— Только «грамоты благоприятствования», на которую сеньор Бадильо не обратил ни малейшего внимания, — сказал касик. — Он велел мне явиться в ваше распоряжение.

— Это из гордости или из смирения вы так разговариваете со мной? — спросил Валенсуэла, — он действительно не мог понять тон ответов Эрике.

— Можете делать со мной все, что угодно, сеньор. Я умею говорить только правду.

— Я отправлю вас в тюрьму, Эрике, чтобы отучить от дерзостей.

— Если это все, то пойдем отсюда, — сказал Эрикильо своим стражам.

— Нет, это еще не все, — крикнул на прощание Валенсуэла. — Набить ему колодки, и пусть просидит в них всю ночь.

Альгвасилы увели пленника, чтобы выполнить приказ необузданного идалго. Эрикильо проявил не только полное спокойствие, но и видимое удовлетворение. Твердо шагая между двумя стражами, он бормотал, как бы говоря с самим собой:

— Вы сами видите, дон Франсиско, хватит! Я выполнил свой долг перед вами, я сделал больше, чем вы могли требовать, и хватит, дон Франсиско, хватит!

Альгвасилы с удивлением прислушивались к словам касика, а один из них сказал, постучав пальцем по лбу:

— Помешался, бедняга!

XL

ВОССТАНИЕ

Иной раз плененному орлу удастся разорвать предательские узы, и тогда нет зрелища прекрасней и величественнее, чем гордая освобожденная птица, которая парит, расправив могучие крылья, в воздушном пространстве и

описывает широкие круги все выше и выше, будто стремясь затеряться в сверкающих лучах солнца.

Не прошло и недели с тех пор, как Энрикильо, униженный, презираемый и смиренный касик, вышел из мрачной темницы, куда он попал по прихоти и призыву своих могущественных врагов. Каждая минута этих дней мнимой свободы была заполнена действием и использована для великой цели, задуманной злосчастным рабом Валенсуэлы.

Тамайю разрывался на части, он бежал, летал, посылал с места на место словно одержимый, зная, что близится час расплаты. Энрикильо приказывал, направлял, предвидел; Тамайю — выполнял, не возражая, не задумываясь, слепо повиновался любому распоряжению касика. Энрикильо был разумом и волей, Тамайю — орудием и исполнителем.

То, что сделали за неделю два эти человека, казалось, было бы не под силу двум десяткам людей в течение месяца.

Бегство в горы было решено. Но речь шла о настоящем восстании или, вернее, освобождении. Энрикильо не хотел ни убийств, ни преступлений, он хотел одного, но твердо и горячо, — свободы для себя и для всей своей расы. Он хотел увести за собой большинство индейцев, хорошо вооруженных и готовых сражаться ради защиты своих прав, тех прав, о которых, увы! многие из них никогда не слышали или имели самое смутное представление. Надо было прежде всего сделать так, чтобы люди поняли свои права и прониклись решимостью добиваться их, хотя бы ценою жизни. И это трудное дело, требовавшее мысли и действия, осуществили в короткий срок Энрикильо и Тамайю, объединив свой разум и энергию.

Пройдет еще день, и настанет час свободы. Пока Энрикильо в сопровождении двух десятков конных и пеших индейцев отвезет в горы Баоруко Менсию, другие рабы Ла Магуаны небольшими группами по разным дорогам проберутся в назначенное место. А бесстрашный Тамайю с десятью им самим отобранными товарищами, дождавшись наступления ночи, внезапным ударом обрушится на тюрьму и вырвет Галиндо из подземелья, где несчастный томился в ожидании, пока высший суд подтвердит распоряжение Бадильо, приговорившего его к повешению.

В Ла Игере собрались главные участники заговора, чтобы завершить план, начертанный Энрикильо. Из тех индейцев, которых Валенсуэла отправил в Ато, вернулись

только несколько человек. Таким образом, они по возбуждали подозрения надсмотрщиков, и подготовка к бегству проходила незамеченной. В Ла Игере собрались младшие касики Майбона, Васа, Гаскоп, Вильягран, Инкакека, Матвейко и Антрабагурес. Все они готовились вместе со своими племенами следовать за Эприкильо. Тут же были и касики Балтасар из Игуамуко, Веласкес, Антон и Эрнандо из Баоруко, которым подлежало некоторое время востить себя спокойно, чтобы запасти оружием, продовольствием и всяческим снаряжением для мятежников, а затем присоединиться к ним в пущее время. Еще три касика — Педро Торрес, Луис из Лагуны и Наварро — взяли на себя задачу привести в Баоруко великодушных охотничьих псов, принадлежавших Луису Кабесе де Вака и братьям Антонио и Херонимо де Эррера, богатым скотоводам Ла Магуаны, которым эти касики были поручены.

На следующую же ночь началось точное выполнение задуманного плана. Эприкильо к вечеру отправился в город за Менсией, которая нежно простилась со своей подружкой. Донья Леонор взяла с касика обещание прислать как можно скорее верного гонца с вестью об успехе восстания, и в свою очередь обещала сообщить всем в Ла Магуане и написать в Санто-Доминго о том, что у ее несчастного друга были достаточно веские основания решиться на такое крайнее средство. Эприке был глубоко тронут и, поцеловав с благодарностью руку великодушной женщины, отправился с супругой в Ла Игеру.

Там, не теряя времени, они принялись готовиться к бегству: домашние святыни, одежда и самые необходимые вещи, увязанные в узлы и тюки, были поручены нескольким сильным и ловким индейским юношам. Менсию устроили в удобных носилках, и двое крепких индейцев легко понесли эту нетяжелую драгоценную ношу. Остальные веди в поводу по две-три лошади для смехи и среди них смиренного красивого жеребца в богатой сбруе — подарок доньи Леонор, предназначенный Менсии. Авика ловко сидела верхом на резвом коне, а Эприкильо с четырьмя всадниками и несколькими пешими воинами замыкали шествие. Весь отряд был отлично вооружен.

В таком порядке вышли они из Ла Игеры, где остался один лишь добрый Камачо. Напутствовав Эприкильо, он ушел в часовню молиться за успех восстания. Стояла глу-

бокая ночь, когда заговорщики пустились в путь, не вызвав у самонадеянных угнетателей ни малейшего подозрения в том, что их жертвы поклялись вернуть себе свободу.

Тамайо досталась самая трудная задача. Правда, тюрьма охранялась не очень бдительно и немногочисленная стража, наверно, уже забыла, как обращаться со своими ржавыми копыями; но именно в эту ночь по воле случая

или дьявола, который никогда не спит, наместник губернатора и рехидоры давали бал в доме муниципалитета, недалеко от тюрьмы, празднуя избрание короля дона Карла Австрийского на императорский престол.

Поэтому, когда в полночь Тамайо вместе со своими людьми прокрался к тюрьме освободить Галиндо, он не встретил там лучших своих помощников — темноты и безлюдия. Он совсем уже отчаялся, когда в голову ему пришла смелая мысль, которая была немедленно осуществлена.

Приказав двоим из своих людей поджечь дом известного своей жестокостью и ненавистного индейцам жителя города, Тамайо с остальными мятежниками притаился за церковью, выжидая подходящий момент.

Не прошло и получаса, как зловещие отблески бушующего пламени озарили темноту. Тамайо быстро взобрался на высокую колокольню и ударил в набат.

Представители власти бросились на улицу, чтобы погасить или заставить других исполнять свой долг на пожаре. За ними беспорядочной толпой хлынули кабальеро и музыканты, участвовавшие в празднике, а вскоре и тюремная стража, оставив свои посты, побежала на пожар, надеясь отличиться перед начальством. Этого-то и ждал Тамайо. Он мгновенно вооружил своих людей железными ломami, и они, без особых усилий выломав тюремные ворота, ворвались в тюрьму. Тамайо вбежал в мрачное подземелье, где, закованный в тяжелые цепи, сидел несчастный Галиндо. Не колеблясь ни минуты, могучий индеец извалил юношу себе на плечо, взбежал по ступеням подземелья и выпел со своей пошей из тюрьмы в сопровождении всего отряда, прежде чем кто-нибудь успел догадаться о дерзком нападении. Пожар все еще пылал ярким пламенем. Остальные узники были совершенно ошеломлены, и прошло немало времени, пока наиболее ловкие и отчаянные решились уйти по следам бесстрашных освободителей.

Самые робкие остались, дрожа от страха, в темнице и рассказали обо всем происшедшем алькальду и страже, когда те, гордые своей победой над пожаром, вернулись на место и остолбенели при виде выломанных дверей и опустевшей тюрьмы. Наместник губернатора и рехидоры были немедленно извещены. Страх и тревога всю ночь царили в домах перепуганных обитателей Сац-Хуана.

Прошел день после ночного бегства из Ла Магуали. К вечеру перед жадными взорами искавших прибежища беглецов предстали величественные горы Баоруко. Увидев далеко на западе замыкающую горизонт зубчатую линию нагроможденных скалистых вершин, словно врезанных в чистую синеву небес, Васа, один из индейских касиков, указал рукой на горную цепь и торжественно произнес:

— Там — наша свобода!

Остальные индейцы, повторяя про себя эти слова, со слезами радости на глазах всматривались в далекие горы. И тут заговорил Эрикильо:

— Да, друзья мои! Там — наша свобода, там ждет нас жизнь свободных людей, а не рабов! Там подлежит нам до последнего вдоха защищать свою жизнь и свою свободу — дары, за которые мы, как добрые христиане, должны вечно благодарить всемогущего бога.

Короткая речь касика была выслутана с благоговением. Природный и общественный инстинкт подсказывал восставшим, что для них необходимо повиновение общему вождю и что вождем этим должен стать Эрике Гуарокуйя как по праву рождения, так и в силу своего нравственного и умственного превосходства, которое все признавали. Васа и другие касики, сопровождавшие Эрикильо, заслужили своими доблестями и умом общее доверие. Они тут же избрали Эрике верховным вождем и по предложению старого Атрабагуреса припесли клятву во всем ему повиноваться.

Близилась ночь, когда повстанцы начали подъем по крутой обрывистой тропе, пролежавшей между отвесными скалами и мрачными пропастями. У Менсии кровь стыла в жилах и шевелились волосы на голове, когда она слышала, как катится по склонам в бездонную глубину камни, срывавшиеся из-под ног у несущих носилки индейцев. Эрикильо спешил и, передав повод своего коня молодому слуге, пошел следом за носилками. Увидев, как легко и ловко шагает он рядом с ней по узкой тропе, Менсия успокоилась и понемногу привыкла к опасностям.

Наконец они добрались до поляны, где стояли две-три настушьи хижины, здесь решено было провести ночь. За-

пылал костер, для Менсии и Аники соорудили постели из шерстяных одеял и захваченного с собой хлопка. Остальные, поужинав заготовленной заранее снедью, устроились, как могли. Горячо помолившись, все улеглось на покой.

С рассветом путники направились в глубь гор и к полудню достигли берегов речушки, вьющейся среди огромных скал. Перейдя ее вброд, они поднялись еще по одному крутому склону и очутились в прелестной лощине, окруженной высокими пальмами и другими деревьями. Отсюда открывался вид на живописные горы и ущелья с разбросанными по ним зелеными пятнами полей. Здесь было место, выбранное Эприкьяльо для закладки первого поселения. Он сообщил об этом своим товарищам и рассказал, что предполагает устроить такие поселки во всех недоступных,

по удобным по природным условиям уголкам, какие встретят они в обширной сьерре. Таким образом, они всегда будут обеспечены пищей и в случае надобности смогут кочевать с одного места на другое.

Все одобрили этот мудрый план и горячо взялись за

работу. В тот же день была выстроена большая удобная хижина для главного касика и его супруги. Вскоре вокруг нее выросли другие. Часть людей немедленно приступила к подготовке участков, годных для пахоты: одни расчищали и огораживали поля, другие засевали их различными злаками. Погода стояла прекрасная, и работа спорилась.

Вечером касик собрал всех у дверей своей хижины на молитву. Отныне этот обычай был введен твердо, и Эрикилью никому не позволял от него уклоняться. Следующие два дня были употреблены на организацию жизни, порядков и управления в деятельной и трудолюбивой колонии. А потом со всех сторон стали стекаться сюда беглые индейцы. Первыми появились те, что уже скрывались в горах раньше; затем — индейцы Ла Магуаны, последовавшие за

своими касками, согласно полученному в свое время приказу. И, наконец, начали приходить с юга и запада все, до кого дошел призыв Энрикильо или его товарищей собираться в Баоруко и жить свободной жизнью.

На третий день в колонии Энрикильо уже насчитывалось около ста индейцев обоего пола и любого возраста. Из них одиннадцать носили звание касиков, а двадцать семь были воины, вооруженные кто копьем и шпагой, кто княжалом и топориком. У иных имелись арбалеты, с которыми они, правда, не умели обращаться, а у многих — просто палки с железными наконечниками или остроги вместо копий.

Таковы были вооружение и численность воинов Энрикильо, когда в лагере появился Тамайо вместе с Галиндо и всеми участниками нападения на тюрьму в Сан-Хуане. Они прихватили с собой с полдюжины мушкетов и другое оружие. Энрике был раздосадован, узнав о пожаре, — такие действия не входили в его намерения. Тамайо оправдывался, как мог. В конце концов бескровный исход предприятия, а главное, присутствие Галиндо, которого Энрике с радостью обнял, свискали храброму воину всеобщее одобрение.

Однако можно было ожидать, что шум, поднятый в городе, побудит власти Ла Магуаны начать погоню за индейцами и наведет их на след беглецов. Энрикильо сразу это понял и приготовился к защите.

Лазутчики получили приказ быть настороже и вовремя сообщать обо всем, что заметят они в селениях, прилегающих к сьерре. Эта мера оказалась не лишней, так как на четвертый день в лагерь прибыли Луис из Лагуны и еще два касика со сворой охотничьих собак и рассказали, что Андрес де Валенсуэла и Мохика собирались в тот же день, во главе отряда кабальеро и пеонов, выступить из Сан-Хуана в поход против Энрикильо и остальных восставших индейцев.

Узнав, что враги попали в пастушеские, Энрикильо, не теряя времени, установил наблюдение за дорогами, расставив вдоль подножия горной цепи лазутчиков и караульных, а за ними расположил боевую охрану, чтобы обезопасить селение от всякой неожиданности. Командовать этим передовым отрядом он поручил Васе.

Приняв все меры, Энрике вернулся в лагерь и хладнокровно приготовился встретить опасность лицом к лицу.

Он разбил всех людей на два отряда, оставив непосредственно под своим началом пятнадцать каспков, и каждого призвал достойно выполнить свой долг.

Старые каспки Инкакека и Аптрабагурес, опытные в искусстве врачевания, взяв с собой спадобья и травы, перенеслись в глухое место с женщинами и больными. Туда решено было переносить раненых, нуждающихся в помощи. Остальные боеспособные индейцы образовали отряд под командованием Тамайо и Матайко, которым Энрикильо дал ясные и простые указания, как следует им действовать — вместе или раздельно, — в зависимости от обстоятельств. Галиндо, не оправившемуся еще от рапы, пришлось остаться на попечении каспков-врачевателей.

Когда были закончены все необходимые приготовления и предусмотрены все возможные случайности, Энрикильо решил поупражняться с Тамайо в фехтовании, чтобы убедиться, сохранила ли его рука былую ловкость. Он остался доволен проверкой и тут же заставил всех каспков, а за ними и остальных новоявленных воинов испытать себя во владении разнообразным оружием. Ночь положила конец этим запыткам, но мудрый и дальновидный вождь успел убедиться в боевом духе своих людей.

XLIII

ПЕРСТ БОЖИИ

Вечером Эврике отдал дополнительные распоряжения, которые только укрепили слепое доверие, с каким отнеслись индейцы к своему опытному и искусному военачальнику. Охотничьих собак присоединили к отряду Васы, между этим отрядом и лагерем непрерывно сползали гонцы, сообщая Энрикильо все сведения, полученные от лазутчиков. Таким образом, к рассвету ему было точно известно, что отряд, выступивший из Сан-Хуана, заночевал в Карейбане и рано утром двинется в горы. От Карейбаны до лагеря повстанцев можно было пройти по трем дорогам. Какую из них изберут нападающие? Во избежание всяких случайностей, мудрый вождь решил защищать лагерь со всех сторон. Однако вероятнее всего было, что враг попы-

тается проникнуть в сьерру по тропе, которую охранял Васа, — она была самой доступной. Предположению это вскоре оправдалось.

Около полудня в лагере появились гонцы с сообщением, что противник вступил в главное ущелье. Эприкильо обратился к своим товарищам с горячей речью, призывая их бесстрашно сражаться за свободу, и, взяв с собой касиков и лучших воинов, сам повел их на помощь Васе.

Когда они спустились по склону, пересеченному ручьем, до их слуха донесся собачий лай. Это сторожевые псы Луиса из Лагуны предупреждали о приближении противника. Потом раздались выстрелы из аркебузов, и едва Эприкильо перебрался на другой берег, как с ужасом увидел, что почти все индейцы передового отряда бегут в беспорядке,

рядке, словно перепуганное стадо. Эприкильо властно остановил их и, устыдив за трусость, повел за собой, поняв, что Васа потерпел поражение. Все бросились вперед и вскоре на открытой лужайке увидели Васу. Храбрый касик лежал на земле, он был ранен в ногу. Луис из Ла-

гуны принес его сюда, ведя за собой своих огромных псов. Он стоял возле раненого, убеждая его продолжать путь.

В этом месте ущелье делало резкий поворот. За поворотом уже слышны были голоса прагов, которые взбира-

лись по крутому склону, преследуя индейцев, с такой легкостью покинувших свою сильную позицию.

Энрикильо с первого взгляда понял, как выгодна для него эта узкая горловина. Он мгновенно расположил свои скудные силы по обе ее стороны, а сам, с пятью воинами,

вооруженными пшпагами и копьями, встал поперек ущелья.

Но вот появились Валенсуэла и Мохика, шагавшие во главе своего спешившегося отряда, — лошади не могли вскарабкаться по обрывистой тропе. Оба идальго, радуясь легкому успеху, шли в уверенности, что индейцы больше не осмелятся оказать им сопротивление. «Где Эрикильо? Где эта трусливая собака?» — кричали они во все горло.

И вдруг они увидели не трусливого пса, не жалкого раба, которого привыкли попирать ногами. Перед ними стоял преображенный Эрикильо — могучий, бесстрашный и грозный. Неспобедная отвага, нестябаемая воля, неукротимая гордость сверкали в его глазах, озаряя весь его облик. И, увидев этого мужественного неустрашимого человека, который, ничего не боясь, шел прямо на них, словно уверенный в своей неуязвимости, оба идальго сразу сникли, испуганно замолчали и отступили на несколько шагов.

— Вот тот, кого вы ищете! — громовым голосом воскликнул Эрикильо. — Вот повелитель этих гор, который будет жить и умрет свободным от ига тиранов!

Заметив, что вражеские воины собираются вокруг своих ошеломленных начальников, касик повернулся к индейцам и звонко крикнул:

— За мной, друзья!

Увлеченные примером Эрикильо, индейцы ринулись на растерявшийся отряд с такой яростью, что многие из них скатились по склону вместе с врагами, которых прозили их копья. Эрикильо как лев бросился в погони за Педро Мохикой, который тщетно пытался ускользнуть. Скосив, словно тростник, всех, кто пытался помешать ему, разъяренный касик настиг трусливого тирана и нанес ему глубокую рану в лицо острием своей пшпаги. Прикончить его Эрикильо не удалось, — двигаться в узком ущелье было трудно, а перепуганный Мохика поспешно присоединился к своим соратникам, которые, спотыкаясь и падая, катились вниз по извилистой тропе.

Валенсуэла побежал было за ними, но Тамайо нанес ему обломком копья сильный удар по голове и свалил на землю. Индеец хотел тут же добить его, но великодушный Эрикильо, увидев, что сыну его благодетеля грозит смертельная опасность, бросился вперед и остановил руку свирепого воина.

— Не убивай его, — сказал он, — вспомни дона Франсиско Валенсуэлу.

— Ты малодушен, Эрикильо, — крикнул взбешенный индеец. — Каждому — свое: дон Франсиско на небесах, а этот негодяй пусть отправляется в ад.

— Нет, Тамайю, сегодня я плачу свой долг этой благородной душе.

И Эрике поднял раненого, оглушенного Валенсуэлу, осмотрел его рану и, увидев, что она неопасна, спокойно сказал:

— Будьте благодарны, Валенсуэла, что я не убил вас. Идите и никогда сюда не возвращайтесь.

Тамайю в ярости топнул ногой, но вдруг его осенила внезапная мысль. Увидев, что Эрикильо занялся тем, чтобы перенравить в лагерь Васу, своевольный помощник незаметно отстал от других и едва лишь скрылся с глаз своего великодушного вождя, взял с собой пять или шесть товарищей и стремительно спустился вниз по ущелью. Он оказался у подножия горы в тот самый миг, когда Мохика, весь окровавленный, без шляпы и без оружия, взобравшись при поддержке двух слуг на лошадь, пустился наутек. Тамайю пздал печленораздельный, похожий на рычание волк, при мысли, что этот негодяй может ускользнуть от него. Увидев поблизости несколько оседланных лошадей, которые остались без хозяев, очевидно убитых или раненных в бою, он, не раздумывая, вскочил на одну из них и крупной рысью помчался вслед за Мохикой. Копь, повинуясь всаднику, пожирал пространство с такой быстротой, что Тамайю успокоился, твердо надеясь нагнать всадника. Удивленный резвостью лошади, он прищелкнул к ней внимательнее и с радостью увидел, что это Асусена — кобыла, которую Валенсуэла отнял у Эрикильо.

Мохика, узнав своего преследователя, старался выиграть расстояние, яростно вонзая шпоры в бока своего коня. Но где ему было тягаться с быстроногой Асусеной?! Полумертвый от ужаса идальго видел, как с каждой минутой сокращается расстояние между ним и Тамайю. Измученный страхом, он внезапно остановил коня, решив сдаться на милость врага.

— Тамайю, — умоляюще заговорил он. — Чего ты от меня хочешь? Я в твоей власти: помоги мне выбраться отсюда, и я дам тебе все, чего ты пожелаешь.

В этот миг Тамайо остановил свою взмыленную разгоряченную кобылу рядом с Мохикой и, схватив его за руку, сказал со злоеющей усмешкой:

— Теперь ты мой, сын дьявола! Что это ты обещаешь дать мне? Твою жизнь — вот чего я хочу, и я не отдам ее тебе за все золото, которое ты награбил на этом свете.

И, угрожая книжалом, он приказал ему спешиться.

Мохика повиновался, дрожа и повторяя заплетающимся языком свои мольбы вперемежку с обетами божьей матери и всем святым. Бесплощадный Тамайо, сняв с пядьго перевязь шпаги — шпагу тот потерял раньше, когда бежал пешком, — связал ему руки и стал дожидаться товарищей, которые догоняли его, кто пешком, кто верхом. Перед каждым из них Мохика снова принимался причитать, умоляя сжалиться над ним.

— Не убивайте меня, голубчики! — говорил он. — Я буду вам лучшим другом; я попрошу, чтобы вас простили и оставили на свободе! Я отдам вам все, что у меня есть. Не лишайте меня жизни ради Христа, ради святой девы, ради святого Франсиско!

— Ради уroda из Ла Игеры, да? — откликнулся Тамайо, которому Эприке рассказал о гнусной шутке Мохики на собрании старейшин Сан-Хуана. — Не беспокойся, сейчас расплатишься за свое богохульство. Святой Франсиско сам отдал тебя в мои руки.

И, прекратив дальнейшие пререкания, индеец срезал недоуздок у первой подвернувшейся лошади и, сделав петлю, накинул ее на шею Мохике.

— Читай молитву, — сказал он ему.

— Какую молитву? — пролепетал тот, сам не понимая, что спрашивает.

— Какую угодно. Держите его крепче, — бросил Тамайо своим.

— Я не умею молиться, — закричал идальго, надеясь, что это спасет его.

— Тем хуже для тебя! Отправляйся прямо в ад!

И, произнеся эти слова, Тамайо безжалостно затянул петлю на шее Мохики, орудуя руками и ногами. Мохика закрыл глаза, но тут же они выкатились из орбит, лицо его побагровело, кровь перестала наконец лить из раны, и по всему телу пробежала предсмертная судорога. Когда он затих, его повесили на ближайшем дереве.

Посмотрев долгим взглядом на его помертвевшее лицо и окоченевшее тело, Тамайю сказал бесстрастным голосом:

— Он умер и больше не пернется. Это был самый страшный злодей во всей Ла Магуане. Да простит меня бог! Теперь я снова могу верить в него и в его справедливость.

Потрепав горделивую шею Асусены, Тамайю вскочил в седло и повернул назад к лагерю.

— Вот и еще одно доказательство, что бог справедлив, — продолжал он. — Как обрадуется Эприкильо, получив обратно свою кобылку.

Неожиданно он заметил какого-то понурого человека, который с трудом брел вниз по горному склону. Увидев всадников, он попытался скрыться в роще, но было уже поздно. Его задержали, и в этом жалком беглеце с кое-как перевязанной головой Тамайю узнал высокомерного тирана Андреса де Валенсуэлу.

Валенсуэла посмотрел на него с отчаянием и покорно спросил:

— Чего тебе надо от меня?

— То же спрашивал у меня только что твой дружок Мохика, — жестко произнес Тамайю. — И я ему неплохо ответил. Но от тебя я и вправду не знаю, чего мне надо. Пожалуй, святой Франсиско и тебя послал прямо мне в руки. Но Эприкильо даровал тебе прощенье...

Тамайю говорил, не зная, на что решиться. Ему не терпелось покоячить с Валенсуэлой тем же способом, что и с Мохикой, но он не осмеливался заходить так далеко в своем неповиновении.

Вдруг он снова собрал поводья и сказал Валенсуэле:

— Следуй за мной. Мне от тебя пужно немного.

Они добрались до того места, где висел Мохика. Валенсуэла не сразу признал его в болтавшемся на веревке мертвец.

— Взгляни на своего дружка, товарища всех твоих злодеяний, — свистящим, словно горный ветер, голосом сказал Тамайю, показывая на повешенного. — Эприкильо в тысячу раз лучше его и тебя, а вы обращались с ним как с подлым рабом. Ты убедился в его превосходстве, когда он простил тебя. И я, хоть мне с ним не сравняться, тоже прощаю тебя ради него. Но слушай меня хорошенько, Валенсуэла. Перестань творить зло, не обижай несчастных, не позорь бедных женщин, постарайся стать хоро-

шим христианином, каким был твой отец. Не то, клянусь, я убью тебя, где бы ты ни скрывался. А теперь уходи прочь! — крикнул он в испуге. — И никогда сюда не возвращайся.

Пораженный ужасом Валенсуэла выслушал наставление Тамайю, как приговор самого неба, и побрел дальше, едва передвигая онемевшие ноги.

XLIV ВОЙНА

Карейбана была первым крупным поселением по дороге из Баоруко в Ла Магуану. Туда начали стекаться остатки разбитого войска, чтобы передохнуть и позаботиться о раненых. Валенсуэла добрался до деревни только к вечеру. Кое-как утолив голод и перевязав рану, он свалился, сраженный усталостью, и проспал мертвым сном до утра.

Наутро он стал искать какую-нибудь лошадь, готовый дать за нее любую цену, но лошадей не было. Слабый, разбитый, не в силах сделать больше ни шага, Валенсуэла не знал, как быть. И тут перед ним появился верхом на Асусене один из его надсмотрщиков, тоже попавший в плен, и вручил ему письмо от Эприкильо.

— Меня захватили вчера вечером, когда я заблудился в горах, а сегодня утром каспк отпустил меня на свободу и послал к вам, — объяснил неожиданный вестник.

Валенсуэла прочел письмо:

«Меня очень огорчило, сеньор Андрес, самоуправство Тамайю. Но советы, которые, по его словам, он дал вам, я одобряю. Дай бог, чтобы сердце ваше смягчилось и вы их выполнили. Сохраните эту лошадь на память обо мне и вашем добром отце. Теперь, когда я перестал быть рабом и обрел прежнюю свободу, я могу подарить ее вам. Если вы выполните слово, данное вами долье Эльвпре, это будет мой свадебный подарок, и он принесет вам счастье. Передайте поместье Менсии дону Диего Веласкосу от нашего имени. Пусть оно будет уплатой моего долга за его отцовское попечение. Шлю вам привет.

Эприке»

Прочтя это необыкновенное послание, Валенсуэла погружился в печальное раздумье. Потом он тщательно сложил письмо и спрятал у себя на груди. Дав лошади немного отдохнуть, он сел в седло и направился в Ла Магуану.

Весть о неудаче, постигшей в Баоруко военные силы Сан-Хуана, облетела всю область и вызвала всеобщее изумление. «Эрикильо восстал». «Индийцы разбили кастильцев в Баоруко». Эти слова передавались из уст в уста, сопровождаясь все новыми подробностями, прикрасами и выдумками, на которые всегда гораздо досужее воображение. Бадильо решил, что ему выinal великолепный случай покрыть себя славой без особых хлопот. Он созвал всех способных носить оружие жителей Ла Магуаны, запросил помощь в Асуа и в течение недели собрал хорошо вооруженный и снаряженный отряд в двести пятьдесят человек. Можно ли было предположить, что мятежники Баоруко устоят перед такой силой? Наместник губернатора, горя воинственным задором, выступил со своим отрядом в полной боевой готовности, заранее обдуманная кару для Эрикильо и его непокорных индейцев.

Но силы повстанцев росли, словно чудом. Весть о первой победе пробудила мужество в робких душах, и со всех сторон в Баоруко сненили толпы индейцев, стремившихся завоевать свободу и разделить брапные труды и опасности с Эрикильо и его воинами. Одним из первых пришел родич касика по имени Ромеро. Он был моложе Эрикильо, но не уступал ему ни в мужестве, ни в военном искусстве. Вскоре он доказал и свою отвагу и умение подчиняться приказам вождя.

А Эрикильо, словно всю жизнь готовился к ведению этой войны, успешно и мудро командовал прибывающими подкреплениями. С первого взгляда он определял, на что способен каждый воин, и находил ему задачу по силам. Он выделял особо следопытов и лазутчиков, которые никогда не действовали в одиночку, а всегда отправлялись выполнять поручение вдвоем или втроем, чтобы можно было по очереди свать и следить за врагом. Из самых ловких и сильных он образовал горный отряд, который ежедневно в течение многих часов упражнялся в подъемах на пики и вершины, прославившие недоступными для человека. Прыгая с ловкостью лани со скалы на скалу,

ползая как змея по отвесным каменистым стенам, цепляясь за ветви кустарника, они завоевывали для мятежников Баоруко эти недоступные горы.

Все свободные обитатели лагеря неустанно учились владеть копьем, шпагой, пращей и арбалетом. После первой победы над врагом в распоряжении Энрикильо осталось несколько аркебузов. Но пороку было мало, и поэтому выстрелом из аркебуза пользовались лишь изредка, как сигналом. Зато страшнее любой артиллерии того времени оказались в ловких руках индейцев огромные камни и обломки скал. Обвязав их веревками и установив соответствующим образом, мятежники готовились обрушить смертоносный груз на противника во всех узких ущельях и глубоких оврагах, пересекающих чудовищный горный лабиринт.

И, наконец, чтобы завершить организацию своей маленькой республики, Энрикильо создал совет касиков и военачальников, — совмещающий в себе и сенат и муниципалитет, — который заботился о нуждах бродячего племени. Однако во всех важных случаях осмотрительный вождь последнее решение оставлял за собой. Он понимал, что единство власти является необходимым условием для поддержания надежной обороны и порядка в жизни, полной грозных опасностей.

Кроме того, из самых верных людей Энрикильо образовал боевой отряд, который немало помогал ему в сражениях, осуществляя все его военные хитрости. Среди оружия и снаряжения, которое восставшие касики похитили у своих хозяев, были две стальные кольчуги, — одну из них поднесли в дар Энрикильо. Тут ему пришла мысль, что можно смастерить нечто вроде панцирей или кирас, сплетая их из просмоленных волокон шты и крученых веревок. Тогда индейцы будут защищены от ударов шпаги и, чувствуя себя в безопасности, станут еще отважнее. Впоследствии это изобретение было усовершенствовано: руки и ноги тоже удалось прикрыть плетеными кольчугами, и индейцы, научившиеся свободно двигаться в своих грубых доспехах, стали походить на настоящих солдат.

Когда почти все приготовления были закончены, Энрикильо получил известие, что Бадильо выступил против него во главе своего войска. Касик обратился к своим

воинам с короткой горячей речью, он обещал славу и почет отважным и поклялся жестоко карать трусов.

В трех главных ущельях Эрикильо поставил по сильному передовому отряду во главе с Тамайю и двумя другими достойными начальниками. Каждый отряд был снабжен большими перламутровыми раковинами, известными под индейским названием «ламбуо». Раковины эти звучали как огромный рог, и с их помощью отряды сообщались между собой, подавая условные сигналы. Ромеро с сотней воинов должен был устремиться на помощь туда, где завяжется бой с главными силами врага, а Эрикильо — вести наблюдение и в пужный момент напасть на Бадилью с тыла.

Таково было расположение бойцов Баоруко, когда наступающее войско достигло отрогов сьерры и вступило в главное ущелье, защита которого была доверена опытному и бесстрашному Тамайю. Он занимал со своим отрядом вершины отвесных скал. Глядя на эти голые острые выступы, трудно было предположить, что они могут служить человеческим существам наблюдательным пунктом, арсеналом и крепостью. Тамайю спокойно поджидал, пока воители из Сап-Хуана войдут в узкую горловину, пролегающую у подножия его горного убежища, чтобы обрушить на них град увесистых камней, которые должны были не только уничтожить многих солдат Бадилью, но и завалить выход из ущелья, внести панику и замешательство в ряды противника. Вот прозвучал рог Тамайю, и в ответ затрубили другие, возвещая, что сражение началось, и указывая, где пужна помощь. Бадилью, испугавшись, как бы в этой узкой щели все его солдаты не оказались перебиты обломками скал, сыпавшихся будто с самого неба, дал сначала приказ прорваться через проход, но тут же понял, что это невозможно. Все ущелье было загромождено огромными глыбами, между которыми могли пройти одновременно только два человека, а камни продолжали падать, круша и распластывая людей. Новоявленный полководец потерял голову. Сбитый с толку, не соображая, что делает и говорит, он дал приказ об отступлении и сам как полоумный бросился бежать.

Тут смятение и разброд в рядах воинов Бадилью достигли предела. Те, на кого сыпались камни, стремились

вырваться из ловушки, безжалостно толкая и топчая своих товарищей. Неожиданно на одном из склонов ущелья появился со своими людьми Ромеро и ринулся вниз, разя копьем и пикагой сбившихся в кучу, словно затянутых водоворотом воителей из Сан-Хуана. Некоторые из них храбро зацципались, сражаясь с врагом один на один. Бадильо несколько приободрился, увидев, что каменный град прекратился и лишь немногие из горцев решаются действовать холодным оружием. Но недолго он радовался. Тамайо со своим отрядом бросился с вершины вслед за последними камнями и, испуская воинственные клики, со пикагой в руке, напал на воинов Бадильо, вовремя поддержав бесстрашного Ромеро. И тут по горам прокатился мощный зов охотничьего рога, наполнив ужасом сердце Бадильо и поразив страхом самых испытанных его воинов. Этим торжественным воинственным маршем возвестил о своем приближении Энрикильо. Индейцы приветствовали его восторженными криками, и имя вождя прозвучало как боевой клич, вдохнуло новое мужество в души воспринявших горцев, завершивших полный разгром врага.

Тамайо, пылкий неутомимый Тамайо преследовал разбитых наголову беглецов. Неразумный Бадильо, потерпевший поражение из-за своего бахвальства, позорно бежал, следуя по глухой тропе за охотником, указывающим ему путь. Каждый спасался, как мог, и многие нашли свою гибель в бездонных пропастях и обрывах.

Слова хрипло завывли морские раковины, на этот раз призывая победителей остановиться и прекратить преследование. Пролилось уже немало крови, и великодушный вождь не хотел новых убийств. Но Тамайо был слишком далеко и не слышал или не хотел слышать призыв к милосердию. Прошло почти четверть часа в напрасном ожидании. Тогда Энрикильо, в сопровождении своих воинов, спустился вниз по крутому склону, по которому раньше промчался его помощник, яростно преследуя главные силы разбитого врага. Достигнув подножья горы, касик увидел среди деревьев, в нескольких шагах от тропы, Тамайо и его людей, которые были заняты странной работой. Все стояли полукругом у высокой кучи поленьев, загромождавшей почти до самого верха вход в большую

пещеру, а Тамайо поджигал смоляным факелом сложенные под поленьями тошкие сучья. Пламя жадно лизало сухое дерево и рвалось вверх. Густой дым клубами поднимался над костром и почти весь уходил в мрачную дыру грота. Тамайо в свирепой радости любовался своей работой.

— Что ты делаешь? — нетерпеливо спросил Эрикильо.

— Ты же видишь, каспк, — отвечал помощник. — Выкуриваю тех, кто там спрятался.

Едва Эрикильо услышал этот ужасный ответ, как стремительно ринулся на Тамайо и, отшвырнув его в сторону, в одно мгновение разметал пылающий костер, далеко разбрасывая горящие поленья. Его воины поспешили к нему на помощь.

— Злодей! — воскликнул герой в негодовании. — Так-то ты выполняешь мои наставления.

И, встав перед дымящимся входом пещеры, громко крикнул:

— Выходите все, ничего не бойтесь! Эрикильо отвечает за вашу жизнь.

Услыхав эти слова, несчастные, которые считали себя уже погребенными в мрачном чреве горы, где пытались найти спасение, вышли один за другим, полузадохшиеся, почти слепые от дыма.

Эрикильо сосчитал их: тут было шестьдесят два воина Бадильо.

— Идите с миром к Ла Магуану или куда вам угодно, — сказал он им. — И передайте тиранам, что я и мои индейцы умеем защищать свою свободу, но мы не палачи и не злодеи. А ты, Мартин Альфаро, — обратился он к стоявшему рядом статному индейцу, — возьми с собой охрану и проводи этих людей в долину до безопасного места. Ты отвечаешь за них головой.

Спасенные от смерти с благодарностью поднимали к небу сложенные руки и наперебой благословляли своего спасителя. Один из них подошел к великодушному вождю и, поцеловав ему руку, сказал:

— Выслушайте меня, сеньор Эрикильо; повзав в эту беду, я дал обет богу посвятить ему остаток своих дней, если он спасет меня от пещерной смерти. Я выполняю свой обет и до конца жизни буду молиться о вашем счастье.

Как только отпущенные на свободу пленники двинулись в путь под охраной Мартина Альфаро, Эрике повернулся к Тамайю, который с мрачной яростью наблюдал за происходящим, стоя на том же месте, куда отбросила его могучая рука вождя. Эрике стал сурово выговаривать ему за проявленную жестокость.

— Ведь я говорил тебе, Тамайю, не надо оскорблять бога, поступая так бесчеловечно, как поступил ты с Мохикой. Убивать побежденных не пристало тем, кто борется за справедливость.

— Знаешь ли, Эрикильо, — угрожающе ответил Тамайю, — если так пойдет дальше, мы с тобой добром не кончим. Враги разят нас огнем и мечом, а ты рад бы встречать угощением и цветами тех, что приходят убивать нас.

— Ошибаешься, Тамайю. Я хочу вести войну ради счастья моего народа, а не ради удовольствия творить зло. И вот тебе доказательство: вернемся сейчас в лагерь, там ты отдохнешь до того часа, как взойдет луна, а потом спустишься со своим отрядом в долину и пригонишь нам весь скот, который встретишь по пути отсюда до Карейбаны.

Тамайю вздохнул с облегчением — такая задача была ему по душе. Его досаду как рукой сняло, и он пообещал, что во всем будет подчиняться приказам Эрикильо.

Но когда вечером следующего дня он вернулся из побега, пригнав в лагерь более ста голов скота, касник с ужасом увидел на его шее ожерелье из шести отрубленных человеческих ушей. Эти уши принадлежали трем скотоводам из Карейбаны, которые погибли, мужественно защищая свой скот.

Варварские трофеи и свирепая жестокость, которой, видимо, гордился Тамайю, вызвали в душе Эрикильо горечь и негодование. Вместо ожидаемой похвалы он обратил к грозному индейцу с суровым увещанием, которое тот выслушал с заметным нетерпением.

— Я уйду от тебя и буду вести войну по-своему, — высокомерно произнес Тамайю, когда Эрикильо кончил свою отповедь.

— Ступай, коли хочешь, — печально ответил Эрикильо. — Иди и бери с собой всех, кто, как и ты, жаждет крови. Я — христианин, и пет этой ярости в моем сердце.

— Ну что ж, Эрикильо, лучше мне уйти. Завтра же я покину Баоруко вместе с товарищами, которые захотят последовать за мной, и стану вести войну так, как научили меня христиане Испании.

— Ты свободен, Тамайю. Иди, а если не выдержишь, возвращайся в Баоруко, и будем воевать вместе, по-моему: чтобы бороться с тиранами, а не ради того, чтобы проливать кровь.

После разгрома Бадилью у восставших индейцев оказалось много оружия и лошадей, которых Эрикильо укрыл в надежном месте: теперь всадники из Баоруко объезжали как хозяева все близкие долины. Имя Эрикильо переходило из уст в уста, и вся колония узнала об одержанной им второй победе. В столице власти были поражены столь неожиданной вестью. Монахи-иеронимиты уже вернулись в Испанию, и теперь островом правили аудиенсия и коронные чиновники. По всем городам был дан приказ о наборе рекрутов, формировались отряды. Решено было окружить повстанцев Баоруко и потопить восстание в крови.

В разгар этих приготовлений из Испании прибыл адмирал Диего Колумб, а вслед за ним Лас Касас, который собирался отправиться на материк и там осуществить опыт мирной колонизации побережья Кумана. Власть Эспаньолы, как обычно, чинили ему всевозможные помехи, в надежде отвлечь его от благочестивого намерения. Тогда, желая отделаться от коварных и злобных врагов, священник решил вступить в сделку с недобросовестными судьями и чиновниками и предложил им выгодные дела и должности в новой колонии. Только тогда удалось ему благополучно отбыть из Санто-Доминго. Как остроумно писал прославленный защитник индейцев, ему пришлось «кушать Евангелие, раз не хотели отдавать его даром».

Когда Лас Касас прибыл на Эспаньолу, он с огорчением узнал о восстании Эрикильо и о причинах, его вызвавших. Обо всем этом ему рассказал Камачо, который после поражения Бадилью был вынужден переехать в Санто-Доминго, спасаясь от общей неприязни, преследовавшей его в Сан-Хуане. Через некоторое время по-

явился в Санто-Доминго и Андрес Валенсуэла. Адмирал велел заключить его в тюрьму и возбудить против него судебное дело, с обвинением в преступном тиранстве, которое вызвало столь серьезные беспорядки на острове. Лас Касас, подавив гнев и отвращение, вызванные в нем злодеяниями несчастного идадьго, решил в память его благородного отца посетить Валенсуэлу в тюрьме и, разъяснив ему урок, преподаваемый самой судьбой, попытаться склонить его к лучшим чувствам. Каково же было изумление священника, когда вместо высокомерного, закостеневшего в своей гордыне Валенсуэлы он увидел большого, удрученного горем человека, который, смиренно простершись ниц, со слезами раскаяния благодарил его за то, что он милосердно не покинул грешника в заслуженном несчастье. Благородный Лас Касас был глубоко тронут неожиданной победой совести: он, как мог, утешил Валенсуэлу, поддержал его дух, уговорив надеяться на милосердие божие перед лицом суда земного, и обещал употребить все свое влияние в переговорах с адмиралом и другими властями.

Ююша подробно описал все обстоятельства своего поражения в Баоруко: стыд и унижение, испытанные им, когда он был побежден и прощен Эприкильо, которого ранее презирал не меньше, чем «лавоз на дороге»; ужас, поразивший его, при виде болтавшегося на веревке Мохики; жестокость Тамайю, столь отличную от милосердия и великодушия Эприкильо; свое глубокое убеждение, что все это, особенно суровые наставления Тамайю, явилось предостережением и призывом, посланными ему с неба, дабы увести его с дурного пути и уберечь от вечной гибели. И, наконец, он поведал, какое впечатление произвело на него в Кариббана дружеское письмо Эприкильо, который отдал ему Асусену и просил его исполнить обещание жениться на дочери Эльвире. Все эти душевные потрясения, постигшие его за немногие часы, не прошли даром: он искренне раскаялся в грехах, решил изменить свою дурную жизнь, впредь творить лишь добро, насколько хватит его сил, и жениться на Эльвире, если она сохранила к нему свои чувства.

С радостью слушал Лас Касас покаянные речи Валенсуэлы и не только поддержал его похвальные намерения, но и предложил ему помощь в их выполнении. С присутствующей ему энергией священник начал хлопоты, и уже на

третий день, при помощи Алопса Суасо и других влиятельных особ, Валенсуэла вышел из тюрьмы. Через две недели он стал супругом Эльвиры Пименталя, причем посаженным отцом и матерью на его свадьбе были вице-король и вице-королева. Дон Андрес решил обосноваться в Санто-Доминго, чтобы ничто не напоминало ему о былой легкомысленной жизни в Ла Магуане. Затем он предпринял шаги для передачи поместья Менсия Диего Веласкесу, согласно просьбе Энрикильо. Но правитель Кубы был слишком богат и отклонил дар, сославшись на законы, принятые в Торо. Андресу Валенсуэле пришлось оставить поместье у себя, и он управлял им до самой смерти.

Покарал ли высший судья бывшего грешника в иной жизни или счел достаточным для него наказанием брак с легкомысленной Эльвирой — этот вопрос мы не беремся решать, не располагая достаточными данными. Нам известно только, что Валенсуэла, смирившись душой, жил после женитьбы как добрый христианин и сострадал чужому горю. Славный дон Франсеско, глядя с небес на своего сына, мог радоваться, что добрые семена, посеянные его благородным примером, дали наконец всходы.

XLVI

РАЗУМ ПРОТИВ СИЛЫ

Многое еще сделал Лас Касас, прежде чем отправился на Санто-Доминго на южный материк. Ему удалось добиться, чтобы адмирал и другие власти, признав в восстании Энрикильо смягчающие вину обстоятельства, а в великодушном поведении победителя черты достойные похвалы, согласились не рассматривать его как обыкновенного бунтовщика и при замрении Баоруко не полагаться исключительно на силу оружия. Рассуждения Лас Касаса в пользу индейского вождя сводились к следующему, если воспользоваться его собственными словами на собрании представителей власти в присутствии адмирала:

«Сколь справедлива война, которую ведет против испанцев Энрикильо, — говорил Лас Касас, — и сколь справедливо решение индейцев восстать и, подчинившись Энрикильо, избрать его своим владыкой и повелителем, —

ясно доказывает нам история Маккавеев, палоченная в Священном писании, а также история деяний инфанта дона Пелайо, который не только начал справедливую войну по праву естественной защиты, но и сумел ответить мстостью и карами за нанесенные ему оскорбления и ущерб, за смерть и разорение его людей и захват его земель, действуя на основании естественного права человека, а поему подобную войну следует называть не войной, а естественной защитой. Еще более несомненны права Эрике; он — настоящий принц, и, кроме него, на острове не осталось ни одного повелителя или принца. Нет, никогда не было на этом острове правосудия и никогда не давало оно удовлетворения индейцам, исконым местным жителям; а там, где нет правосудия, должен вопить его сам обиженный и угнетенный. Все вышесказанное не умаляет вышней и всеобъемлющей власти королей Кастилии в этом мире, если они получили ее и пользуются ею так, как надлежит ее получать и ею пользоваться, ибо все должно подчиняться порядку и руководствоваться не прихотью человеческой, а велениями разума; подобно тому как все твари божии разумом руководствуются и управляются».

Судьи и коронные чиновники, как ни хотелось им, не осмелились возразить на эту речь. Они чувствовали, какая тяжкая ответственность ложится на их плечи за все злоупотребления и полное забвение справедливости, явившееся, по словам честного священника, причиной жестоких волнений на острове. Вот почему все пришли к единодушному соглашению и порешили, что тем временем, как военные силы, под водительством опытного и доблестного военачальника Иньиго Ортиса, будут готовиться к битве с Эрикильо, в Сан-Хуане обоснуется сам судья-ревизор Алонсо Суасо, чтобы, с одной стороны, наблюдать за военными приготовлениями, а с другой — попытаться поладить с Эрикильо добром, дав ему самые широкое обещания.

Лас Касас отправился в Кумана, чтобы основать там образцовую колонию. Он надеялся придать завоеванию Нового Света характер, согласный с принципами человеколюбия и цивилизации, которые до сих пор были чужды завоевателям. Но на материке его ждала новая борьба и бесчисленные новые препятствия. Все благородные стремления разбивались об упорство и хитрость грубого

корыстолюбия, не желавшего упускать свою добычу. Меньше чем через год Лас Касас вернулся на Эспаньолу. Вскоре он узнал, что индейцы, доведенные до отчаяния жестокостью бездушных рыцарей наживы, покараны страшной смертью монахов, оставленных им в Кумапа. Истерзанная душа Лас Касаса исполнилась горечью, и, надев монашескую рясу, он укрылся в доминиканском монастыре города Санто-Доминго. Тут, в тиши мирской обители, он написал большую часть своей бессмертной Истории Индии.

Здесь мы упоминаем о благородных трудах прославленного защитника индейцев лишь в той мере, в какой они касаются главной темы нашей книги, то есть освобождения жалких остатков индейского населения Гаити. Другое неподражаемое перо, гордость испанской литературы нашего века, — верный выразитель пламенной души, способный понять и показать нравственное величие падре Лас Касас, — достойно представило восхищению честных людей славные труды и добродетели знаменитого мужа, славы Испании, великого среди величайших героев всех времен.

XLVII

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Восстание Энрикильо настоятельно требует от нас внимания, так же как в свое время требовало оно от Алонсо Суасо всей его политической ловкости, а от Иньиго Ортиса его военной опытности.

Итак, поселившись в Сан-Хуане, лицензиат Суасо в течение месяца послал к Энрикильо одного за другим пятых послых. Прежде всего он предложил ему полное прощение и безопасность, поручившись, что ни касик, ни его ближайшие товарищи не будут отданы в энкомьенду кому бы то ни было, что им дадут средства для безбедной жизни, а остальным индейцам — возможность работать там, где они пожелают, выбрав труд по своим силам. На это послание Энрикильо ответил устно и велел гонцу передать Суасо, что он не сложит оружия, пока томится в рабстве хоть один индеец на Эспаньоле. Вскоре явился второй гонец с новым посланием, в котором Суасо пред-

лагал касяку передать свои условия на суд адмирала и аудиенции и, кроме того, настойчиво просил его согласиться на личное свидание, обещая ему охранную грамоту.

Этот гонец воротился с решительным отказом. Энрике указал на смехотворность всех охранных грамот и «грамот благоприятствования», сославшись на опыт с повелением судьи Фигероа, которым безнаказанно пренебрег Педро Бадильо. Третий посол Суасо бесследно исчез, — по общему убеждению, его перехватил и убил по дороге Тамайо. После этого ни один пленец не соглашался исполнять подобные поручения, и Суасо воспользовался услугами двух индейцев, но и они пропали без вести.

Тогда судья-ревизор понял, что все его усилия напрасны, и капитан Ортис, развернув знамена, двинулся во главе хорошо обученного вооруженного войска, в поход на Баоруко. По численности, снаряжению и воинскому порядку эти силы намного превосходили потерпевший неудачу отряд, а кроме того, Ортис был более искусным военачальником, чем чванливый и недалекосидный Бадильо.

Наступающие решили, прежде чем войти в грозную сьерру, разбиться на три части и проникнуть в горы по трем ущельям. Они взяли с собой свору охотничьих псов, возлагая на их помощь большие надежды. Однако надеждам этим не суждено было сбыться, благодаря мудрости и дальновидности Энрикильо, заранее позаботившегося о том, чтобы индейцы Баоруко тоже обзавелись собаками. Лишь немногие из псов Иньиго Ортиса, пущенных вперед на разведку, подняли лай, сообщая о близости противника. Остальные были дружески приняты своими сородичами или попали к Лупсу из Лагуны и другим касикам, хорошо знавшим собачьи повадки.

В том месте, где залаяли собаки, стояли индейцы касика Матайко; они вступили в бой с врагом и отважно сопротивлялись его натиску более трех часов. Но силы были неравны, индейцам пришлось отступить на более защищенные позиции, и трубный глас морских раковин разнес эту весть по горам.

В двух других ущельях бои шли с переменным успехом. Испанцы дрались упорно и потеснили индейцев еще в одном месте. После получасового кровопролитного сражения храбрый Ромеро тоже готов был отступить. Но тут

Эприкильо во главе своих отборных воинов обрушился на врага и, разя его холодным оружием, отбросил назад. Зловещий рев раковин, смешиваясь со звуками трубы, возвестил, однако, что и в других ущельях индейцы нуждаются в помощи. Тогда Эприкильо, воспользовавшись временным превосходством над отрядом, которым командовал сам Ортис, велел Ромеро постепенно отводить своих воинов от одной укрепленной позиции к другой, завлекая воинственного испанского вождя в главный лагерь. Тем временем сам Эприкильо собирался оказать помощь Матайко.

Такой же наказ — отступать к главному стану — Эприкильо дал и воинам, сражавшимся в третьем ущелье. Этот маневр был успешно проделан, а Эприкильо, ринувшись на испанцев, которые преследовали Матайко, пробился к нему, нанеся большой урон неприятелю. Затем оба камика, якобы отступая, тоже направились в глубь гор.

При всей своей опытности, а может быть, и благодаря ей, Ортис подумал, будто сопротивление индейцев ослабло, и решил завершить победу, захватив место, которое по неточным сведениям считал главной ставкой врага. Оставив Ромеро сдерживать наступление Ортиса, Эприкильо тем временем вместе с остальными индейцами занялся переправкой из лагеря оружия, продовольствия и всего сколько-нибудь полезного или ценного имущества. Женщины и раненые были переведены в другое место заранее.

Когда перемещение было закончено, Эприкильо подал условный знак Ромеро, чтобы тот, отступив, открыл путь Ортису и его воителям. Этот приказ был выполнен столь искусно, что испанский военачальник и впрямь поверил в полное поражение противника и льстил себя надеждой завершить победу, заняв главный лагерь.

Около трех часов дня это и произошло. Иньиго Ортис разместил своих воинов в просторных индейских хижинах и, видя, что люди устали и голодны, отложил на утро преследование тех, кого считал разбитыми наголову. Солдаты поели, отдохнули, и ночь прошла спокойно в горах, озаренных фантастическим светом пылающих костров.

На рассвете Ортис разослал дозоры с приказом обследовать ближайшие горные склоны. Не прошло и полчаса, как они воротились один за другим и доложили, что все проходы заняты внушительными силами повстанцев

и все попытки выбить их из удачно выбранных позиций оказались тщетными. Ортис начал догадываться, что попал в ловушку, но из осторожности скрыл свои подозрения и велел проверить ущелья, взятые приступом накануне. Очень скоро он убедился в том, что окружен со всех сторон.

Попытаться проникнуть в глубь сьерры было бы безумием, испанский военачальник и не помышлял об этом. Он решил вырваться из кольца и, сосредоточив все силы в один кулак, стал пробиваться через ущелье, которое сам недавно иштурмовал. И снова путь ему преградил Ромеро с хорошо вооруженными воинами. Он вступил в бой, обрушив с высоты на солдат Ортиса целую лавину камней. Ортис, не дрогнув, взял иштурмом вершину, поднимавшуюся между двух пропастей, и там завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Испанцы начали теснить врага по всем направлениям, некоторые позиции Ромеро были захвачены: их защитники бежали, уstraшенные гибелью касиков Веласкеса и Майбоны, павших смертью героев. Но тут подоспел Энрикильо, а с ним пятьдесят вооруженных копьями воинов в силетепных из веревок кольчугах. Отвага и яростный натиск столь своевременно прибывшего подкрепления сразу изменили ход битвы; тяжелое копьё Энрикильо окрасилось вражеской кровью и в конце концов разлетелось в щепы, сломившись о железный панцирь кастильца, по горой выхватил короткую пшагу и продолжал сражаться. Следуя примеру вождя, его люди совершали чудеса храбрости, сам Ортис был тяжело ранен в левое плечо.

Авангард испанских сил, пользуясь отступлением Ромеро, бросился бежать вниз по ущелью, но обратная внимания на сигналы трубы, которыми аррьергард зывал о помощи. Ортис и окружавшие его воины считали себя погибшими: одни пытались спастись, осторожно спускаясь по тропам и расщелинам, другие паходили смерть на дне оврагов и пропастей.

Ортис, отделавшись двумя ранами в голову и десятком ушибов, остался в живых. Эти увечия и недавняя рана в плечо придавали ему достаточно жалкий вид. Следуя за сигналами труб, он пагнал свой авангард, остановившийся на холме уже за пределами страшного ущелья, которое, казалось, из-за каждого камня, из-за каждого

дерева изрыгало вооруженных индейцев. Ортис, собрав всех беглецов и раненых, подсчитал свои силы: у него оказалось всего двести тридцать человек. Остальные триста пятьдесят солдат и ополченцев погибли или попали в плен к Эрикилью.

Ортис послал донесение в Ла Магуану, и через три дня Суасо направил ему подкрепление, приказав снова выступить против повстанцев и примерно наказать их. Однако Ортис держался другого мнения и, не пожелав возвращаться в грозную сьерру, отправился в Карейбану лечить свои раны. Там он долго еще не мог прийти в себя.

С этих пор началась особая война, получившая название «наблюдательной». Она заключалась в том, что крупные отряды испанцев стерегли выходы горных ущелий, собираясь показать индейцам силу своего оружия, когда те сами выйдут из своих неприступных убежищ. Ничего лучшего не могли пожелать себе Эрикильо и его подданные. Горы Баоруко на некоторое время были избавлены от вторжений. И хотя жизнь по-прежнему подчинялась установленному военному порядку, за суровой грядой гор в плодородных долинах царили мир и изобилие. Только неукротимый Тамайо продолжал свои дерзкие пабеги, опустошая западные области острова и постепенно приближаясь к Ла Магуане, Комюстеле де Асуа и другим местам, расположенным далеко от Баоруко. Спокойствие и безопасность покинули остров: пользуясь всеобщим смятением, индейцы повсюду бежали от рабства и в лесах искали свободы. На месте оставались лишь те, что были непригодны для работы или поддались на уговоры хозяев. Беспорядок и разорение, воцарившиеся на острове, нанесли ущерб всему населению. Жалобы на грабежи, которые приписывались Эрикильо, хотя совершал их Тамайо, заставили власти дать приказ Ортису возобновить войну против Баоруко и строго охранять все входы и выходы сьерры, с тем чтобы зажать в тиски (это на территории в добрую сотню лиг!) и возможно скорее истребить Эрикильо вместе с его людьми.

Меж тем судье-ревизору Алонсо Суасо наскучила Ла Магуана, и он вернулся в Санто-Доминго. Он перевез туда донью Леонор де Кастилья, с которой обращался весьма почтительно, хотя она и не скрывала своей дружбы с каспком Эрикильо и обменивалась с ним письмами через верных гонцов. Иньиго Ортис, оправившись от ран,

продолжал жить в Карейбанае и осаждал адмирала просьбами послать ему смену. Его помощники, расположившись у подножья отрогов сьерры, изнывали от скуки, и на кастильцы не тревожили обитателей Баоруко, ни Эприкильо не разрешал своим воинам приближаться к позициям мирно настроенных кастильцев.

XLVIII ПЕРЕМНЫ

Это молчаливое перемирие помогло Эприкильо установить порядок в его обширных владениях. Индейцы, ворпущие сею свободу и человеческое достоинство благодаря уму, талантам и мужеству своего вождя, боготворили его и слепо повиновались каждому его слову. Эприкильо никогда не приходилось прибегать к суровым мерам, чтобы поддержать свою неограниченную власть над людьми, которые твердо верили, что сам бог повелел ему быть их стражем и спасителем.

Мудрость вождя и усердные труды индейцев вскоре превратили все горные склоны в почти сплошную череду полей, огородов, поселков и укреплений; рука человека, завершив дело природы, создала здесь неприступное убежище. В лагере не было ни праздности, ни лэзурительного труда. Время проходило в работе, развлечениях, воинских упражнениях, молитве и отдыхе. Звонкая трель соловья, приветствующего утреннюю зарю, хриплое карканье ворона, эхом отдававшееся в горах, появление сверкающих светляков, однообразный хор ночных сверчков — таковы были знаки, определявшие время смены занятий для трудолюбивых жителей диких горных высот. Европейская цивилизация, вырвавшая этих несчастных из детского невежества, вернула их девственной природе, наделив знаниями и любовью к свободе, труду и ремеслам.

В удобных местах выращивался мелкий и крупный рогатый скот, а также домашняя птица; расположенное недалеко озеро Лаго-Дульсе (ныне озеро Кристобалъ или Рикон) в изобилии снабжало индейцев рыбой. Когда Эприкильо не тяготили военные заботы, он любил проводить по несколько месяцев в году на большом озере

Кагуани или Харагуа, которое носит теперь имя Эприкильо. Посреди озера лежал прелестный остров, — этот чарующий зеленый уголок не раз служил приютом доблестному каску и его прекрасной супруге. Они переправлялись туда в больших каноэ или на пирогах. На островке были выстроены легкие хижины, обставленные если не роскошно, то удобно; а по всему берегу несли дозор караульные на случай неожиданного нападения.

У Эприкильо были превосходные лазутчики. Ни одно движение касильцев не оставалось незамеченным. Осмотрительный вождь подавлял все попытки врагов, действуя хитростью или силой оружия.

Воспользовавшись относительным спокойствием, Эприкильо решил выполнить одно из самых горячих своих желаний — достойно почтить память своего родича, знаменитого Гуароа. Он отправился на юго-запад сьерры, взяв с собой эскорт всадников и почти всех касков, из которых многие знали место, где погиб индейский вождь. Над этой безвестной могилой Эприкильо воздвиг памятник из огромных камней, величественный в своей скромности и суровой простоте, как облик павшего героя. Вместо лавров молодой вождь принес славные победы, одержанные им над былыми победителями Гуароа.

Восстание в Баоруко явилось как бы прообразом того упорного сопротивления, которое на протяжении четырех веков подрывало в Новом Свете право завоевателей. Возможно, испанские государственные деятели того времени, но достоинству оценившие восстание Эприкильо, поняли, что в нем проявился вечный закон природы, но скрыли это наблюдение в глубине своей совести. Писатели и поэты объясняли успехи и победы Эприкильо насквозью правотой и малодушием некогда грубых и закаленных завоевателей Эспальолы. Объяснение неприемлемое, поскольку в Мексике, Перу, в Кастилье де Оро продолжали свои легендарные подвиги многие из тех, кто потерпели поражение в горах Баоруко. Несомненно одно: Эприкильо, а вслед за ним и его индейцы достигли такого уровня цивилизации, который позволил им оценить силы европейцев-угнетателей и соразмерить с ними собственные силы, без боязливого дикарского суеверия, так облегчавшего неудержимое завоевание Америки, которому в равной мере способствовали легендарная отвага победителей и легендарная робость побежденных.

А как же переносила Менсия, благородная бесстрашная Менсия, опасности и лишения жизни в Баоруко? Мы почти не вспоминали об этом нежном создании с тех пор, как жестокая судьба и сильный возвышенный характер побудили ее уйти в горную глушь. Первое время она была задумчива и печальна, одиночество казалось ей ужасным в те дни, когда Эрикильо, ее любимый друг, был целиком захвачен созданием и обороной своего горного государства. Но когда отважный каск впервые явился к ней победителем, когда бросил к ее ногам сломанную пшату тицеславного Валенсуэлы, когда, еще овеянный пороховым дымом, он предстал перед ней великим и свободным, в ореоле героической доблести и вновь обретенного достоинства, — тогда сердце Менсии затрепетало от гордости и счастья, и, бросившись в объятия взволнованного воина, она в священном восторге покрыла поцелуями его мужественное лицо и дрожащими губами прошептала: «Мой великий, мой свободный мститель... таким я люблю тебя!»

Отныне Менсия легко переносила невзгоды и тяготы своей жизни и была счастлива. Она свыклась с опасностями и огорчалась, когда Эрикильо старался оберегать ее. Сама же она мечтала сопутствовать ему везде, видеть его в бою, воодушевлять его своим присутствием, а не только возносить за него молитвы богу...

Она вознаграждала себя, творя дела милосердия и принося людям добро. Раненые и больные благословляли ее, как небесное провидение, а юных девушек Баоруко она учила религии, добродетели, рукоделию и грамоте.

Аника тоже была почти счастлива. Излечившись от страсти к Эрикильо, она нашла в честной прямоте каска и добродетели Менсии пример для своей пылкой души. Былая страсть уступила место чистой и нежной привязанности к обоим супругам, но в то же время в ее сердце зародилась другая, более горячая привязанность, завершившая победу над недугом безответной любви, который терзал ее как тайная рана. Ее чувства, теперь более спокойные и разумные, обратились на другого. Целый месяц провела она у постели Васы, доброго и бесстрашного Васы, который был ранен, один защищая покинутый всеми индейцами пост, во время первого нападения кастильцев на Баоруко. Аника оценила благородство молодого каска, и оба, почувствовав, что любят друг

друга, поклялись терпеливо ждать того часа, когда их соединит святая церковь. Эрике и Менсия покровительствовали этой чистой любви.

Когда ратные дела не вынуждали каска покидать затерявшуюся в глуши прекрасную долину, где помещалось его тайное убежище, — прелестный уголок, казалось созданный по контрасту с мрачной и грозной картиной окружающих его величественных горных кряжей; когда супруги оставались вдвоем и отдыхали от мрачных мыслей, навеянных опасностью и разлукой, их счастливой жизни в долине Бурап или на острове Кабрас, посреди большого озера, могли позавидовать даже принцы, живущие в роскоши и богатстве.

XLIX УГОВОРЫ

Бескровная война шла в Баоруко не только в те дни, когда наученный горьким опытом Иньиго Ортис просил заменить его другим военачальником. И позднее, при капитанах Педро Ортис де Матпейсо и Педро де Сория продолжалась та же система наблюдения за подступами к сьерре. Педро Ортис попытался захватить Эрикильо. Он подослал к нему индейца, назвавшего себя родственником каска, и передал с ним мрвые предложения и обещания. Но Эрике догадался об истинных намерениях Ортиса и, пообещав явиться для переговоров, привел с собой самых испытанных своих воинов, которые, напад на сидевших в засаде кастильцев, разбили их и обратили в позорное бегство. Эрикильо велел повесить, как предателя, своего мнимого родственника и отныне был спокоен, что подобные вероломные попытки больше не повторятся.

Меж тем Тамайо, засевший со своими людьми в сьерре Мартиц Гарсия, расположенной на востоке от Баоруко, не раз совершал нападения в окрестностях Ла Магуаны. Свирепая жестокость, в отличие от умеренности и человеколюбия Эрикильо, сопровождавшая эти дерзкие набеги, вызывала у колонистов немалую тревогу. Во время последнего пребывания Диего Колумба на Эспаньоле, про-

длившегося до 1523 года, адмирал был настолько занят борьбой со своими противниками, что успел лишь подавить мятеж африканских рабов, убивших управителя принадлежавшей ему асьенды, близ реки Нисао. Диего Колумб сам поспешил на место происшествия; повстанцы были побеждены без труда, а те, кому удалось ускользнуть, прикинули к Тамайю, который, увеличив свои силы, стал совершать опустошительные набеги даже на границах области Асуа.

Власти, несмотря на неотступные настояния городов, особенно страдавших от этого бедствия, всячески уклонялись от создания нового войска, ибо королевская казна уже потеряла немалый урон от военных издержек. Однако неожиданный удар, нанесенный индейцами из стана Эрикилью, оказался более чувствительным для блюстителей общественной безопасности, чем все кровопролитные бесчинства Тамайю и его людей. В Санто-Доминго от берегов материка прибыл корабль, застигнутый в пути бурей и вынужденный бросить якорь в бухте близ отрогов сьерры Баоруко. Индейцы захватили корабль и весь экипаж. Прибывший на побережье касик велел отпустить на волю мореплавателей вместе с судном; но ценный груз, состоявший из золота и жемчуга, остался в руках у Эрикилью.

Узнав о столь тяжелой потере, королевские чиновники и судьи аудиенсии горевали и сокрушались так, словно у них вырвали сердце из груди. Тамайю мог сжигать целые селения, мог беспощадно убивать мужчин и женщин, совершать любые жестокости — это считалось в порядке вещей на острове, охваченном восстанием. Но осмелиться ограбить судно, везущее ценности! Это переходило все границы. Золото было истинным богом, и король требовал прежде всего, чтобы власти вернули похищенные сокровища, а потом уже, если будет возможно, установили на острове мир. Последовательность, характерная для всей системы правления.

Итак, было решено провести новый рекрутский набор и усилить гарнизоны, расположенные вокруг сьерры. Вместе с тем власти не отказывались от переговоров и дружеского соглашения. К этому времени уже ушел из жизни королевский казначей, неумолимый Мигель де Пасамонте, ненадолго переживший адмирала Диего Колумба, которого до самой могилы преследовал своей нелавлистью.

Коропные чиновники, узнав, что в Санто-Доминго паходится брат Ремихно, бывший наставник Эприкильо в монастыре Вера-Пас, воспользовались этим и, под предлогом служения богу и делу умиротворения, убедили монаха отправиться в Баоруко на ограбленном судне, в надежде, что ему удастся уговорить своего бывшего питомца лориуть богатую добычу. Когда корабль пришел в бухту, оказалось, что повстанцы, как всегда, настороже. Едва ступив на землю, брат Ремихно был захвачен в плен индейцами, принявшими его за лазутчика, и, несмотря на все его возмущение, ограблен и раздет чуть не донага. В конце концов он умолил отвести его к Эприкильо, который был неподалеку.

Увидев своего старого наставника в столь жалком состоянии, касик бросился к нему и, нежно обняв, попросил прощения за действия своих людей, оправдывая их тем, что они уже прослышали о наборе нового войска против них в Санто-Доминго и других местах. Затем он велел дать лучшую одежду падре Ремихно и его спутникам, накормил и напоил их, после чего приступил к переговорам.

Монах употребил все свои знания и красноречие, все свое влияние на душу бывшего ученика, пытаясь уговорить его оставить дурную жизнь и подчиниться кастильцам, которые обещают ему полное прощение и немалые выгоды. Но все красноречие брата Ремихно было тщетно: Эприкильо с благородным чистосердечием рассказал о перенесенных им оскорблениях, о своем справедливом недоверии к обещаниям тиранов и о твердом решении продолжать борьбу, пока корона не издаст закон об освобождении индейцев и не осуществит его на деле во всей колонии. Касик весьма к месту напомнил своему наставнику о чтении исторических сочинений в Вера-Пас и о Вирiate, восстание которого ученый монах восхвалял, как подвиг героической доблести.

Перед этим доводом брат Ремихно склонил голову, но все же просил Эприкильо быть великодушным и вернуть захваченные сокровища.

— Ради вас, падре, — отвечал Эприкильо, — я бы охотно это сделал, так же как ради Лас Касаса, которого люблю всем сердцем. Но эти сокровища пужны моим врагам, чтобы вооружить новое войско против

меня. Можете ли вы поручиться, что не таковы их намерения?

— Нет, сын мой, на это я не решусь. Меня лишь уполномочили склонить тебя к миру, и ты порадовал бы меня, если бы еще раз доказал свою умеренность и бескорыстие, вернув эти богатства.

— Пусть дадут мне ручательство, что не станут нападать на меня в моих владениях, — сказал Эприкильо, — и я тут же верну все богатства, они не нужны мне.

— Это твое окончательное решение? — спросил монах.

— Да, падре. Молю вас отнестись к нему с уважением, а главное, объясните все падре Лас Касасу, сеньору адмиралу и моему крестному Диего Веласкесу. Скажите им, пусть не считают меня неблагодарным...

— Падре Лас Касас так не считает, сын мой, — ответил брат Ремихно. — А дон Диего Колумб и дон Диего Веласкес покинули земную юдоль и отошли в лучший мир.

— Прими, господи, души их, — печально и проникновенно произнес Эприке.

Через несколько часов брат Ремихно, сердечно простившись со своим бывшим питомцем, поднялся на борт в сопровождении спутников, мужественно разделивших с ним все опасности. Корабль распустил белоснежные паруса и вскоре благополучно прибыл в Санто-Доминго.

L

ХОРОШИЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Губернатор Кубы Диего Веласкес умер в 1525 году, как поведал Эприкильо брат Ремихно. Последние годы жизни не были для него счастливыми. Звезда его закатилась с тех пор, как, заплатив черной неблагодарностью Диего Колумбу и Хуану Грихальве — людям, сделавшим все, что могли, для его возвеличения и богатства, — он присоединился к козлям Фонсеки против Колумба и лишил Грихальву заслуженной славы и прав на открытие и завоевание Мексики. Провидение сулило Эрнану Кортесу отомстить за эти благородные души и поразить

честолюбивого завосвателя Кубы тем же оружием неблагодарности.

Адмирал Диего Колумб, жертва непрестанных интриг, скончался через год после Веласкеса, ведя бесконечную тяжбу за свои права в Испании, вдали от любимой семьи.

Гонсало де Гусман, пользовавшийся покровительством Колумба, не раз имел случай проявить свои выдающиеся таланты и достоинства в сложных переговорах с испанским двором. Его по совету Марии де Толедо назначил молодой император на пост покойного Веласкеса. Так заплатила благородная вдова долг благодарности за верную и беззаветную службу Гусмана роду Колумбов.

Второй губернатор Кубы был человек великодушный и потому претерпел немало огорчений: его человеколюбивое отношение к кубинским индейцам вызвало серьезное недовольство и яростный отпор заносчивых колонистов острова, не менее жестоких и жадных до наживы, чем «верные слуги короля» на Эспаньоле.

Однако не будем удаляться от прекрасной Эспаньолы в погоне за умершими и ушедшими и, оставив губернатору или полубогу Кубы Гонсало де Гусману розы и тернии его высокого положения, вернемся в любимый край Великого мореплавателя, куда властно призывают нас события, оказавшие решающее влияние на ход восстания в Баоруко, руководимого доблестным и человеколюбивым Энрикилью.

Покуда брат Ремихио выполнял свою не слишком успешную миссию, аудиенсия Эспаньолы поручила искушенному и опытному воину Эрнандо де Сан-Мигелю, который принимал участие во всех кампаниях на острове со времен завоевания, трудную задачу: покорить Баоруко силой оружия. Он уже собирался покинуть Санто-Доминго, чтобы приять командование над войсками, собранными на ближних подступах к сьерре, когда из Испании прибыл знаменитый епископ дош Себастьян Рамирес, к своему высокому духовному сану присоединивший звание губернатора Эспаньолы и председателя аудиенсии. Как служитель церкви он стремился отметить свое правление печатью мира и милосердия.

Узнав о последних событиях на острове, епископ не позволил капитану Сан-Мигелю выступить ранее возвращения брата Ремихио из Баоруко. Когда же монах вернулся и дал отчет о требованиях, действиях и речах

Эприкильо, прелат сообщил испытанному воплю свои разумные наказания. В то же время он написал императору Карлу V обширное донесение, в котором говорилось, что остров не знает ни мира, ни безопасности: население его непрерывно убывает, торговля парализована, ремесла заглохли и близится полное разорение. Таков плачевный результат восстания Эприкильо и тираннического правления испанцев, послужившего причиной и этого трагического события, и быстрого вымирания индейской расы.

Затем прелат-губернатор поведал о мужестве и человеколюбии индейского вождя и советовал склонить его к мирному соглашению, пойдя на большие уступки, дабы хоть сколько-нибудь возместить ущерб, нанесенный Эприкильо и его соплеменникам, которые потеряли свою свободу и имущество, а многие и самую жизнь.

Сан-Мигель отбыл в Баоруко, дав обещание во всем следовать благородным указаниям прелата. Энергия и настойчивость старого воина, позволившие ему проникнуть в грозные ущелья прославленной сьерры, достойны восхищения. В своем мирном походе он проявил больше решимости и отваги, нежели его предшественники, силой оружия оспаривавшие горные кручи у защитников Баоруко.

Добравшись морем до порта Хакпмо, Сан-Мигель стремительным броском проник в горы, воспользовавшись беззаботностью индейцев, занимавших эту часть мятежной территории, знакомой ему еще с той поры, когда он сопровождал Диего Веласкеса в походе против Гуароа.

Вот почему для него оказалось нетрудно пройти почти до сердца горного лабиринта, произведя великий переполюх среди забывших об осторожности подданных Эприкильо. Однако индейцы успокоились, когда узнали, что Сан-Мигель пощадил захваченных в плен повстанцев и, расспросив их о местопребывании главного вождя, отпустил на свободу, а также строго-настрого приказал солдатам не разорять встречающиеся по пути поля и огороды и брать лишь то, что хозяева согласятся продать добровольно. Таким образом ему удалось за два-три дня беспрепятственно подойти на близкое расстояние к жилищу Эприкильо и Менсии в Бурене.

Там он встретил отряд повстанцев, решительно преградивших ему путь. Командовал ими Альфаро, один из лучших индейских военачальников. Он отказался

вступить в переговоры с Сан-Мигелем и стал обстреливать его людей из пращей и арбалетов, вызывая их на бой.

Тогда начальник кастильцев нанес стремительный удар Альфаро и захватил занятую им вершину. Защитники ущелья, опасаясь за жизнь Эврикильо, послали к касику гонца с вестью о вторжении. Никогда еще за все время восстания противник не достигал подобного успеха. Эврикильо, услышав дурные вести, не потерял обычного присутствия духа и послал Васу собрать отряды, охранявшие главные ущелья. А сам встал во главе немногих находившихся при нем воинов, опоясался шнагой и в сопровождении двух молодых оруженосцев, несущих его боевые копыя, вышел навстречу Сан-Мигелю, который повел уже своих людей на штурм новых позиций Альфаро.

Надо было видеть, как доблестный, поседевший в боях старый воин, в тяжелых боевых доспехах, показывая пример ловкости и бесстрашия своим солдатам, взбирался по горной круче, словно в лучшие дни своей юности. Эврике заметил его еще издали. Как всегда преклоняясь перед проявлением величия, касик решил без крайней необходимости не вступать в бой с мужественным старцем.

Он занял со своими людьми гребень высокой горы напротив крутого склона, по которому поднимался испанский воин. Между двумя скалистыми громадами лежала пропасть, и из ее мрачной глубины доносился грозный рев могучего потока.

Эриандо де Сан-Мигель, с трудом достигнув перевала, неожиданно увидел перед собой неподвижную статую и замер, пораженный ее воинственным видом. Эврикильо действительно был подобен статуе. Облаченный в латы, он стоял, правой рукой опершись на сверкающее сталью копьё, а левую небрежно опустив на рукоять шнаги. Спокойно и невозмутимо наблюдал он за усилиями кастильцев, карабкавшихся вслед за своим неутомимым пождем по опасным крутизнам. Солнце, ослепительное полуденное солнце волнами света заливало живописную картину и вспыхивало яркими отблесками на стальных копьях индейских воинов и сверкающих доспехах кастильских солдат.

— Кто это? Эврикильо? — крикнул, обращаясь к нему, Сан-Мигель.

— Да, я Эврике, — просто ответил касик.

— Вас-то я и ищу, слава бог! — проворчал старый капитан.

— Слава богу, что тот, кто искал, нашел меня, — не дрогнув, ответил Эврикильо. — Кто вы? — спросил он.

— Я Эрпандо де Сан-Мигель, капитан на службе короля, и меня прислал губернатор сеньор епископ Рампрес склонить вас к миру, а если вы станете упорствовать в своих мятежных действиях, объявить вам беспощадную войну.

— Сеньор капитан Сан-Мигель, — возразил Эврикильо, — если вы пришли для мира, зачем говорите вы о войне?

— Я пришел для мира, сеньор Эврикильо, — смягчив тон, сказал Сан-Мигель, — и бог не позволит, чтобы мне пришлось пойти на вас войной.

— На каких условиях вы предлагаете мне сложить оружие? — спросил Эврике.

— Друг мой, — с прямотой солдата ответил старик. — Это разговор долгий, а солнце того гляди растопит нам мозги.

— Хотите ли вы, чтобы мы подошли поближе друг к другу?

— Разумеется, хочу. За этим я и пришел.

— Тогда отошлите ваших людей. Пусть с каждой стороны останется по одному дозорному, и в тени вон того дерева мы сможем поговорить спокойно.

— Согласен, касик, — ответил Сан-Мигель.

Через несколько минут Эврикильо был уже у подножья горы и, опершись о копье, смело прыгнул через поток и очутился недалеко от испанского воссначальника.

— Отменный прыжок, касик, слава бог! — воскликнул пораженный Сан-Мигель.

— В моем возрасте вы, наверно, и не то делали, капитан, — любезно ответил Эврикильо. — Я видел, как вы, словно юноша, взбирались и спускались по кручам.

— Все же не припомню за всю свою жизнь такого прыжка, — возразил старый боец. — Что ж, поговорим о деле.

И он прямо и открыто изложил Эврикильо сущность поручения губернатора. Касику предлагается сложить оружие, причем сам прелат из уважения к высоким достоинствам Эврикильо, проявленным во время восстания, ока-

жет ему неограниченную помощь и поддержку, обещая полное благоволение и сохранение достоинства и свободы ему и всем индейцам, которые сражались и жили у него под началом.

Кроме того, разумелось, что каски вернет золото, захваченное на испанском корабле, и положит конец грабёжам Тамайю.

Эприке, как обычно, говорил мало, но хорошо. Он сказал, что не питает ненависти к испанцам, напротив, любит многих из них и хранит к ним благодарность. Но злых людей больше, чем добрых, и они сильнее, поэтому он вынужден был добиваться свободы и справедливости, положиться на силу оружия и на защиту неприступной сьерры, где не совершил ничего, в чем мог бы раскаиваться. Добавив, что готов согласиться на предложения сеньора епископа, он попросил лишь дать ему время устранить все преграды на пути к примирению, на которое никогда не пошел бы, если бы не был уверен, что обещанные ему блага разделят с ним все его соотечественники.

Что же касается укрощения Тамайю, то тут каски обещал сделать все от него зависящее. Золото и жемчуг, привезенные с материка, он готов вернуть немедленно, если ему дадут слово не тревожить Баоруко новыми вооруженными нападениями. Сан-Мигель согласился на это условие, и они уговорились, что на следующий день в указанном месте Энрикильо передаст Сан-Мигелю сокровища, которые лишали покоя представителей власти, но не слишком привлекали повстанцев Баоруко.

Заключив переговоры, Энрикильо и Сан-Мигель дружески простились, и каждый вернулся к своему войску. В это время раздались далекие сигналы морских раковин, возвещавшие о том, что Васа ведет собранные им в горах боевые отряды. Энрикильо из предосторожности оставил всех воинов при себе.

На следующий день в условленный час в условленное место, под охраной Мартина Альфаро и отряда вооруженных индейцев, были доставлены пресловутые сокровища. Они лежали на толстой циновке, под навесом из зеленых ветвей, странно выглядели сваленные в кучу золотые слитки и гора мерцающего белого жемчуга на этой грубой подстилке. Кругом были разложены другие циновки или щиты из ветвей, а на них — обильные яства для угощения кастильских гостей.

Сан-Мигель, довольный успехом экспедиции, прибыл во главе своих блестящих воинов, маршировавших с разнернутыми знаменами под воинственные звуки труб и барабанов. Распространено мнение, будто в сердце Эрикильо, поджидавшего капитана под навесом, проснулись подозрения. Увидев торжественное шествие и корабль, приближавшийся к берегу на всех парусах, чтобы принять на борт участников похода и возвращенные сокровища, недоверчивый касик укрылся в лесу под предлогом внезапного недомогания. Нам кажется более сообразным с характером Эрикильо и обстоятельствами дела предположить, что осторожный касик, не желая связывать себя окончательным соглашением, предпочел вообще не появляться, сославшись на упомянутую причину. Эррандо де Сан-Мигель, хотя и был огорчен отсутствием Эрикильо, отдал честь угощению и вместе со своими товарищами по оружию вернулся в Санто-Доминго, не менее гордый, чем Павел Эмплий, который привез в Рим все богатства побежденного македонского царства. Однако старый капитан не встретил приема, который он заслужил. Честность Эрикильо восхвалялась по всему острову, имя его прогремело во всем испанском мире и вслед ему неслись хвалы и благословения. Такова сила золота! Меж тем злосчастный Сан-Мигель слышал лишь горькие упреки за якобы неумное и нескромное торжество, которым хотел старый боец отпраздновать мирное соглашение с индейцами. Никто не сомневался в том, что этот невинный поступок помешал привести касика к покорности. Такова сила неблагодарности!

LI МИР

Эрикильо оказалось нетрудно вновь подчинить своей власти неукротимого Тамайю. Он послал к нему гонцом своего племянника Ромеро, и — поскольку злопамятный индеец уже пресытился кровавой мстью, а Бадильо и его бывшие тираны покинули Ла Магуану из страха перед стремительными как бросок тигра набегами, опустошавшими их асьенды и грозившими их жизни, — Тамайю,

который всем сердцем любил Эприкьяльо и хотел снова быть вместе с ним, обрадовался, получив послание, призывавшее его в Баоруко, и немедленно отправился в путь со своими людьми и богатым запасом продовольствия, оружия и других ценностей, завоеванных в удачных побегах. В дальнейшем он никогда не давал Эприкьяльо поводов для жалоб и подчинялся ему во всем, являя пример послушания и кротости.

Впрочем, было вполне естественно, что в душе у Тамайо, да и у остальных повстанцев угасли воинственные чувства. Миссия падре Ремоньо и короткий мирный поход Сан-Мигеля оставили о себе самую благоприятную память. Теперь индейцы нередко спускались с гор в долину и почти свободно общались с жителями ближних поселков. По зрелом размышлении Эприкьяльо считал возможным пойти на окончательное согласие, которое обеспечило бы полную свободу всем индейцам Эспаньолы — давая цель его благородных чаяний, являвшаяся ему как неясная мечта, порожденная усталым воображением. Он мог погибнуть в любой день: смерть рано или поздно призовет его. А тогда какая судьба ждет его обожаемую супругу? Чем кончится восстание в Баоруко для бедных индейцев? Если же во время своей бранный жизни он, Эприкьяльо, благодаря своему героизму и человеколюбию, добьется от кастильской метрополии торжественного призывания прав свободных людей за всеми уроженцами Эспаньолы, то можно ли желать лучшей награды и лучшего венца его испанскому подвигу?

Такова и была счастливая развязка долголетнего восстания в Баоруко. В один прекрасный день в столицу Эспаньолы прибыл доблестный капитан Франсиско де Баррио-Нуэво. Его прислал прославленный император и король, вместе с двумя сотнями старых бойцов из своих итальянских легионов, на том самом корабле «Империял», на котором державный повелитель недавно вернулся из германских владений в Испанию.

Баррио-Нуэво получил настоятельный приказ от монарха умиротворить остров Эспаньолу и склонить касика дона Энрике к полюбовному соглашению. Великодушный Карл V благоволил послать Эприкьяльо милостивую грамоту, в которой выразил уважение к его высоким личным достоинствам и признал основательными причины, вызвавшие восстание. Король обещал полное прощение и

неограниченную свободу касику и его соратникам; предлагал в дар землю и стада из коронных владений в любой части острова по выбору доня Эрике для него и всех его подданных, которыми он будет править до конца своих дней.

Это лестное и почтенное для Эрикильо послание было вручено императору доносенными епископа губернатора Рамиреса, судьи Алонсо Суасо и прочих властей Эспаньолы.

Баррио-Нуэво объявил о своих полномочиях судьям и коронным чиновникам острова, собравшимся под председательством молодого адмирала Луиса Колумба, сына покойного доня Диего и доньи Марии де Толедо. Епископ Рамирес был к этому времени назначен в Мексику, где подтвердил всеобщее высокое мнение о его добродетелях и политических талантах.

Долго обсуждалось на упомянутом собрании, каким способом исполнить монаршую волю, поскольку Баррио-Нуэво никому не хотел уступать опасную честь самолично отправиться в горы для мирных переговоров с Эрикильо. Достойный капитан осуществил свое намерение, претерпев немало трудностей и опасностей, ибо недоверчивый вождь Баоруко долгое время избегал встречи с послом короля и согласился на нее, лишь побежденный терпением и бесстрашием Баррио-Нуэво, который пришел к нему почти совсем один, выказав полное презрение к смерти и предпочитая «умереть в поисках индейцев, — как сказал он своим оробевшим спутникам, — чем пренебречь своим долгом, не выполнив наказа повелителя умиротворить этот край».

Свидание, как и можно было предположить по всем известным нам обстоятельствам, было вполне дружеским. Эрикильо, в знак покорности, возложил на голову послание императора и горячо обнял благородного и отважного посла, которому все помощники касика оказали добрые же знаки искреннего дружелюбия.

Три дня пользовался Франсиско де Баррио-Нуэво гостеприимством Эрикильо и его супруги и покинул их после того, как заключил с касиком торжественное соглашение, основанное на обещаниях и обязательствах, данных его императорским и королевским величеством. Добившись успеха, умиротворитель вернулся морем в Санто-Доминго. Привезенная им весть вызвала ликование во всей

колонии. Эрикильо и Менени были посланы в дар из столицы драгоценности, шелка и статуи святых, как от самого Баррио-Нуэво, так и от других представителей власти.

Падре Бартоломе Лас Касас разделял общую радость по случаю счастливого события. Получив разрешение высших духовных лиц, он покинул стены монастыря и отправился в Баоруко, где Эрике, Менени и все обитатели сьерры встретили его хвалой и песнопениями как ангела-хранителя подейцов. Лас Касас провел в горах две недели, отправляя церковную службу, читая проповеди и совершая таинства. Кроме того, Лас Касас убедил Эрикильо завершить начатое дело и выйти из своего убежища, чтобы заключить полный мир с представителями власти великодушного монарха, который доказал свое милосердие и щедрость. Слепое доверие, какое питал Эрикильо к достойному наставнику, помогло ему побороть последние подозрения, и он решил отправиться вместе со своим покровителем в Асуа, где его с великим почетом встретили рехидоры и все население, дружно воздавшее хвалу мужеству и добродетелям героя Баоруко.

В церкви Асуа падре Лас Касас совершил обряд крещения над Тамайо. Отважный индеец обратился, когда на примере Эрнандо Сан-Мигеля и Франсиско де Баррио-Нуэво увидел, что лучшие испанские воины человеколюбивы и доброжелательны, а узнав о письме Карла V к Эрикильо, убедился, что великие христианские государи поистине великодушны.

Касик дон Эрике, удовлетворенный всем увиденным в Асуа, вернулся в Баоруко и приступил к выполнению договора с капитаном Баррио-Нуэво. Один день он посвятил молитве на могиле бессмертного Гуароа. В эти часы душа живого слеплась с душой великого усопшего! Затем касик собрал своих людей и вывел их из гостеприимного убежища. Когда величественные горы почти исчезли из виду, Эрике повернулся и бросил на них последний взгляд. «Прощайте!» — раздалось едва слышно, и скудные слезы незаметно скользнули по мужественному лицу вождя.

Таков был конец знаменитого восстания Эрикильо, который более тринадцати лет победоносно сопротивлялся силе оружия, коварству и лживым посулам. Справедливость и милосердие великого монарха, терпеливое са-

моотреченно заслуженного война нашли единственный путь для удовлетворения мужественного протеста страждущей расы против произвола и насилия. Урок — не пошедший на пользу, пример — научивший немногих.

Его великая нравственная сила, освященная опытом, получила признание лишь в наши дни, через три с половиной столетия.

Переезд касика допа Энрике с супругой в Санто-Доминго превратился в череду непрерывных торжеств, которыми наперебой старались почтить их жители всех лежавших на пути селений. В столице власти, клир и горо-

жане устроили им пышный и восторженный прием: все хотели увидеть и поздравить счастливого вождя.

Эприке и Менсия встретились со многими друзьями былых лет, в том числе с неизменно любящей их доньей

Леопор и с Эльвирой Пименталь — теперь вдовой раскаявшегося грешника Андреса де Валенсуэлы.

Условия, принятые в Баоруко, были строго выполнены испанскими властями, и дон Эприке выбрал для своей резиденции живописную и плодородную местность у подножия гор Сибао, недалеко от Санто-Доминго. Там основал он город, существующий и поныне под именем Санта-

Мария де Бойа — священный приют, где наконец узнали мир и свободу остатки несчастных племен Гаити. Разумная политика испанского правительства в колонии взяла верх, и воля Карла V полностью восторжествовала.

До конца своих дней правил дон Энрике этим городом, который насчитывал четыре тысячи жителей (таково было уцелевшее индейское население Эспаньолы). Но недолго он прожил после своей славной победы; ни любовь и покловетки соплеменников, ни искреннее уважение испанцев не могли отнять его у безжалостной смерти.

Герою устроили пышные похороны в Санто-Доминго. Его добрая прекрасная подруга дождала до глубокой старости и на долгие времена запечатлела свою супружескую верность, построив красивую церковь в Бойа, которая послужила достойной усыпальницей праху Энрикеильо.

Это имя живет и будет жить в веках. О нем напомяст большое озеро, названное в честь касика. А величественные горы Баоруко, до самых туч возносящие сквозь синеву небес свои грозные вершины, вечно славят в красноречивой немоме немеркнущую память Энрикеильо.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 34. *Франсиско Ролдан* — участник первого плавания Колумба, один из наиболее влиятельных колонистов Эспаньолы, занимал должность главного судьи острова. Осенью 1496 г., после того как Колумб временно покинул Эспаньолу, отправившись в третью свою экспедицию, в Изабелле обстановка чрезвычайно обострилась. Испанские колонисты страдали от лихорадки, припасы, доставленные из Испании, были на исходе; брат Христофора Колумба, Бартоломё, оставленный в качестве правителя острова, желая облегчить положение колонии, принял меры, которые влияли раздражение у поселенцев. Ролдан открыто выступал против Бартоломё Колумба. Возглавляемая им банда мятежников разгромила склады, захватила арсенал, перерезала скот и затем направилась в долину Вега-Реаль, надеясь овладеть незадолго до этого построенной там крепостью Колсенсьон. Попытка эта не удалась, и Ролдан бежал на юг острова, в область Харагуа, где он и его приспешники творили чудовищные злодеяния — жгли индейские селения, насильствовали женщин, упражнялись в стрельбе из луков по живым мишеням.

Когда Колумб 31 августа 1498 г. возвратился на Эспаньолу, он попытался мирным путем договориться с Ролданом. В ноябре 1498 г. с ним подписано было соглашение, по которому большинству его сторонников обещано было возвращение в Кастилию на счет казны. Корабли, которые в январе 1499 г. должны были доставить приверженцев Ролдана в Испанию, были рассеяны бурей. Тогда Ролдан объявил соглашение недействительным. Мятеж продолжался, и только в сентябре 1499 г. в селении Асуа подписано было новое соглашение, по которому за Ролданом сохранялась должность главного судьи, а сто два его сторонника получили крупные земельные наделы с индейцами, прикрепленными к этим падедам. Это репартименто по масштабам своим превосходило

раздачи 1496 и 1497 гг., причем «рожданинцы» получали индейцев и земли в различных частях острова.

Стр. 51. *Диего Веласкес* (1465—1522). — До прибытия на Эспаньолу Диего Веласкес семнадцать лет служил в кастильской армии и участвовал в войнах с Францией и с маврами Гранады. На Эспаньоле был правой рукой Николаса Олалдо, предпринял несколько походов в Харагуа и в северо-западные области острова. В 1511 г. был послан на Кубу; завоевал ее, основал города Сантьяго и Гавану и был назначен губернатором этого острова. Веласкес был одним из наиболее жестоких конкистадоров и в своих походах свирепо расправлялся с индейцами. Лас Касас, который участвовал в кубинской кампании, осуждал Веласкеса за его жестокость и, в частности, за то, что он живьем сжигал индейцев. Когда Веласкес, перед тем как отплыть касика Атуэя на костер, стал убеждать его принять христианство, тот ответил: «Я не хочу быть христианином, ибо тогда на том свете мною снова придется встретиться с такими жестокими людьми, как ты».

Стр. 63. *Игуана* — крупная ящерица с очень длинным хвостом. Водится на Антильских островах и в Южной Америке. Ее мясо съедобно, и индейцы на Эспаньоле охотно ели его.

Стр. 65. *Лиценциат* — ученая степень, которая давала право на чтение лекций в университетах. Лиценциаты были выше бакалавров и ниже магистров.

Стр. 72. *Кискейя* (страна людей) — старое, доиспанское название острова Эспаньолы. Другое его название, официально принятое в настоящее время, — Гаити (страна холмов). Индейцы произносили его с ударением на последней гласной. *Каонабб* — глава племенного союза (кастик) области Магуана. *Гуарионекс* — кастик племенного союза области Магуа. *Майобанекс* и *Атуэй* — индейские вожди, которые прославились в борьбе с конкистадорами. Атуэй бежал из Эспаньолы на Кубу и там активно боролся против Веласкеса (см. прим. к стр. 51). *Клио* — в древнегреческой мифологии — муза истории.

Стр. 74. *Диего Мендес* — участник четвертого, последнего, плавания Колумба, верный друг Великого мореплавателя, обеспечивший спасение всей его экспедиции. На обратном пути от берегов Центральной Америки в Европу Колумб вынужден был остановиться на Ямайке, причем корабли экспедиции пришлось втащить на сушу — для дальнейшего плавания они были непригодны. Диего Мендес и генуэзец Бартоломео Фреско на каное отправились по поручению Колумба на Эспаньолу; там Диего Мендес, преодолев сопротивление Овалдо, который не желал оказывать

помощи бывшему правителю Индии, купил корабль, нагрузил его съестными припасами и отправил на Ямайку. Колумб на корабле, приобретенном Мендесом, добрался до Испании. На Ямайке он пробыл целый год. Мендес надолго пережил Колумба и в своем завещании, составленном в 1536 г., описал события четвертого плавания.

Стр. 77. *Гранада* — столица мавританского государства в южной Испании, завоеванного Изабеллой и Фердинандом в 1492 г.

«Сьерра Эспанья», точнее «Сантьяго и сьерра Эспанья» («Святой Иаков и защита Испании») — боевой клич воинов реконкисты; с этим возгласом шли в битву воины Сида Кампеадора в XI в.

Стр. 83. *Игуэй* — область в восточной части Эспаньолы, подверглась опустошению позже, чем Магуана, Магуа и Харагуа. Касик Котубапамá, который правил в южной части этой области, был разгромлен своим «другом» Эскивелем в 1504 г. Котубапама был схвачен, доставлен в Санто-Доминго и повешен.

В этом поначалу скромном монастыре получили религиозное воспитание многие касики острова. — Об истинной цели религиозного воспитания детей индейских касиков см. предисловие, стр. 20.

Антонио де Эспиналь. — В 1512 г. Эспиналь принял на себя весьма неблагоприятную роль. Он отправился в Испанию в качестве представителя колонистов, отстаивавших свое право на владение индейцами (см. предисловие).

Стр. 85. Овандо действовал в соответствии с тайными инструкциями, которые даны были ему не только Фердинандом, но и Изабеллой. Королева и король, отрешив Колумба от должности вице-короля Индии и послав его затем в чреватое опасностями четвертое плавание, не желали, чтобы адмирал заходил по пути на Эспаньолу, хотя гавань Санто-Доминго была единственной базой в Новом Свете, где можно было отремонтировать суда и записаться продовольствием. Колумб в письме, которое он написал королевской чете на Ямайке, прямо указывал: «...мне было приказано от имени их высочеств (то есть Изабеллы и Фердинанда) не подходить к Эспаньоле».

Стр. 88. *...он заранее предсказал наступающее лунное затмение и объяснил его как знак гнева божьего...* — Колумб «предсказал» дату лунного затмения, заранее известную ему по астрономическим таблицам (эфemerидам). Затмение произошло 29 февраля 1504 г. и «пророческий дар» адмирала произвел столь глубокое впечатление на индейцев, что они с той поры не осмеливались отказывать ему в поставках съестных припасов.

Стр. 89. *Фернандо* (Фердинанд) *Колумб* (1488—1539) — второй сын Колумба; мать его Беатриса Энрикес не состояла в браке с Христофором Колумбом, и поэтому он не считался законным сыном адмирала. В четырнадцатилетнем возрасте Фердинанд Колумб отправился с отцом в четвертое плавание и своим мужеством и энергией заслужил всеобщее уважение моряков. Фердинанд Колумб основал в Севилье библиотеку, в которой собрал множество материалов, связанных с экспедициями отца. Ему приписывают труд «История жизни адмирала» — обстоятельную биографию Христофора Колумба.

Стр. 90. *Франсиско Норрас* — участник четвертого плавания, капитан корабля, вместе со своим братом Диего Норрасом, коронным чиновником при эскадре, во время вынужденной стоянки на Ямайке вовлек часть экипажа в заговор, последствием которого был мятеж, разразившийся в январе 1504 г. Франсиско Норрас, жестоко оскорбив Колумба, на местных каноях отправился к берегам Эспаньолы с группой самых сильных и здоровых моряков, бросив на произвол судьбы адмирала. Бури помешала ему осуществить свой замысел, и он вынужден был возвратиться на Ямайку.

В мае 1504 г. Франсиско Норрас снова выступил против Колумба, и на этот раз дело дошло до вооруженного столкновения, в котором брат адмирала Бартоломе Колумб был ранен, а несколько заговорщиков погибли. Норрас был взят в плен и арестован, но когда Колумб прибыл на Ямайку, Оваидо освобождал главаря мятежников, заявив при этом, что на территории Эспаньолы действительны лишь его собственные распоряжения. Но, взяв под защиту Норраса и обвинив Колумба в «пролитии христианской крови», Оваидо превысил данные ему полномочия; опасаясь, что королева (а ее фарисейский нрав Оваидо знал хорошо) не поддержит открытый процесс против Колумба, Оваидо в конце концов отказался от судебного преследования адмирала.

Стр. 91. Колумб действительно осуждал Оваидо за жестокости, совершенные им по отношению к индейцам, но, справедливости ради, нельзя не отметить, что карательные походы против коренных жителей Эспаньолы и раздачи индейцев колонистам начались не при Оваидо, а в ту пору, когда Эспаньолой управлял Колумб и участь касика Каонабо была не менее печальной, чем судьба Авакаоны.

Бартоломе Колумб (1445—1514) — брат Христофора Колумба, был ближайшим помощником адмирала. С марта 1496 по сентябрь 1498 г., в то время, когда Христофор Колумб находился в третьем своем плаваньи, Бартоломе от его имени правил островом. Титул аделантадо присваивался испанской короной перво-

открывателям, которые предпринимали экспедиции в Новый Свет. Аделаптадо пользовались весьма широкими правами на новооткрытых территориях и выполняли функции правителя, судьи и верховного военачальника. Однако корона, после того как аделаптадо завершил открытие и завоевание новой земли, под тем или иным предлогом заменила его «заурядным» чиновником.

Следует отметить, что Бартоломе Колумб получил звание аделаптадо не от коронных властей, а от своего брата, и Изабелла была чрезвычайно недовольна этим «самоуправством» адмирала. Должность свою Бартоломе Колумб утратил в 1500 г., но до конца дней носил титул аделаптадо. Он принимал участие в четвертой экспедиции и подавил на Ямайке мятеж Порраса.

Стр. 97. *Квинт Руф* (I в. н. э.) — римский историк, автор «Истории Александра Великого». *Валерий Максим* (I в. н. э.) — автор весьма популярного собрания исторических анекдотов, в котором содержится много самых разнообразных сведений о выдающихся деятелях, греческих и римских. *Тит Ливий* (59 г. до н. э. — 17 п. л.) — один из наиболее выдающихся римских историков, автор «Истории Рима» в ста сорока двух книгах.

Стр. 99. *Диего Колумб* (1480—1526) — старший сын Христофора Колумба, с 1509 по 1524 г. (фактически с 1509 по 1514 и с 1520 по 1523) адмирал Индии и правитель Эспаньолы.

Диего Колумб воспитывался при кастильском дворе, получил хорошее образование и, по свидетельству историков XVI в., был человеком благородным и мягкосердечным, но слабохарактерным и легко поддающимся как хорошим, так и дурным влияниям. Его женитьба на Марии де Толедо ввела его в круги высшей кастильской знати и обеспечила поддержку главы рода Толедо герцога Альбы, одного из наиболее влиятельных сановников короля Фердинанда.

В предисловии уже отмечалось, что Изабелла и Фердинанд, предоставив в 1492 г. Христофору Колумбу наследственные права на управление всеми новооткрытыми землями и титул вице-короля и адмирала этих земель, в 1500 г. сместили его, устранив от участия в делах заморских колоний. При этом они лишили его права, обусловленного соглашением 1492 г., на получение десятой части всех доходов от новооткрытых земель и восьмой части прибыли от торговли с этими землями.

Формально Диего Колумб, как законный наследник, имел право и на титулы, и на должности, и на доходы, пожалованные в 1492 г. его отцу. В 1508 г. он начал тяжбу с короной.

В Испании фарисейски соблюдалась юридическая обрядность, в тяжбе этой был дан ход. Темп судебного разбирательства

оказался, однако, по слишком «быстрым» — процесс о наследство Христофора Колумба и общей сложности длился сто семьдесят два года.

На первом этапе, с помощью герцога, Диего Колумб добился успеха. Королевский совет Кастилии, вопреки желанию Фердинанда, подтвердил права Диего Колумба. Король в феврале 1500 г. вынужден был назначить его адмиралом и вице-королем, но при этом Фердинанд оговорил, что назначение это сугубо временное («доколе на то будет моя милость и воля»).

Новый вице-король окружен был королевскими агентами, и вся реальная власть находилась в руках казначея Мигеля Пасамонте и секретаря Лопе Ковчильоса, бесчестных интриганов, которые спосились с королем через голову вице-адмирала и обогащались на раздачах энкомьенд.

В 1511 г. Фердинанд предпринял меры, которые свели к пустой фикции права и привилегии Диего Колумба. Во-первых, в Испании учрежден был Совет по делам Индий, орган, которому отныне подчинялись все должностные лица в заморских землях, включая вице-короля; во-вторых, в ведении Диего Колумба оставлен был только остров Эспаньола, причем он лишен был права распорядиться укрепленными пунктами на этом острове; в-третьих, урезаны были его полномочия. На Эспаньоле учрежден был апелляционный трибунал, и судьи этого трибунала получили право пересматривать и отменять решения вице-короля; в-четвертых — Совету по делам Индий присвоено было право резиденции (резиденции) деятельности всех наместников в заморских землях.

В феврале 1512 г. Диего Колумб обжаловал это решение, но добиться ему ничего не удалось. Более того, теперь в качестве истца выступила корона.

Дело в том, что лишить юридической силы соглашение, заключенное в 1492 г., можно было только в том случае, если удалось бы доказать, что Новый Свет открыт был не Колумбом, а каким-либо другим лицом. И коронные клезушники вспомнили о Мартине Алонсо Пинсоне, капитане одного из кораблей первой экспедиции Колумба. Составлена была анкета, которую раздали участникам этого плавания. Вопросы этой анкеты были сформулированы так, чтобы каждый, кто давал на них ответ, заведомо мог знать, что именно от него требуется королевским властям, а власти желали доказать «приоритет» Пинсона. К 1515 г. собран был огромный материал, ценность которого оказалась, впрочем, весьма сомнительной.

Годом раньше Диего Колумб утратил право на раздачу энкомьенд. Лишившись фактически власти на Эспаньоле, он решил

отправиться в Испанию, где его присутствие могло ослабить кипучую активность корошных юристов. В Испании он пробыл с 1515 по 1520 г. Он опроверг обвинения, основанные на хитроумных «проциссоповских» анкетах. Тем временем на Эспаньоле хозяйничали отцы перошмиты и ревизор Родриго де Фигуроа (см. предисловие, стр 26). Затем Диего Колумб возвратился на Эспаньола, но в 1523 г. снова вынужден был явиться ко двору, так как коронные юристы собрали против него новые материалы. В 1524 г. управление Эспаньолой было передано аудиенсии, трибуналу, который осуществлял и судебные и административные функции. Диего Колумб умер в Испании (в 1526 г.), а его вдова Марья де Толедо силицу в руках предпочла журавлю в небе и подписала с Карлом V соглашение, по которому от имени своего сына Луиса отказывалась от притязаний на наследство Христофора Колумба. За это Луису Колумбу пожалован был титул герцога Верагуа и наследственная рента. На этом, однако, тяжба наследников Колумба не закончилась; претензии внуков, правнуков и праправнуков Великого мореплавателя в испанских судах рассматривались вплоть до 1680 г.

Стр. 99. *Материк* (Tierra Firme) — буквально «сухая», «твердая земля»; так называлось в ту пору северное побережье Южной Америки.

Стр. 105. *Королевство Леон* (Леон — область в северо-западной Испании) — слилось с Кастилией в XIII в.; королевством эта область продолжала, однако, называться и в последующие времена.

Стр. 117. *Апелляционный суд* — судебный орган, который имел право отменять решения вице-короля. Учрежден был, чтобы ограничить права Диего Колумба. Члены его назывались судьями-резидентами.

Стр. 119. *Резидоры* — колонисты-испанцы, занимавшие выборные должности в местных органах управления.

Стр. 122. «*Великий капитан*» Гонсало де Кордова (1453—1515) — прославленный испанский полководец; в 1492 г. взял Гранаду. В 1495—1496 и 1503—1504 гг. отличился в войнах с французами и одержал над ними ряд побед в Южной Италии.

Стр. 123. *Антонио Эррера де Тордесильяс* (1559 — 1625) — испанский историк, автор многотомного труда об истории завоевания Нового Света; Эррера широко использовал рукописи «Истории Индии» Лас Касаса и архивные материалы.

Стр. 125. *Эриан Кортес* (1485—1547) — уроженец города Медельина в провинции Эстремадура. Из этого «тощего» уголка Кастилии вышло немало рыцарей конквисты, «прославившихся» в Новом Свете своими кровавыми делами. Кортес был сыном вдальго

старинного, но оскудевшего рода. Он учился в Саламанкском университете, но не кончил его; несколько лет скитался по Испании и в 1504 г. отправился на Эспаньолу. Здесь он получил от Овандо репартименты в области Харагуа, и пост нотариуса в селении Асуа. Он принимал участие в походах Веласкеса и в 1511 г. отправился с Веласкесом на Кубу, где получил земли и индейцев в окрестностях Сантьяго. Когда в 1518 г. Хуан Грихальва, посланный к берегам только что открытого Юкатана, доставил на Кубу вести о богатствах новооткрытых земель, Веласкес приказал снарядить новую экспедицию; опасаясь назначить ее начальником Грихальву, он остановил свой выбор на Кортесе. Кортес набрал отряд из 508 человек, быстро снарядил экспедицию, и когда Веласкес, подозревая, что Кортес собирается завосывать ювью страны для себя, а не для своего шефа, предпринял попытку сместить Кортеса, тот ответил ему дерзким отказом, немедленно вызвал корабли в море и направился к берегам Мексики.

В 1519—1522 гг. Кортес, используя межплеменные усобицы, завоевал государство ацтеков, разорил и разграбил его столицу Теночтитлан и преподнес растоптанную конкистадорами страну испанской короле.

В последующие годы он завоевал огромную территорию (почти всю Мексику, Гондурас, Гватемалу), причем в походах этих истреблены были десятки тысяч индейцев. Кортес долгое время был вице-королем Мексики (Новой Испании) и владел по праву энкомьенды двадцатью тремя тысячами индейцев.

Стр. 131. *Коронный контадор* — должностное лицо, которое ведало всеми денежными расчетами в Индии.

Стр. 132. *Хуан де Грихальва* (ок. 1490—1527) — в отличие от Кортеса, был человеком долга, и именно поэтому судьба его сложилась далеко не столь удачно. Он прибыл на Эспаньолу при Овандо, участвовал в походах на Ямайку, причем нигде не запятнал себя жестокими расправами с индейцами. Около 1512 г. он отправился на Кубу и в 1518 г. был послан Веласкесом для обследования берегов Юкатана, незадолго до того открытых Франсиско Эрнандесом де Кордовой.

Грихальва мог предпринять на свой риск и страх такой же поход в глубь страны, который год спустя прославил Кортеса, но он честно выполнил поручение Веласкеса и возвратился на Кубу, обследовав берега Юкатана и побережье Табаско — области, лежащей к северу от этого полуострова. В Табаско он был встречен посланцами Монтекумы, верховного вождя ацтеков, от которых испанцы получали подробные сведения о богатствах внутренних областей Мексики.

Фактически Мексика была открыта Кордовой и Грихальвой. Веласкес не доверял Грихальве и на горе себе поставил во главе новой экспедиции Кортеса. В дальнейшем Грихальва принимал участие в завоевании Центральной Америки и погиб в Никарагуа.

Стр. 135. *Хуан Понсе де Леон* (1460—1521) — один из ветеранов конкисты (на Эспаньоле он прибыл со второй экспедицией Колумба). В 1508 г. приступил к завоеванию острова Пуэрто-Рико, открытого Колумбом в 1493 г., и в 1510 г. назначен был правителем Пуэрто-Рико, в ущерб прерогативам Диего Колумба. В 1513 г. отправился на поиски легендарной страны Бикини, где якобы был из-под земли источник вечной юности, и открыл полуостров Флориду. При завоевании Флориды погиб от раны, полученной в бою с индейцами. *Алонсо де Охеда* (ок. 1465—1515) — подобно Понсе де Леону, принадлежит к числу старейших конкистадоров. Это был отважный авантюрист, которого необыкновенные приключения привлекали в такой же мере, как золото. Он был капитаном конкисты на Эспаньоле (см. предисловие), принимал затем участие в экспедиции, которая в 1499—1500 гг. обследовала северное побережье Южной Америки, только что открытое Колумбом. В 1508—1509 гг. совместно с Диего де Никуэсой, колонистом, долгое время жившим на Эспаньоле, и бакалавром Мартином Эписко организовал экспедицию для открытия и заселения Новой Авдалунии и Золотой Кастилии — областей, расположенных на атлантическом побережье современной Колумбии и Панама. При снаряжении экспедиции ее участники вошли в долги, и, чтобы расквитаться с этими долгами, Охеда, прибыв к месту назначения, начал охоту за индейцами-карибами, с тем чтобы организовать поставку рабов на Эспаньоле. Карибы оказали отчаянное сопротивление и перебили большую часть захватчиков. Охеда добрался до Дарьенского залива и заложил там крепость. Он в зародыше подавил назревавший мятеж, некоторых своих соратников казнил, некоторым отрубил языки, уши и пальцы. Но обосноваться в Дарьенском заливе Охеде не удалось, и он, покинув свою колонию, отправился на Эспаньоле, где вскоре умер.

В дарьенской экспедиции участвовали два прославившихся впоследствии конкистадора — Васко Нуньес Бальбоа (он в 1513 г. открыл Тихий океан) и Франсиско Писарро, завоеватель Перу. Бальбоа тайно примкнул к экспедиции Охеды (по одной из версий, он спрятался в пустой бочке, которую вкатывал на корабль этой экспедиции).

Никуэса, который действовал независимо от Охеды в Золотой Кастилии (атлантическое побережье Панама), основал здесь поселение Номбро-де-Дьос. Неподалеку от Номбро-де-Дьос

поселился и Бальбоа, который увел колонистов из Дарьена. Никуэса пытался отнять у Бальбоа золото, добытое в Золотой Кастилии, то есть на территории, где «хозяином» считал себя Никуэса. Бальбоа схватил Никуэса, посадил его на старый корабль и отправил без съестных припасов в открытое море. Судно это, по всей вероятности, вскоре затонуло вместе с Никуэсой.

Стр. 179. *Родриго де Бастидас* (ок. 1460—1526) — неутомимый путешественник, который в поисках наживы совершил несколько плаваний к берегам Южной Америки. В 1500—1502 гг. обследовал участок северного побережья южноамериканского материка. Был арестован посло высадки на Эспаньоле Бобадильей, который обвинил Бастидаса в незаконной торговле, просидел год в тюрьме и затем оправдан был Овандо.

В 1525 г. основал город Сапта-Марта на атлантическом побережье Колумбии. Лас Касас отмечает, что Бастидас хорошо обращался с индейцами и порицал тех, кто их угнетал.

Стр. 182. *Сан-Хуан* — название острова Пуэрто-Рико, давнее Колумбом. Так же назывался город, основанный Понсе де Леоном. В 1511 г. Понсе де Леон, как уже отмечалось, назначен был правителем Пуэрто-Рико вопреки Диего Колумбу и отчасти благодаря своим связям с Мигелем Пасамонто.

Хуан Родригес де Фонсека (1451—1524) — на протяжении тридцати с лишним лет был «ключником» новооткрытых земель Нового Света и играл огромную роль в организации экспедиций к американским берегам и в управлении Индиями. Будучи капелланом Изабеллы и севильским архидиаконом, он получил в 1493 г. пост главы особого ведомства, которому поручено было снаряжение второй экспедиции Колумба. Фонсека сосредоточил в руках все нити управления новооткрытыми землями и с исключительной энергией проводил в жизнь политику короны. Он охотно давал искателям приключений разрешение на поиски новых земель (в особенности если такие поиски велись не за счет казны) и подписывал с этими первооткрывателями «капитуляции» (соглашения), которые «гарантировали» им различные права и привилегии. Но менее охотно он отнимал эти права и отчуждал в пользу короны земли, открытые и завоеванные предприимчивыми конкистадорами, которые в конечном счете оставались при ником интересе, как это случилось с Колумбом. Фонсека был циником, и Лас Касас писал, что, снаряжая экспедиции в Новый Свет, он вел себя не как епископ, а как организатор пиратского промысла. Когда Лас Касас как-то сказал Фонсеке, что на его совести слезы, пролитые индейцами, тот смеясь

ответил: «Верно, зато слезы эти отяжились звонкими монетами в моем кошельке».

Фонсека в 1511 г. был назначен президентом Совета по делам Индии. Он срывал все планы Лас Касаса и был главным защитником системы викоменд. Он оказывал большое влияние на короля Фердинанда и после смерти Изабеллы фактически полностью распоряжался заморскими делами.

Стр. 191. *Дарьен* — Атлантическое побережье Папанского перешейка.

Стр. 193. *Предложите адмиралу завоевание и колонизацию острова Хуаны, по-индейски Кубы.* — Лас Касас действительно в 1510 г. отправился с Веласкесом на Кубу; в ту пору он был далек от «индейской политики», но в равной мере далеки были ему и планы «мирной колонизации» Кубы. Веласкес же знал достаточно хорошо, чтобы не связываться с ним проектов создания на этом острове земного рая.

Стр. 201. *Южное море* — так назывался Тихий океан в XVI в.

Стр. 209. Формулы «слушаю (или подчиняюсь) и не повинуюсь» (asato у по сурро; obedesco у по сурро) негласно придерживались все должностные лица в испанских владениях. Только таким образом они избавлялись от необходимости выполнять невыполнимые распоряжения, которые как из рога изобилия сыпались из канцелярий Совета по делам Индии.

Стр. 212. *Главные алькальды* — правители округов, назначаемые вице-королем. Апелляционный суд (см. прим. к стр. 117), был непосредственно подчинен Совету по делам Индии и наделен судебными и административными функциями. Этот орган, ограничивающий власть вице-королей, создан был в 1524 г. Первый апелляционный суд основан был в Санто-Доминго.

Стр. 219. *Новая месса.* — Лас Касас был первым священнослужителем, посвященным в сан на Эсанабале. Вот почему эта процедура названа была Новой мессой.

Стр. 223. *Канарские острова* — известные (под названием Счастливых островов) древним римлянам, были «утеряны» в середине века и вторично открыты в 1342 г. В конце XV в. весь этот архипелаг завоеван был испанцами.

Серторий (убит в 72 г. до н. э.) — римский полководец, оставший против диктатора Суллы. Серторий в течение нескольких лет успешно сражался в Испании против римских войск и был вероломно умерщвлен заговорщиками, подкупленными Римом.

Стр. 223. *Доминиканский орден* — основан был в XIII в. фанатиком и изувером Домиником де Гусманом для борьбы с ере-

сиями, и монахов этого ордена, которые творили вселихаппло зверства при подавлении альбигойских ересей в Южной Францип, называли «псами господяими». Этот орден теснейшим образом был связан с инквизицией. В Испании доминиканцы поставляли основные «кадры» во все инквизиционные трибуналы. Доминиканцем был великий инквизитор Торквемада, с именем которого связаны чудовищные жестокости. Доминиканская община в Санто-Доминго представлена была, однако, достойными людьми, которые первыми выступили против владельцев энкомьенд, обличая их в кровавых преступлениях. Особенно активную роль в этой борьбе, начатой в 1511 г., сыграл Антонио Монтесино, которого поддерживал настоятель доминиканского монастыря в Санто-Доминго Педро де Кордова. Однако высшие орденские власти стремились парализовать деятельность Монтесино и причинили ему и Кордова немало неприятностей. Монтесино, несомненно, оказал большое влияние на Лас Касаса, который позже вступил в доминиканский орден.

Стр. 231. *Мориски* — крещеные мавры; после взятия Гранады множество мавров насильственно было крещено. Это отнюдь не избавило их от преследований инквизиции и от всевозможных притеснений. Морискам и марапам (крещеным евреям) не дозволялось занимать государственных должностей, им запрещен был въезд в Индию. Мориски в течение всего XVI в. подвергались преследованиям, а в 1609 г. были изгнаны из Испании.

Стр. 243. Об истинном характере Бургосских указов см. предисловие. Сердце Эспиналя отнюдь не дрогнуло от увещаний Монтесино; он выполнил свою роль, передав Фомсеке и королю пожелания Пасамонте и других защитников энкомьенд, и проявил себя отнюдь не как соратник Монтесино, который, так же как и Кордова, возмущен был бургосскими законами и бургосскими законниками.

Стр. 248. *Панфило Нарваэс* (ок. 1480—1528) — жестокий и смелый конкистадор, один из ветеранов завоевательных войн в Новом Свете. Прибыл на Эспальолу в 1498 г., принимал участие во многих карательных походах и с 1511 по 1520 г. служил под командой Веласкеса на Кубе, где широко расправлялся с индейцами. В 1520 г. Веласкес направил Нарваэса в Мексику для расправы с Кортесом; однако в битве с Кортесом Нарваэс потерпел поражение и попал в плен.

Кортес освободил его лишь два года спустя. В 1528 г. Нарваэс предпринял неудачный поход во Флориду и погиб на пути в Мексику.

Стр. 262. *Франсиско Эрнандес де Кобдова* — в 1517 г. открыл побережье Юкатана; эта экспедиция отплыла от берегов Кубы и была снаряжена за счет ее участников с ведома Веласкеса. Возвратившись на Кубу, Кобдова умер от ран, полученных в битве с юкатанскими индейцами. Всю славу его открытия присвоил себе Веласкес, которого, в свою очередь, два года спустя обвел вокруг пальца Кортес.

Стр. 263. *Камече* — область на северном берегу Юкатана.

Стр. 269. *Асьенда* — в Испании и в Новом Свете так назывались крупные поместья.

Стр. 303. Прах Христофора Колумба первоначально был похоронен в картезианском монастыре Санта-Мария де лас Куэвас в Севилье, а затем перенесен в Санто-Доминго, в кафедральный собор.

В 1796 г., в связи с тем, что восточная часть Эспаньолы вместе с городом Санто-Доминго перешла во французское владение, останки адмирала перенесены были в Гавапу. Ходили, однако, упорные слухи, что в Гавапу перевезли не прах великого мореплавателя, а останки его сына Диего Колумба.

Стр. 312. После смерти Фердинанда королем Испании стал его внук Карл Габсбург (1500—1558). Матерью его была дочь Наабеллы и Фердинанда — Хуана Безумная, отцом Филипп Габсбург, сын императора Священной Римской империи Максимилиана. По материнской линии Карл унаследовал Испанию со всеми ее заморскими владениями, а по отцовской Нидерланды, Люксембург и Франш-Конте.

В 1519 г. Карл был избран императором Священной Римской империи, и в его власти оказались все германские земли и Чехия. Как король Испании он именовался Карлом I, как император Карлом V.

Карл воспитывался во Фландрии и явился в Испанию в окружении своих фламандских советников.

Стр. 320. *Абенсираги* — знатный род в Гранадском эмирате, с последними представителями которого, жившими в эпоху падения этого царства, связаны различные легенды и предания.

Стр. 336. *Лукайские острова*. — В XVI—XVII вв. так назывались Багамские острова.

Стр. 337. *Алонсо Суасо* — назначен был в 1517 г. судьей-назначаем на Эспаньолу; оказался столь же бессильным, как и поронимиты. Суасо во многом поддерживал Лас Касаса, и его записки о положении на Эспаньоле дают четкое и объективное представление о позициях владельцев энкомьенд и характере борьбы, которую они вели со сторонниками реформ.

Стр. 339. Как уже отмечалось, Карл I (V) явился в Испанию со своими фламандскими советниками. Он не знал их слова по-кастильски, не считался с испанскими сановниками и назначил на ответственный пост канцлера Хуана Сальвадико, а своими первыми советниками сделал своих фаворитов, фламандцев Шьева и де Шоля.

Большую роль играл при дворе нового короля голландец Адриан Утрехтский, профессор Лувенского университета, который стал в Испании великим инквизитором, а в 1522 г. при поддержке Карла был избран папой.

Эта фламандская камарилья захватила в свои руки весь государственный аппарат и, злоупотребляя своим положением, вызвала всеобщее негодование в стране.

Действительной поддержки Лас Касасу Шьев и прочие привозимые советники короля не оказали, да и не могли оказать.

А в 1520 г. в Испании вспыхнуло восстание городов, которое надолго отвлекло внимание королевского двора от заморских дел.

Стр. 343. Диспут Лас Касаса с Кеведо, епископом дарьенским, действительно протекал в весьма торжественной обстановке и закончился блестящей победой Лас Касаса. С Кеведо, однако, Лас Касас после этой дискуссии не сблизился, и надо полагать, что епископ дарьенский не испытывал чувства раскаяния на смертном одре.

Стр. 344. *Апостол Павел* — по преданию, силой своего красноречия убедил в своей правоте римского проконсула Иудей Марка Порция Феста и тем самым избежал суда иудейского царя Агриппы.

Епископ миланский Аверосий (IV в.) — привудил к церковному покаянию римского императора Феодосия Великого за учиненные им жестокости в Греции.

Карл V в 1556 г. отрекся от престола и удалился в 1557 г. в монастырь св. Юста в Эстремадуре. Гальван идеализирует Карла V, придавая ему черты гуманного и отзывчивого правителя. Все царствование Карла V прошло в бесконечных войнах, дипломатических интригах и жестоких расправах с «ересью». При Карле V конкиста в Новом Свете достигла своего апогея, и на всей территории Испанской Америки утвердилась колониальная система с ее чудовищными методами эксплуатации коренного населения.

Стр. 375. *...индейцы были распределены на срок одной жизни.* — Энкомьенды раздавались не навечно, а на определенные сроки. В данном случае имеется в виду энкомьенда, данная на срок жизни ее нынешнего владельца.

Спор о сроках пользования энкомьендами шел между колонистами и короной на протяжении десятилетий, и условия раздачи энкомьенд по раз менялись. Фактически, однако, индейцы чаще всего переходили по наследству, как это случилось и с энкомьендой Франсиско Валенсуэлы.

Стр. 431. Опыт создания «мирной» колонии в Кумана, на венесуэльском побережье, предпринятый Лас Касасом в 1520—1521 гг., оказался неудачным, и не только потому, что «мирные» колонисты, которых Лас Касас подобрал на Эспаньоле, не отвечали своему назначению. Порочной оказалась сама мысль о колонизации еще не обжитых земель при «сотрудничестве» европейских выходцев и индейцев.

Колония быстро захирела, колонисты своими грабежами и поборами вызвали жестокую ненависть у свободолюбивых индейцев Кумана, и Лас Касас, горько разочаровавшись в своих благих замыслах, возвратился на Эспаньолу.

Стр. 433. Законы, принятые в городе Торо (1505), регулировали имущественные отношения, в частности права наследства. Передача имущества лицу, не связанному кровными узами, сопряжена была с обременительными формальностями, и, очевидно, поэтому Веласкес отклонил дар Валенсуэлы.

Стр. 434. *Пелайо* (VIII в.) — испанский воевода, который организовал в горах Астурии стойкое сопротивление маврам в ту пору, когда они покорили весь Пиренейский полуостров; с 718 по 737 г. был королем Астурии, которую он отвоевал у мавров, положив тем самым начало войнам реконкисты.

Стр. 452. *Люций Эмилий Павел* (III—II вв. до н. э.) — римский полководец, в 168 г. до н. э. разгромивший в битве при Пипде македонского царя Персея. В 167 г. завоевал Македонию и возвратился в Рим с несметной добычей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я. М. Сегг.</i> Предисловие	5
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Перешительность	31
II. Разлука	36
III. Волк и овечки	40
IV. Допрос	42
V. Исповедь	45
VI. Бегство	46
VII. Донос	50
VIII. Расследование	53
IX. Погоня	56
X. Контрасты	63
XI. Совещание	67
XII. Сила убеждения	69
XIII. Разочарование	73
XIV. Герой	76
XV. Утешитель	79
XVI. Помощь	81
XVII. Обещание	86
XVIII. Спасение	88
XIX. Предсказание	89
XX. Угасающие звезды	92
XXI. Монастырь	95
XXII. Причина ненависти	99

XXIII. Законные права	102
XXIV. Встреча	104
XXV. Предложение	108
XXVI. Успех	112
XXVII. Наследственные права	116
XXVIII. Перемены	118
XXIX. Частные сообщения	123
XXX. Неожиданные последствия	126
XXXI. Разнообразные впечатления	129
XXXII. Последняя борьба	134

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Наступательный союз	135
II. Горестные поленья	139
III. Представление	142
IV. Письмо	147
V. Советчик	150
VI. Тревога	153
VII. Подозрение	156
VIII. Сообщение	160
IX. Летние тучи	164
X. Смертельный удар	167
XI. Объяснение	173
XII. Отповедь	176
XIII. Компромисс	178
XIV. Смутная надежда	180
XV. Контрасты	183
XVI. Решение	188
XVII. Переговоры	190
XVIII. Соглашение	196
XIX. Герои или безумцы	198
XX. Покорность судьбе	202
XXI. Жертва	204
XXII. Разлука	206
XXIII. Междоусобица	209
XXIV. Посвящение в саи	213
XXV. Вестник	217
XXVI. Памятная месса	219
XXVII. Сотрудничество	221

XXVIII. Признание	225
XXIX. Грозные тучи	227
XXX. Рассказы о привидениях	231
XXXI. Крестовый поход	234
XXXII. Доминикапцы	237
XXXIII. Соль на раны	240
XXXIV. Благочестивое рвение	241
XXXV. Новая отсрочка	244
XXXVI. Тщетные усилия	246
XXXVII. Победитель	247
XXXVIII. Дурные предзнаменования	252
XXXIX. Радостная весть	254
XL. Развязка	256
XLI. Письмо	259
XLII. Пути судьбы	262

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Предательство	265
II. Усадьба	267
III. Характеры	272
IV. Портреты	276
V. Битва	280
VI. Предварительные переговоры	283
VII. Стремление	288
VIII. Неудача	290
IX. Один из многих	295
X. Средства защиты	298
XI. Не та, так другал	302
XII. Апка	306
XIII. Апостол	309
XIV. Призыв	315
XV. Добро пожаловать	318
XVI. Притворство	321
XVII. Импровизация	323
XVIII. Объяснения	330
XIX. Оправдание	332
XX. Резиденция	335
XXI. Коротко о дальнейших событиях	338
XXII. Знаменательное совещание	342

XXIII. Новая жизнь	345
XXIV. Заговор	354
XXV. Первые подозрения	357
XXVI. Предлог	364
XXVII. Новости	364
XXVIII. Встреча	367
XXIX. Право и сила	371
XXX. Улыние	379
XXXI. Новые порядки	381
XXXII. Перемена фронта	384
XXXIII. В горниле	389
XXXIV. Алчпость	390
XXXV. Баоруко	393
XXXVI. Дурные вести	396
XXXVII. Уточнение	398
XXXVIII. Удовлетворение	400
XXXIX. Законные пути	403
XL. Последнее испытание	406
XL1. Восстание	408
XLII. Свобода	413
XLIII. Перст божий	417
XLIV. Война	424
XLV. Обращение	430
XLVI. Разум против силы	433
XLVII. Слишком высоко	435
XLVIII. Перемены	440
XLIX. Уговоры	443
L. Хорошие предзнаменования	446
L1. Мир	452
Комментарии	461